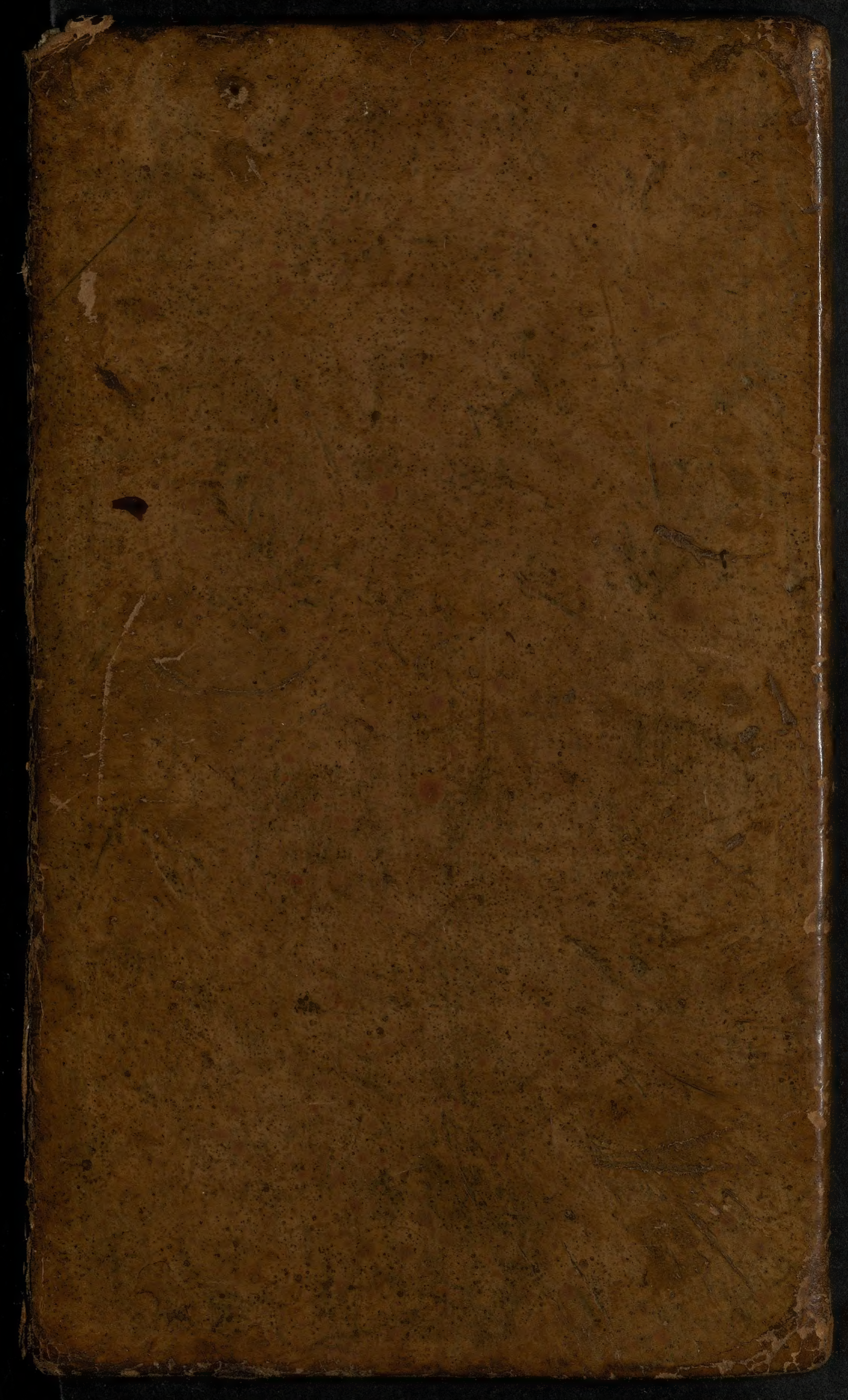
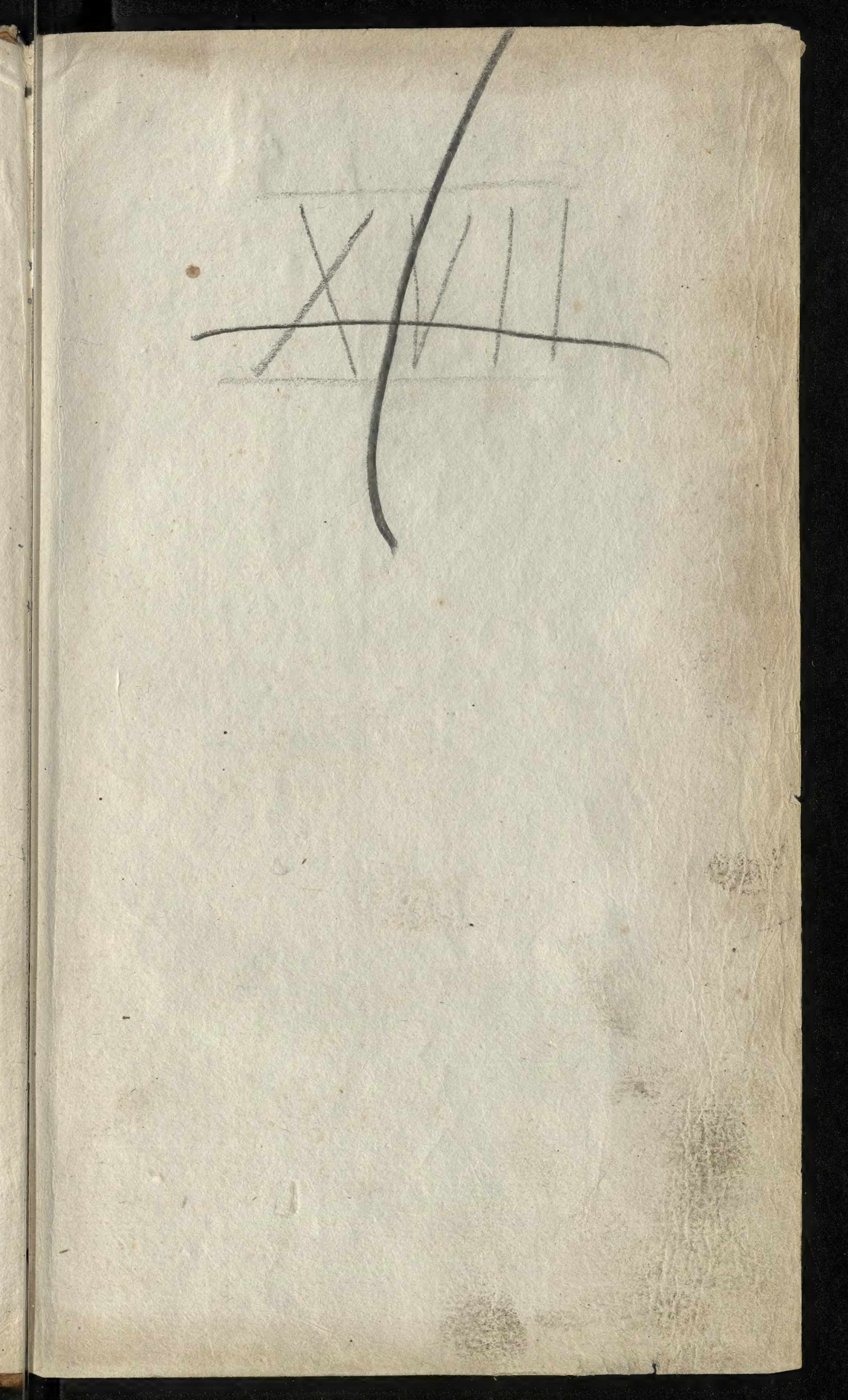
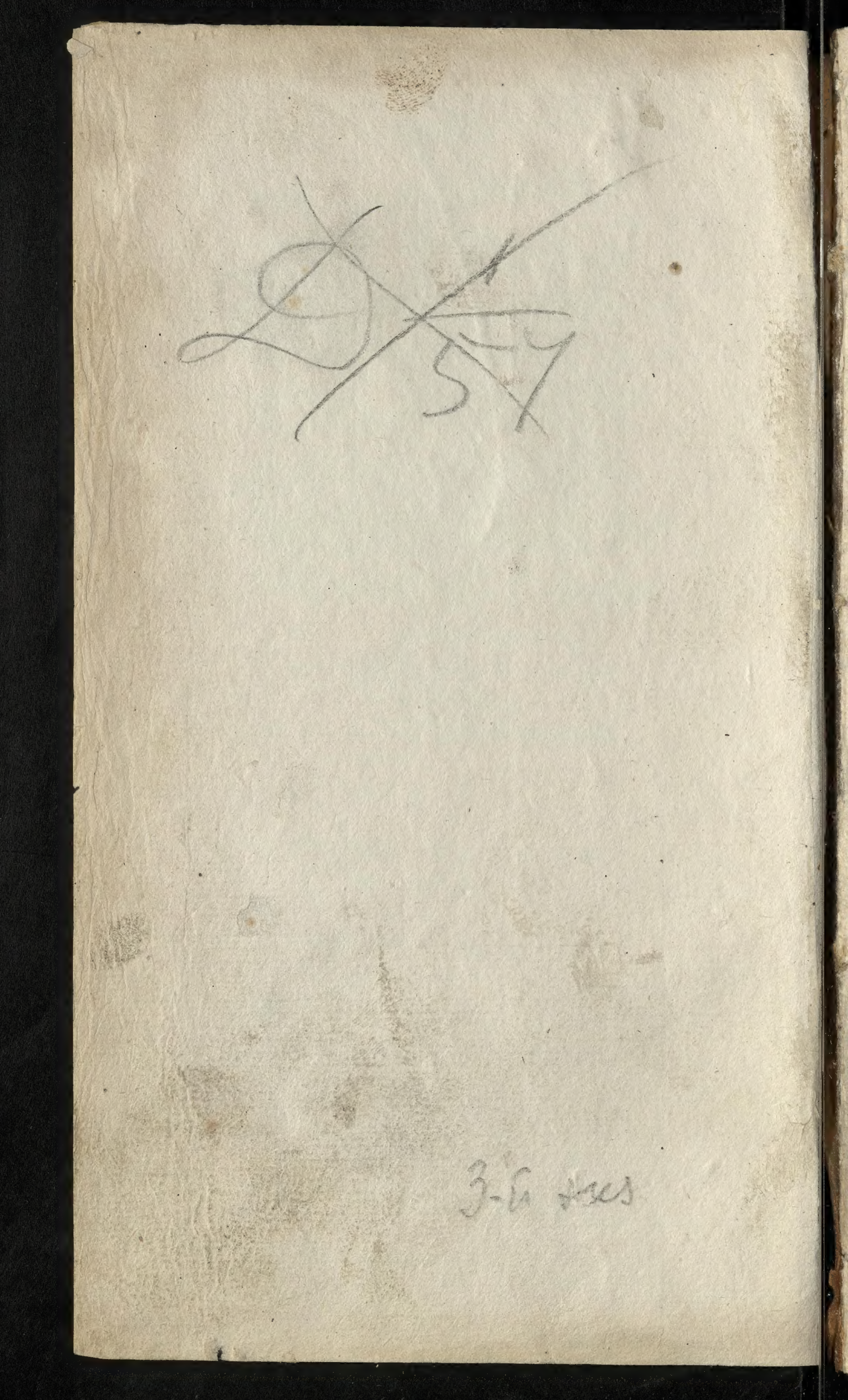


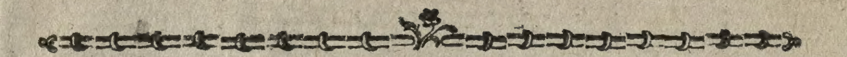

XVII



ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО.

Часть I.

МОСКВА.
Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1786.



ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

Книга I.

Стран.

Глава 1. О врагахъ имени Христова, которыхъ во время раззоренія Рима, ради Христа, по побѣдѣ пощадили варвары. - - - 1

— 2. О томъ, что никогда ни на одномъ сраженіи такъ не поступлено, дабы побѣдители пощадили побѣжденныхъ ради боговъ ихъ. - - 4

— 3. Сколь безумно Римляне думали, что боги, которые Трою сохранить не могли, охранять ихъ будутъ. - - - - 6

— 4. О храмѣ убѣжища Юнониномъ у Троянъ, который никого не избавилъ отъ Грековъ; и храмахъ Апостольскихъ, которые всѣхъ къ себѣ убѣжавшихъ защитили отъ варваровъ. - - 8

— 5. О общемъ обыкновеніи непріятелей, побѣжденные грады разрушающихъ, какого былъ Кесарь мнѣнія. - - - - - 10

— 6. О томъ, что ни самые Римляне никакого города не плѣнили, дабы въ храмахъ онаго пощадили побѣжденныхъ. - - - 11

— 7. Что при разореніи Рима жестокое приключилось по обыкновенію военному, а милосердіе послѣдовало отъ всемогущества Христова. - - 12

— 8. О прибыткѣ и вредѣ, которыя и добрымъ и злымъ по большой части общими суть. - - 13

— 9. О винахъ, ради которыхъ и добрые и злые равно наказуемы бываютъ. - - 16

— 10. О томъ, что святые въ потеряніи временныхъ вещей ничего не лишаются. - - 20

— 11. О концѣ времянной жизни какъ долголѣтной, такъ и краткой. - - - 25

— 12. О погребеніи человѣческихъ тѣлъ, которое хотябъ Христіанамъ было возбранено, никакого не дѣлаетъ вреда. - - - 26

— 13. Какая есть вина погребать тѣла Святыхъ 29

— 14. О плѣненіи Святыхъ, которые никогда Божескаго утѣшенія лишаемы не были. - 31

Глава

Стран.

Глава 15. О Регулѣ, которой представляетъ на себѣ примѣръ плѣна, за законъ добровольно претерпѣваемаго, что однако ему было безполезно, понеже почиталъ боговъ. - - - 32

— 16. Блудодѣйствомъ, которое можетъ быть претерпѣли и добродѣтельныя дѣвицы, могла ли оскверниться добродѣтель душевная безъ соизволенія. - - - - - 35

— 17. О самоизвольной смерти по причинѣ страха казни, или безчестія. - - - 37

— 18. О насильственномъ блудодѣйствѣ, которое душа въ насилуемомъ тѣлѣ безъ соизволенія претерпѣваетъ. - - - —

— 19. О Лукреціи, которая насилована бывши, себя умертвила. - - - 40

— 20. О томъ, что нѣтъ въ Священномъ Писаніи никакого повелѣнія, которое бы Христіанамъ отдавало право въ самопроизвольной смерти. - 45

— 21. О убійствахъ людей, которыя беззаконіемъ человѣкоубійства не почитаются. - - 47

— 22. О томъ, что смерть самопроизвольная никогда не можетъ принадлежать къ великодушію. 48

— 23. Каковымъ есть примѣръ Катоновъ, которой, не могши снести, что Кесарь побѣдителемъ остался, самаго себя умертвилъ. - - 49

— 24. О томъ, что въ той добродѣтели, коею Регулъ превысилъ Катона, несравненно превосходятъ Христіане. - - - 51

— 25. О томъ, что беззаконія беззаконіемъ уклоняться не должно. - - - 54

— 26. О томъ, въ какомъ разумѣ дѣла учиненными почитать должно сдѣланныя святыми, кои дѣлать законъ запрещаетъ. - - - 55

— 27. О томъ, надлежитъ ли самопроизвольно умерщвлять себя, дабы чрезъ то избавиться отъ грѣха. - - - - 57

— 28. Для чего попустилъ Богъ грѣху содѣлану быть въ плоти воздержныхъ людей. - - 59

Страц.

Глава 29. Что Христiане отвѣтствовать должны невѣрнымъ, которые ихъ упрекаютъ тѣмъ, что Христосъ ихъ не избавилъ отъ неистовства враговъ. - - - - 62

— 30. О томъ, что ропщущіе и жалующіеся на Христiанскія времена, желаютъ по видимому быть въ благополучіи, хотябъ оно было и заворное. - - - - 63

— 31. Какими пороковъ степеньми усилилось въ Римлянахъ желаніе владычествовать надъ другими. 65

— 32. О установленіи ѳеатральныхъ игръ. - 67

— 33. О порокахъ Римлянъ, коихъ не исправило раззореніе отечества. - - 68

— 34. О милосердіи Божіемъ, которое раззореніе Рима умѣрило. - - - 70

— 35. О крыющихся между нечестивыми сынахъ церкви, и о ложныхъ внутрь церкви Христiанахъ. 71

— 36. Объявляетъ, о чемъ въ слѣдующемъ состязаніи говорить онъ имѣетъ. - - - 72

Книга II.

Глава 1. О образѣ, котораго въ нуждѣ стязанія употребить должно. - - - 105.

— 2. О томъ, что показано въ первой книгѣ. - 107.

— 3. О томъ, что онъ приводитъ намѣренъ исторіи, изъ которыхъ открывается, коликое зло претерпѣвали Римляне, прежде нежели благочестіе Христiанское началось. - - 109

— 4. О томъ, что почитатели боговъ никогда отъ боговъ своихъ и никакихъ не получали заповѣдей къ благонравному житію, и въ священнослуженіяхъ ихъ всякія мерзости отправляли. - 110

— 5. О мерзостяхъ, коими мать боговъ отъ почитателей своихъ почитаема была. - - - 112

— 6. О томъ, что языческіе боги не предподавали ученія, какъ хорошо жить. - - 114

Стран.

Глава 7. О томъ что изобрѣтенія философовъ безполезны, когда каждаго къ порокамъ склоннаго человѣка болѣе побуждаетъ то, что боги сдѣлали, нежели то, что люди умствовали. - 116

— 8. О ѳеатральныхъ при священнослуженіи играхъ, въ которыхъ боги не оскорбляются изреченіемъ ихъ мерзостей, но умилостивляются. - 118

— 9. Что древніе Римляне о пресѣченіи вольности стихотворческой думали, которой Греки послѣдуя боговъ своихъ суду не ограничивали. - 119

— 10. Съ какимъ умысломъ вреднымъ желаютъ бѣсы, дабы или ложныя преступленія, или истинныя о нихъ были разглашаемы. - 121

— 11. О актерахъ, которые у Грековъ къ управленію республикою допущены, потому что неправеднымъ дѣломъ почтено, дабы умилостивляющіе боговъ отъ людей презираемы были. - 123

— 12. О томъ, что Римляне, отнимая вольность у стихотворцовъ, дабы они не поносили людей, позволяя напротивъ поносить боговъ, лучшихъ о себѣ были мыслей, нежели о богахъ. - 125

— 13. О томъ, что должны были Римляне понять, что боги ихъ, когда требовали, дабы имъ почтеніе отдаваемо было мерзскими играми, недостойны были божеской чести. - 126

— 14. О томъ, что лучшимъ былъ Платонъ, который въ благонравномъ гражданствѣ не давалъ мѣста стихотворцамъ, нежели сіи боги, которые повелѣли себя почитать ѳеатральными играми. - - - - - 129

— 15. О томъ, что Римляне нѣкоторыхъ боговъ не по разсужденію, но изъ ласкательства поставили. - - - 132

— 16. О томъ, что ежели бы боги имѣли попеченіе сдѣлать людей праведными, то Римляне долженствовали принять правила къ благонравному житію отъ боговъ, нежели заимствовать законы отъ людей. - - - 133

Глава

Стран.

Глава 17. О похищенiи Сабинокъ, и другихъ неправдахъ, которыя въ Римѣ въ выхваляемыя времена дѣлаемы были. - - - 134

— 18. О томъ, что о нравахъ Римлянъ или страхомъ обуздываемыхъ, или отъ безопасности въ распустность пришедшихъ, Саллюстiева открываетъ исторiя. - - - 137

— 19. О томъ, что Римская республика развращенною сталась прежде нежели возбранилъ Христосъ почитать ихъ боговъ. - - 140

— 20. О томъ, каковое благополучiе имѣть, и какимъ образомъ жизнь препровождать желаютъ тѣ, которые порочатъ Христiанскаго благочестiя времена. - - - - 142

— 21. О томъ, что боги Римлянъ ни мало объ ономъ попеченiя не имѣли, дабы республика Римская развращенными обычаями не погибла. - 144

— 22. О томъ, что перемѣны временныхъ вещей не отъ любви, или ненависти демоновъ, но отъ опредѣленiя истиннаго Бога зависятъ. - - 147

— 23. О дѣлахъ Силлы, коихъ поспѣшествователями себя показали демоны. - - 151

— 24. О томъ, сколь сильно побуждаютъ злые духи людей къ злодѣянiямъ, когда въ дѣланiи беззаконiй какъ бы божественный воли своей примѣръ предлагаютъ. - - - 154

— 25. О тайныхъ демоновъ совѣтахъ въ разсужденiи благонравiя, когда явно въ священнослуженiяхъ ихъ всякое непотребство внушаемо было. 157

— 26. О томъ, съ коль великимъ истребленiемъ общественнаго ученiя Римляне богамъ своимъ посвятили мерзскiя игры. - - 160

— 27. О спасительности благочестiя Христiанскаго. 161

— 28. Увѣщанiе Римлянамъ о отверженiи почитанiя боговъ. - - - 162

Стран.

КНИГА III.

Глава 1. О бѣдствіяхъ, которыхъ одни злые люди страшатся, и которыя всегда міръ претерпѣвалъ, когда почиталъ боговъ. - 215

— 2. О томъ, что боги, коихъ Римляне и Греки почитали, имѣли ли причину попустить, дабы раззоренъ былъ Илій. - - 216

— 3. О томъ, что боги не могли оскорблены быть Парисовымъ прелюбодѣйствомъ; понеже оное и между самыми богами не рѣдко случалось. - 218

— 4. О томъ, что невѣроятно, дабы боги казнили прелюбодѣйство Парисово, котораго не отмстили въ матери Ромуловой. - - 220

— 5. О убійствѣ Ромуловомъ, котораго боги не отмстили. - - - 221

— 6. О раззореніи Илія, учиненномъ полководцемъ Маріевымъ Фимбріею. - - 222

— 7. О томъ, надлежало ли богамъ Троянскимъ препоручить Римъ. - - 225

— 8. О томъ, должно ли вѣрить, что миръ и тишину, бывшую во время царствованія Нумы, боги даровали. - - - —

— 9. Надлежало ли того желать, что толикимъ браней неистовствомъ Римское умножается государство, когда тѣмъ способомъ, коимъ во время царствованія Нумы умножилось, могло быть и спокойнымъ и безопаснымъ. - 227

— 10. О кумирѣ Куманскаго Аполлина, о котораго плачѣ думали, что онъ предзнаменуетъ бѣдствіе Грекамъ, которымъ пособить не могъ. - 230

— 11. О томъ, сколь много боговъ прибавили Римляне сверьхъ уставленныхъ Нумою, коихъ множество ни мало не пользовало Римлянамъ. - 232

— 12. О томъ, по какому праву и по какому мирному договору удержали при себѣ Римляне первые браки. - - - 234

— 13. О беззаконной войнѣ, нанесенной Римлянами Албанцамъ, и о побѣдѣ, полученной изъ желанія обладать другими. - - 237

Глава

Стран.

Глава 14. О томъ, какова Римскихъ Царей жизнь была и кончина. - - - 241

— 15. О первыхъ у Римлянъ Консулахъ, изъ которыхъ одинъ другаго изъ отечества изгналъ, и наконецъ въ скоромъ времени по содѣланіи ужасныхъ человѣкоубійствъ, отъ раненаго непріятеля уязвленъ будучи, погибъ. - 246

— 16. О томъ, какія бѣдствія претерпѣла республика по начатіи Консульства, въ коихъ отвращеніи боги, Римлянами почитаемые, ни мало не помоществовали. - - - 249

— 17. О томъ, коликія претерпѣли Римляне нещастія и бѣдствія во время браней съ Кареагенцами, когда тщетно о помоществованіи боговъ молили. - - - 256

— 18. О бѣдствіи, бывшемъ во время второй войны съ Кареагенцами, которое съ обѣихъ сторонъ истощило силы. - - - 259

— 19. О погибели Сагунтинцовъ, которымъ при истребленіи ихъ, въ разсужденіи того, что были въ дружбѣ съ Римлянами, боги Римскіе не подали помощи. - - - 261

— 20. О Митридатовомъ указѣ, которымъ повелѣлъ всѣхъ гражданъ Римскихъ, находящихся въ Азіи, умертвить. - - 264

— 21. О внутреннихъ злоключеніяхъ, которыя претерпѣла Римская республика, и которыя предварило худое предзнаменованіе, состоящее въ томъ, что домашніе скоты перебѣсились. 265

— 22. О раздорѣ, которой произвели бунты Граховъ. - - - 267

— 23. О храмѣ Согласія, по приговору Сенатскому на мѣстѣ смятеній и убійствъ поставленномъ. 268

— 24. О различныхъ браняхъ, послѣдовавшихъ послѣ построенія храма Конкордіи. - 270

— 25. О войнѣ градской Маріевой и Силлиной. - 271

Стран.

Глава 26. О томъ, какова была Силлина побѣда, которая отмщевала Маріеву жестокость. - 272

— 27. О сравненіи нападенія Готскаго съ тѣми пораженіями, которыя Римляне какъ отъ Галловъ, такъ и домашнихъ междоусобій претерпѣли. 275

— 28. О непрерывности браней, которыя предварили пришествіе Христово. - - 276

— 29. О томъ, съ коликимъ безстыдствомъ настоящія нещастія Христу приписываютъ тѣ, коимъ не позволяется боговъ почитать, когда толь великія бѣдствія въ тѣ времена были, въ которыя они боговъ почитали. - 278

Книга IV.

Глава 1. О томъ, что въ первой книгѣ говорено. - 337

— 2. О томъ, что во второй и третіей книгѣ содержится. - - - - 339

— 3. Пространство, или обширность государства, которая пріобрѣтается войнами, должно ли почитать между благими щастливыхъ, или премудрыхъ людей. - - - - 342

— 4. Государства безъ правды сколь подобны разбоямъ. - - - - - 344

— 5. О бѣглыхъ гладіаторахъ, коихъ сила и могущество подобно было достоинству Царскому. 345

— 6. О любочестіи Нина Царя, который, дабы имѣть пространнѣйшее государство, первый воевалъ съ сосѣдями. - - - 347

— 7. Царства земныя при распространеніи своемъ получаютъ ли пособіе отъ боговъ, и когда умаляются, не уже ли отъ оныхъ оставляемы бываютъ. - - - 349

— 8. Которыхъ боговъ пособіемъ, думаютъ Римляне, увеличено ихъ государство и хранимо, когда

они

Стран.

они каждому богу въ защищеніе по одной вещи препоручить сами не довѣряли. - - 351

Глава 9. Государства Римскаго обширность надлежитъ ли приписывать Юпитеру, котораго многобожники верьховнымъ богомъ признаваютъ. - 354

— 10. Какимъ мнѣніямъ послѣдовали , которые разныхъ боговъ къ различнымъ міра частямъ приставили. - - - - 355

— 11. О многихъ богахъ, о коихъ языческіе учители говорятъ, что они составляютъ одного и того же Юпитера. - - - 359

— 12. О мнѣніи тѣхъ, которые Бога душею міра, а міръ тѣломъ Божіимъ поставляли. - - 363

— 13 О тѣхъ, которые животныя разумныя частьми Божіими единственно почитаютъ. - - 364

— 14. Распространеніе государствъ непристойно приписывается Юпитеру, когда, по ихъ мнѣнію, Викторія есть богинею, которая къ оному дѣлу одна довольна. - - - 365

— 15. Пристойно ли добрымъ желать пространно государствовать. - - - 366

— 16. Какая была причина, что Римляне, всѣмъ вещамъ и всѣмъ движеніямъ боговъ разныхъ назначая, храмъ Покоя за вратами градскими поставили. - - - - 368

— 17. Когда Юпитеръ имѣетъ верьховную власть, то должно ли почитать Викторію богинею. 369

— 18. Щастіе и Фортуну богинями почитающіе съ какимъ разсужденіемъ оное дѣлаютъ. - - 370

— 19. О Фортунѣ женской. - - - 372

— 20. О добродѣтели и вѣрѣ, которыя язычники храмами и священнослуженіями почтили, пропустивъ другія блага, которыя также почесть надлежало бы, ежели правильно другимъ приписывали божество. - - - - 373

— 21. О томъ, что не разумѣя единаго Бога, язычники долженствовали быть довольными одною добродѣтелію и щастіемъ. - - 375

Глава

Стран.

Глава 22. О щастіи, которое Римляне, почитатели многихъ боговъ, долгое время не почитали божескою честію, когда оно одно вмѣсто всѣхъ было бы довольно. - - - 378

— 23. О томъ, что одного Бога почитать должно, котораго хотя имянно язычники не знаютъ, но чувствуютъ, что Онъ даруетъ щастіе. - 383

— 24. О театральныхъ играхъ, коихъ боги отъ почитателей своихъ требовали. - - 384

— 25. О трехъ родахъ боговъ, о коихъ разсуждалъ Сцевола первосвященникъ. - - 387

— 26. Къ распространенію государства Римскаго пособствовало ли почитаніе многихъ боговъ? - 389

— 27. О ложности гадательства, которымъ предзнаменовалась крѣпость и незыблемость Римскаго государства. - - - 390

— 28. Какихъ были мыслей о языческихъ богахъ ихъ самые почитатели. - - - 393

— 29. О мнѣніи Варроновомъ, который, отринувъ народное предубѣжденіе, хотя къ познанію единаго Бога не достигъ, однако признавалъ, что одного Бога почитать должно. - - 395

— 30. Съ какимъ видомъ пользы обладатели языковъ у покоренныхъ себѣ народовъ ложныхъ не измѣняли богопочитаній. - - 398

— 31. Что премудростію и властію истиннаго Бога всѣхъ Царей и царствъ уставлены времена. - 399

— 32. О государствѣ Іудейскомъ, которое учреждено отъ единаго Бога, и было сохраняемо, покуда въ истинномъ богопочитаніи Іудеи пребывали. - - - - 400

Книга V.

Глава 1. О томъ, что Римскаго и прочихъ государствъ вина ни случайная, ниже зависитъ отъ положенія звѣздъ. - - - - 427

Глава

Стран.

Глава 2. О сходствѣ и несходствѣ здравія близнецовъ, или двойней. - - - - 431

— 3. О доводѣ, который изъ горшечнаго колеса Нигидій математикъ взялъ въ рѣшеніи вопроса о близнецахъ. - - - - 433

— 4. О Исавѣ и Іаковѣ близнецахъ, которые между собою въ нравахъ и дѣлахъ великое различіе имѣли. - - - - 434

— 5. Какимъ образомъ убѣждаемы бываютъ математики признаться въ ложности своей науки. 435

— 6. О близнецахъ различнаго пола. - - 439

— 7. О избраніи дня, въ которой бы жену понять, и въ которой что либо насаждать, или сѣять. 441

— 8. О тѣхъ, которые не положеніе звѣздъ, но связь причинъ, отъ воли Божіей зависящихъ, именемъ судьбы называютъ. - - 444

— 9. О предвѣденіи Божіемъ и свободномъ человѣческомъ произволеніи противъ опредѣленія Цицеронова. - - - - 446

— 10. Владычествуетъ ли надъ волею человѣческою какая либо необходимость. - 454

— 11. О общемъ Божіемъ промыслѣ, въ устроеніи коего все содержится. - - 458

— 12. Чрезъ что древніе Римляне удостоились, что истинный Богъ, хотя они Его не почитали, распространилъ ихъ государство. - 459

— 13. О любви хвалы, которая хотя въ самой вещи есть порокъ, однако добродѣтелію почитается; потому что другіе большіе пороки обуздываетъ. - - - 468

— 14. Объ отверженіи любви похвалъ человѣческихъ; понеже праведныхъ хвала должна состоять въ Богѣ. - - - 469

— 15. О воздаяніи временномъ, которое воздалъ Богъ Римлянамъ за ихъ благонравіе. - 472

— 16. О воздаяніи праведныхъ гражданъ вѣчнаго града, коимъ полезны примѣры добродѣтелей, дѣланныхъ Римлянами. - - 473

Глава

Стран.

Глава 17. Сколь удалены должны быть Христіане отъ высокомыслія о себѣ, естьли что либо сдѣлаютъ изъ любви къ вѣчному отечеству, когда толь много важнаго Римляне учинили изъ любви къ славѣ и земному граду. - - 474

— 18. Государство Римское устроено отъ истиннаго Бога, отъ коего зависитъ всякая власть, и коего промысломъ все управляется. - 481

— 19. Времена и окончанія браней отъ Божія зависятъ суда. - - - 483

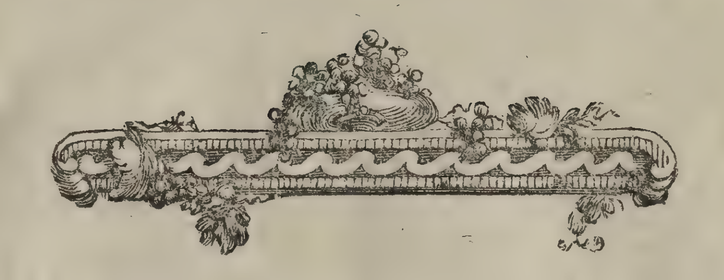
— 20. О войнѣ, на которой Радагаисъ Царь Готеской, почитатель бѣсовъ, въ одинъ день съ безчисленнымъ войскомъ побѣжденъ. - - 485

— 21. Сколь истинно есть Христіанскихъ Государей благополучіе. - - - - 487

— 22. О благополучныхъ успѣхахъ, которые Богъ даровалъ Константину, Христіанскому Императору. - - - - 489

— 23. О вѣрности, вѣрѣ, любви и благоговѣніи Θеодосія Императора. - - - 490

— 24. Противъ завистливыхъ, кои отвѣтъ писали на изданныя уже Августиномъ книги. - 493



БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА
ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА
КЪ МАРКЕЛЛИНУ
О градѣ Божіемъ противъ язычниковъ.

КНИГА I.
Глава первая.

О врагахъ имени Христова, которыхъ по время разоренія Рима, ради Христа, по побѣдѣ пощадили варвары.

Преславны[illegible] градъ Божій, какъ въ семъ времени теченіи, когда онъ между нечестивыми странствуетъ, живучи вѣрою, такъ и въ оной недвижимости вѣчнаго жилища, коего ожидаетъ терпѣніемъ, „покуда правда обратится на судъ,, имѣющій получить знаменитую послѣднюю побѣду и совершенный миръ, симъ сочиненіемъ для тебя предпріятымъ, которое я тебѣ обязался издать возлюбленный сыне мой Маркеллине! защитить намѣренъ противъ тѣхъ, которые боговъ своихъ предпочитаютъ своему Творцу. Великое дѣло и важное, но Господь есть помощникъ нашъ. Ибо я вѣдаю, коликія силы потребны, чтобъ показать и увѣрить гордыхъ въ томъ, сколь велика есть добродѣтель смиреніе, которое

всякую земную пышность, временнымъ непостоянствомъ колеблемую, не отъ человѣка употребляемымъ тщеславіемъ, но по Божіей благодати дарованною высотою превосходитъ. Понеже царь богъ и творецъ града сего, о которомъ мы говорить предприняли, въ писаніи избранныхъ своихъ, приговоръ свой открылъ, въ коемъ сказано: „Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.„ Сіе Божіе свойство, чтобъ противиться гордымъ, и напыщенныя души надменный духъ себѣ восхищаетъ, и утѣшается тѣмъ, когда въ выхвалу ему говорятъ: „Твое свойство щадить покаряющихся, и поражать гордыхъ.„ Не должно молчаніемъ прейти того, чего требуетъ порядокъ предпріятаго нами сочиненія, и что выговорить можно, то есть, что градъ земный, который владычествовать другими желаетъ, когда народы ему повинуются, то онъ самъ любоначаліемъ обладаемъ бываетъ. Изъ сего бо града происходятъ враги, противъ коихъ вооружаться надлежитъ за градъ Божій, изъ коихъ однако многіе исправивъ свое заблужденіе нечестія, гражданами въ ономъ становятся способными: многіе же толикимъ на оный пламенѣютъ ненависти огнемъ, и толь въ явныхъ благодѣяніяхъ его искупителя неблагодарны, что и нынѣ разсуждать бы объ ономъ не стали, естьлибъ отъ непріятельскаго бѣжавъ меча, въ священныхъ онаго мѣстахъ не спасали своей жизни, которою гордятся. Не враги ли имене Христова суть Римляне, которыхъ ради Христа пощадили вар-

варвары? (*) Свидѣтельствуютъ о томъ мѣста, гдѣ положены мученики, и храмы Апостоловъ, которые во время онаго разоренія града прибѣгшихъ и своихъ и иновѣрцовъ приняли. До сихъ мѣстъ кровожаждущій свирѣпствовалъ непріятель: въ сихъ мѣстахъ получалъ предѣлъ неистовящійся человѣкоубійца. Туда препровождаемы были сжалившимися непріятелями пощажденные внѣ тѣхъ мѣстъ люди, дабы не попались они на стрѣчу таковымъ, которые подобнаго милосердія не имѣли: которые однако въ противномъ случаѣ будучи жестокими, и на подобіе звѣрей свирѣпствующими, когда къ онымъ мѣстамъ приближались, гдѣ имъ было запрещено въ томъ, что въ другихъ случаяхъ по праву войны позволяемо было, тогда вся неистовства ихъ обуздовалася лютость, и желаніе плѣна погасало. Такимъ образомъ избавились многіе изъ тѣхъ, кои нынѣ Христіанскимъ временамъ поносятъ, и нещастіе, которое Римъ претерпѣлъ, Христу приписываютъ: а добро, то есть, что они остались въ живыхъ, дарованное имъ ради Христа и его чести, не присвояютъ Христу, но своей судьбѣ: когда наипаче долженствовали, естьлибъ имѣли нѣсколько благоразумія, все то, что отъ непріятелей жестокое претерпѣли, приписать Божію промыслу, который обыкновенно растлѣнныя человѣческія нравы бранію исправляетъ; также жизнь

(*) Разумѣетъ здѣсь Аларика Готѳскаго Царя, который то учинилъ.

смертныхъ праведную и похвальную таковыми оскорбленіями искушаетъ, и искушенную или на лучшую премѣняетъ, или въ семъ мірѣ для нѣкоторыхъ потребностей продолжаетъ. Оное же, что ихъ или въ другихъ мѣстахъ ради имени Христова, или въ мѣстахъ Христову имени посвященныхъ, и по щедрому милосердію къ вмѣщенію множества избранныхъ, сверьхъ обыкновенія браней свирѣпые варвары пощадили, приписать временамъ Христіанскимъ: и для того приносить благодареніе, и къ имени его неложно притекать, дабы избавиться казни огня вѣчнаго: котораго имени притворно употребляли многіе изъ нихъ ради избѣжанія казней настоящаго бѣдствія. Ибо которые, какъ видишъ ты, своевольно и жестоко ругаются рабамъ Христовымъ, не моглибъ избавиться отъ погибели оной и пораженія, естьлибъ не притворились быть рабами Христовыми. И нынѣ съ неблагодарною надмѣнностію, и нечестивѣйшимъ безуміемъ его имени противятся, имѣя развращенное сердце, дабы вѣчною тьмою быть наказаннымъ; къ которому имени съ ложнымъ признаніемъ прибѣгли, дабы временнымъ животомъ наслаждаться.

Глава вторая.

О томъ, что никогда ни на одномъ сраженіи такъ не поступлено, дабы побѣдители пощадили побѣжденныхъ ради боговъ ихъ.

Столько сраженій описаныхъ какъ до основанія Рима, такъ отъ его основанія и начала вла-

владычества онаго, пускай прочтутъ и представятъ, что нѣкоторые народы, покоривъ какойлибо городъ, пощадили побѣжденныхъ, о коихъ имъ извѣстно было, что они убѣжали въ храмы боговъ своихъ: или что варварскій нѣкоторый предводитель арміи повелѣлъ, дабы воины ворвавшись въ городъ, ниодного не убивали изъ тѣхъ, коихъ найдутъ ушедшими въ храмы. „Не видѣлъ ли Еней, что Пріамовою „кровію осквернили непріятели огнь имъ самимъ посвященный? Діомидъ и Улиссъ убивъ „стражей Троянскихъ, не похитилиль священный кумиръ, и руками въ крови обагренными не прикоснулись ли дѣвственнымъ богини „воскриліямъ?„ При всемъ томъ далѣе написанное несправедливо, будто „паки позыбнувшаяся Троянъ надежда возвращается.„ Ибо послѣ того они побѣждены, послѣ того Греки Трою мечемъ и огнемъ истребили, послѣ того Пріама убѣжавшаго къ жертвеннику убили. И не для того Троя погибла, что лишилася Минервы. Ибо что прежде потеряла Минерва, дабы ей пропасть изъ города? не стражей ли своихъ? Сіе прямо не ложно: ибо по убіеніи оныхъ могла она унесена быть. Понеже не людей кумиръ оный, но люди его хранили. Какимъ же образомъ его почитали, дабы хранилъ отечество и гражданъ, который не въ состояніи былъ своихъ сохранить стражей.

Глава третія.

Сколь безумно Римляне думали, что боги, которые Трою сохранить не могли, охранять ихъ будутъ.

И тѣмъ ли надлежало хвастать Римлянамъ, что таковымъ богамъ препоручили свой городъ Римъ въ храненіе? О наижалостнѣйшее заблужденіе! И насъ поносятъ, когда о богахъ ихъ таковое говоримъ, и не порицаютъ писателей, которыхъ дабы выразумѣть, давали другимъ награжденіе: сверьхъ сего учителей и наставниковъ самихъ и государственнаго жалованья и честей достойнѣйшими почитали. Ибо у Виргилія, (котораго для того малолѣтные дѣти читаютъ, чтобъ толь великій стихотворецъ, знатный и изрядный въ младыхъ лѣтахъ впечатлѣнъ будучи въ умѣ ихъ, не могъ притти въ забвеніе, по оному Гораціеву слову: „Чемъ единожды напо„енъ будетъ новый сосудъ, оной запахъ долго„временно содержать станетъ:) у сего, говорю, Виргилія вводится Юнона гнѣвающаяся на Троянъ, которая возбуждая на гнѣвъ Еола царя вѣтровъ, говоритъ: „Ненавидимый мною „родъ плыветъ по Тиррениійскому морю, везя „съ собою Илій въ Италію, и боговъ побѣж„денныхъ.„ Такъ должны ли были благоразумные Римляне симъ побѣжденнымъ богамъ препоручать Римъ, дабы оный побѣжденнымъ никогда не былъ? Но можетъ быть Юнона говорила сіе такъ, какъ раздраженная женщина, не вѣдая и сама, что говорила. Что

са-

самый Еней? Которой не однократно набожнѣйшимъ названъ? Не такъ ли говоритъ? „Панѳъ солнцевъ жрецъ священною рукою и „побѣжденныхъ боговъ, и малолѣтнаго внука „самъ влечетъ.„ Не признается ли онъ, что боги, коихъ побѣжденными не страшиться называть, ему препоручены, а не онъ имъ, когда ему сказано: „Священныя вещи и бо„говъ тебѣ препоручаетъ Троя.„ И такъ когда Виргилій таковыхъ боговъ побѣжденными, и дабы какимъ ни есть образомъ скрытся, человѣку препорученными признаваетъ: то какое безуміе есть, думать, что таковымъ защитникамъ благоразумно препорученъ Римъ, которой аки бы не могъ чрезъ то никогда разоренъ быть, ежели оныхъ боговъ не потеряетъ? А наипаче побѣжденныхъ боговъ какъ бы защитниковъ почитать, что иное есть, какъ имѣть не боговъ добрыхъ, но злыхъ демоновъ? Ибо сколь благоразумнѣе вѣрить можно, что Римъ не дошелъ бы до такого разоренія, ежели бы оные боги прежде погибли: а они всенепремѣнно погибли бы въ древности, естьлибы Римъ ихъ не сохранилъ. Ибо кто не видитъ, сколь тщетное было предразсужденіе, аки бы не можно быть побѣжденну подъ защитою побѣжденныхъ, которые боги сами для того погибли, понеже лишилися своихъ боговъ, то есть стражей: особливо когда одна могла быть вина погибели, то есть чтобъ имѣть стражей, которые могли погибнуть? И такъ когда сіе о богахъ побѣжденныхъ сказываемо и воспѣваемо было, не

можно было стихотворцамъ лгать, но разумныхъ людей понуждала истинна въ томъ признаться. Но о семъ приличнѣе на другомъ мѣстѣ пространнѣе говорить я намѣренъ. Теперь то, что началъ, нѣсколько по силѣ моей изъясню, то есть о неблагодарныхъ людехъ, которые нещастіе въ наказаніе развращенныхъ своихъ нравовъ претерпѣнное, изъ поношенія Хрісту приписываютъ: а что ихъ ради Хріста щадятъ, тому не внимаютъ, и тотъ самый языкъ противъ имени его съ безуміемъ святотатской дерзости употребляютъ, которымъ ложно и притворно употребляли имя его, дабы остатся въ живыхъ, или тотъ самый языкъ, который въ мѣстахъ Хрісту посвященныхъ удерживали изъ страха, дабы чрезъ то быть въ безопасности, и какъ бы подъ защитою; послѣжъ того, какъ безъ всякаго вреда остались, на Хріста злохуленіемъ устремили.

Глава четвертая.

О храмѣ убѣжища Юнониномъ у Троянъ, который ни кого не избавилъ отъ Грековъ: и храмахъ Апостольскихъ, которые всѣхъ къ себѣ убѣжавшихъ защитили отъ варваровъ.

Самая, какъ я сказалъ, Троя, мать народа Римскаго, въ мѣстахъ богамъ своимъ посвященныхъ, не могла защитить гражданъ своихъ отъ огня и меча Грековъ, которые тѣхъ же боговъ почитали, ниже въ самомъ храмѣ

убѣ-

убѣжища Юнониномъ. „Избранные стражи Фениксъ и жестокій Улиссъ хранили корысти: „сюда отсюда Троянское сокровище исхищенное изъ огня, и трапезы боговъ и чаши изъ „цѣльнаго злата, и одежды собираемы были: „отроки и отъ страха полумертвыя вокругъ „стоятъ матери.„ То есть избрано было мѣсто толь великой богини посвященное, не для того, дабы не можно было извести оттуда побѣжденныхъ, но дабы заключить ихъ тамъ. Сравни теперь храмъ убѣжища не рядоваго какого либо бога, и не простаго, но сестры самаго Юпитера и жены и царицы всѣхъ боговъ, съ храмами построенными въ память нашихъ Апостоловъ. Туда по зажженіи храмовъ и боговъ корысти сносимы были, не съ тѣмъ, чтобъ возвратить оныя побѣжденнымъ, но чтобъ раздѣлить побѣдителямъ: здѣсь же и то самое, что въ другихъ мѣстахъ сюда принадлежащимъ признано, съ честію и благоговѣніемъ возвращено. (*) Тамъ потеряна, здѣсь сохранена вольность: тамъ заключенъ, здѣсь возбраненъ плѣнъ. Тамъ отъ владычествующихъ непріятелей притѣсняемы были доставшіеся въ рабство, здѣсь для свобожденія сжалившимися врагами приводимы были. Наконецъ оный храмъ Юнонинъ избрало себѣ сребролюбіе и гордость легкомысленныхъ Гре-

(*) Безмѣрное количество злата взято было въ Ватиканѣ побѣдителями Готѳами, но повелѣніемъ Аларика возвращено. Смотри Орозія Кн: 7. когда донесено, что оно принадлежитъ Христіанскимъ Церквамъ.

ковъ, сіи же Христовы храмы избрало себѣ милосердіе и нечаянная людскость самыхъ нажесточайшихъ варваровъ. Развѣ можетъ статься нѣкоторые Греки въ оной своей побѣдѣ пощадили храмы общихъ боговъ, и туда ушедшихъ нещастныхъ и побѣжденныхъ Троянъ не умертвили, и плѣнить не отважились: а Виргилій по обычаю стихотворцовъ солгалъ объ ономъ. Никакъ, онъ описалъ обыкновеніе непріятелей истребляющихъ города.

Глава пятая.

О общемъ обыкновеніи непріятелей побѣжденныя грады разрушающихъ, какого былъ Кесарь мнѣнія.

О семъ обыкновеніи и Кесарь, какъ пишетъ Салюстій достовѣрный историкъ, въ приговорѣ своемъ, данномъ въ Сенатѣ, не пропустилъ упомянуть: что похищаются дѣвицы и отроки, отъимаются отъ объятій родительскихъ дѣти, жены претерпѣваютъ все, что побѣдителямъ угодно, расхищается богатство въ домахъ и въ храмахъ, дѣлается убійство, и производятся пожары: наконецъ оружіемъ, трупами, кровію и воплемъ все наполняется. Здѣсь ежели бы онъ умолчалъ о храмахъ, то подумали бы мы, что храмы боговъ щадимы были отъ непріятелей. И сіе не отъ чужестранныхъ непріятелей, но отъ Катилины и его общниковъ знатныхъ Сенаторовъ и гражданъ Римскихъ храмамъ дѣлаемо было. Но сіи были пагубные люди и разорители своего отечества.

Глава

Глава шестая.

О томъ, что ни самые Римляне никакого города не плѣнили, дабы въ храмахъ онаго пощадили побѣжденныхъ.

Начто намъ другіе народы, которыя между собою воевали, и никогда побѣжденныхъ въ храмахъ боговъ ихъ не щадили, исчислять: посмотримъ на самихъ Римлянъ, коимъ въ отмѣнную выхвалу сказано: „Щадятъ покаряющихся и поражаютъ гордыхъ, и что они „получивъ обиду, за лучшее почитали прощать „оную, нежели отмщевать:„ когда толикія и толь многія города, дабы имѣть пространное владычество, плѣненныя разоряли, пускай представятъ намъ, какой храмъ они выключили, съ тѣмъ, что ежели кто въ оный уйдетъ, тотъ остался бы невредимъ. Или они сіе дѣлали, но писатели ихъ дѣлъ о томъ умалчивали? Никакъ. Моглиль они пропустить толь знаменитыя по ихъ мнѣнію благоговѣнія знаки, которые всякія изыскивали мѣры въ выхвалу своего народа? Изряднѣйшій мужъ изъ Римлянъ Маркъ Маркеллъ, который завоевалъ наипрекраснѣйшій городъ Сиракузы, сказываютъ, плакалъ прежде, что такой городъ разрушится, и прежде пролитія гражданъ крови, свои проливъ слезы. Старался дабы цѣломудріе и у непріятелей сохранить. Ибо прежде нежели побѣдителемъ будучи повелѣлъ вступать въ городъ, запретилъ строго, дабы никто не дерзалъ дѣлать насилія женамъ. Однако разоренъ городъ по обыкновенію военному:

при всемъ томъ ни мало отъ толь цѣломудреннаго и милосердаго предводителя не было повелѣно, дабы тѣхъ не касаться, которые въ тотъ или другой убѣгутъ храмъ. Что конечно не было бы пропущено, когда не умолчано ни о его плачѣ, ни о томъ, что онъ приказалъ въ защищенiе цѣломудрiя. Фабiя разрушителя Тарента похваляютъ за то, что онъ не согласился похитить кумировъ. Ибо когда нѣкто ему напомянулъ о ваянiяхъ боговъ, коихъ множество взято, что съ ними повелитъ сдѣлать: скромность свою прикрасилъ шуткою. Ибо спросилъ: какiя онѣ? и когда ему донесено, что великiя и притомъ богато вооруженныя: сказалъ: оставимъ Тарентинцамъ гнѣвающихся на нихъ боговъ. И такъ когда ни объ онаго плачѣ, ни о смѣхѣ и шуткѣ сего, ни объ цѣломудрiи съ милосердiемъ онаго, ни о забавной скромности сего, писатели Римскiе умолчать не могли: то какъ бы пропустили они то, что въ честь нѣкоторыхъ боговъ предводители ихъ пощадили людей, запретивъ въ храмахъ оныхъ убивать и плѣнить.

Глава седьмая.

Что при разоренiи Рима жестокое приключилось по обыкновенiю военному, а милосердiе послѣдовало отъ всемогущества Христова.

И такъ въ семъ недавно приключившемся Рима пораженiи, все, то есть, опустошенiе, убiйство, расхищенiе, пожаръ, озлобленiе, все то причинило обыкновенiе военное. А что не-

необыкновенное учинилось, что свирѣпство варварское столь кроткимъ стало, что пространныя храмы Христіанскія, кои наполнены быть имѣли пощажденнымъ народомъ, избраны и опредѣлены, дабы въ оныхъ никого не убивать, дабы изъ оныхъ никого не похищать, дабы въ оныя даруемые свободою отъ сжалившихся непріятелей отводимы были: сіе Христову имени, сіе Христіанскимъ временамъ приписать надлежитъ; кто сего не видитъ, тотъ слѣпъ; кто видитъ, а непрославляетъ, тотъ неблагодаренъ; кто прославляющему противится, тотъ безуменъ. Не дай Богъ чтобъ кто сіе присвоилъ жестокости варварской. Тотъ звѣрскіе и безчеловѣчные умы устрашилъ, тотъ обуздалъ, тотъ укротилъ, который чрезъ Пророка за долго предвозвѣстилъ, сказавъ: „Посѣщу жезломъ беззаконія ихъ, „и ранами неправды ихъ, милость же мою не „разорю отъ нихъ.

Глава осьмая.

О прибыткѣ и предѣ, которыя и добрымъ и злымъ поболъшой части общими суть.

Скажетъ кто либо: такъ для чегожъ оное Божіе милосердіе коснулося и самыхъ нечестивыхъ? Для того, что простершій милосердіе свое къ нимъ, есть тотъ самой, который „солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.„ Ибо хотя нѣкоторые изъ нихъ о семъ размышляя, отъ нечестія исправляются: нѣкоторые же, какъ

какЪ АпостолЪ говоритЪ „нерадя о богатствѢ „благости и долготерпѢнія Божія, по жесто„кости своей и непокаянному сердцу собира„ютЪ себѢ гнѢвЪ вЪ день гнѢва и откровенія „праведнаго суда Божія, иже воздастЪ комуж„до по дѢломЪ его:„ однако долготерпѢніе Божіе кЪ покаянію призываетЪ злыхЪ, какЪ и наказаніе Божіе кЪ терпѢнію наставляетЪ добрыхЪ. Также милосердіе Божіе обЪемлетЪ изЪ любви добрыхЪ, какЪ строгость Божія восхищаетЪ кЪ наказанію злыхЪ. Ибо благоугодно было промыслу Божію пріуготовить наконецЪ благая праведнымЪ, коими не будутЪ насыщаться неправедные: и злая нечестивымЪ, коихЪ не постраждутЪ добрые. СимЪ же временнымЪ благимЪ и злымЪ благоволилЪ быть общими обоимЪ, дабы и благое не чрезмѢрно желаемо было, которое и злые имѢютЪ; и несчастія не удалялися, которое и добрые побольшой части претерпѢваютЪ. Различіе же наипаче состоитЪ вЪ употребленіи счастія или несчастія. Ибо сими временными благими добрый не возносится, ни злыми преодолѢвается: злый же для того таковымЪ несчастіемЪ наказывается, понеже щастіемЪ приходитЪ вЪ развратность. ПоказываетЪ однако БогЪ часто вЪ сихЪ раздѢленіяхЪ явно свое дѢйствіе. Ибо ежелибЪ всякій грѢхЪ явнымЪ наказаніемЪ нынѢ былЪ казнимъ, то подумалЪ бы всякЪ, что кЪ послѢднему суду ничего не оставляется. Также, ежелибЪ никакого преступленія нынѢ не наказывалЪ БогЪ, то всякЪ повѢрилЪ бы, что нѢтЪ никакого промысла.

По-

Подобно о щастіи сказать, ежели бы онаго Богъ нѣкоторымъ по прошенію ихъ очевидно не даровалъ, то сказали бы мы, что сіе къ нему нимало не принадлежитъ. Также ежели бы всѣмъ оное просящимъ даровалъ, то почлибы всѣ, что не для инаго чего либо благоугождать ему надлежитъ, какъ только для таковаго воздаянія. И таковое благоугожденіе не учинило бы насъ праведными, но наипаче желающими и сребролюбивыми. А когда такъ, то всѣ добрые и злые равное чтолибо пострадавшіе, различіе имѣютъ хотя то не различно, что обои претерпѣли. Ибо находится разность страдавшихъ въ подобіи претерпѣннаго. И хотя въ одинакомъ наказаніи, однако добродѣтель и порокъ не есть одно. Ибо какъ въ одномъ огнѣ злато сіяетъ, плевы сгараютъ, и подъ единымъ цепомъ плевы истончаются, жито же очищается: и не смѣшивается елей съ густотою, хотя въ одномъ гнетѣ выжимаемь бываетъ: такимъ образомъ одинакое приключеніе добрыхъ искушаетъ, и очищаетъ: злыхъ казнитъ, расхищаетъ, истребляетъ. Почему въ одной и той же скорби злые бога кленутъ, и злословятъ: добрые благодарятъ и прославляютъ. Толь то великое различіе дѣлаетъ, не сколь много кто, но каковымъ духомъ претерпѣлъ. Ибо равно взмѣшенное блато, и благовонная масть: одно гнусный запахъ, другая благовоніе испускаетъ.

Глава

Глава девятая.

О винахъ, ради которыхъ и добрые и злые равно наказуемы бываютъ.

И такъ что такое въ ономъ вещей смятеніи Христіане претерпѣли, которое бы не служило имъ къ благоуспѣшеству? Вопервыхъ о самыхъ грѣхахъ, коими раздраженъ будучи Богъ, наполнилъ толиками бѣдствіями міръ, смиренно разсуждая, хотя они злодѣяніямъ и нечестію непричастны, однако не столь отъ пороковъ признаваютъ себя чистыми, акибы недостойны они были временнымъ нещастіемъ быть наказаны. Ибо выключая то, что хотя кто похвально жизнь препровождаетъ, погрѣшаетъ однако въ чемъ либо, вразсужденіи тѣлеснаго вожделѣнія, хотя не въ ужасныя преступленія, и бездну беззаконій, или мерзость нечестія впадая, но въ нѣкоторыя согрѣшенія или рѣдкія, или и частыя, поелику оныя малы. И такъ выключивъ сіе, кто сыщется такой, которой бы тѣхъ самихъ, ради коихъ ужасной гордости, распутности, и сребролюбія, и мерзскихъ беззаконій и нечестія, Богъ какъ угрожая предвозвѣстилъ, сокрушаетъ землю, такъ почиталъ, какъ почитать должно; такъ съ ними жизнь препровождалъ, какъ жить надлежитъ? Ибо побольшой части въ разсужденіи того, когда таковыхъ наставляютъ, увѣщаваютъ, а иногда и обличаютъ, много дѣлается снисхожденія: или когда жалѣемъ трудовъ, или не хочемъ посрамить ихъ въ лице: или когда удаляемся

отъ ихъ злобы, дабы они не воспрепятствовали, и не причинили вреда въ временныхъ вещахъ: которыхъ или достигнуть стремится наше желаніе, или которыхъ лишиться боится наша слабость; такъ что (хотя добрымъ житіе злыхъ и неугодно, и того ради не впадаютъ съ оными въ ту казнь, которая послѣ сей жизни таковымъ приуготовляется, однако поелику беззаконіямъ оныхъ казни достойнымъ снисходятъ, когда ихъ въ своихъ хотя малыхъ и простительныхъ боятся) праведно съ оными временнымъ наказаніемъ наказуются, хотя отъ вѣчной казни избавлены будутъ. Праведно и достойно сію жизнь, когда отъ бога наказываемы бываютъ, горестною чувствуютъ съ тѣми, которыя сладость любя не хотѣли огорчить согрѣшающихъ Ибо естьли кто снисходитъ въ исправленіи и обличеніи дѣлающихъ злое, для того, дабы удобнѣйшее сыскать къ тому время, или боится, дабы они отъ того худшими не стались, или не учинили помѣшательства въ наставленіи другихъ немощныхъ къ добродѣтельной жизни, и не притѣснили бы и не отвратили оныхъ отъ вѣры: сіе не кажется поводомъ къ вождѣленію, но совѣтомъ любови. То охужденія достойно, что тѣ, кои отмѣнную жизнь препровождаютъ, и отъ дѣлъ злыхъ удаляются, однако снисходятъ грѣхамъ чужимъ, отъ которыхъ отвращать и отводить долженствовали, когда оныхъ боятся, дабы они не причинили вреда въ тѣхъ вещахъ, коихъ они безпрепятственно и

 не-

невинно употребляютЪ, сЪ большимЪ однако желаніемЪ, нежели надлежало, особливо тѣ, которые странствуютЪ вЪ семЪ мірѣ, и надѣются получить горнее отечество. Ибо нетолько немощнѣйшіе, жизнь пропровождающіе вЪ супружествѣ, имѣющіе дѣтей, или имѣть желающіе, домами и семѣйствомЪ обязанные: коихЪ наставляетЪ вЪ церкви АпостолЪ, и увѣщаваетЪ, какимЪ образомЪ жить должни и жены сЪ мужами, и мужи сЪ женами: и дѣти сЪ родителями, и родители сЪ дѣтми: и рабы сЪ господами, и господа сЪ рабами: много временнаго, много земнаго пріобрѣтаютЪ, и сЪ огорченіемЪ того лишаются: ради котораго не смѣютЪ оскорбить тѣхЪ, коихЪ житіе развращеннѣйшее и мерзостнѣйшее имЪ неугодно: но и тѣ, кои вышшей родЪ житія избрали, и не обязаны супружескими узами, и пищею малѣйшею и одѣяніемЪ довольствуются, побольшой части сберегая свою славу, и щадя здравія, боясь нападеній злыхЪ и развращенныхЪ людей, отЪ обличенія оныхЪ удерживаются. И хотя не столь ихЪ страшатся, дабы изЪ страха чтолибо имЪ подобное дѣлали, однако того самаго, чего сЪ оными не дѣлаютЪ, не хотятЪ охуждать, когда можетЪ быть нѣкоторыхЪ могли бы, охуждая то, исправить: дабы, ежели того не учинятЪ, не подвергнуть себя бѣдствію. Сіе не сЪ тѣмЪ разсужденіемЪ дѣлаютЪ, что почитаютЪ здравіе свое и славу полезною и нужною для наставленія людей, но наипаче по той слабости, которая удовольствіе себѣ получаетЪ

отЪ

отъ ласкательствующаго языка, и человѣческаго дне: (1) и что боятся разсудковъ людскихъ, и терзанія плоти или и умерщвленія: тоесть дѣлаютъ сіе для нѣкотораго союза вожделѣнія, а не для долга любви. И такъ мнѣ немаловажною представляется виною, для чего добрые наказываются съ злыми, когда Богу благоугодно развращенныя нравы нанесеніемъ временной казни наказать. Ибо наказываются купно не для того, ажибы купно препровождали злую жизнь, но понеже купно любятъ временную жизнь: хотя правда неравно, однако купно, которую добрые презирать долженствовали, дабы оные обличены будучи и исправлены пріобрѣли вѣчную. Къ достиженію которой, ежели бы не восхотѣли быть общниками, то покрайней мѣрѣ подали бы знакъ, что любимъ враговъ: (2) понеже покуда въ живыхъ находятся, всегда не извѣстно, перемѣнятъ ли волю свою и хотѣніе на лучшее. Въ чемъ не равную, но несравненно тяжчайшую вину имѣютъ тѣ, которымъ чрезъ Пророка сказано: „Той убо во грѣсѣ своемъ умретъ, „крови же его отъ руки приставника взыщу.„ (3) Ибо для того приставники, тоесть старѣйшины поставлены въ церкви, (4) дабы не щадили обличать (5) и охуждать беззаконія. Присемъ томъ не невиноватъ и тотъ, который хотя начальникомъ не поставленъ, однако въ тѣхъ, съ коими сея жизни нуждами связанъ; примѣчая много исправленія достойнаго или обличенія, ежели нерадитъ уклоняяся опасности отъ нихъ, въ разсужденіи потерянія

тѣхъ вещей, коихъ не какъ надлежало употребляетъ, но выше мѣры оными утѣшается. Вовторыхъ имѣютъ добрые другую вину, для которой временнымъ истязываются наказанïемъ, каковую имѣлъ Iовъ: (6) тоесть дабы духъ человѣческïй былъ извѣстенъ, съ коликимъ благоговѣнïемъ туне любитъ бога. Сïе разобравъ и разсудивъ, посмотри, приключилось ли какое зло вѣрнымъ и благочестивымъ, которое бы не обратилось во благо. Развѣ только подумаемъ, что тщетно есть оное Апостольское слово, въ которомъ говоритъ: „Вѣмы, „яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во „благое.„ (7)

Глава десятая

О томъ, что святые въ потерянïи временныхъ вещей ничего не лишаются.

Потеряли все, что имѣли. Но не уже ли вѣру? Не уже ли благоговѣнïе? Не уже ли благо внутренняго человѣка, который богатъ предъ Богомъ? Сïе есть богатство христïанъ, которымъ обогатившись Апостолъ говорилъ: „Есть же прïобрѣтенïе велïе благочестïе съ до„вольствомъ. Ничтоже бо внесохомъ въ мïръ „сей, слѣдовательно и изнести ничего не мо„жемъ. Имуще же пищу и одѣянïе, сими до„вольни да будемъ. Ибо хотящïи богатитися, „впадаютъ во искушенïе и въ сѣти и вожде„лѣнïя многïя несмысленныя и вредныя, ко„торыя погружаютъ человѣка въ бездну и „погибель. Корень всѣхъ золъ есть сребро-

„лю-

„любіе, котораго нѣкоторые желая отъ вѣры „отпали, и вринули себя во многія печали. (1) И такъ которые во время онаго расхищенія Рима, лишилися земнаго богатства, ежели оное такъ почитали, какъ слышали отъ сего по наружности нищаго, а по внутренности богатаго (Павла): то есть ежели міръ употребляли такъ какъ бы не употребляя, тѣ могли сказать съ онымъ сильно искушеннымъ, и непреодолѣннымъ (Іовомъ): „Нагъ изыдохъ отъ „чрева матере моея, нагъ и возвращуся „въ землю. Господь даде, Господь отъятъ: „якоже господеви изволися, тако бысть: бу„ди имя Господне благословено.„ Какъ добрый рабъ вмѣсто великаго богатства имѣлъ самую волю Господа своего, которому повинуяся обогащался мыслію, и не безпокоился, что лишался вещей тѣхъ, которыя вскорѣ умирая имѣлъ оставить. Немощнѣйшіе же, которые богатство хотя не предпочитали Хрісту, однако нѣкоторымъ вожделѣніемъ привязаны были къ оному, тѣ сколько погрѣшили любя тое, оное лишась почувствовали. Ибо столькожъ они печалились, сколько прежде объ оныхъ заботились, по вышепомянутому Апостольскому слову. Ибо надлежало, дабы тѣ наставлены были самымъ опытомъ, которые нерадѣли о наставленіи словесномъ. Понеже когда сказалъ Апостолъ; „Хотящіи богатитися, впадаютъ во искушеніе,„ и проч. то всенепремѣнно пристрастіе къ богатству охуждалъ, а не самое богатство, когда на другомъ мѣстѣ повелѣлъ: „Богатымъ въ нынѣшнѣмъ вѣкѣ

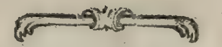
 „за-

„запрещай не высокомудрствовати, ни уповати „на погибающее богатство, но на Бога жива, „дарующаго намъ вся обильно въ наслажденіе: да „дѣлаютъ доброе, да богатятся добрыми дѣ„лами, да подаютъ, да даруютъ другимъ, да „сокровиществуютъ себѣ основаніе доброе на „будущее время, да пріимутъ вѣчную жизнь.„ Сіе которые дѣлали изъ своего богатства, тѣ воображеніемъ великаго прибытка въ маломъ убыткѣ утѣшались, и больше радовались о томъ, что расточивъ вѣрнѣе сохранили, нежели скорбѣли о томъ, что удержавъ удобнѣе потеряли. Ибо сіе могло на земли погибнуть, чего пожалѣли инуда пренесть: понеже которые приняли совѣтъ Господа своего, глаголющаго: „Не скрывайте себѣ сокровища на „земли, идѣже моліе и тля тлитъ, и идѣже „татіе подкопываютъ и крадутъ: но скрывай„те себѣ сокровище на небеси, аможе тать „не достигаетъ, и моліе не растлѣваютъ. (2) И„дѣже бо сокровище твое, ту и сердце твое „будетъ. Извѣдали опытомъ въ прискорбное время, сколь они благоразумны были, не презирая неложнаго наставника, и сокровища своего вѣрнѣйшаго и не препобѣдимаго Хранителя. Ибо ежели многіе радовались, что тамъ имѣли положенное богатство, куда не случилось непріятелю итти; колми паче справедливѣе радоваться могли, которые по наставленію Бога своего туда сокровище скрыли, куда никакой непріятель достигнуть не можетъ. Чего для Паулинъ нашъ Ноланскій Епископъ, который изъ наибогатѣйшаго доброволно ставши

ши нищимъ, но въ святости избыточествующимъ; когда самой городъ Нолу варвары опустошали, и содержали въ осадѣ, такимъ образомъ въ сердцѣ своемъ, какъ самъ послѣ намъ открылъ, молился: Господи не попусти, дабы меня мучили изъ злата и сребра: ибо гдѣ находится все сіе, ты знаешь. (3) Понеже все свое имѣніе тамъ онъ хранилъ, гдѣ хранить и сокровиществовать совѣтовалъ и научалъ той, который предсказалъ, что бѣдствіе на міръ имѣетъ пріити. И чрезъ сіе всѣ послушавшіи наставленія Господа своего, которой изъяснялъ, гдѣ и какимъ образомъ скрывать сокровище надлежитъ, ни самыхъ земныхъ богатствъ, во время нашествія варваровъ не лишился. Которые же не сожалѣли о томъ, что не повинулись гласу учителя своего, тѣ, что съ таковыми вещми дѣлать должно, когда предварительно разумомъ опредѣлить не хотѣли, послѣдовавшимъ потомъ опытомъ познали. Но добрые нѣкоторые христіане жестоко мучены были, дабы открыли о своемъ имѣніи непріятелямъ. Пускай такъ, но ежели они были прямо добрые, то ни показать ни лишиться сокровища своего они не могли, которымъ сами они были. (4) Ежели же были мучимы, и не восхотѣли открыть маммоны неправды, (5) то они не были добрыми. Поучить ихъ надлежало, которые за злато столько претерпѣли, сколько за Христа страдать долженствовало: дабы они того наипаче любили, который страждущихъ за имя свое вѣчнымъ обогащаетъ блаженствомъ, а не злато и сре-

бро, за которое страдать нещастнѣйшее есть дѣло, которое сберегается лжею, ежели же истинну сказать, то открывается и похищаемо бываетъ. Ибо Христа въ мученіи исповѣдая никто не лишился, злата же никто немогъ уберечь не отрекшись и не запершись. Чего для полезнѣйшими можетъ статься были мученія, которыя научали благо нетлѣнное любить, нежели то добро, которое безъ всякаго полезнаго плода обладающихъ собою мучило. Но многіе мучены и таковые, которые ничего не имѣли, а только думали о нихъ, что имѣютъ. Можетъ быть таковые имѣть желали, и не съ святымъ хотѣніемъ были нищими: которымъ показать надлежало, что не богатство, но самое того вожделѣніе таковыхъ достойно мученій. Ежели же изъ намѣренія пріобрѣсть лучшій животъ, не имѣли сокровеннаго здѣсь злата и сребра, то незнаю, случилось ли кому изъ таковыхъ, дабы его мучили за то, что думали о немъ, акибы онъ имѣетъ. Привсемъ томъ, ежели и сіе случилось, то конечно таковый исповѣдая въ мученіяхъ нищету свою, Христа исповѣдалъ. Чего для хотя ему непріятели и не повѣрили, однако не могъ таковой исповѣдникъ святой нищеты безъ небеснаго мздовоздаянія мученъ быть.

Глава



Глава первая надесять

О концѣ превратной жизни какъ долголѣтной такъ и краткой.

Говорятъ также, что многіе Христіане долговременнымъ гладомъ изнурены. Но и сіе самое благовѣрные безъ роптанія снося, въ пользу себѣ обратили. Ибо кои гладомъ умерли, тѣ восхищены отъ бѣдствій жизни сея, такъ какъ болѣзнію тѣлесною. Коихъ же гладъ не умертвилъ, тѣхъ научилъ воздержнѣе жизнь препровождать, научилъ долговременнѣе поститься. Но многіе также Христіане убиты, многіе поносными видами смерти скончались. Сего за прискорбное почесть не можно, понеже оно всѣмъ рожденнымъ на свѣтъ есть общее. То одно знаю, что никто не умеръ, которой бы не имѣлъ умереть. Конецъ жизни какъ долголѣтную, такъ и краткую дѣлаетъ одинаковою. Ибо ни одно нелучше, ни другое не хуже, ни одно болѣе, ни другое короче, когда все равно. Чтожъ въ томъ нужды, какимъ родомъ смерти жизнь сія ни оканчивается, когда тотъ, чья жизнь оканчивается, вторично умереть принуждаемъ не бываетъ. А какъ каждому изъ смертныхъ всегдашнимъ подверженныхъ случаямъ безчисленныя угрожаютъ смерти, и неизвѣстно, которая кому приключится: то вопрошаю, что лучше, одну ли претерпѣть смерть умирая, (1) или всѣхъ страшиться живучи? Я вѣдаю, что нерадѣніе избираетъ лучше жить подъ страхомъ безчисленныхъ смертей, нежели од-

нажди умерши, ни одной болѣе не страшится. Но иное есть, чего робкость тѣлесныхъ чувствъ уклоняется; иное что здравый разумъ справедливымъ признаваетъ. Злою смерть почитать не должно, которую предварила добродѣтельная жизнь. Ибо ничто не дѣлаетъ смерти злою кромѣ того, что слѣдуетъ послѣ смерти. И такъ не много заботиться о томъ должно тѣмъ, коимъ по необходимости умереть надлежитъ, что такое приключилось, которое было виною ихъ смерти, но о томъ разсуждать имъ потребно, куда по смерти преселятся. Почему когда извѣстно Христіанамъ, что несравненно лучшею была смерть добродѣтельнаго нищаго (Лазаря) (2) который при кончинѣ своей не имѣлъ никого предстоящихъ, кромѣ псовъ лижущихъ раны его, нежели нечестиваго богача въ порфирѣ и виссонѣ: (3) то ужасныя оныя виды смертей какой вредъ причинили тѣмъ, которые благонравно жизнь препроводили?

Глава втораянадесять

О погребеніи человѣческихъ тѣлъ, которое хотявъ христіанамъ было позбранено, никакого не дѣлаетъ преда.

Но въ толикомъ множествѣ пораженныхъ тѣлъ многіе непогребенными (изъ христіанъ) остались. Однако вѣра того не страшится, воображая то, что предречено, а имянно, что трупы оныя снѣдающіе звѣри, тѣламъ, кои воскреснуть имѣютъ, вреда причинить не могутъ,

гутЪ, когда „и власЪ главы не погибнетЪ.„ Ибо не сказала бы истинна: „Не убойтеся отЪ убивающихЪ тѣло, души же не могущихЪ убити;„ ежели бы то вредЪ какой либо причиняло, что враги сЪ тѣлами умервщленныхЪ дѣлать хотѣли. развѣ кто сыщется столь несмысленЪ, который будетЪ прекословить, что тѣхЪ, кои убиваютЪ тѣло, не должно бояться прежде смерти, дабы они не умертвили тѣла, но что боятся надлежитЪ, дабы они не возбранили, чтобЪ тѣло погребено не было. Слѣдователно ложно то, что ХристосЪ говоритЪ: то есть, что тѣ, кои убиваютЪ тѣло, по смерти не могутЪ ничего болѣе дѣлать. Ежели имѣютЪ власть великое нѣчто дѣлать надЪ тѣлами. Не дай же БогЪ, чтобЪ то было несправедливо, что сказала истинна. Ибо сказано, что убивающіе тѣло нѣчто дѣлаютЪ убивая тѣло, понеже есть чувство вЪ тѣлѣ умервщляемомЪ: а послѣ того не имѣютЪ силы здѣлать что либо, понеже вЪ тѣлѣ умервщленномЪ нѣтЪ уже болѣе чувства. И такЪ многія тѣла христіанЪ остались землею не покровенны: привсемЪ томЪ ни одного изЪ нихЪ отЪ неба и земли отлучилЪ, которую наполняетЪ вездѣсущіемЪ своимЪ Той, Которой знаетЪ, откуда воскресить собою созданное. Правда пишется во Псалмѣ: „Положиша трупія рабЪ твоихЪ брашно птицамЪ „небеснымЪ, плоти преподобныхЪ твоихЪ „звѣремЪ земнымЪ. Проліяша кровь ихЪ яко „воду окрестЪ Іерусалима, и не бѣ погре„бающій„: (1) Но сіе сказано наипаче для увели-

чѣнія

ченія варварства тѣхъ, кои то учинили, нежели ради нещастія тѣхъ, кои оное претерпѣли. Ибо хотя оное въ разсужденіи зрѣнія людскаго и кажется жестокимъ и немилосерднымъ; но „честна предъ Господемъ смерть „преподобныхъ его „. И для того все то, то есть пріуготовленіе къ погребенію, балсамированіе, погребателные церемоніи, болѣе служатъ къ утѣшенію живыхъ, нежели къ ползѣ умершихъ. Ежели бы пользу дѣлало нечестивому (2) богатое погребеніе; то другимъ причинялобы вредъ убогое, а наипаче ежелибъ кто либо не удостоился никаковаго. Знатное погребеніе въ разсужденіи зрѣнія людскаго учинили рабы богатому оному облачавшемуся въ порфиру: но несравненно знаменитѣйшее здѣлали Ангели оному нищему гноемъ обтекшему, которые не въ марморной его отнесли гробъ, но пренесли на лоно Авраамово. Смѣются сему тѣ, противъ коихъ мы защищать градъ Божій предприняли: (3) привсемъ томъ и Философы ихъ презирали попеченіе о погребеніи, (4) и всѣ арміи, за земное сражаяся отечество, и умирая, не заботились о томъ, въ какомъ мѣстѣ, и какимъ звѣрямъ въ пищу они достанутся. (5) И стихотворцы съ одобреніемъ о томъ говорятъ „: (6) Небомъ покрывается, кто не „имѣетъ гробницы „. Следовательно тѣмъ меньше должны насъ (язычники) упрекать не погребенными тѣлами христіанъ, которымъ обѣщано и самаго тѣла, и членовъ всѣхъ возобновленіе не только отъ земли самой, но и изъ внутреннихъ нѣдръ другихъ стихій, въ ко-

которыя трупы обратились, имѣющія „въ „мгновеніи ока„ (7) возвращены быть и возобновлены.

Глава Третіянадесять

Какая есть вина погребать тѣла Святыхъ.

При всемъ томъ не должны безъ погребенія повергать тѣлъ умершихъ, а особливо Святыхъ и вѣрныхъ, которыхъ какъ бы орудій и сосудовъ на всѣ добрыя дѣла употреблялъ духъ Святый. Ибо ежели родительская одежда или перстень и прочее таковое тѣмъ бываютъ пріятнѣе, чемъ кто болѣе къ родителемъ пламенѣетъ любовію: то кольми паче не надлежитъ презирать тѣхъ, которыя намъ свойственнѣе и союзнѣе, нежели всякое носимое нами одѣяніе. Ибо оныя не къ украшенію (1) или къ вспомоществованію наружному, но къ самой природѣ человѣческой принадлежатъ. Почему и древнихъ Святыхъ о тѣлахъ должное прилагаемо было попеченіе къ погребенію, и отправляемо было самое погребеніе и поминовеніе. И сами они будучи въ живыхъ о погребеніи своихъ тѣлъ, или о пренесеніи оныхъ, потомкамъ заповѣдывали. И Товія (2) погребая мертвыхъ, обрѣлъ благодать предъ Богомъ, какъ свидѣтельствовалъ Ангелъ. И самъ Господь, который имѣлъ въ третій день воскреснуть, благоговѣйной жены доброе дѣло (3) проповѣдаетъ, и повелѣваетъ проповѣдывать, которая драгоцѣнный муръ излила на члены его,

его, и устроила его на погребеніе. И съ похвалою также въ Евангеліи воспоминаются тѣ, которые снявъ съ креста тѣло Его, тщательно обвили, и погребенію предали. (4) Но сіи примѣры не то намъ внушаютъ, акибы въ трупахъ находится нѣкое чувство, но означаютъ, что къ Божію промыслу, которому таковыя человѣколюбныя дѣла благоугодны, и тѣла умершихъ принадлежатъ, ради утвержденія вѣры вразсужденіи воскресенія. Въ сихъ дѣйствіяхъ и о томъ дается намъ знать, коликое есть воздаяніе за милостыни, (5) которыя мы живущимъ и чувствующимъ раздаемъ; когда у Бога и то не забвенно, что безчувственнымъ тѣламъ по долгу оказываемъ. Правда находятся и другія примѣры Святыхъ Патріарховъ, (6) которые что о погребеніи или пренесеніи тѣлъ своихъ ни завѣщавали, все то какъ пророчество разумѣть должно: однако здѣсь намъ не мѣсто о томъ говорить, когда довольно мною сказаннаго. И ежели потребное для продолженія житія живыхъ, какъ то пища и одѣяніе, хотя не не огорчительно, когда оныхъ не достаетъ, однако не преодолѣваютъ въ добродѣтельныхъ къ претерпѣнію и сношенію того крѣпости, и не истребляютъ отъ сердца благоговѣнія, но наипаче дѣлаютъ по искуш іи оную плодоноснѣйшею: то можетъ ли здѣлать нещасными покоящихся уже въ сокровенныхъ святыхъ храмахъ, недостатокъ и лишеніе того, что при погребеніи наблюдается умершихъ? И такъ когда во время разоренія Рима или другихъ городовъ

сего

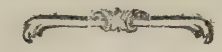
сего лишилися многія Христіанскія тѣла погребенія, въ томъ нѣтъ вины ни въ живыхъ оставшихся, поелику они того учинить были не въ силахъ, ни знака наказанія мертвыхъ, которые уже того не могли чувствовать.

Глава четвертаянадесять.

О плѣненіи Святыхъ, которые никогда Божескаго утѣшенія лишаемы не были.

Говорятъ также, что многіе Христіане въ плѣнъ отведены. Правда великое было бы сіе нещастіе, ежелибы они въ такое мѣсто заведены были, гдѣбы не могли найти Бога своего. Находятся въ Священномъ Писаніи величайшія въ семъ случаѣ утѣшенія, были въ плѣнѣ три отроки, (1) былъ Даніилъ, были другіе Пророки, (2) и Богъ пребывалъ съ ними утѣшая ихъ. И такъ не оставилъ Богъ вѣрныхъ своихъ, когда были они подъ владѣніемъ варварскаго народа, которой не оставилъ Пророка во чревѣ китовѣ. (3) И сему они, тоесть тѣ, противъ коихъ мы пишемъ, смѣются, и не вѣрятъ: а сами напротивъ въ своихъ книгахъ за истинное признаваютъ, что Аріонъ Миѳимнійскій знатный гуслистъ, (4) когда бросился изъ корабля въ море, подхваченъ былъ Делфиномъ (свиньею морскою) и на матерую землю вывезенъ. Однако наша оная о Іонѣ Пророкѣ повѣсть невѣроятнѣе? Совершенно невѣроятнѣе, понеже чуднѣе, и чуднѣе потому, понеже могущественнѣе.

Глава



Глава пятаянадесять.

О Регулѣ, которой представляетъ на себѣ примѣръ плѣна за законъ добропольно претерпѣпаемаго: что однако ему было безполезно, понеже почиталъ боговъ.

Имѣютъ однако и они, что должно за законъ доброволвно претерпѣвать плѣнъ, между своими знаменитыми мужами примѣръ. Маркъ Аттилій Регулъ (1) полководецъ Римскій въ плѣнъ взятъ былъ Карѳагенцами, которые желая наипаче того, дабы возвращены были ихъ воины, коихъ плѣнили Римляне, нежели содержать у себя римскихъ плѣнниковъ; то для испрошенія того послали съ прочими послами и сего Регула, взявъ отъ него клятвенное обѣщаніе, чтобъ онъ возвратился въ Карѳагенъ, ежели желаемаго ими не исходатайствуетъ. Отправился онъ, и прибывъ въ Римъ, присовѣтовалъ въ сенатѣ желанію Карѳагенцовъ противное, понеже онъ признавалъ неполезнымъ для республики Римской размѣнъ учинить плѣнникамъ. Послѣ того совѣта не принуждали его Римляне возвратиться къ Карѳагенцамъ. Но онъ какъ клялся, такъ не принужденно то и исполнилъ. А Карѳагенцы его нововымышленными и страшными умертвили мученіями Ибо заключивъ его въ тѣсную нѣкотораго рода бочку набитую со всѣхъ сторонъ гвоздми острѣйшими, дабы онъ принужденъ былъ стоя не обращаться ни куда безъ жесточайшихъ терзаній; безсонницею уморили. (2) Достойно подлинно выхва-

хваляютЪ мужество превышающее толь величайшее нещастіе. Богами онЪ клялся, за возбраненное коихЪ почитаніе, говорятЪ нынѣ, такія бѣдствія роду человѣческому приключились. ТакЪ какимЪ же образомЪ ихЪ почитали, дабы они сію жизнь дѣлали благополучною, когда справедливо клявшемуся и клятвы не преступившему или восхотѣли или попустили такимЪ подпасть мученіямЪ, которыхЪ болѣе и на самыхЪ вѣроломцовЪ и клятвонарушителей навести не могли. Но для чего разсужденія своего не заключаю Дилеммою? Ежели подлинно почиталЪ онЪ БоговЪ, когда ради данной клятвы не хотѣлЪ ни вЪ отечествѣ своемЪ остаться, ни вЪ другое какое удалиться мѣсто, но разположился возвратиться кЪ безчеловѣчнымЪ непріятелямЪ; сіе ежели онЪ полезнымЪ для здѣшней жизни почиталЪ, которыя онЪ толь ужасный конецЪ получилЪ, то безЪ сумнѣнія онЪ обманывался, и ошибался. Ибо своимЪ доказалЪ примѣромЪ, что боги вразсужденіи благополучія сея жизни ни мало не помогаютЪ своимЪ почитателямЪ, когда самЪ онЪ крайне предавшійся ихЪ почитанію, и побѣжденЪ, и плѣненЪ: и понеже не хотѣлЪ инако поступить, а только такЪ, какЪ онЪ чрезЪ боговЪ клялся, то новымЪ и неслыханнымЪ казни видомЪ мученЪ бывши, лишился жизни. Ежели же почитаніе боговЪ послѣ сей жизни вмѣсто воздаянія даруетЪ благополучіе, то для чего клевещутЪ на христіанскія времена, говоря, что для того бѣдствіе Риму приключилось, понеже онЪ бо-

боговЪ своихЪ почитать престалЪ, когда тотЪ же РимЪ тщательно почитая боговЪ, могЪ также нещастливымЪ быть, какЪ и оный РегулЪ? РазвѢ можетЪ быть кто противЪ очевидной истинны, зараженЪ будучи безуміемЪ чудной слѢпоты, станетЪ прекословить, и говорить, что цѢлой городЪ почитающій боговЪ несчастливымЪ быть не можетЪ, а одинЪ человѢкЪ можетЪ: понеже могущество ихЪ боговЪ многихЪ наипаче сохранить вЪ силахЪ, нежели каждаго особенно: когда извѢстно, что множество состоитЪ изЪ частныхЪ и особенныхЪ лицЪ. Когда же говорятЪ, что МаркЪ РегулЪ вЪ самомЪ плѢнѢ, вЪ самыхЪ оныхЪ тѢлесныхЪ мученіяхЪ, могЪ быть блаженнымЪ вразсужденіи душевной добродѢтели: слѢдовательно истинную добродѢтель долженЪ снискивать городЪ, дабы возмогЪ быть блаженнымЪ. Ибо не отЪинуда бываетЪ городЪ благополучнымЪ, и не отЪинуда человѢкЪ: когда городЪ не что другое есть, какЪ согласное множество людей. Чего для я теперь не вхожу вЪ разбирательство того, каковая была вЪ РегулѢ добродѢтель. Довольно того, что симЪ знаменитымЪ примѢромЪ принуждены они признаться, что боговЪ почитать надлежитЪ не для тѢлесныхЪ благЪ, или тѢхЪ вещей, которыя по наружности намЪ приключаются: когда РегулЪ лучше восхотѢлЪ всего сего лишиться, нежели раздражить боговЪ, коими клялся. Но что дѢлать сЪ такими людьми, которые хвастаютЪ, что таковаго имѢли гражданина, каковымЪ

вымЪ не хотятЪ имѣть цѣлаго города? Ежели они не страшатся, то пускай признаются, что могло приключиться нѣчто такое городу Риму тщательно боговЪ почитающему, что приключилось Регулу, и на христіанскія времена пускай не клевещутЪ. Но понеже начался вопросЪ о христіанахЪ тѣхЪ, кои вЪ плѣнЪ отведены: то пускай посмотрятЪ на свой примѣрЪ, и умолкнутЪ, которые спасительному благочестію безстыдно и безумно насмѣхаются. Понеже естьли для боговЪ ихЪ не было поносительно, что усерднѣйшій ихЪ почитатель, чтобЪ не быть данной онымЪ клятвы нарушителемЪ, лишился отечества, когда другаго не имѣлЪ, и плѣненЪ будучи у непріятелей томною смертію, и мученіемЪ новаго безчеловѣчія умерщвленЪ: тѣмЪ меньше должны поносить имя Христіанское, что Христіане, то есть, находятся вЪ плѣнѣ, которые горняго отечества по неложной вѣрѣ ожидая, и вЪ своихЪ жилищахЪ почитали себя странниками и пришельцами.

Глава шестаянадесять.

БлудодѣйствомЪ, которое можетЪ быть претерпѣли и добродѣтельныя дѣвицы, могла ли оскверниться добродѣтель душевная безЪ соизволенія.

ДумаютЪ, что великое нѣчто предлагаютЪ ХристіанамЪ, когда увеличивая ихЪ плѣненіе, прибавляютЪ, что многія подѣланы блудодѣйства ХристіанкамЪ, не только за-

мужнимъ, и дѣвицамъ обрученнымъ въ замужство, но и нѣкоторымъ монахинямъ. Въ семъ случаѣ не вѣра, не набожность, не самая добродѣтель, нарицаемая цѣломудріемъ или чистотою, но наше состязаніе между стыдомъ и благоразуміемъ нѣкоторымъ образомъ стѣсняется. Мы не о томъ здѣсь попеченіе прилагаемъ, дабы иновѣрцамъ дать отвѣтъ, какъ, чтобъ нашимъ единовѣрнымъ подать утѣшеніе. И такъ пускай почтено будетъ за истинное, что добродѣтель, коею право живетъ человѣкъ, изъ жилища душевнаго членами тѣлесными управляетъ, и тѣло святымъ бываетъ чрезъ употребленіе святой воли. Которое ежели неоспоримо и твердо, то во всемъ, что другій о тѣлѣ или въ тѣлѣ ни учинитъ, чего безъ собственнаго грѣха избѣжать не можно, нельзя почесть виновнымъ претерпѣвшаго. Но понеже не только что касается до болѣзни, но и похоти, въ тѣлѣ чуждомъ все содѣлано быть можетъ, то все, чтобъ таковое содѣлано ни было, хотя твердости цѣломудрія душевнаго не повреждаетъ, однако стыдъ наводитъ; дабы не подумалъ кто, что оное претерпѣно съ соизволеніемъ душевнымъ, которое можетъ статься безъ нѣкотораго тѣлеснаго удовольствія быть не могло. И по сему, которыя себя умертвили, дабы чего таковаго не пострадать, какой немилосердый оныхъ не извинитъ? и которыя умертвить себя не восхотѣли, дабы не убѣжать чужаго злодѣянія и беззаконія, самоубійствомъ, тѣмъ ежели кто сіе въ порокъ причтетъ, тотъ самъ не избѣжитъ порока безумія.

Глава седмаянадесять.

О самоизвольной смерти по причинѣ страха казни или безчестія.

Когда не позволяется частною властію никому убить человѣка, или злодѣя: которой вольности никакой законъ не даетъ: то и тотъ всенепремѣнно есть человѣкоубійцею, которой самаго себя убиваетъ. И тѣмъ виноватѣе бываетъ, когда себя умертвитъ, чемъ менѣе вины имѣлъ, за которую себя умертвить рѣшился. Ибо ежели поступокъ Іудинъ (1) достойно проклинаемъ, и признаемъ, что его истинна судитъ, (2) и вѣдаемъ, что онъ удавленіемъ себя, беззаконнаго онаго предательства не только не очистилъ, но наипаче увеличилъ оное, понеже отчаяваясь милосердія Божія, и погибельно (3) раскаяваясь, никакого себѣ мѣста къ спасительному покаянію не оставилъ: кольми паче воздерживаться долженъ отъ убіенія себя тотъ, который не находитъ въ себѣ таковой казни достойнаго. Ибо Іуда себя умертвивъ, умертвилъ беззаконника: однако жизнь скончалъ виновнымъ и въ Христовой смерти и своей; понеже за свое злодѣяніе, другимъ злодѣйствомъ лишилъ себя жизни.

Глава осмаянадесять.

О насильственномъ блудодѣйствѣ, которое душа въ насилуемомъ тѣлѣ безъ соизволенія претерпѣваетъ.

И такъ для чего человѣкъ, которой ничего худаго не дѣлаетъ, себѣ злодѣйствовать

 бу-

будетъ, и себя самаго убивая, человѣка убивать невиннаго, дабы не пострадать чего отъ злодѣющаго, и надъ собою дѣлать беззаконіе собственное, дабы не претерпѣть беззаконія чуждаго? Но человѣкъ боится, дабы не осквернила его чужая похоть. Не осквернитъ, ежели будетъ чужая. Естьли же осквернитъ, то не будетъ чужая. Но когда цѣломудріе есть душевная добродѣтель, и общницею имѣетъ другую добродѣтель мужество, (1) которое всякое зло претерпѣвать наипаче, нежели на оное соглашаться намѣреваетъ: ни одинъ же мужественный (2) и цѣломудренный человѣкъ не имѣетъ во власти своей того, что надъ тѣломъ его дѣлается, а только то, на что онъ соглашается, или что отвергаетъ умомъ. И такъ кто изъ благоразумныхъ вообразитъ себѣ, что онъ теряетъ цѣломудріе, когда въ объятомъ и притѣсненномъ его тѣлѣ исполняется чуждая похоть? Ибо ежели такимъ образомъ цѣломудріе погибаетъ, то уже цѣломудріе не будетъ добродѣтелію душевною, и не будетъ принадлежать къ тому благу, (3) которое составляетъ изрядство въ жизни, но считаться будетъ между тѣлесными благими: каковыми суть, силы, красота, совершенное здравіе, и подобное таковое, изъ коихъ хотя иное и уменшается, (4) однако тѣмъ самимъ благая и праведная жизнь не умаляется. Ежели цѣломудріе есть изъ числа таковыхъ, то для чего тщимся съ бѣдствіемъ даже тѣлеснымъ сберегать оное? А ежели оно есть душевнымъ

добромЪ, то и тогда, когда насиліе претерпѣваетЪ тѣло, оно не погибаетЪ. (5) Но что болѣе? Оно есть благомЪ святаго воздержанія, когда нечистотѣ тѣлесныхЪ вожделѣній неповинуется, и самое тѣло освящаетЪ. И потому, что оно тѣмЪ не покаряется, и чистота вЪ самомЪ тѣлѣ не погибаетЪ, (6) понеже оное свято и Богоугодно употреблять продолжается хотѣніе, также, сколько силЪ есть, возможность. Ибо тѣло не тѣмЪ есть свято, что члены его не повреждены, или тѣмЪ, что никакихЪ прикосновеній не претерпѣли, когда можетЪ различными случайностями уязвленное претерпѣвать насиліе: и врачи иногда помогая здравію, то надЪ нимЪ прозводятЪ, чего взорЪ ужасается. Повивальная бабка нѣкоторой дѣвицы испытывая рукою непорочность, или по злобѣ, или по невѣжеству, или по случаю, оную нарушила. Я не думаю, чтобЪ кто былЪ столь безуменЪ, которой бы подумалЪ, что оная дѣвица потеряла непорочность тѣлесную, которыя нарушены уды. И такЪ ежели намѣреніе пребываетЪ твердо, чрезЪ которое освящается и тѣло, то не лишаетЪ человѣка насиліе чуждой похоти, святости тѣлесной, которую охраняетЪ неизмѣняемость собственнаго воздержанія. Или ежели бы какая либо жена принявЪ развращеніе вЪ мысли, и нарушивЪ намѣреніе, которое Богу обѣщала, стремилась кЪ прелестнику своему, то не уже ли оную назовемЪ по тѣлу святою, которая потеряла святость душевную, которою освящалось тѣло?

ло? Никакъ. Мы отсюда должны научаться, что не погубляется святость тѣлесная, когда невредима пребываетъ святость душевная: такъ какъ теряется святость тѣлесная, когда нарушается святость душевная, хотябы тѣлу никто не прикасался. И потому, когда не имѣетъ ничего въ себѣ жена самопроизвольной смерти достойнаго, которая безъ своего на то соизволенія претерпѣла насиліе, и обременена грѣхомъ чужимъ: то кольми паче не должна она дѣлать извѣстнаго человѣкоубійства, когда опасается во первыхъ чужаго, во вторыхъ неизвѣстнаго беззаконія. Что? Не уже ли противъ сего ясного доказательства, которымъ утверждаемъ, что въ насилуемомъ тѣлѣ, безъ нарушенія намѣренія чистоты съ другой стороны, и безъ соизволенія на оное беззаконіе, тотъ беззаконнымъ остается, который учинилъ насиліе, а не та, которая насиліе претерпѣла безъ соизволенія; отважатся вооружиться тѣ, противъ коихъ мы предприняли защищать Христіанскихъ женъ, насилованныхъ въ плѣнѣ, не только душевную святость, но и тѣлесную.

Глава девятаянадесять.

О Лукреціи, которая насилована бывши, себя умертвила.

Лукрецію (1) древнюю благородную жену Римскую за цѣломудріе безмѣрными превозносятъ похвалами. Ей, когда насиліе учинилъ Тарквинія царя сынъ, то она о злодѣяніи непо-

потребнаго юноши мужу своему Коллатину, и родственнику своему Бруту открыла, мужамЪ знаменитымЪ, и оныхЪ кЪ мщенію (2) за то клятвою обязала. НаконецЪ сожалѣя о таковомЪ поруганіи ей причиненномЪ, сама себя умертвила. Что скажемЪ? прелюбодѣицею ли ея или непорочною почтемЪ? Кто подумаетЪ, что вЪ семЪ вопросѣ заключается какая либо трудность? Изрядно нѣкто и справедливо сказалЪ: „Удивленія достойно, „двое были, и одинЪ прелюбодѣяніе учинилЪ.„ Блистательно и истинно. Ибо смотря онЪ на смѣшеніе двухЪ тѣлЪ, примѣтилЪ одного наигнуснѣйшее вожделѣніе, другой наинепорочнѣйшее хотѣніе: и не тому внималЪ, что дѣлалось соединеніемЪ членовЪ, но что происходило вЪ разности мыслей: „Двое, говоритЪ, были, и одинЪ прелюбодѣяніе содѣлалЪ. Но нѣтЪ ли чего вЪ оной большаго мщенія достойнаго, нежели вЪ томЪ, который учинилЪ прелюбодѣяніе? ОнЪ изЪ отечества и сЪ отцемЪ своемЪ изгнанЪ: а сія послѣднюю и крайнюю казнь претерпѣла. Ежели не почитается то нецѣломудріемЪ, когда жена безЪ соизволенія насиліе претерпѣваетЪ: то не можетЪ быть правосудіемЪ, когда непорочная казнь принимаетЪ. ВасЪ призываю судіи Римскіе и законы. ВасЪ, которые по учиненіи злодѣянія никакого злодѣя, (3) не произведши надЪ нимЪ суда, не соизволяли умертвить. ЕжелибЪ вамЪ кто либо донесЪ о такомЪ преступленіи: и вы утвердили бы, что не только казни она не достойною будучи,

чи, но и непорочною и невинною умершвлена: то не казнилиль бы вы жесточайшею казнію того, которой оное учинилЪ? Но сіе учинила оная *Лукреція*, оная, говорю, вами прославленная *Лукреція*. Она невинную, непорочную, насиліе претерпЂвшую *Лукрецію* умертвила. Учините вы приговорЪ. Ежели онаго для того учинить не можете, понеже нЂтЪ той предЪ судомЪ, которую бы осудить на казнь долженствовали: то для чего вы убійцу неповинныя и непорочныя толико превозносите похвалами? для чего оныя у преисподнихЪ судей, которые вашихЪ стихотворцовЪ описываются стихами, нимало не защищаете? то есть, не избавляете ея отЪ казни, которая у нихЪ опредЂлена (4) „на тЂхЪ, кои смерть се„бЂ причинили безЪ всякой винности своими „руками, и возненавидЂвЪ свЂтЪ, извергли свои „души, которымЪ, когда онЂ стремятся вЪ „горняя, судьба не попускаетЪ, тЂмЪ, что окру„жаетЪ ихЪ Озеро, по которому плыть не „возможно.„ Или можетЪ статься ея тамЪ нЂтЪ, понеже она себя не напрасно, но признавая себя по совЂсти участницею вЪ преступленіи, умертвила? Ибо можетЪ быть она, хотя юноша и нагло устремился на нее, однако внутренно тронута будучи имЂющимЪ послЂдовать удовольствіемЪ, была на то согласна, о чемЪ ей одной (5) было извЂстно: и оное вЪ себЂ самой казня, вЪ такую впала печаль, что расположилась оное очистить смертію: хотя и тогда не надлежало ей себя умертвить, когда не безплодное могла ложнымЪ

нымъ своимъ богамъ принесть покаяніе. И ежели оно такъ, и ложно то, что „были „двое, и одинъ прелюбодѣяніе учинилъ:„ но справедливѣе сказать, что оба прелюбодѣяніе содѣлали, одинъ явнымъ нападеніемъ, другая тайнымъ соизволеніемъ, то она себя умертвила по винѣ, и для того могутъ ученые ея защитники увѣрять, что ея у преисподнихъ нѣтъ между тѣми, кои невинно себя умертвили. При всемъ томъ защита сія съ обоихъ сторонъ ослабѣваетъ, такъ, что ежели скрыть человѣкоубійство хотятъ, то утверждаютъ прелюбодѣйство, и когда желаютъ ея оправдать въ прелюбодѣйствѣ, то обнажаютъ человѣкоубійство. И подлинно не возможно ея оправдать, (6) когда вопрошается такимъ образомъ: Ежели она прелюбодѣица, то для чего похвалами ея превозносятъ? а ежели она цѣломудренна, то для чего сама себя умертвила? Однако изъ сего знатнаго ихъ жены примѣра на возраженіе тѣмъ, кои поносительно говорятъ о Христіанскихъ женахъ, не имѣя сами никакого понятія о святости въ плѣнѣ насилованныхъ: довольно того, что въ числѣ знатныхъ Лукреціи выхвалъ: „двое „были, и одинъ прелюбодѣяніе учинилъ„. Ибо таковою отъ нихъ почитаема была Лукреція, что никакимъ прелюбодѣйственнымъ не могла себя осквернить соизволеніемъ. И такъ что она сама себя, поелику претерпѣла прелюбодѣйство, не прелюбодѣицу умертвила, сіе не есть знакомъ любви къ цѣломудрію, но немощію стыда. Ибо зазирала она себя въ мерзо-

сти

сти чужей, ею претерпѣнной, хотя безъ соизволенія: и она будучи Римлянкою (7) алчною въ славѣ, чрезвычайно устрашилась того, дабы не почли, что она не безъ соизволенія-то претерпѣла, ежели не докажетъ своею кончиною, что насильственно оное надъ нею учинено. Чего для при зрѣніи людскомъ въ свидѣтельство души своей оную казнь себѣ нанесла, которымъ совѣсти своей показать не могла. Ибо стыдилась почитаема быть общницею, ежели она станетъ сносить то терпѣливно, что другій надъ нею учинилъ гнусно. Жены Христіанскія того не здѣлали, которыя претерпѣвъ подобное, не лишили себя жизни, и на себѣ не отмщевали преступленій чужихъ, дабы чрезъ то къ чужимъ преступленіямъ, не прибавить своего беззаконія: то есть, дабы, когда непріятели причинили имъ насиліе, изъ стыда не здѣлаться самоубійцами. Ибо имѣютъ внутрь себя славу чистоты, „свидѣтельство совѣсти своей,, (8) имѣютъ же сіе предъ очами Бога своего, и не ищутъ болѣе, кромѣ того, дабы не удалиться отъ закона Божія, хотя и не могутъ избѣжать отъ подозрѣній людскихъ.

Глава двадесятая.

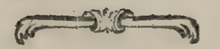
О томъ, что нѣтъ въ Священномъ Писаніи никакого повелѣнія, которое бы Христіанамъ отдавало право въ самопроизвольной смерти.

Не напрасно въ Священныхъ правильныхъ книгахъ нѣтъ нигдѣ ни повелѣнія, ни позволенія, дабы мы ниже ради полученія безсмертія, или чтобъ избавиться отъ какого либо бѣдствія, сами себя убивали. Ибо разумѣть должни, что намъ оное и запрещено, когда законъ говоритъ: „Не убій„: особливо, что не приложилъ: ближняго твоего: такъ, какъ запрещая лжесвидѣтельствовать, сказалъ: „Не свидѣ-„тельствуй на ближняго твоего свидѣтельства „ложна„. Однако не можно почитать, что тотъ отъ сего преступленія свободенъ, которой противъ самаго себя свидѣтельствуетъ ложно: понеже любитель ближняго, правило любленія, беретъ отъ самаго себя; когда писано: „Возлюбиши ближняго своего, яко самъ „себе„. И такъ ежели повиненъ есть въ преступленіи закона тотъ, кто ложно на себя свидѣтельствуетъ, равно какъ бы онъ свидѣтельствовалъ на ближняго: когда въ оной заповѣди, которою ложное свидѣтельство запрещается, возбраняется лжесвидѣтельствовать на ближняго, и можетъ несмысленнымъ казаться, что не запрещено на себя ложно свидѣтельствовать: то кольми паче разумѣть надлежитъ, что возбранено человѣку убивать самаго себя, когда въ оной заповѣди: „Не „убій:„ безъ всякаго прибавленія написанной,

ни

ни самъ тотъ, кому повелѣвается, не исключенъ. Чего для нѣкоторые тщатся доказывать, что сія заповѣдь простирается и до скотовъ и звѣрей, и прекословятъ, что и оныхъ убивать не позволено. Но ежели такъ, то для чегожъ не простираютъ оной заповѣди и до травъ и прочаго, что кореніями въ землѣ водружается? Ибо и сей родъ вещей хотя не чувствуетъ, (1) однако живетъ: а тѣмъ самимъ можетъ и умирать; равно когда насиліе ему причинено будетъ, и убитъ быть. Почему и Апостолъ, о таковыхъ сѣменахъ говоря, „Ты,„ сказываетъ, „еже сѣ„ши, не оживетъ, аще первѣе не умретъ.„ И во псалмѣ написано: „Уби градомъ віногралы „ихъ.„ И такъ не уже ли чрезъ то, когда слышимъ: „Не убій:„ исторгать растѣнія почтемъ за беззаконіе, и съ Манихеями заблуждать несмысленно согласимся? Чего для оставивъ таковое безумство, когда читаемъ: „Не „убій:„ ежели не разумѣемъ сего о растѣніяхъ; поелику въ нихъ нѣтъ никакого чувства: то ниже о животныхъ безсловесныхъ, летающихъ, плавающихъ, ходящихъ, и пресмыкающихся или ползающихъ: понеже разумомъ и словесностію съ нами не соединяются, которой имъ равно съ нами не дано: почему праведнымъ Божіимъ устроеніемъ и жизнь ихъ и смерть, нашимъ служатъ употребленіямъ. И такъ остается, чтобъ мы разумѣли о людехъ то, что сказано: „Не убій:„ то есть другаго; слѣдовательно и самаго себя. Ибо убивающій себя, не другое что убиваетъ, какъ человѣка.

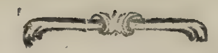
Глава



Глава двадесять первая.

О убійствахъ людей, которыя беззаконіемъ человѣкоубійства не почитаются.

При всемъ томъ тойже самый Божій законъ дѣлаетъ нѣкоторыя изъятія, и позволяетъ убивать человѣка: то есть котораго Богъ умертвить повелѣваетъ, какъ закономъ даннымъ, такъ повелѣніемъ на время для нѣкоей особы открытымъ. Не самъ же тотъ убиваетъ, который обязанъ услугою повелѣвающему, равно какъ спомоществованіемъ есть мечь употребляющему. И потому противъ сей заповѣди, въ коей сказано: „Не убій,„ тѣ не поступили, которые по Божію повелѣнію (1) войны имѣли: также и тѣ, кои нося на себѣ общественныя власти лице, по Божію закону, то есть по повелѣнію правосудія преступниковъ предавали смерти. И Авраамъ не только не охужденъ и не обвиненъ въ порокѣ жестокости, но и похваленъ набожностію, которой соизволилъ сына не законопреступно, но изъ повиновенія Богу умертвить. И не напрасно вопрошаютъ нѣкоторые: надлежитъ ли почитать за повелѣніе Божіе, что Іефѳай (2) дочь ему на стрѣчу изшедшую умертвилъ, когда онъ обѣщался то принесть Богу на жертву, что при возвращеніи его съ сраженія первое на стрѣчу ему попадетъ. И Сампсона (3) инаково не извиняютъ, которой себя самаго съ непріятелями разрушивъ домъ умертвилъ, какъ только тѣмъ, что Духъ Святый тайно оное повелѣлъ ему учинить, который чрезъ него



него чудодѣйствовалъ. И такъ выключивъ сіе, тоесть, когда или законъ праведный вообще, или самый источникъ правды Богъ особенно повелѣваетъ умертвить, всякъ кто или самаго себя, или другаго кого убіетъ, повиненъ есть преступленію человѣкоубійства.

Глава двадесять вторая.

О томъ, что смерть самопроизвольная никогда не можетъ принадлежать къ великодушію.

И которые сами надъ собою то учинили, тѣхъ можетъ быть многіе хотя не заблагоразуміе, но по крайней мѣрѣ за великодушіе похвалы достойными почитаютъ. Однако ежели здравѣе разсудить, то таковой поступокъ несправедливо называется великодушіемъ, когда кто либо не въ силахъ будучи снести или того, что кажется жестокимъ, или чужихъ преступленій, самаго себя умертвилъ. Ибо въ таковомъ человѣкѣ примѣчается наипаче разумъ немощнымъ, которой снести не можетъ, или жестокаго тѣлеснаго рабства, или безумнаго народнаго мнѣнія. И посправедливости великодушнѣйшимъ того назвать должно, который бѣдственную жизнь претерпѣвать наипаче можетъ, нежели удаляться отъ оной: и презираетъ общенародное несправедливое разсужденіе, которое по большой части (1) мракомъ заблужденія бываетъ покрыто, чувствуя въ себѣ чистоту и блистательность собственной совѣсти. И ежели такого человѣка великодушнымъ почитать надлежитъ,

ко-

который самаго себя убиваетъ, то таковымъ наипаче признать должно Клеомврота (2) онаго, которой, сказываютъ, прочитавъ Платонову книгу о безсмертіи души написанную, бросился съ стѣны, и такимъ образомъ преселился отъ сей жизни къ оной, которую почиталъ лучшею. Ибо ничего его не побуждало, ни бѣдствіе, ни преступленіе или справедливое или ложное, котораго бы, когда не въ силахъ былъ снесть, избавиться, но только имѣлъ одну смѣлость къ прерванію узъ лестныхъ сея жизни, и къ принятію смерти. Которой однако поступокъ отважнымъ и дерзновеннымъ наипаче, нежели благоразумнымъ почитаетъ и самъ Платонъ, котораго онъ читалъ. Которой, ежели бы тогда прилучился, то конечно того не велѣлъ бы дѣлать, и не только, но и возбранилъ бы совсѣмъ оное.

Глава двадесять третія.

Какотымъ естъ примѣръ Катоновъ, которой не могши снести, что Кесарь побѣдителемъ остался, самаго себя умертвилъ.

Говорятъ, что многіе самихъ себя умертвили, дабы не попасть въ руки непріятелямъ. Мы не о томъ вопрошаемъ, бывалоль когда нибудь то, но надлежалоль оное дѣлать. Ибо здравый разумъ предпочитать должно примѣрамъ, съ которымъ и примѣры согласуютъ, но оныя, которыя чемъ превосходнѣе въ честности, тѣмъ наипаче достойны подражанія. Не дѣлали того Патріар-

тріархи, ни Пророки, ни Апостоли: понеже и самЪ Господь ХристосЪ, когда ученикамЪ своимЪ повелѣлЪ во время гоненія бѣгать изЪ града во градЪ, могЪ бы дать наставленіе, дабы они сами себя умерщвляли, дабы не попасть вЪ руки гонителей. Но какЪ онЪ того не повелѣлЪ, ни совѣта на то не подалЪ, дабы его послѣдователи такимЪ образомЪ отЪ сей жизни преселялись, которымЪ по преселеніи вѣчныя жилища уготовать обѣщался, то какія бы примѣры языки незнающіе Бога ни предлагали, однако извѣстно, что то возбранено почитающимЪ единого Бога. При всемЪ томЪ и они сверьхЪ Лукреціи, о которой выше довольно мы говорили, не находятЪ другаго примѣра, кромѣ Катона (1) онаго, которой вЪ Утикѣ себя умертвилЪ. Не для того я сіе говорю, будто онЪ одинЪ (2) только то учинилЪ, но для того, что онЪ былЪ мужЪ ученый и добрый, (3) такЪ, что можетЪ быть многимЪ кажется то правильнымЪ, что онЪ учинилЪ. О поступкѣ коего, что я наипаче скажу? развѣ то, что друзья его мужи также ученые (4) по своему благоразумію совѣтовали того не дѣлать, почитая то не великодушіемЪ, но малодушіемЪ. ЧрезЪ сіе открывается не честность предостерегающая себя отЪ гнусности, но немощь, которая не вЪ состояніи сносить нещастій. Сіе и самЪ (5) КатонЪ показалЪ на любезномЪ своемЪ сынѣ. Ибо ежели постыдно было подЪ властію побѣдителя Кесаря жить, то для чего сего срама сыну своему онЪ былЪ виновникомЪ, ко-

торому велѣлъ надѣяться отъ Кесаря всего хорошаго? Для чего не принудилъ его съ собою умереть? Ибо когда Торкватъ (6) сына своего безъ его повелѣнія сражавшагося, и оставшагося побѣдителемъ надъ непріятелями, умертвилъ: то для чего побѣжденный Катонъ, побѣжденнаго пощадилъ сына, который не пощадилъ себя? Не уже ли постыднѣе было безъ повелѣнія сразившись быть побѣдителемъ, нежели съ стыдомъ покориться побѣдителю? И такъ Катонъ не о томъ разсуждалъ, что стыдно покориться побѣдителю: въ противномъ случаѣ онъ бы могъ отъ сего стыда родительскимъ своимъ мечемъ избавить и сына своего. Такъ чтожъ такое виною было поступка онаго? Не что другое, какъ только, что онъ, сколько любилъ своего сына, которому прощену быть и желалъ и надѣялся отъ Кесаря; столько завидовалъ Кесаревой славѣ, дабы, то есть, онъ и его не пощадѣлъ, (7) какъ самъ Кесарь, (8) пишутъ историки, сказалъ: или дабы сказать нѣчто умѣреннѣе, онъ постыдился.

Глава двадесять четвертая.

О томъ, что въ той добродѣтели, коею Регулъ превысилъ Катона, несравненно превосходятъ Христіане.

Не хочется тѣмъ, противъ коихъ мы пишемъ, дабы мы святаго мужа Іова, который толь ужасное зло тѣломъ своимъ претерпѣвать, нежели умертвивъ себя, избавиться

 всѣхъ

всѣхъ мученій, восхотѣлъ: или другихъ святыхъ, въ нашихъ священныхъ книгахъ знаменитыхъ и наидостойнѣйшихъ вѣры, которые плѣненіе и владычество надъ собою враговъ изволяли лучше претерпѣвать и сносить, нежели самихъ себя убивать; предпочитали Катону. Но мы изъ ихъ же книгъ докажемъ, что Регулъ Маркъ, Марка Катона превосходнѣе. Ибо Катонъ никогда Кесаря не побѣждалъ, которому побѣжденъ будучи не восхотѣлъ покориться, и чтобъ по нуждѣ не покориться, то за лучшее избралъ самаго себя убить: Регулъ же Карѳагенцовъ уже побѣждалъ, и получилъ побѣду не надъ гражданами, сожалѣнія, но надъ непріятелями, похвалы достойную: наконецъ отъ нихъ побѣжденъ бывши, согласился лучше жить у нихъ подъ властію, нежели избавиться отъ нихъ смертію. Такимъ образомъ сохранилъ и подъ владычествомъ Карѳагенцовъ терпѣніе, и въ любви къ Римляномъ постоянство: не избавляя побѣжденнаго тѣла отъ непріятелей, и не удаляя непобѣдимаго духа отъ гражданъ. И сіе учинилъ онъ, то есть что себя не умертвилъ, не изъ любви къ сей жизни. Сіе доказалъ онъ тѣмъ, что ради данной клятвы, къ тѣмъ же своимъ непріятелямъ, которыхъ онъ болѣе въ сенатѣ оскорбилъ словами, нежели на сраженіи оружіемъ, не устрашившись возвратился. И такъ толикій презритель здѣшней жизни, когда залучшее почелъ получить конецъ оныя отъ неистовящихся непріятелей, казньми, какіи имъ угодны, нежели самаго себя умертвить,

вить, то тѣмъ самимъ ясно показалъ, что великое есть беззаконіе, человѣку убивать самаго себя. Изъ числа всѣхъ своихъ похвальныхъ и добродѣтелями знаменитыхъ мужей ни одного лучшаго не представляютъ Римляне, котораго ни щастіе не привело въ распустность: ибо толикимъ бывши побѣдителемъ, пребылъ навсегда недостаточнымъ; (1) ни нещастіе не преодолѣло: ибо на толикія мученія возвратился небоязненно. И такъ ежели мужественные и знаменитые люди, защитники земнаго отечества, и боговъ хотя ложныхъ, неложные почитатели, и ненарушители клятвъ, которые непріятелей побѣжденныхъ по обычаю и праву военному могли убивать: тѣ побѣждены будучи отъ непріятелей, самихъ себя умертвить не восхотѣли: и когда смерти ни мало не устрашались, однако за лучшее почли побѣдителей обладающихъ ими сносить, нежели причинить самимъ себѣ смерть: кольми паче христіане истиннаго Бога почитающіе, и къ горнему отечеству стремящіеся, отъ того воздержаться будутъ, когда ихъ промыслъ Божій или ради искушенія, или ради исправленія на время покоритъ непріятелямъ, которыхъ въономъ состояніи не оставляетъ Вышній, который ихъ ради пришелъ въ міръ въ великомъ смиреніи: особливо которыхъ ни какой воинской власти права не обязываютъ, дабы самаго непріятеля умерщвлять побѣжденнаго.

Глава двадесять пятая

О томъ, что беззаконія беззаконіемъ уклоняться не должно.

Коль великое есть сіе безуміе, что человѣкъ себя умерщвляетъ, или для того, что нѣкто надъ нимъ учинилъ преступленіе, или чтобъ не учинилъ, когда самаго преступника, или преступленіе здѣлать имѣющаго врага не отважится умертвить? Но бояться и опасаться должно, дабы сладострастію непріятельскому подверженное тѣло лестнымъ удовольствіемъ не привлекло духъ къ соизволенію на беззаконіе. И потому, говорятъ, не для чужаго преступленія, но ради своего, прежде нежели впасть во оное, умерщвлять себя надлежитъ. Никакимъ образомъ не учинитъ того духъ, дабы соизволилъ на сладострастіе тѣла своего возбужденное чужимъ сластолюбіемъ, который Богу наипаче и его премудрости, нежели тѣлесному вожделѣнію покоренъ. При всемъ томъ, ежели проклятое есть беззаконіе и казни достойное преступленіе, самаго себя умерщвлять, какъ самая ясная истина открываетъ, то кто сыщется столь безуменъ, который бы сказалъ такъ: Согрѣшимъ нынѣ, дабы послѣ какимъ нибудь образомъ не согрѣшить: нынѣ учинимъ человѣкоубійство, дабы послѣ не впасть въ прелюбодѣяніе? Ежели столько владычествуетъ неправда надъ нѣкоторыми, что не непорочность, но грѣхи избираемы бываютъ; то не споснѣе ли неизвѣстное будущее прелюбодѣйство, нежели извѣстное

стное и безсумнительное настоящее человѣко-убійство? Не лучше ли подпасть такому преступленію, которое исцѣлиться можетъ покаяніемъ, нежели учинить такое беззаконіе, которое не оставляетъ по себѣ мѣста покаянію? Сіе сказалъ я для тѣхъ, которые для избѣжанія не чужаго, но своего грѣха, дабы чужому сладострастію возбужденнымъ собственнымъ не соизволить, себя умерщвляютъ. Впрочемъ не уповательно, чтобы Христіанская душа уповающая на Бога своего, и возложившая надежду свою на него, и утверждающаяся помощію его; не уповательно, говорю, дабы таковая душа, каковыми либо тѣлесными удовольствіями къ соизволенію на мерзость склонилась. Ежели оная вожделительная (1) брань, живущая въ умерщвляемомъ (2) тѣлѣ безъ закона нашего хотѣнія своимъ закономъ воюетъ: то кольми паче невинна она бываетъ въ тѣлѣ не соизволяющаго, когда невинна въ тѣлѣ спящаго.

Глава двадесять шестая.

О томъ, въ какомъ разумѣ дѣла учиненными почитать должно сдѣланныя святыми, кои дѣлать законъ запрещаетъ.

Но говорятъ, что нѣкоторыя (1) святыя жены во время гоненія, дабы отъ гонителей спасти свое цѣломудріе, въ быстрыя бросились рѣки, и такимъ образомъ жизнь скончали, которыхъ мученіе въ Каѳолической церкви празднуется съ великимъ почтеніемъ. О

сихъ я ничего не дерзаю сказать. Ибо не знаю, не повелѣлъ ли Богъ церкви чрезъ нѣкоторыя свидѣтельства достовѣрныя, дабы такимъ образомъ память ихъ почитала? И уповательно, что оно такъ было. Понеже можетъ статься онѣ то учинили не обманувшись какъ люди, но отъ Бога получивши повелѣніе; ни заблуждая умомъ, но повинуясь Богу: какъ и о Сампсонѣ вѣрить не инаково должно. Когда же Богъ повелѣваетъ, и внушаетъ прямо, что онъ повелѣваетъ, то кто охуждать будетъ таковое повиновеніе? Привсемъ томъ не безгрѣшно тотъ поступаетъ, который обѣщался бы сына принести Богу на жертву, когда то Авраамъ съ похвалою учинилъ. Ибо и воинъ повинуясь власти надъ нимъ узаконенной, когда убиваетъ человѣка, ни мало по закону своего отечества въ человѣкоубійствѣ не бываетъ виноватымъ: но напротивъ ежели того не учинитъ, то обвиняется за преслушаніе и пренебреженіе повелѣнія. Ежелибъ онъ самъ собою безъ повелѣнія то учинилъ, то осужденъ былъ бы въ преступленіи человѣкоубійства. И такъ за что казнимъ бываетъ, когда здѣлаетъ то безъ повелѣнія; за то казненъ будетъ, ежели по принятіи повелѣнія не здѣлаетъ онаго. Ежели сіе безгрѣшно, когда повелѣваетъ предводитель, то кольми паче, когда повелѣваетъ Творецъ. И такъ тотъ, который слышитъ, что не должно себя умерщвлять, пускай дѣлаетъ то надъ собою, когда повелѣваетъ таковой, коего повелѣніе презирать не надлежитъ.

житЪ. Мы разсуждаемЪ по наружности, а о сокровенныхЪ разсуждать не можемЪ. Никто незнаетЪ, что дѣлается вЪ человѣкѣ, кромѣ духа, которой находится вЪ человѣкѣ. О семЪ говоримЪ, сіе утверждаемЪ, что никто не долженЪ самопроизвольную смерть себѣ причинять убѣгая прискорбности временной, дабы не впасть вЪ скорбь вѣчную, ни кто ради своихЪ грѣховЪ прежнихЪ, для которыхЪ наипаче потребна сія жизнь, дабы возможно было покаяніемЪ оныя уврачевать: никто изЪ желанія лучшей жизни, ожидаемой послѣ смерти; понеже виновныхЪ вЪ своей смерти, лучшая жизнь не пріемлетЪ.

Глава двадесять седьмая.

О томЪ, надлежитЪ ли самопроизвольно умерщвлять себя, дабы чрезЪ то избавиться отЪ грѣха.

Остается одно изЪ того, о чемЪ мы говорить начали, которое выгоднымЪ кажется, дабы человѣкЪ себя самаго умерщвлялЪ, тоесть дабы не впасть вЪ грѣхЪ, или по причинѣ приманчиваго и лестнаго удовольствія, или жестокія болѣзни. Которое ежели допустимЪ, то до того дойдемЪ, что должны будемЪ увѣщавать людей, тогда наипаче себя умерщвлять, когда они банею святаго отрожденія омывшись, получили оставленіе всѣхЪ грѣховЪ. Ибо тогда есть время опасаться будущихЪ грѣховЪ всѣхЪ, когда всѣ заглаждены прошедшія. Ежели смерть самопроизвольная

есть добро, то для чего не тогда люди себя умерщвляютЪ? Для чего каждый новокрещенный себя щадитЪ? Для чего вЪ толикія бѣдствія по свобождени вдается, когда удобно отЪ всего самоизвольною смертію избавиться? И когда написано нѣгдѣ: *Любяй бѣдствіе, впадетЪ вЪ оное?* Для чего любятЪ толикія бѣды и опасности, или ежели не любятЪ, то по крайней мѣрѣ не отвращаются? Для чего пребываетЪ вЪ сей жизни, которому преселиться позволяется? Не уже ли безумная развратность превратила сердце, и отЪ размышленія о истиннѣ отвратила такЪ, что ежели себя умервщляетЪ кто, дабы не впасть вЪ грѣхЪ обладающаго имЪ вЪ плѣненіи, намѣревалЪ вЪ живыхЪ оставаться, дабы сносить цѣлый мірЪ повсечасно, наполненный искушеніями, и таковыми, каковыхЪ находясь подЪ областію одного страшится, и прочими безчисленными, безЪ которыхЪ жизнь не препровождается? Для чегожЪ мы вЪ увѣщаніяхЪ тратимЪ время, которыми новокрещенныхЪ наставляемЪ, и тщимся побудить или кЪ храненію дѣвственной чистоты, или кЪ воздержанію вдовамЪ приличному, или кЪ сохраненію супружеской вѣрности, когда имѣемЪ лучшей и кратчайшей способЪ, дабы не грѣшить, то есть увѣщевать ихЪ по полученіи прощенія во грѣхахЪ, кЪ самоизвольной смерти, дабы ихЪ ко Господу чистыми и непорочными предпослать. Но кто кЪ сему увѣщаваетЪ, тотЪ не только малоразсуденЪ, но и совсѣмЪ безуменЪ. Ибо сЪ какимЪ безразсудствомЪ другому говоритЪ: УмертвИ себя,

дабы къ малымъ твоимъ грѣхамъ не прибавить большихъ, когда жить будешъ подъ областію такого, который не имѣетъ зазрѣнія въ разсужденіи варварскаго своего нрава? Кто, развѣ беззаконникъ одинъ сказать можетъ: Умертви себя, когда получилъ ты отпущеніе во всѣхъ твоихъ грѣхахъ, дабы паки равныхъ или еще и тяжчайшихъ не здѣлать, когда ты живешъ въ мірѣ толь многими беззаконными удовольствіями лестномъ, толиками жестокостями неистовящемся, толиками заблужденіями и ужасами изобилующемъ. Сіе понеже беззаконно есть сказать, то конечно беззаконно есть и умерщвлять себя. Ибо ежели бы была какая благословная вина къ дѣланію сего надъ собою, то безъ сумнѣнія сія была бы основателнѣйшею. А поелику и сія вина ложна, слѣдовательно нѣтъ никакой. И такъ не скучайте христіане жизнію вашею, ежели враги поругалися чистотѣ вашей. Имѣете великое и истинное утѣшеніе, ежели совѣсть васъ увѣряетъ, что вы не соизволяли въ грѣхѣ тѣмъ, коимъ попущено согрѣшить къ вамъ.

Глава двадесять осмая.

Для чего попустилъ Богъ грѣху содѣлану быть въ плоти воздержныхъ людей.

Ежели, можетъ статься, желаете знать, для чего сіе Богъ попустилъ: то отвѣтствуемъ, что высокій есть промыслъ Творца міра и Правителя, и неиспытанны судьбы его, и неизслѣдимы пути его. (1) Однако вопросите

те души ваши, не превозносились ли онѣ симъ непорочности, воздержанія и цѣломудрія добромъ, и не утѣшались ли человѣческими похвалами, и не завидовалиль въ томъ другимъ? Я не обвиняю того, о чемъ не знаю, и невѣдаю, что вамъ сердца ваши вопрошенныя отвѣтствуютъ. Однако ежели оныя отвѣтствуютъ такъ, то не удивляйтесь, что вы онаго лишились, чемъ нравиться людемъ желали: то только при васъ осталось, чего людемъ показать не можно. Ежели вы съ согрѣшающими не были согласны, то Божіей благодати, дабы она не была потеряна, Божественная приспѣла помощь: и человѣческой славы, дабы она любима не была, наступило поношеніе. Въ обоихъ утѣшитеся малодушныя, съ одной стороны искушенныя, съ другой наказанныя: съ одной оправданныя, съ другой исправленныя. А коихъ сердца вопрошены будучи отвѣтствуютъ, что они никогда добромъ дѣвства, или вдовства, или вѣрностію супружескаго ложа не гордились, но смиреномудрствуя, (2) о дарованіи Божіемъ съ трепетомъ радовались, (3) и не завидовали никому въ превосходствѣ святости и чистоты: но отвергнувъ похвалы человѣческія, которыя тѣмъ болѣе присвояемы бываютъ, чѣмъ благо сіе рѣже, которое требуетъ похвалы, и желали, дабы ихъ число умножилось, дабы по малости своей не столько онѣ были видимы. И сіи, которыя суть таковыми, пускай не оправдаютъ себя, ежели попущеніемъ Божіимъ нѣкоторымъ изъ нихъ варвары причинили

на-

насиліе: и пускай не думаютъ, акибы Богъ о томъ небрежетъ, понеже попускаетъ то, чего никто безъ наказанія учинить не можетъ. Ибо какъбы нѣкоторыя бремена злыхъ вожделѣній, и тайнымъ настоящимъ Божіимъ судомъ послабляемы бываютъ, нѣкоторыя же и къ будущему суду блюдутся. Можетъ быть тѣ, которыя совѣсть имѣютъ чистую, и которыя добромъ чистоты не надымались въ сердцѣ, и претерпѣли насиліе отъ непріятелей, имѣли нѣкоторую скрытную и тайную слабость, которая могла бы, ежели бы сего бѣдствія при разореніи избавились, преобратиться въ надменіе и гордость. И такъ какъ нѣкоторые (4) смертію „восхищены, да не злоба измѣнитъ ихъ разума„: такъ у сихъ нѣчто похищено, дабы благополучіе не премѣнило ихъ смиреномудрія. И такъ обои сіи, которыя или, поелику беззаконныхъ прикосновеній къ себѣ не претерпѣвали, уже гордились, или, ежели бы непріятели насилія имъ не причинили, гордиться могли; не лишились чистоты, но научены смиренномудрію. Однихъ укрощено надменіе, которое въ нихъ уже было, другихъ предупреждена гордость, которая послѣдовать имѣла. Хотя и того пропустить не должно, нѣкоторыя можетъ быть изъ тѣхъ, кои насиліе претерпѣли, думали, что благо воздержанія полагать надлежитъ въ добрѣ тѣлесномъ: и что тогда оно пребываетъ не вредимо, когда тѣлу наружное сладострастіе не прикасается, и что не заключается оно единственно въ силѣ хотѣнія Божіею помощію под-

подкрѣпленнаго, дабы могли быть святыми и тѣло и духъ; и что сіе добро не есть таковымъ, которое можно похитить безъ соизволенія духа. Такимъ образомъ можетъ статься сія ошибка ихъ въ мнѣніи чрезъ сіе исправлена. Ибо когда помышляютъ, какою совѣстію они благоугождали Богу, и несумнѣнно вѣруютъ, что онъ, когда такимъ образомъ ему работали, и его призывали, ни какъ не могъ ихъ оставить, притомъ когда онѣ не неизвѣстны о томъ, сколь пріятна ему чистота, слѣдовательно понимаютъ и то, что слѣдуетъ, то есть, что онъ никогда не попустилъ бы, дабы сіе прилучилось святымъ его, ежели бы такимъ образомъ могла погибнуть святость, которую онъ имъ даровалъ, и въ нихъ оную любитъ.

Глава двадесять девятая.

Что Христіане отвѣтствовать должны невѣрнымъ, которые ихъ упрекаютъ тѣмъ, что Христосъ ихъ не избавилъ отъ неистовства враговъ.

И такъ имѣютъ Христіане, почитающіе Всевышняго и истиннаго Бога, утѣшеніе свое не ложное, ни въ надеждѣ на вещи колеблющіяся или падающія заключающееся, и житіе самое временное недостойное сожалѣнія, въ которомъ наставляются къ вѣчному, и земное добро на подобіе странниковъ употребляютъ, и не плѣняются онымъ, нещастіемъ же или искушаются, или исправляются. Но тѣ, которые благонравію ихъ

ихЪ смѣются, и когда постигнетЪ ихЪ какое временное нещастіе, вопрошаютЪ; гдѣ есть БогЪ (1) вашЪ? пускай отвѣтствуютЪ сами, гдѣ Боги ихЪ, когда толикая они претерпѣли, ради избѣжанія отЪ коихЪ или почитаютЪ оныхЪ, или утверждаютЪ, что почитать должно. Ибо Христіане отвѣтствуютЪ: БогЪ нашЪ вездѣ есть, вездѣ весь, нигдѣ особенно не заключается, который можетЪ всякому присутствовать невидимо; онЪ когда на насЪ насылаетЪ нещастіе, то или заслуги наши испытываетЪ, или грѣхи исправляетЪ, и мздовоздаяніе намЪ вѣчное за претерпѣнное сЪ благоговѣніемЪ нещастіе временное приуготовляетЪ. Вы же кто таковы, которые былибЪ достойны, дабы мы говорили сЪ вами о богахЪ вашихЪ, тѣмЪ меньше о богѣ нашемЪ, „Иже есть страшенЪ надЪ всѣми боги: „(2) Яко вси бози языкЪ бѣсове, господь же „небеса сотвори?

Глава тридесятая.

О томЪ, что ропчущіе и жалующіеся на Христіанскіе времена, желаютЪ по видимому быть вЪ благополучіи, хотябЪ оно было и зазорное.

ЕстьлибЪ оный вашЪ СципіонЪ Назика (1) вЪ живыхЪ находился, который нѣкогда былЪ у васЪ первосвященникомЪ, котораго, во время ужасной войны сЪ Кароагенцами, когда исканЪ былЪ достойный мужЪ для воспріятія на себя должности исправлять священнослуженіе Фригій-

гійское, цѣлой сенатъ избралъ, котораго на лице, можетъ быть, не дерзнулибъ вы воззрѣть. Онъ бы васъ унялъ отъ такой дерзости и безстыдства. Ибо для чего вы оскорблены будучи нещастіемъ, ропщете на Христіанскія времена, развѣ для того, что желаете наслаждаться роскошію вашею въ безопасности, и погружаться въ распустности нравовъ не вкусивъ никакой прискорбности? понеже не для того желаете имѣть тишину и спокойствіе, и изобиловать всякимъ богатствомъ, дабы сіе добро съ благоразуміемъ и честностію употреблять, то есть съ скромностію, трезвенностію, и воздержностію; но дабы испытывать различныя роды роскошей по свойству вашей развратности безумной; и въ благополучіи вдаваться въ такое зло, которое гораздо хуже свирѣпѣющихъ враговъ. А оный Сципіонъ (2) великій вашъ первосвященникъ, оный говорю мужъ по приговору всего сената одобренный, страшась, дабы сего вамъ не приключилось бѣдствія (то есть развращенія), не хотѣлъ, дабы соперникъ Римскаго государства Карѳагенъ былъ разоренъ; и подавшему свой голосъ, дабы оной городъ разорить, Катону, противорѣчилъ, боясь немощнымъ и слабымъ вашимъ душамъ непріятеля, то есть безопасности, примѣчая, что необходимо потребенъ, (3) такъ какъ нѣкоторый надежный защитникъ и оберегатель для Рима страхъ. И не обманулся онъ въ своемъ мнѣніи: самымъ дѣломъ то послѣдовало, и показало, сколь справедливо онъ говорилъ. Ибо по разореніи Карѳаге-

фагена, (4) то есть по сверженіи великаго страха съ Римской республики, толикое во время благополучія послѣдовало зло, что разорвавъ согласіе и союзъ, вопервыхъ жестокія и кровопролитныя (5) произошли смятенія, потомъ вскорѣ сплетеніемъ беззаконныхъ винъ, (6) по причинѣ междоусобныхъ браней, толикія причинены пораженія, толико пролито крови, толикія по безмѣрной алчности дѣлались грабительства, столько изгнано въ ссылку гражданъ, столь свирѣпѣло неистовство междоусобное, что Римляне оные, которые препровождая невинную жизнь страшились нещастія отъ непріятелей, тѣ впадши въ распутность, жесточайшее несравненно претерпѣли отъ своихъ сограждaнъ: и желаніе оное, дабы владычествовать надъ другими, которое весь народъ Римской безпредѣльное имѣлъ, какъ скоро въ нѣкоторыхъ сильнѣйшихъ превосходнѣйшимъ стало, то изнуривъ, и преодолѣвъ прочихъ, своихъ сограждaнъ подъ иго рабства покорило.

Глава тридесять первая.

Какими пороковъ степеньми усилилось въ Римлянахъ желаніе владычествовать надъ другими.

Желаніе владычествовать другими осталось бы безъ дѣйствія въ надменныхъ душахъ, покуда бы продолженіемъ получаемыхъ честей достигло до царской власти. Продолженія же

получаемыхЪ честей не было бы, ежели бы не превозмогала гордость. Не превозмогла же бы гордость, ежели бы народЪ не былЪ сребролюбивымЪ, и поврежденнымЪ роскошію. СребролюбивымЪ же и распутнымЪ учинился народЪ благополучіемЪ, котораго Назика оный предвидя совѣтовалЪ опасаться, когда не соглашался на разореніе города непріятельскаго наивеличайшаго, крѣпкаго, и богатаго: дабы страхомЪ обуздоваемо было своевольство, и дабы своевольство обуздоваемо бывши не впало вЪ роскошЪ и распутство, по удержаніи же роскоши дабы не усиливалось сребролюбіе, и дабы по отраженіи сихЪ пороковЪ, вЪ Римѣ полезная процвѣтала добродѣтель, и возрастала, и сЪ оною купно прибывала пристойная граду вольность. Отсюда же происходило, и отЪ сея предчувствующія будущее кЪ отечеству любви проистекало, что той же вашЪ первосвященникЪ великій, сенатомЪ безЪ разногласія приговоровЪ одобренный, когда сенатЪ вознамѣрился ѲеатрЪ (1) построить, отЪ того удержалЪ одинЪ, и важною своею рѣчью уговорилЪ всѣхЪ, дабы они кЪ мужественнымЪ отечества своего обычаямЪ, не допускали Греческой распутности, (2) и непотребства чужестраннаго кЪ поврежденію и разслабленію мужества Римскаго: и столь успѣлЪ оною своею рѣчью, что сенатЪ предчувствуя изЪ его словЪ неложность будущаго, всѣ партеры, которыя на время для зрѣлищЪ поставляемы были, запретилЪ вЪ предь поставлять. СЪ какимЪ бы тщаніемЪ изЪ Рима

испре-

истребилъ онъ всѣ ѳеатральные игры, ежели бы отважился противиться власти тѣхъ, которыхъ почиталъ богами, о коихъ онъ не зналъ, что они суть вредные бѣсы: или ежели и понималъ, что они бѣсы, но почиталъ, что ихъ умилостивлять наипаче должно, нежели презирать. Ибо не было еще откровенно ученіе горнее языкамъ, которое вѣрою сердца очищая, къ снисканію небесныхъ или вышенебесныхъ съ кротостію благоговѣнія, премѣнилобы человѣческое желаніе, и избавило бы людей отъ гордаго и надменнаго владычества бѣсовъ.

Глава тридесять вторая.

О установленіи ѳеатральныхъ игръ.

Но вѣдайте, которые сего не знаете, или которые и знаете, но притворяетесь, будто не вѣдаете: внемлите ропчущіе на того, который васъ отъ такихъ обладателей избавилъ. Ѳеатральныя игры, зрѣлища мерзостей, (1) и своевольство сумозбродствъ, не человѣчеснимъ безразсудствомъ, но боговъ вашихъ повелѣніемъ заведены. Сноснѣе было бы, (2) ежели бы вы божескую честь отдавали оному Сципіону, нежели когда почитаете таковыхъ Боговъ. Ибо оные Боги не были лучшими, нежели ихъ первосвященникъ. Внушите, ежели разумъ вашъ упиваяся долговременно виномъ заблужденій, можетъ о чемъ либо здраво разсуждать. Боги для утоленія заразы въ тѣ-

лахъ человѣческихъ игры Ѳеатральныя повелѣли для себя представлять: первосвященникъ же вашъ въ предосторожность, дабы не заразиться душевно, самой ѳеатръ строить запрещалъ. Ежели вы душу предпочитаете тѣлу, то разсмотрите, кого вамъ почитать должно. Ибо и оная зараза тѣлесная (3) непотому прекратилась, понеже къ народу военному, и къ однимъ Цирценскимъ (4) играмъ прiобыкшему ѳеатральныхъ игръ нѣжное введено безумiе: но лукавство злыхъ духовъ предвидя, что оная зараза скоро прекратится, другую заразу несравненно злѣйшую? которою они утѣшаются, изъ сего случая не тѣламъ, но нравамъ навели: которая души несчастныхъ толикою помрачила тьмою, толикою обезобразила мерзостiю, что потомки наши можетъ быть сочтутъ невѣроятнымъ, а именно, что городъ **Римъ** опустошенъ будучи заразою, вторично **заразился** после того безумiемъ столь, что изъ **Рима прибѣгнувъ** въ Карѳагенъ, каждый день на ѳеатрахъ напрерывъ, одни предъ другими неистовствовали.

Глава тридесять третiя.

О порокахъ Римлянъ, коихъ неисправило разоренiе отечества.

О безумныя души! какое сiе толь великое не говорю безумiе, но неистовство васъ объяло, что вы не помышляя о своей погибели, въ то время, когда восточные народы, какъ

мы

мы слышали, рыдали, и наивеличайшія города въ отдаленнѣйшихъ странахъ сѣтовали и плакали; ѳеатры заводили, въ нихъ входили, ихъ наполняли, и дѣлали дѣла гораздо безумнѣйшія, нежели прежде. Сего боялся оный вашъ Сципіонъ, то есть, дабы вамъ въ сію душевную заразу не впасть, и неистребить честности: когда запрещалъ и отговаривалъ заводить ѳеатры: понеже онъ видѣлъ, что вы въ благополучіи удобно пріидете въ развратность и распустность, и потому желалъ, дабы вы всегда имѣли страхъ отъ непріятелей. Ибо онъ не почиталъ благополучнымъ того города, котораго стѣны хотя стоятъ, но рушилось благонравіе. Но въ васъ болѣе подѣйствовало то, что злые демоны вамъ прельщая внушили, нежели то, въ чемъ благоразумные предостерегали. И отсюда то происходитъ, что зло вами дѣлаемое не хотите себѣ присвоивать, нещастіе же, которое за то претерпѣваете, христіанскимъ временамъ приписываете. Понеже въ безопасности вашей, не спокойствія республикѣ желаете, но ищете того, дабы ваше своевольство и прихоти оставались безъ наказанія, которые развратившись въ щастіи, не могли исправиться въ злоключеніи. Хотѣлъ вашъ оный Сципіонъ, дабы вы страхъ имѣли отъ непріятелей, дабы не впали вы въ роскошь, а вы напротивъ поражены будучи отъ враговъ, не престали погружаться въ оной. Погубили вы пользу (1) происходящую отъ бѣдствій, и несчастнѣйшими стали, и пребываете непотребными. И то самое, что

вы въ числѣ живыхъ почитаетесь, Божіимъ есть дарованіемъ, который васъ щадя, наставляетъ, дабы вы раскаявшись исправились; который вамъ неблагодарнымъ явилъ свое милосердіе, дабы вы подъ именемъ рабовъ его, въ мѣстахъ мученической памяти посвященныхъ, непріятельскихъ избавились рукъ.

Глава тридесять четвертая.

О милосердіи Божіемъ, которое разореніе Рима умѣрило.

Сказываютъ, что Ромулъ и Ремъ, дабы умножить народомъ Римъ, построили храмъ убѣжища, (1) чтобъ всякъ въ оный ушедшій безъ всякаго оставался вреда. Чудный въ честь Христову предварилъ примѣръ. Сіе учредили разрушители города, что прежде завели основатели онаго. И такъ не важно то, что основатели Рима для умноженія здѣлали народа, когда важнѣе того учинили варвары, дабы непріятелей ихъ безчисленное спаслось множество. Сіе и подобное, ежели можетъ пространнѣе и приличнѣе, пускай отвѣчаетъ врагамъ своимъ общество Господа нашего и странствующій градъ царя Іисуса Христа.

Глава

Глава тридесять пятая.

О крыющихся между нечестивыми сынахъ церкве, и о ложныхъ внутрь церкви христіанахъ.

Должни христіане памятовать, что въ числѣ враговъ ихъ крыются таковые, которые гражданами Града Божія быть имѣютъ, и не почитать себѣ за оскорбительное, таковыхъ сносить, какъ бы безплодно, покуда совѣсти всѣхъ откроются: такъ какъ и изъ числа ихъ имѣетъ въ себѣ Градъ Божій, покуда странствуетъ въ мирѣ, соединенныхъ общеніемъ таинствъ, которые не наслѣдятъ жребія святыхъ, (1) изъ коихъ нѣкоторые тайно, другіе явно таковыми суть. Которые съ самыми врагами на Бога роптать не ужасаются: иногда съ оными въ Өеатры, иногда съ нами въ церкви входятъ. При всемъ томъ о исправленіи нѣкоторыхъ и изъ таковыхъ отчаяваться не должно, когда у явныхъ враговъ предъуставленные скрываются други наши, о которыхъ и они не знаютъ. Ибо сплетены, и смѣшаны сіи два града въ семъ вѣкѣ, покуда различатся и раздѣлятся въ последнемъ судѣ (2) о коихъ началѣ и размноженіи, и должныхъ каждому концахъ, о чемъ я говорить предпринимаю, сколько Богъ мнѣ поможетъ покажу къ славѣ града Божія, который по сравненіи всего заключающагося въ противной сторонѣ съ онымъ, блистательнѣе явится.

Глава тридесять шестая.

Объявляетъ, о чемъ въ слѣдующемъ состязаніи говорить онъ имѣетъ.

Но еще нѣчто сказать мнѣ должно противъ тѣхъ, которые разореніе Римскаго государства приписываютъ нашему благочестію, которое возбраняетъ имъ жертвы приносить богамъ. Ибо напомнить имъ надлежитъ, сколько и сколь великія злоключенія Римъ, или къ его державѣ принадлежащія провинціи претерпѣли, прежде нежели возбраняемо было ихъ богамъ жертвоприношеніе, которыя всѣ конечно они намъ приписать не постыдились бы, ежели бы наше благочестіе тогда сіяло, или отъ святотатскихъ имъ жертвъ возбраняло. Потомъ показать имъ потребно, для чего истинный Богъ увеличивать ихъ державу, и помогать благоволилъ, котораго во власти всѣ царства: (1) также и то, сколь мало помогли имъ тѣ, коихъ богами почитаютъ; или лучше сказать, сколько прелестію своею и обманами причинили имъ вреда. Наконецъ говорить буду противъ тѣхъ, которые ясными доводами сражены будучи, силятся доказывать, что боговъ должно почитать не для выгоды въ настоящей жизни, но ради прибытка, который имѣетъ быть послѣ сея жизни. Которое противоположеніе многаго требуетъ труда, и достойно тончайшаго состязанія, потому, что нужно будетъ вооружаться противъ философовъ, и притомъ не маловажныхъ, но знаменитѣйшихъ и славнѣйшихъ,

шихъ, которые и съ нами сходственное умствуютъ; какъ то о безсмертіи души, и что истинный Богъ міръ создалъ, и о промыслѣ его, коимъ онъ вселенную созданную имъ управляетъ. Но какъ и въ томъ, что они въ противность намъ умствуютъ, возразить имъ должно, то и оное исполню: дабы отразивъ по мѣрѣ силъ нечестивыя противоположенія, защитить градъ Божій, истинное благочестіе, и богопочитаніе, въ которомъ единственно неложно вѣчное обѣщается блаженство. И такъ прекратимъ въ семъ мѣстѣ книгу, дабы намѣреваемое нами отъинуду начать.

Конецъ первой книги о Градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина Епископа Иппонійскаго о Градѣ Божіемъ первую.

На Главу первую.

(1) Отъ вѣры живъ будетъ. Аввакумъ во второй главѣ: праведникъ отъ вѣры живъ будетъ. Тожъ самое часто повторяетъ Павелъ.

(2) Правда обратится на судъ. Псаломъ девяносто третій. На Еврейскомъ стоитъ такъ: понеже въ правду обратится судъ. О скончаніи вѣка разумѣется, о коемъ сказуется слѣдующее: послѣдняя побѣда. Сражается здѣсь церковь непрестанно, и побѣждаетъ всегда. Но концемъ единыя брани есть степень вторыя. Тогда будетъ послѣдняя и совершенная побѣда, когда преселившись на небо будетъ въ царствіи мирнаго Царя Хріста Іисуса.

(3) Маркеллине. Находятся писма Августиновы къ Маркеллину и Маркеллиновы взаимно къ Августину. Обхожденіе ихъ по видимому началось въ Африкѣ. Ибо Орозій о Маркеллинѣ такимъ образомъ пишетъ: на сихъ дняхъ по повелѣнію Онорія, при спомоществованіи Константина миръ и единство во всей Африкѣ возвращены церкви православной, и тѣло Христово, коимъ мы есмы, вожделѣнную получило тишину, по возложеніи исполнить сіе святое повелѣніе Маркеллину полковнику,

нику, мужу вопервыхъ благоразумному и тщательному, и всѣхъ свободныхъ наукъ любителю.

(4) Щадить покаряющихся. Виргилій въ 6 Енеид. когда выхвалы другихъ народовъ исчислилъ, коими они Римлянъ превосходятъ, къ Римлянамъ обратившись сказалъ оныя слова.

(5) Самое желаніе владычествовать. Древнее слово, что тиранну подвластные служатъ, а самъ онъ своимъ роскошамъ и сладострастіямъ. Такъ о Царяхъ Персидскихъ говорилъ Діогенъ Цинический, такъ Цицеронъ въ Парадоксахъ о Кесарѣ.

(6) Бранію исправляетъ. Сіе самое видно на Римлянахъ, которые лучшими были въ нравахъ во время войны, нежели глубокаго мира.

На главу вторую.

(1) Не видѣлъ ли Еней. Виргилій во второй книг. Енеид. видѣлъ Екуву и сто невѣстокъ и Пріама и проч. Сіе случилось въ ту нощь, въ которую Троею овладѣли Греки, и оную зажгли, когда Пирръ Ахиллесовъ сынъ Пріама у жертвенника убилъ.

(2) Діомидъ и Улиссъ убивъ стражей и проч. И сіе изъ Виргиліевой той же книги. О Палладиномъ кумирѣ разумѣть надлежитъ, которой Діомидъ и Улиссъ во время Троянской брани похитили изъ храма Минервина. Не устрашились они учинить святотатство, къ которому присовокупили и убійство; при всемъ томъ Греки Троянъ побѣдили. О Палладиномъ ку-

кумирѣ писатели много различнаго пишутъ, коихъ мнѣнія долго исчислять. Довольно сказать, что изъ Варрона, Діонисія Аликарнасскаго, Овидія, Плутарха, и Сервія взявъ вѣроятнѣйшее видно, что Хриза Паллантова дочь вышедъ замужъ за Дардана, въ приданое принесла кумиръ Палладинъ, и другихъ великихъ боговъ ваянія, коимъ Дарданъ въ Самофракіи храмы поставилъ. Которыя боги послѣ того перевезены внуками оныхъ въ Илій по полученіи ими отвѣта такого, что городъ тотъ на всегда цѣлъ пребудетъ, въ которомъ пребудетъ Палладинъ кумиръ. Чего для скрытъ онъ былъ въ самое невходное мѣсто храма, а вмѣсто его подобный ему поставленъ былъ наружи, и хранимъ былъ нерадиво. И когда Пирръ узнавъ отъ Илена прорицателя Пріамова сына, что городъ останется не побѣжденнымъ, покуда Палладинъ кумиръ въ ономъ пребудетъ, и о томъ возвѣстилъ своимъ Греческимъ вельможамъ, то Діомидъ и Улиссъ вопервыхъ притворно въ оный храмъ вошли, потомъ нападши на стражей и убивши оныхъ, поддѣльный оный Палладинъ кумиръ похитили: а настоящій по овладѣніи уже городомъ Греками Сикасъ Енею вручилъ съ другими великими богами. Еней оныя въ Италію привезъ. Такимъ образомъ изъ Албы, или какъ Варронъ думаетъ, изъ Лавинія въ Римъ Палладинъ кумиръ принесенъ, и поставленъ въ храмѣ Весты, который когда загорѣлся, то Метеллъ первосвященникъ Палладинъ кумиръ изъ огня исхитилъ лишившись чрезъ то зрѣнія.

кія. Палладинъ кумиръ виденъ былъ при Геліогабалѣ Императорѣ, когда горѣлъ храмъ Весты.

(3) Дѣвственнымъ воскриліямъ. Ибо баснословцы Палладу описываютъ дѣвицею.

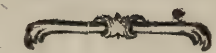
На Главу третью.

(1) Ненавидимый мною народъ. Враждовала Юнона на Троянъ во первыхъ, что Трояне произошли отъ Дардана Юпитерова и Електрина сына, которая была наложница Юпитерова, а Юнона прямая жена Юпитерова. Во вторыхъ, что похищенный Ганимедъ предпочтенъ былъ въ служеніи богамъ предъ Ивою Юнониною дочерью. Въ третьихъ, что Антигона Лаомедонтова дочь пренебрегла красоту лица Юнонина, и за то превращена въ птицу буселемъ называемую. Въ четвертыхъ наконецъ, что Парисъ Пріамовъ сынъ разбирая ссору богинь спорящихъ о красотѣ, Юнонѣ предпочелъ другую.

На Главу четвертую.

(1) Мать Римскаго народа. Ибо отъ Троянъ, которые за предводительствомъ Енеевымъ пришли въ Италію, построенъ Лавиній, отъ Лавинійцовъ Алба, отъ Албанцовъ произошли Римляне. Салюстій же пишетъ, что городъ Римъ сперва построили Трояне, которые съ Енеемъ скитались не имѣя жилища собственнаго всюду.

(2)



(2) Фениксъ. Аминторовъ сынъ, у Ахилла былъ наставникомъ, который обучалъ его добро говорить, и добро дѣлать, какъ Омиръ въ Иліадѣ 3.

(3) Что и въ другомъ мѣстѣ. Великое множество въ Ватиканѣ взято Готѳами золота, и по повелѣнію Аларика паки возвращено, когда донесено ему было нарочно, что оное золото принадлежитъ Христіанскимъ церквамъ, какъ пишетъ Орозій въ кн. 7.

(4) Легкомысленные Греки. Симъ именемъ и Цицеронъ Грековъ называетъ въ рѣч. за Флакка. Тожъ означаетъ и Луціанъ въ воздаяніи служащимъ. И Іямвлихъ Грековъ своихъ легкомысленными нарицаетъ.

На Главу шестую.

(1) Сиракузы прекрасный городъ. Сиракузы городъ былъ въ Сициліи древній и наибогатѣйшій. Сей три года въ осадѣ содержалъ Маркеллъ, наконецъ овладѣлъ онымъ, въ которомъ столько въ добычу получено богатства, сколько едваль взято въ Карѳагенѣ по разореніи онаго, хотя оный былъ въ наицвѣтущемъ состояніи, и Риму ни въ чемъ не уступалъ.

(2) Свои пролилъ слезы. Ливій въ кн. 25 пишетъ, что Маркеллъ вошедъ въ Сиракузы, и осмотрѣвъ съ высокаго мѣста прекрасный изъ всѣхъ въ тогдашнее время городъ, прослезился частію отъ радости, что овладѣлъ такимъ городомъ, частію разуждая о древности

сти и славѣ города. Тожъ утверждаетъ и Валерій о людскости.

На Главу седьмую.

(1) Учинило сіе обыкновеніе военное. Квинтиліанъ въ книгѣ осьмой пишетъ изъясняя, что дѣлается по плѣненіи градовъ, такимъ образомъ: разливается по домамъ и храмамъ, пламень, трескъ кровлей и различный вопль составляютъ одинъ нѣкоторый звукъ. Иные бѣгутъ невѣдомо куда, другіе въ послѣдніе прощаются съ своими кровными обнявшись, рыданіе женъ и младенцовъ, и по нещастію своему до того дня сохраненныхъ въ живыхъ стариковъ слышится повсюду. Расхищаются частныя домы и священныя храмы, износятся корысти одними, другіе бѣгутъ за оными, гонятъ похитители побѣжденныхъ окованныхъ предъ собою. Мать силится удержать при себѣ младенца. И ежели гдѣ случится более добычи, тамъ побѣдители между собою производятъ драку.

(2) Посѣщу. Сіе во псалмѣ 88 сказано о дѣтехъ Давидовыхъ, естьли они преступать будутъ законъ.

На Главу осьмую.

(1) Каково будетъ употребленіе. Теренцій: почитаемое у человѣка добромъ, какъ то родители, отечество, други, родъ, ближніе, богатство: все сіе таковымъ поставлять должно,

жно, каково человѣка къ онымъ расположенie. Кто умѣетъ оныхъ употреблять, тому они добро, а кто не умѣетъ, тому зло. Сie взявъ Теренцiй изъ Платона, во многихъ мѣстахъ повторяетъ.

На Главу девятую.

(1) Человѣческiй день. Въ первомъ посланiи къ Коринѳяномъ въ глав. 4 Павелъ пишетъ: мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне. День человѣческiй есть человѣческiй разсудокъ или судъ, по которому кто или добрымъ или злымъ почитается. Сему противополагается день господень, который тайная сердца испытуетъ и судитъ.

(2) Любимъ. Враговъ любить повелѣваетъ господь у Матѳея въ главѣ 5.

(3) Чрезъ пророка. Iезекiиля глава 33.

(4) Начальники надъ народомъ въ церкви. Епископы, которые тожъ значатъ, что надзиратели, надсмотрщики, наблюдатели, стражи, начальники. Цицеронъ къ Аттику въ кн. 7 пишетъ: Помпей хощетъ, дабы я былъ надъ всею Кампанiею, и приморскою страною Епископомъ. И проч. Андромаха у Омира Ектора называетъ Трояискимъ Епископомъ. Аѳиняне посланныхъ отъ себя въ города платящiя имъ дань, Епископами называли, коимъ повелѣвали тщательно наблюдать и смотрѣть, что въ каждомъ изъ оныхъ дѣлается. Начальниковъ надъ годовыми запасами Аркадiй Юрисконсултъ Епископами нарекль. (5)

(5) Дабы не щадили обличать. Апостолъ Павелъ сіе внушаетъ Титу.

(6) Іовъ. Іеронимъ въ толкованіи на Іова говоритъ: Но сіе приключилось Іову, дабы явлено было внѣ людемъ, что по внутренности Богу было извѣстно.

(7) Вѣмы яко любящимъ Бога. Римлян: 8 Глава.

На Главу десятую.

(1) Корень всѣхъ золъ. Къ Тимоѳ: 1 послан. въ глав. 6.

(2) Не скрывайте себѣ сокровища. Матѳ. глав. 6.

(3) Павлинъ нашъ. Павелъ Діяконъ пишетъ, что когда Готѳы разоряли Италію, и потомъ разорили городъ Нолу, гдѣ былъ Епископомъ набожный мужъ Павлинъ, и какъ Григорій объявляетъ, краснорѣчивый и въ внѣшнемъ ученіи искусный, и имѣвшій даръ Пророчества, который когда на искупленіе плѣненныхъ Готѳами все истощилъ имѣніе, и увидѣлъ плачущую неутѣшно вдовицу о плѣненіи своего сына, тогда не могъ набожный сей Епископъ снести того съ пренебреженіемъ: чего для съ оною вдовицею отправился въ Африку, гдѣ сынъ ея плѣненный находился: гдѣ самаго себя вмѣсто ея сына отдалъ въ рабство. Но варвары уважая святость его, со всѣми его гражданами изъ плѣна отпустили. О семъ пространнѣе повѣствуетъ Григорій Папа Римскій въ книг. 3. Но я думаю, что не о сихъ временахъ говоритъ Августинъ, въ ко-

которыя уже въ небесныя обители онъ преселился, но о первыхъ Готескихъ.

(4) Которымъ сами были. То есть добродѣтель, которой никто похитить и исторгнуть не можетъ. И она единственно обладающихъ собою дѣлаетъ добрыми. Ибо ежели богатство есть добро, то для чего, какъ говоритъ Цицеронъ въ Парадоксахъ, обладателей своихъ не дѣлаетъ добрыми.

(5) Маммона. Маммона есть слово Сирское, какъ Іеронимъ говоритъ, и означаетъ у Сирянъ богатство, что у Грековъ πλοῦτος. Августинъ въ словѣ о словесахъ Господнихъ, и въ вопросахъ Евангельскихъ утверждаетъ, что Маммона на Пуническомъ языкѣ означаетъ прибыль, ростъ или корысть, и объясняетъ, что Еврейскій и Африканскій языкъ одинъ къ другому близки.

На Главу первую надесять.

(1) Одну претерпѣть. Такимъ образомъ Кесарь сказалъ, что онъ лучше единожды желаетъ умереть, нежели тысячу кратъ смерти бояться.

(2) Добродѣтельнаго нищаго. Извѣстна сія повѣсть изъ Луки 16 главы, о Лазарѣ нищемъ и богатомъ сластолюбцѣ.

(3) Виссонѣ. Виссонъ есть родъ льнянаго полотна знаменитаго, какъ пишетъ Плиній въ кн. 19 натуральн. истор.

На Главу вторую надесять.

(1) Положиша Трупія. Псаломъ 78.

(2)

(2) Ежелибы пользу дѣлало нечестивому. Луканъ въ книгѣ 9: и въ вѣчныя душею преселился обители, куда не достигаютъ во златѣ и со ароматами погребенные.

(3) Смѣются сему. У Римлянъ великое прилагалось попеченіе о погребеніи. У нихъ вмѣсто казни не погребенному быть повергнуту почиталось, и такъ было положено въ правахъ: кто родителей своихъ въ бѣдствіи оставилъ, тотъ да поверженъ будетъ безъ погребенія; кто не оправдалъ себя въ Сенатѣ въ какойлибо другаго кончинѣ или смерти, да будетъ поверженъ безъ погребенія; человѣкоубійца да будетъ поверженъ безъ погребенія. Отсюда то и Цицеронъ по мнѣнію народному за Милона говоря сказалъ, что нещастный есть трупъ Клодіевъ, который лишился обыкновенной Церемоніи погребенія.

(4) Философы. Языческіе философы, какъ то Діогенъ Киническій, который приказалъ себя умершаго повергнуть псамъ и птицамъ на снѣденіе. А когда друзья его ему напомянули о томъ, что его терзать оные животные будутъ: вы, отвѣчалъ на то, положите подлѣ меня палку, которою бы мнѣ отгонять птицъ и псовъ. Да какъ тебѣ отгонять, сказали они, вѣть ты лишишся чувствъ? Естьли, заключилъ имъ, я чувствъ имѣть не буду, то какой мнѣ вредъ причинитъ оное терзаніе? Тожъ учинилъ и Мениппъ. Да и всѣмъ почти Киникамъ сіе было общимъ. Пишетъ Цицеронъ въ Тускулянскихъ, что Ѳеодоръ Киринейскій, когда Лисимахъ грозилъ ему,

 что

что распнетЪ его на крестЂ, отвЂтствовалЪ: пускай боятся сего твои вельможи, а для меня все равно, вЪ землЂ ли мнЂ сгнить, или на высотЂ. ТогожЪ мнЂнія держался СократЪ, какЪ видно вЪ ПлатоновомЪ ФедонЂ.

(5) ЦЂлыя арміи. Сіе безсумнительно. Ибо извЂстно, что прежде Геркулеса не было обычая убіенныхЪ на войнЂ погребать. ГеркулесЪ первый ввелЪ оное, какЪ пишетЪ ЕліанЪ вЪ различной Исторіи.

(6) Стихотворцы сЪ одобреніемЪ. ЛуканЪ вЪ 7 говоря о убитыхЪ на ѲарсальскомЪ сраженіи, которыхЪ Кесарь запретилЪ сожигать и погребать, Кесарю сказалЪ: ничего ты не здЂлаешЪ симЪ гнЂвомЪ. Какая вЪ томЪ нужда сожженылъ будутЪ трупы, или сгніютЪ сами. Природа вЪ свое лоно все пріемлетЪ. И мало ниже: ПріемлетЪ земля все, что родила, небомЪ покрывается, кто не имЂетЪ гробницы. ТожЪ одинЪ говоритЪ у Сенеки: ВсЂмЪ природа погребеніе даровала: претерпЂвшимЪ кораблекрушеніе, волны: распятые на крестахЪ кЪ своему погребенію чрезЪ согнитіе стремятся; живыхЪ сожигаемыхЪ казнь погребаетЪ. СтихЪ также оный МеценатовЪ всею древностію похваляется: О погребеніи я нимало не пекусь, погребаетЪ оставленныхЪ природа.

(7) ВЪ мгновеніи ока. 1 послан: Коринѳ: глав: 15.

На Главу третію надесять.

(1) Не къ украшенію. Платонической секты философы утверждали, что человѣка составляетъ единственно душа, а тѣло почитали они одеждою душѣ, или лучше сказать темницею.

(2) И товія. Товіи 2. и 12. глава.

(3) доброе дѣло. Матѳ. глав: 26, о Маріи Магдалыни.

(4) Въ Евангеліи. У Іоанна глав. 19. о Іосифѣ и Никодимѣ.

(5) За милостыни. Матѳ: 10. глав: и чаша студены воды не лишается мзды своей.

(6) Патріарховъ. Іяковъ умирая повелѣлъ сыну своему Іосифу погребсти себя между гробницами своихъ предковъ, а не въ Египтѣ. Бытія глав: 47. И самъ Іосифъ повелѣлъ братіи своей, дабы они внушили потомкамъ, что когда исходить будутъ изъ Египта въ землю ихъ праотцамъ обѣтованную, изнесли кости его изъ Египта, о чемъ пишется въ послѣдней главѣ бытія.

На Главу четвертую надесять.

(1) Были въ плѣнѣ. Даніил: 1. Ананія, Мисаилъ, Азарія, съ Даніиломъ у Навуходоносора.

(2) Другіе Пророки. Какъ то Іеремія и Іезекіиль, и проч.

(3) Во чревѣ Китовѣ. Разумѣется здѣсь Іона, который пребывъ три дни во чревѣ Китовѣ прообразовалъ тридневное воскресеніе Хрістово отъ мертвыхъ.

(4) АріонЪ Миѳемнійскій. О АріонѢ басня и о ДелфинѢ у писателей извѢстна. ИродотЪ первый написалЪ оную, вЪ книгѢ первой своихЪ МузЪ. ПотомЪ Овидій вЪ ФастахЪ. И Плиній вЪ кн: 9. и Геллій вЪ кн: 16. ЕліанЪ о животныхЪ, и другіе многіе. ОріонЪ былЪ изЪ Миѳемна города Лезвійскаго острова, во времена седми ГреческихЪ мудрецовЪ. Ибо ПеріандрЪ его крайне любилЪ. Находятся писатели, которые увЂряютЪ, что онЪ есть изобрЂтателемЪ трагическаго стиха. ОнЪ когда изЪ Италіи ѢхалЪ моремЪ вЪ домЪ свой сЪ великимЪ богатствомЪ, и примЂтилЪ, что корабленики согласились его убить, то онЪ просилЪ ихЪ, дабы они прочее все взявши, жизнь ему одну оставили, и какЪ не могЪ у нихЪ того испросить, то наконецЪ упросилЪ ихЪ, дабы они позволили ему утЂшить себя предЪ смертію на гуслехЪ. На пріятность его пЂнія собралось нЂсколько дельфиновЪ (свиней морскихЪ) АріонЪ не невЂдая о природЂ оныхЪ животныхЪ, сЪ гуслями и во всемЪ одЂяніи бросился кЪ одному на хребетЪ, который его вывезЪ кЪ Тенару. ТамЪ видимо ваяніе Делфина везущаго, и человЂка на немЪ сидящаго. Плиній утверждаетЪ, что делфинЪ есть животное человЂколюбивое, и доказываетЪ оное многими примЂрами.

На Главу пятуюнадесять.

(1) Марію Аттилій РегулЪ. ОнЪ во время первой сЪ Карѳагенцами войны поставленЪ кон-

консуломъ съ Манліемъ Волфономъ. Обоимъ имъ поручена была война съ Карѳагенцами. Аттилій первый изъ всѣхъ Римское войско въ Африку перевезъ, гдѣ нѣсколько кратъ побѣдивъ Карѳагенцовъ, принудилъ ихъ посторонней требовать помощи. Призвали они тогда изъ Лакедемона Ксантиппа человѣка искуснѣйшаго въ воинскихъ дѣлахъ, который поправивъ Карѳагенскую армію, вступилъ въ сраженіе съ Римлянами, на которомъ Римское войско побито, и самъ предводитель Римскій Аттилій Регулъ попался въ плѣнъ непріятелямъ. И бывъ нѣсколько лѣтъ въ ономъ, въ лѣто четвертоенадесять войны оной, а отъ построенія Рима 503, посланъ въ Римъ въ сенатъ согласить Римлянъ размѣняться плѣнниками, подъ такою клятвою, что ежели онаго не исходатайствуетъ, то бы въ Карѳагенъ возвратился. Прибывъ въ Римъ отсовѣтовалъ Сенату чинить размѣнъ, объявляя что Карѳагенцы у Римлянъ въ плѣнѣ находящіеся люди молодые и способные къ войнѣ, а напротивъ Римляне находящіеся въ Карѳагенѣ престарѣлыя и къ сраженіямъ не способные. Сенатъ на то согласился. И какъ его всѣ уговаривали, дабы онъ обратно въ Карѳагенъ не ѣздилъ, однако онъ лучше разсудилъ сохранить клятву данную непріятелямъ, хотя и зналъ, что его, по узнаніи того, что онъ причиною тому, что сенатъ не согласился учинить размѣна, ждутъ жесточайшія мученія. И такъ возвратившись въ Африку томительнымъ и нововымышленнымъ родомъ мученія жизнь скончалъ.

(2) Заключенъ. Нѣкоторые пишутъ, что онъ инымъ родомъ мученія скончался, но Валерій въ книгѣ девятой утверждаетъ, что онъ заключенъ въ машинѣ узкой на подобіе бочки здѣланной, набитой отъвсюду гвоздми; которому послѣдуетъ здѣсь Августинъ.

На Главу седьмуюнадесять.

(1) Ежели поступокъ Іудинъ. Исторія извѣстна изъ Евангелія.

(2) И его истинна судитъ. Петръ Апостолъ въ дѣяніяхъ Апостольскихъ говоритъ, что онъ нечестиво и беззаконно учинилъ, что и Христа предалъ, и удавился.

(3) Погибельно. Ибо онъ такъ раскаявался, что думалъ, акибы не можно таковаго злодѣянія покаяніемъ загладить.

На Главу осьмуюнадесять.

(1) Общницею имѣетъ другую добродѣтель мужество. Добродѣтели между собою сопряжены и связаны, какъ Философы учатъ. Но нѣкоторыя изъ нихъ съ другими болѣе связи имѣютъ, нежели съ иными.

(2) Ни единъ же мужественный. Плутархъ, естьли память меня не обманываетъ, изъ мнѣнія Менандрова предлагаетъ, и говоритъ, что мужественнаго человѣка не есть знакомъ сказывать: сего я терпѣть не стану; ему свойственно говорить: сего я не здѣлаю.

(3) Къ тому благу. Къ добродѣтелямъ. Ибо троякій родъ благъ здѣлали Философы

Пла-

Платоническіе и Перипатетическіе, коимЪ народЪ послѢдовалЪ? то есть добра душевнаго, добра тѢлеснаго, и добра щастія или наружнаго.

(4) ИзЪ коихЪ хотя иное и умаляется. Сіе не только по мнѢнію СтоиковЪ, но и Платоническихъ и ПеріпатетическихЪ ФилософовЪ, которые почитали, что внѢшнее и тѢлесное добро кЪ блаженству нѢсколько служитЪ, однако кЪ препровожденію добродѢтельной и святой жизни нимало не принадлежитЪ.

(5) Не погибаетЪ. ТакимЪ образомЪ сѢтующую Лукрецію утѢшали БрутЪ и КоллатинЪ, отвращая, какЪ говоритЪ Ливій, беззаконіе отЪ принужденной, на творца злодѢянія, сказывая, что мысль грѢшитЪ не тѢло, и увѢряя, что гдѢ не было намѢренія, тамЪ нѢтЪ вины. И кормилица оная у Сенеки вЪ ИпполитѢ доказываетЪ, что мысль дѢлаетЪ не цѢломудренною, не случай.

(6) Чистота вЪ самомЪ тѢлѢ не погибаетЪ. ВыразумѢть можно, что по мнѢнію народному сказано или БрутомЪ или ЛивіемЪ о крови Лукреціи уже заколовшейся, а не какЪ оно вЪ самомЪ дѢлѢ было: Сею непорочною прежде растлѢнія оныя царемЪ, кленусь кровію. КакЪ будьтобы послѢ насилія не таковою же непорочною кровь была, когда не было вЪ мысли сладострастія: но что онагó не было, то показываютЪ они сами.

На Главу девятуюнадесять.

(1) Лукрецію. Повѣсть сія всѣмъ извѣстна, хотя оную Діонисій нѣсколько инаково пишетъ, нежели Ливій, но въ прочемъ они согласны.

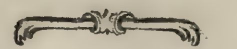
(2) Къ мщенію. Ливій словами Лукреціиными говоритъ: Но дайте мнѣ десницы и клятву, что прелюбодѣй безъ казни не останется: даютъ всѣ поряду клятву.

(3) Никакого злодѣя. Цицеронъ пишетъ о смертномъ приговорѣ на гражданина Римскаго, что законами положена такая предосторожность, дабы не дѣлать приговора, развѣ когда будетъ весь народъ въ собраніи. Образъ же и порядокъ описываетъ въ рѣчи за домъ свой, и Плутархъ въ Грахахъ.

(4) Опредѣлена. Виргилій въ шестой пишетъ, что изъ девяти круговъ состоитъ адъ, изъ коихъ о третьемъ такъ говоритъ: Не въ дальности оттуда находятся тѣ, которые будучи невинными, сами себя умертвили, и возненавидя свѣтъ, изгнали изъ тѣла своего души: которые сказать не можно, скольбы желали паки здѣсь быть и сносить всякую бѣдность и тяжкія труды. Но судьба къ тому не допускаетъ и девять кратъ окружившая ихъ рѣка Стиксъ.

(5) Ей одной. Ибо другой не могъ того знать, можетъ быть изъ удовольствія внутренно подала согласіе.

(6) Не возможно ея оправдать. Есть Силлогисмъ обоюду колкій: то есть, естьли она пре-



прелюбодѣйца, то для чего выхваляется? А ежели цѣломудренная, то для чего закололась?

(7) Римлянкою. Римляне были крайне славолюбивы, о коихъ сказано: Превозможетъ любовь къ отечеству, и безмѣрное желаніе хвалы. Да и самая Лукреція, какъ о ней говоритъ Овидій въ Фастахъ: Побѣжденная страхомъ жена, побѣдила славолюбіемъ.

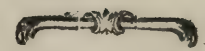
(8) Свидѣтельство совѣсти. Павелъ во 2. послан: къ Коринѳ: въ главѣ: 1. говоритъ: Слава наша есть свидѣтельство совѣсти нашея. Тожъ Стоики и всѣ языческіе разумные люди утверждали.

На Главу двадесятую.

(1) Хотя не чувствуетъ. Аристотель утверждаетъ, что растѣнія имѣютъ душу и живутъ, а только чувства не имѣютъ. Платонъ и Емпедоклъ почитали, что растѣнія суть одушевленныя и чувство имѣющія. Но какъ бы то ни было, умереть могутъ, поелику живутъ.

На Главу двадесять первую.

(1) Которые по Божію повелѣнію. Какъ то Іудеи, кои хотя воевали, но по явственному повелѣнію Божію. Естьли они не почтены нечестивыми, когда повинуясь Богу воевали и убивали, то наинечестивѣйшими изъ всѣхъ почесться могутъ тѣ, кои многія тысящи Христіанъ въ противность прещенія Божія убиваютъ.



(2) Іефѳай. Судей глав: 11. котораго дѣйствіе похоже на то, что Трагическіе стихотворцы пишутъ о Агамемнонѣ, который дочь Ифигенію принесъ на жертву Діанѣ. Іефѳаеву жертву многіе охуждаютъ. Ибо обѣты въ приносимыхъ на жертву вещахъ разумѣть бы надлежало.

(3) И Сампсона. Смотри о томъ судей въ главѣ 16.

На Главу двадесять вторую.

(1) Которое по большой части. Подлой народъ древніе мудрецы великимъ учителемъ заблужденій обыкновенно называли.

(2) Клеомброта. Онъ прочетши книгу Платонову Федона о безсмертіи души, дабы отъ сея жизни, которая есть какъ бы смертью нѣкоею, преселиться къ безсмертію, съ стѣны градской бросился въ море, хотя ему ни какого тогда не было нещастія: какъ пишетъ Цицеронъ въ первой кн: Тускулянскихъ вопрос: Ему здѣлана Каллимахомъ Греческая Епиграмма слѣдующаго содержанія: Житіе прощай, поверогшись съ высокой стѣны и умирая Амвракіотянинъ юноша ты сказалъ, ни какого зла въ смерти не признавая: но писаніе Платоново не въ таковомъ разумѣ понимать тебѣ надлежало.

(3) Но и возбранилъ бы. Въ началѣ тойже книги Федона говоритъ, что беззаконіе есть убить самаго себя, и что Богъ неинако въ такомъ случаѣ гнѣвается, какъ Господинъ, когда кто изъ его невольниковъ самъ себя убьетъ.

убьетъ. И на другихъ многихъ мѣстахъ утверждаетъ, что безъ повелѣнія Божія изъ сея жизни никому изъ человѣкъ исходить не должно. Ибо мы находимся въ жизни сей какъ въ строю, на мѣстахъ отъ повелителя каждому назначенныхъ, и что большаго достоинъ наказанія, которой добровольно жизнь оставляетъ, нежели кто бѣжитъ въ арміи отъ сраженія.

На Главу двадесять третію.

(1) Кромѣ Катона. Катоны произошли отъ поколѣнія Порціевъ изъ Тускула города Латинскаго. Первый въономъ родѣ Катонъ названный осторожнымъ и благоразумнымъ, былъ М. Порцій, человѣкъ новый, но достигшій великихъ чиновъ. Его правнукъ былъ М. Порцій Катонъ, оба великіе и наинепорочные. Оный назывался большимъ, а сей меншимъ. Меншой съ Помпеемъ защищалъ вольность народа противъ тиранства Кесарева, а когда Кесарь побѣдилъ Помпея при Фарсаліи, то Катонъ потерявъ какъ бы нѣкую подпору съ своей стороны, видя что все преодолѣлъ Кесарь, въ Утикѣ Африканскомъ городѣ, прочитавъ прежде два раза книгу Платонова Федона, о безсмертіи души, кинжаломъ себя закололъ.

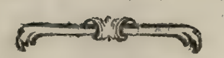
(2) Будто онъ одинъ. Ибо многіе на различныхъ сраженіяхъ сами себя умертвили, дабы не попасть въ власть непріятелямъ. Понеже въ томъ же сраженіи Сципіонъ, Метеллъ, Афраній и Юва Царь себя умертвили.

(3)

(3) Ученый и добрый. Обоихъ Катоновъ непорочность и мудрость въ пословицу обратились. Откуда сказалъ и Ювеналъ: Третій Катонъ съ небесъ упалъ. Сего Катона къ Виницію такимъ образомъ описываетъ Веллей Патеркулъ: Сей произшелъ рожденіемъ отъ Катона начальника онаго фамиліи Порціевъ, человѣкъ добродѣтели подобной, и разумомъ во всемъ ближе къ Богамъ, нежели къ людемъ, которой дѣлалъ хорошее не съ тѣмъ, дабы другимъ казаться, но понеже инаково дѣлать не могъ, и который то только основательнымъ и благоразумнымъ почиталъ, что имѣетъ правду: не имѣлъ никакихъ человѣческихъ пороковъ, всегда своимъ обладалъ щастіемъ. Сіе Веллей. Я уже оставляю Сенекины, Лукановы, Цицероновы, Салюстіевы и другихъ свидѣтельства.

(4) Ученые. Въ Утикѣ, сказываютъ, съ Катономъ были Аполлонидъ Стоикъ, и Димитрій Перипатетикъ, и Клеанѳъ лѣкарь. Ибо Катонъ Греческихъ Философовъ въ свитѣ своей многихъ имѣлъ, и сколько Грековъ ненавидѣлъ прадѣдъ его, столько онъ любилъ, и предъ ночью тою, въ которую онъ закололъ себя, за ужиномъ происходило стязаніе о истинной свободѣ и вольности человѣческой, въ которомъ Димитрій много говорилъ противъ того, что Катонъ постоянно утверждалъ, тоесть хваля тѣхъ, которые сами себя умертвили, такъ, что всѣ тутъ бывшіе начали подозрѣвать, что онъ предпринялъ самъ себя умертвить.

(5)



(5) Сіе и самъ. Плутархъ пишетъ, что когда Кесарь приближался къ Утикѣ, то Катонъ всѣхъ своихъ на кораблѣ отпустилъ, совѣтовалъ и сыну, дабы и онъ съ ними отправился, однако онъ не могъ уговоренъ быть, дабы отца оставилъ. Сего сына Катонова, какъ Ливій въ книгѣ 114, и самъ Кесарь въ описаніи войны Африканской повѣствуетъ, простилъ Кесарь.

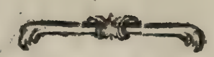
(6) Ибо когда Торкватъ. Манлій Торкватъ Консулъ, сыну, поелику въ противность его приказанія сразился съ непріятелемъ хотя и щастливо, отрубить голову повелѣлъ.

(7) Дабы и его не пощадѣлъ. Плутархъ повѣствуетъ, что Катонъ ни просить отъ Кесаря ничего не хотѣлъ, ни желающимъ ходатайствовать за него не попустилъ.

(8) Какъ самъ Кесарь. Извѣстно слово Кесарево сказаное вѣстнику возвѣстившему о Катоновой смерти: Завидую я твоей славѣ о Катонъ! ибо и ты позавидовалъ моей, дабы въ числѣ славныхъ моихъ дѣлъ не считалось то, что Кесарь Катона сохранилъ.

На Главу двадесять четвертую.

(1) Недостаточнымъ. Ливій въ Книгѣ 18. и Валерій въ примѣрахъ о нищетѣ пишутъ: Когда Аттилій Регулъ спозналъ, что еще на годъ опредѣлилъ сенатъ начальствовать ему въ Арміи, то писалъ къ консуламъ, дабы они ему на смѣну прислали кого другаго. Между причинами, для чего онъ отъ должности оной отказывается, представилъ особливо



во оную, что поле его состоящее изЪ семи нивЪ наемщиками опустошается: и ежели опустошенiе оное продолжится, то дойдетЪ до того, что ему ни жены ни дѣтей кормить будетЪ нѣчемЪ.

На Главу двадесять пятую.

(1) Естьли оная вожделительная. Ибо похоть тѣлесная движется и при сопротивленiи оной хотѣнiя, отсюда то по преодолѣнiи хотѣнiя или воли отЪ плоти, раждается стыдЪ.

(2) ВЪ умерщвляемыхЪ. Уды наши смерти подлежатЪ, и ежечасно умираютЪ, и однако по видимому жизнь имѣютЪ различную отЪ души. Кольми паче безЪ вины есть, естьли движенiя оныя похоти во время сна происходятЪ. БезЪ вины же потому, понеже природа движенiе оное дѣлаетЪ безЪ соизволенiя воли, кольми паче тѣ останутся безЪ вины, гдѣ не только покоится воля, какЪ то во снѣ, но и противится.

На Главу двадесять шестую.

(1) Но говорятЪ, что нѣкоторыя. ПишетЪ АмвросiйвЪ книгѣ 3. о дѣвахЪ, что Пелагiя сЪ матерiю и сестрами бросилась вЪ рѣку, дабы отЪ гонящаго за ними воина расплѣнены не были. Однако оную, какЪ онЪ же говоритЪ, церковь вЪ число мучениковЪ включила. И Евсевiй вЪ церковной исторiи повѣствуетЪ, что Софронiя сама себя умертвила, дабы не претерпѣть насилiя отЪ Максентiя Кесаря.

На

На Главу двадесять осьмую.

(1) И неизслѣдимы. Римляномъ глава 11.

(2) Но смиренномудрствуя. Къ Римляномъ глав. 12.

(3) Со трепетомъ радовались. Псаломъ 2.

(4) И такъ какъ нѣкоторые. Премудр. Солом. глав. 4.

На Главу двадесять девятую.

(1) Гдѣ есть Богъ твой? Псаломъ 41. Быша мнѣ слезы моя хлѣбы день и нощь, внегда глаголатися мнѣ на всякъ день, гдѣ есть Богъ твой?

(2) Страшенъ. Псаломъ 95.

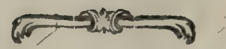
На Главу тридесятую.

(1) Назика. Назика сынъ былъ Гнея Корнилія Сципіона, который съ П. братомъ въ Гишпаніи отъ Африканцовъ убитъ во время вторыя войны съ Карѳагенцами, въ лѣто оныя войны 14. когда десятью мужами по разгнутіи книгъ Сивиллиныхъ стихъ такой найденъ, что будетъ такое время, когда непріятели изъ Италіи изгнаны будутъ, естьли мать Боговъ изъ Пессимунта Фригійскаго города въ Римъ принесена будетъ. Отправлены тогда послы къ Атталу тамъ царствовавшему, дабы именемъ Сената и народа Римскаго мать Боговъ у него испросили. Послы на пути вопросили Делфійскаго Аполлина, естьли какая надежда къ испрошенію матери Боговъ у Аттала. Оракулъ повелѣлъ имъ благо-

душествовать и надѣяться, обьявляя, что они ея выпросятъ: въ прочемъ старались бы, дабы въ Римъ она принята была изряднѣйшимъ изъ всего города мужемъ. И какъ уже въ Остію прибылъ корабль, то по приговору учиненному подъ клятвою Сенаторовъ, почтенъ наилучшимъ изъ всѣхъ юноша Сципіонъ Назика, ни какова тогда чина неимѣвшій, который мать боговъ и священнослуженіе ея принялъ по повелѣнію Сената: какъ пишетъ Ливій въ книгѣ 29 и другіе многіе.

(2) А оный Сципіонъ. Въ лѣто отъ построенія Рима 600 когда послы Римскіе ѣздившіе въ Карѳагенъ донесли въ Римѣ, что они ужасное пріуготовленіе кораблей въ Карѳагенѣ примѣтили, тогда разсуждаемо было въ Сенатѣ, что надлежитъ войну обьявить Карѳагенцамъ въ разсужденіи онаго. М. Порцій Катонъ, дабы нѣкогда могъ въ безопасности жить Римъ, совѣтовалъ не только обьявить войну, но и истребить совсѣмъ сей страхъ. Назика же, о которомъ я выше говорилъ, не подавалъ на то согласія, опасаясь, дабы чрезъ то въ роскошь и распустность народъ не пришелъ, и желалъ, дабы чтолибо народъ Римской на подобіе узды удерживало отъ развратности, чего для и совѣтовалъ не только не разорять Карѳагена, но и не обьявлять войны безъ законной и великой причины, какъ пишетъ Ливій и другіе.

(3) Потребенъ. Аппій Клавдій обыкновенно говаривалъ, какъ пишетъ Валерій, упражненіе народа Римскаго лучше похвалить можно,



жно, нежели праздность. Понеже оный народъ спокойствіемъ въ разслабленіе приходитъ, страхъ же обычаи народа Римскаго въ своемъ состояніи содержитъ, напротивъ спокойствіе многочисленные ввело пороки.

(4) Ибо по разореніи Карѳагена. Салюстій въ войн. Югуртин. Прежде разоренія, говоритъ, Карѳагена Сенатъ и народъ Римской благоустройно республикою управляли, никто не стремился тщеславиться предъ другимъ, ни владычествовать иными своими согражданами: страхъ непріятелей въ благонравіи содержалъ городъ: но какъ страхъ отъ мыслей удалился, то немедленно вошли своевольство и гордость.

(5) Кровопролитныя. Тиберія Граха, потомъ К. брата, въ коихъ сперва до кровопролитнаго сраженія дойдено, изъ коихъ первое было по прошествіи десяти лѣтъ по разореніи Карѳагена.

(6) Сплетеніемъ беззаконныхъ винъ. Ибо отъ возмущенія и бунта Грахова произошелъ Трибунатъ Ливія Друза, котораго противопоставили всадникамъ слѣдующимъ установленію Грахову. Отъ сего началась война съ союзниками, понеже Ливіемъ Друзомъ обѣщаннаго городъ исполнять не могъ. Отъ сего война съ Миѳридатомъ, когда Миѳридатъ Царь Понтійскій надѣясь на раздоры Италіи, повелѣлъ многія тысячи Римлянъ въ его странахъ торгующихъ убить. Отсюда междоусобныя войны Маріевы и Силлины. Также Серторіевы, Лепидовы, Катилинины, и Помпеевы. По-

шомЪ самодержавство Кесарево, по убіеніи которого произошли брани Антоніевы, Филиппинскія, Брута и Кассія; Сикилійскія, Секста Помпея, и проч. наконецЪ республика вЪ Монархію и тиранство премѣнилась.

На Главу тридесять первую.

(1) ѲеатрЪ. Ливій вЪ кн. 48. и Валерій о установленіяхЪ древнихЪ пишутЪ, что Валерій Мессала и Кассій наняли было ѲеатрЪ строить, вЪ которомЪ бы народЪ Римскій сидя смотрѣлЪ игры. Но Назика одержалЪ вЪ приговорѣ сенатскомЪ верьхЪ, сказывая, что сіе зрѣлище причинитЪ великій вредЪ нравамЪ. И такЪ приговоромЪ сенатскимЪ все оное пріуготовленіе осталось безЪ исполненія, и опредѣлено при томЪ сенатомЪ, дабы не только вЪ городѣ, но и за городомЪ ближе тысячи шаговЪ не дѣлалЪ никто Ѳеатра, и не заводилЪ игрЪ, которыя бы народЪ смотрѣлЪ сидя. За нѣсколько до третіей сЪ Карѳагенцами войны народЪ Римской нѣсколько лѣтЪ смотрѣлЪ на игры стоя; до самаго разоренія Коринѳа, вЪ которое время Л. Мумій, для игрЪ, которыя вЪ торжествѣ дѣлалЪ, ѲеатрЪ построилЪ, однако на время. Первой навсегда ѲеатрЪ здѣлалЪ вЪ Римѣ Помпей великій, какЪ пишетЪ ТацитЪ вЪ книг. 14, по примѣру того, которой видѣлЪ онЪ вЪ Митилинѣ во время войны сЪ МиѳридатомЪ.

(2) Греческой распустности. Греки за нѣсколько вѣковЪ прежде РимлянЪ имѣли Ѳеатры, и самое имя показываетЪ, что сіе наименованіе

ніе ѳеатръ отъ Грековъ происходитъ. Ибо Греческое слово θεᾶσθαι значитъ смотрѣть или зрѣть.

На Главу тридесять вторую.

(1) Зрѣлища мерзостей. Ибо мерзостнѣйшее и недостойное зрѣнія, дѣлаемо, и слышанія, сказываемо было.

(2) Сноснѣе было бы. Тертулліанъ въ Апологетикѣ говоритъ: Терпимѣе было бы богами поставить, мудрости Сократа; правды, Аристида; войны, Ѳемистокла; витійства, Цицерона; щастія, Силлу; богатства, Красса; величественности, Помпея; важности, Катона. Ибо сіи боговъ самихъ превосходили въ тѣхъ вещахъ. Не скрывали сего и древніе многіе, что благонравные ихъ мужи лучшими были своихъ боговъ. Сенека въ книгѣ второй о спокойствіи жизни утверждаетъ, что Катонъ Утиценскій лучшимъ былъ примѣромъ мудраго мужа, нежели Геркулесъ или Ираклій, или Улиссъ. Луканъ также говоритъ, что той же Катонъ есть отецъ отечества, и наидостойнѣйшій жертвенниковъ и олтарей Римскихъ.

(3) Ибо и оная зараза тѣлесная. Ливій въ книгѣ 7 говоритъ, что заведеніе игръ ни душамъ благочестіемъ не помоществовало, ни тѣла отъ заразы не избавило.

(4) Къ однимъ Цирценскимъ. Цирценскія игры первый въ Римѣ завелъ Ромулъ, въ четвертый мѣсяцъ по построеніи города, какъ пишетъ Фабій Пикторъ, въ которой день по-

хитилъ онъ Сабинокъ. Нѣкоторые же утверждаютъ, что Цирценскія игры прежде заведены, что и вѣроятнѣе. Цирценскими называются оныя, какъ говоритъ Сервій, понеже мѣста тѣ, гдѣ игры отправляемы были, ограждались, circum, вокугъ, ensibus, мечами. Ибо какъ невѣжественная древность еще не могла построить такихъ мѣстъ, гдѣ бы играть игры, съ оградами, то играла оныя между рѣками и мечами, дабы лѣнивые и желающіе уйти, отвсюду имѣли препятствіе. Потомъ при Тарквиніи Прискѣ царѣ назначено мѣсто таковое, въ которомъ каждый годъ игры отправляемы были, какъ Ливій пишетъ, и назывались великими, Римскими, и Цирценскими. Конское въ оныхъ производилось ристаніе, и сражались между собою бойцы. Сіи игры посвящены были богу Консу, котораго Греки Нептуномъ на коняхъ ѣздящимъ называли, которому храмъ по сказанію Діонисіеву Евандромъ въ Латіи построенъ, и назначенъ праздникъ, въ которой свобождались отъ работъ и употребленія людьми на другія дѣла, кони, и ослы, на которыхъ тогда возлагали вѣнки.

На Главу тридесять третію.

(1) Погубили вы пользу происходящую отъ бѣдствій, Коими люди исправляются, и становятся благоразумнее, и которыя вмѣняются въ заслугу, когда люди оныя терпѣливо сносятъ. Платонъ въ Горгіи говоритъ, что бѣдствія и казни полезны и тѣмъ, кои

ихъ претерпѣваютъ, и тѣмъ, кои на оныя взираютъ. Ибо обои становятся лучшими, одни чрезъ прискорбность, другіе чрезъ примѣръ.

На Главу тридесять четвертую.

(1) Храмъ убѣжища. Мѣсто было священное, откуда извлекать никого убѣжавшаго было не можно, изъ оныхъ первой таковой храмъ построили потомки Геркулесовы. Ибо по смерти Геркулесовой потомки его, какъ пишетъ Сервій въ изъясненіи 8 книг. Енеид. боясь мщенія отъ тѣхъ, коихъ обидѣлъ дѣдъ ихъ, первые изъ всѣхъ построили храмъ убѣжища, то есть храмъ помилованія въ Аѳинахъ, изъ котораго не можно было никого извлечь силою. Слово сіе азилъ, сложено изъ Греческаго, α, значащаго не, и безъ, и συλῶ, влеку, извлекаю. Что и Стацій во 12 Ѳиваид. утверждаетъ, говоря: сказываютъ, что Иракліевы внуки удовольствовавшись сраженіями, храмъ по смерти его поставили въ прибѣжище всѣмъ находящимся въ бѣдствіи. Азилъ Ремъ и Ромулъ построили между замкомъ и капитоліею, дабы множество злодѣевъ и преступниковъ въ надеждѣ избавиться отъ казни, прибѣгали въ новой городъ для жительства. Въ Греціи и Азіи множество было таковыхъ храмовъ. Но Тиверій Кесарь огорчась оныхъ вольностію, и безнаказательностію злодѣевъ, всѣ права оныхъ отмѣнилъ, какъ пишутъ Светоній и Тацитъ.

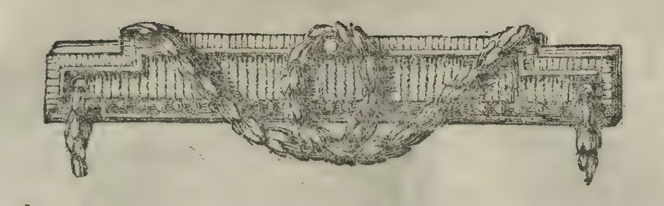
На Главу тридесять пятую.

(1) Которые не наслѣдятъ жребія святыхъ. По оному слову Господню: мнози званни, мало же избранныхъ.

(2) Въ последнѣмъ судѣ. Такимъ образомъ пишется въ Евангеліи, что Ангели разлучатъ злыхъ отъ среды праведныхъ въ скончаніи вѣка.

На главу тридесять шестую.

(1) Котораго во власти всѣ царства. Такимъ образомъ у Матѳея въ главѣ 23 Христосъ говоритъ: Дадеся мнѣ всяка власть на небеси и на земли.



БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

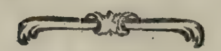
КНИГА II.

Глава первая.

О образѣ, котораго въ нуждѣ стязанія употребить должно.

Ежели бы доказательству несумнѣнной истинны, слабое человѣческой привычки мнѣніе не дерзало противиться, но здравому ученію немощь свою какъ бы нѣкоторому врачевству препоручало, покуда по вѣрѣ благоговѣнія Божественною уврачевалось помощію; то не многаго труда потребно было бы къ отраженію всякаго тщетныхъ мнѣній заблужденія, особливо тѣхъ людей, которые не несправедливо разсуждаютъ, и чувствованія свои словами довольными изъясняютъ. Нынѣ же поелику въ томъ большая и гнуснѣйшая безумныхъ душъ состоитъ болѣзнь, что онѣ безсловесныя свои движенія по данномъ доказательствѣ, о неосновательности оныхъ, толь совершенномъ, сколько одному человѣку для другаго дать

потребно, или по крайней своей слѣпотѣ, которая не видитъ и самыхъ осязаемыхъ вещей; или по непреклонному упрямству, которое и видимаго не терпитъ: какъ бы нѣкоторое основанiе и истинну защищаютъ: то предлежитъ нужда, говорить пространнѣе, дабы вещи ясныя представить не для зрѣнiя невидящимъ оныхъ, но для осязанiя тѣмъ, которые и осязаютъ оныя и прекословятъ. Однако какой можетъ быть конецъ стязанiю, и предѣлъ разговору, ежели будемъ отвѣтствовать всегда отвѣчающимъ. Ибо или которые не могутъ выразумѣть сказываемаго нами, или столь упорный имѣютъ разумъ, что когда и разумѣютъ, однако тому не повинуются, тѣ отвѣтствуютъ, какъ писано, и говорятъ неправду, и неизмѣнно безумствуютъ. Которыхъ противоположенiя, ежели бы мы всегда восхотѣли отражать, когда они расположились безъ зазрѣнiя говорить, только бы, какимъ бы то образомъ ни было, нашему стязанiю противорѣчить, то не видишъ ли, сколь окое безконечно, бѣдственно и безплодно? Чего для я сыне мой Маркеллине, не хощу, дабы ни ты, ни другiе, которымъ сей нашъ трудъ съ пользою по любви къ Хрiсту служитъ, не были моихъ творенiй такими судiями, которые желалибъ непрестанно видѣть новыя наши отвѣты, когда услышатъ, что тому нѣчто противополагается, что мною написано; дабы небыли таковые судiи подобными тѣмъ же-



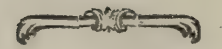
женамЪ, о которыхЪ упоминаетЪ АпостолЪ, „которыя всегда учатся, и никогда вЪ разумЪ истинны не достигаютЪ.

Глава вторая.

О томЪ, что показано вЪ первой книгѢ.

И такЪ вЪ первой книгѢ, когда я предпринялЪ говорить о ГрадѢ БожіемЪ, которое сочиненіе при помощи Его начато, то вопервыхЪ срѢтилось мнѢ, дабы отвѢтствовать тѢмЪ, которые оныя войны, коими сей мірЪ сокрушается, а особливо недавно бывшее отЪ варваровЪ Риму разореніе, Хрістіанскому благочестію приписываютЪ, коимЪ возбраняются скверными жертвами служить демонамЪ: когда наипаче долженствовали присвоить Хрісту, что ради его имени, вЪ противность уставовЪ и обыкновенія военнаго, священныя пространнѢйшія храмы варвары свободными учинили, для тѢхЪ, кои убѢгутЪ вЪ оныя. И во многомЪ для Хріста такое дѢлали снисхожденіе, что не только то, что вЪ самой вещи ХрістіанскимЪ церьквамЪ принадлежало, но и оное, о которомЪ изЪ страха имЪ ложно сказано, аки бы онымЪ принадлежитЪ, такЪ уважено, что непозволительнымЪ почли все то для себя варвары, что по правамЪ военнымЪ вЪ другихЪ случаяхЪ имЪ позволялось. И оттуда то произошелЪ вопросЪ, для чего сіи Божія благодѢянія простиралися даже до самыхЪ нечестивыхЪ и неблагодарныхЪ? которо-

торый вопросъ (1) касающійся многаго, въ вѣкѣ семъ, или въ разсужденіи божіихъ благодѣяній, или человѣческихъ пораженій: которыя поелику хорошо или худо живущимъ безъ чувствительнаго намъ различія приключаются, многихъ безпокоятъ обыкновенно; оной, говорю, вопросъ, дабы по причинѣ предпріятаго нами сочиненія разрѣшить, нѣсколько говорилъ я обширнѣе, особливо ради утѣшенія святыхъ женъ, благоговѣйныхъ и непорочныхъ, которыя нѣчто претерпѣли отъ непріятелей, которое причинило имъ прискорбность въ разсужденіи цѣломудрія, хотя не лишило твердости и постоянства цѣломудрія; дабы они не сожалѣли о томъ, что осталися въ живыхъ, когда не имѣютъ того, дабы раскаеваться въ нечистотѣ. Потомъ нѣчто сказалъ противъ тѣхъ, которые Христіанъ претерпѣвшихъ оное бѣдствіе, и особливо насилованныхъ женъ, хотя чистыхъ и святыхъ дерзновенно поносятъ, будучи сами непотребнѣйшими и развращеннѣйшими, и непохожими на тѣхъ Римлянъ, коихъ знаменитыя дѣла выхваляются, и въ Исторіяхъ прославляются, и не только, но и славѣ древнихъ Римлянъ жестокими остаются противниками и врагами. Ибо они Римъ основанный и умноженный попеченіемъ и трудами древнихъ, гнуснѣйшимъ учинили стоящій, нежели когда бы онъ разрушился, понеже въ разрушеніи онаго камни и древа, въ житіи же сихъ все, не стѣнъ, но нравовъ достопамятности и украшенія пали, когда развратностію



ихъ сердца болѣе, нежели огнемъ домы ихъ града горѣли. Симъ окончалъ я первую книгу: теперь намѣреваю поговорить, коликія нещастія Римъ претерпѣлъ со времени основанія своего, какъ внутрь себя, такъ и въ покоренныхъ себѣ провинціяхъ: которое все приписано былобы Христіанскому благочестію, ежели бы тогда Евангельское ученіе противъ ложныхъ Боговъ свидѣтельствомъ свободнымъ гремѣло.

Глава третія.

О томъ, что онъ приводитъ намѣренъ исторіи, изъ которыхъ открывается, коликое зло претерпѣвали Римляне, прежде нежели благочестіе Христіанское началось.

Памятовать должно, что я напоминая сіе, вооружаюсь только противъ непросвѣщенныхъ, отъ коихъ невѣжества произошла оная простонародная пословица: „Дождя не стало, „(1) тому виною Христіане.„ Ибо находятся изъ нихъ свободнымъ наукамъ обученные, которые любятъ исторіи, помощію коихъ безъ трудности о семъ вѣдаютъ. Но чтобъ здѣлать насъ невѣждамъ ненавистными, притворяются, будто того не знаютъ, и между простымъ народомъ силяться утверждать, что бѣдствія, которыми въ опредѣленныя времена, и въ назначенныхъ отъ Бога мѣстахъ родъ человѣческій оскорбляемь быть долженъ, приключаются по причинѣ имени Христіанскаго, ко-

которое противЪ БоговЪ ихЪ сЪ великою славою всюду распространяется. И такЪ пускай сЪ нами разсмотрятЪ, какія бѣдствія многократно и многоразлично претерпѣвали Римляне, прежде нежели ХрістосЪ пришелЪ во плоти, прежде нежели имя Его, коему напрасно завидуютЪ, прославилось вЪ людехЪ: и пускай тогда защищаютЪ, ежели могутЪ, БоговЪ своихЪ, которыхЪ сЪ тѣмЪ почитаютЪ, дабы никакого зла не претерпѣвать почитателямЪ ихЪ, которое нынѣ пострадавЪ приписываютЪ намЪ. Ибо для чего они попустили бѣдствія на почитателей своихЪ, которыя я описывать намѣренЪ, прежде нежели оскорбило ихЪ прославленное имя Хрістово, и ихЪ жертвы возбранило?

Глава четвертая.

О томЪ, что почитатели БоговЪ никогда отЪ БоговЪ своихЪ и никакихЪ не получали заповѣдей кЪ благонравному житію, и вЪ священнослуженіяхЪ ихЪ всякія мерзости отправляли.

ВоперьвыхЪ для чего боги ни мало не пеклися, дабы почитатели оныхЪ не были развращенныхЪ нравовЪ? Ибо БогЪ истинный тѣхЪ оставилЪ, которые Его не почитали: боги же, коихЪ почитатели нынѣ жалуются, такЪ какЪ люди неблагодарные, что имЪ возбраняется боговЪ почитаніе, для чего никакихЪ кЪ благонравному житію не дали законовЪ?

-новъ? Ибо всенепремѣнно надлежало, чтобъ, какъ люди о жертвоприношеніи богамъ, такъ боги о дѣлахъ человѣческихъ имѣли попеченіе. Но отвѣтствуется, что всякъ по своему хотѣнію есть золъ. Кто сіе за истинное не почтетъ? Однако надлежало совѣтующимъ богамъ предписать заповѣди, а не скрывать оныя отъ народовъ ихъ почитающихъ, но съ громогласнымъ проповѣданіемъ предпродать: чрезъ пророковъ также каждаго согрѣшающаго обличать, явно угрожать тѣмъ, кои зло дѣлаютъ, казнію, напротивъ благонравно житіе препровождающимъ обѣщать воздаяніе. Что сему подобное когдалибо въ храмахъ ихъ провозглашаемо было? Хаживали и мы нѣкогда въ молодыхъ лѣтахъ на зрѣлища и празднества святотатствъ сихъ: видали неистовящихся, (1) слыхали музыкантовъ, забавлялися мерзскими играми, представляемыми богамъ и богинямъ, и небесной дѣвицѣ Верекинѳіѣ, (2) матери всѣхъ боговъ, предъ одромъ которыя въ праздникъ Омовенія (3) ея, то непотребнѣйшіе актеры (4) въ слухъ всѣмъ пѣвали, чего не только матери боговъ, но и матери какихъ нибудь сенаторовъ, или какихъ либо честныхъ мужей, и не только то, но и матери тѣхъ самыхъ комедіантовъ мерзско было бы слушать. Ибо имѣютъ люди въ родителяхъ нѣчто уваженія достойное, котораго ни самое непотребство истребить не можетъ. Понеже оную мерзость гнусныхъ словъ и дѣлъ, комедіанты оные въ домахъ своихъ для пріобученія себя при матеряхъ своихъ посты-

ди-

дились бы представлять, которую представляли общенародно, предъ матерію всѣхъ боговъ, при зрѣніи и слышаніи безчисленнаго множества народа обоего пола. Которое ежели изъ любопытства могло окружать, то покрайней мѣрѣ огорчившись въ разсужденіи чистоты своей, должно было возвратиться въ домы посрамленнымъ. Ежели сіе есть священнослуженіе, то что можетъ назваться святотатствомъ? Ежели сіе есть омовеніе, то что можетъ быть оскверненіемъ? И сіе называлось пиршествомъ, въ которомъ жертвоприносителей пищею, какъ бы насыщаемы были нечистые демоны. Ибо кто не чувствуетъ, какіе должни быть оные духи, кои таковыми мерзостями услаждаются: развѣ тотъ, который совсѣмъ не знаетъ, находятся ли нечистые духи, прельщающіе людей именемъ боговъ; или тотъ, который препровождаетъ таковую жизнь, въ которой сихъ наипаче и милостивыми и благотворительными къ себѣ имѣть желаетъ, и страшится ихъ гнѣва, нежели истиннаго Бога.

Глава пятая.

О мерзостяхъ, коими мать боговъ отъ почитателей своихъ почитаема была.

Не таковыхъ въ семъ случаѣ хощу я имѣть судей, которые мерзскаго обыкновенія пороками утѣшаются наипаче, нежели противятся онымъ, но онаго самаго Назику

Сци-

добреннаго всемъ сенатомъ, коего руками онаго демона Кумиръ принятъ и въ Римъ внесенъ. Пускай бы онъ сказалъ намъ, хотѣлось ли бы ему, дабы мать его удостоилась чести божеской, какъ у Грековъ и Римлянъ и другихъ народовъ опредѣлены божескія смертнымъ почести, которыхъ къ себѣ оказанныя уважали заслуги, и почитали, что они стались безсмертными, и причислены къ богамъ. Конечно пожелалъ бы онъ такого щастія и жребія матери своей. Потомъ ежели бы мы его спросили: желаетъ ли онъ, дабы при божественномъ почтеніи матери его таковыя мерзости представляемы были? Что не возопилъ ли бы онъ, что лучше для него, ежели мать его лишена будучи чувствъ, лежать будетъ мертвою, нежели будучи богинею, слышать таковое? Я не уповаю, чтобъ сенаторъ Римскаго народа, одаренный таковымъ разумомъ, съ каковымъ возбранялъ созидать ѳеатръ во градѣ храбрыхъ мужей, пожелалъ, дабы мать его такъ почитаема, чтобъ богиня таковыми священнослуженіями и жертвами умилостивляема была, каковыми честная жена всякая оскорблена была бы. И не повѣрилъ бы, чтобъ стыдливость честной жены такъ въ противное божествомъ премѣнилась, чтобъ ея таковыми почестми призывали ея почитатели, каковыми ругательствами, ежели бы кого другаго поносили, когда она въ живыхъ находилась, естьлибъ не заткнула она уши, и не удалилась прочь, то стыдомъ обьяты были бы вмѣстѣ ея и родственники, и мужъ и дѣти. При всемъ

томъ таковая мать боговъ, каковую всякой непотребной человѣкъ постыдился бы имѣть матерью, намѣревая занять разумы Римлянъ, искала изряднѣйшаго мужа, котораго бъ обманомъ прельстить: оной подобна, о коей написано: (1) „жена же драгоцѣнныя мужей „души плѣняетъ.„ дабы оный великій духъ симъ какъ бы божественнымъ свидѣтельствомъ восхищенъ будучи, и почитая въ самомъ дѣлѣ себя благонравнымъ, истиннаго благочестія не изыскивалъ, безъ котораго всякой разумъ, хотябъ въ прочемъ похвалы достойный, гордостію низпадаетъ. И такъ какимъ образомъ, естьлибъ не имѣла умысла и лукавства, требовала оная богиня изряднѣйшаго мужа и благонравнаго къ своему священнослуженію, когда въ священнослуженіи ея такихъ вещей она требуетъ, каковыя благонравные мужи удаляютъ и отвергаютъ отъ своихъ пировъ?

Глава шестая.

О томъ, что языческіе боги не предподавали ученія какъ хорошо жить.

Отсюда то происходитъ, что о житіи и нравахъ городовъ и народовъ, которые боговъ оныхъ почитали, боги попеченія не имѣли, и дѣлали, чтобъ почитатели ихъ не въ поляхъ и виноградахъ, не въ домѣ и денгахъ, и наконецъ не въ самомъ тѣлѣ, которое душѣ подвластно, вредъ претерпѣвали, но дабы въ

семъ

семъ ужасномъ и проклятомъ злѣ самымъ разумомъ, самымъ управляющимъ плотію духомъ погружались, и становились непотребнѣйшими; сіе самое ни мало не возбраняя попущали. Или ежели возбраняли, то сіе наипаче пускай покажутъ язычники, пускай намъ откроютъ. Пускай же не хвастаютъ невѣдомо какими шептами нѣкоторыхъ малочисленнымъ людей слуху внушенными, и тайнымъ нѣкоторымъ вдохновеніемъ преданными, которыя наставляли на добронравіе и чистоту: но пускай покажутъ и представятъ мѣста таковымъ нѣкогда посвященныя собраніямъ: но мѣста не такія, гдѣ отправляются игры съ безчинными воплями и движеніями комедіантовъ, или гдѣ празднуются фугалія (1) со всякимъ своевольствомъ мерзостей, и подлинно празднество фугалія, то есть прогнанія, но прогнанія не другаго чего, какъ только зазрѣнія, стыда и честности: но гдѣ бы народъ слушалъ то, что повелѣваютъ боги: напримѣръ о истребленіи сребролюбія, о удаленіи отъ гордости, о обузданіи похоти: гдѣбы научались бѣдные люди тому, чему учиться за нужное признаваетъ Персіи, (2) который не безъ поношенія за то народу говоритъ: „Вникните нещастные, и вины вещей познайте, „что мы такое въ свѣтѣ, и для чего въ жизнь „сію родились, какой порядокъ уставленъ, „или сколь нечувствительно прехожденіе человѣка отъ отрочества къ юношеству, какія „предѣлы полагать должно сребролюбію, чего „надлежитъ желать, что пользы въ монетахъ

 „сколь-

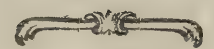
„сколько надобно издерживать имѣнія для „отечества, и любезныхъ сродниковъ, какимъ „тебѣ богъ повелѣлъ быть, (3) и какое тебѣ „даровалъ состояніе.„ Пускай отвѣчаютъ, въ какихъ мѣстахъ сіи наставляющихъ Боговъ обыкновенно читаемы были заповѣди, которыя народъ ихъ почитающій слушалъ? Такъ какъ мы показываемъ, что на то у насъ церкви уставлены, гдѣ бы благочестіе Хрістіанское ни распространилось.

Глава седьмая.

О томъ, что изобрѣтенія философофъ безполезны, когда каждаго къ порокамъ склоннаго человѣка болѣе побуждаетъ то, что Боги здѣлали, нежели то, что люди умствовали.

Можетъ статься философовъ училища намъ представятъ: однако то не Римское, но Греческое: или ежели потому Римское, понеже и Греція самая есть провинціею Римскою, слѣдовательно не боговъ заповѣди суть, но изобрѣтенія человѣковъ, которые одарены будучи проницательными разумами, всячески тщались размышленіемъ достигнуть до того, что скрывается въ природѣ вещей, чего въ разсужденіи нравовъ желать должно, чего удаляться; что въ самихъ умствованій правилахъ прямымъ союзомъ связывается, или что не слѣдуетъ изъ перваго предложенія, или еще оному и противно. И нѣкоторые изъ нихъ нѣчто великое изобрѣли, сколько имъ Богъ по-

помогъ, сколько же въ разсужденіи немощи человѣческой были воспрепятствованы, заблудили, наипаче когда ихъ надменности (1) Божій промыслъ праведно воспротивился, дабы показать примѣромъ ихъ, что путь благочестія ведущій горѣ происходитъ отъ смиренномудрія. При всемъ томъ, ежели философы нѣчто изобрѣли, которое къ препровожденію добродѣтельной и блаженной жизни довольнымъ быть можетъ: то не лучше ли онымъ опредѣлять божескія почести? Не лучше ли и честнѣе было, ежели бы въ Платоновомъ храмѣ книги его читаемы были, нежели въ храмахъ бѣсовскихъ жрецамъ обрѣзываться, развращеннымъ быть посвящаемымъ, (2) или прочему безчеловѣчному и мерзскому дѣлаему быть, которое при священнослуженіяхъ таковыхъ боговъ совершается? Не лучше ли было бы для наставленія къ правдѣ юношества читать всенародно законы боговъ, нежели тщетно хвалить законы и установленія предковъ, (3) сколь скоро вознеистовятся сластолюбіемъ, какъ Персій Еорорить окропленнымъ ядомъ, то болѣе смотрятъ на то, что здѣлалъ Юпитеръ, нежели взираютъ на то, чему училъ Платонъ, или какъ думалъ Катонъ. Отсюда то у Теренція (4) развращенный юноша вводится разсматривающимъ картину на стѣнѣ написанную, гдѣ изображено было, какъ Юпитеръ пустилъ Данаѣ на лоно золотый дождь: и въ разсужденіи мерзскихъ своихъ дѣлъ защищающаго себя, тѣмъ, что онъ своими поступками подра-

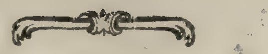
 

жаетъ Богу, а какому, говоритъ Богу? Такому, которой ужаснымъ громомъ колеблетъ небеса: которой ежели самъ то дѣлаетъ, то я будучи, говоритъ, человѣкомъ, не здѣлаюль того? Конечно здѣлаю и безъ принужденія.

Глава осьмая.

О Θеатральныхъ при священнослуженіи играхъ, въ которыхъ Боги не оскорбляются изреченіемъ ихъ мерзостей, но умилостивляются.

Но говорятъ, что сіе описывается и преподается только въ басняхъ стихотворцовъ. Я не могу сказать чтобъ таинъ ихъ Мерзостнѣйшими были Θеатральныя дѣйствія. Я то говорю, въ чемъ противорѣчащихъ обличаетъ исторія, то есть, что тѣ самые игры, въ которыхъ владычествуютъ вымыслы стихотворческія, не невѣжественнымъ повиновеніемъ къ священнослуженію Боговъ своихъ присовокупили Римляне, но что самые Боги съ прещеніемъ повелѣвая, какъ бы исторгли оное, дабы игры торжественно были представляемы, и въ честь ихъ посвящаемы. Чего я въ первой книгѣ кратко коснулся. Ибо какъ усилилась зараза (1) въ Римѣ, то по совѣту первосвященника вопервыхъ въ Римѣ оныя игры заведены. И такъ ктобы не подумалъ, что въ препровожденіи жизни то ему наипаче дѣлать должно, и тому подражать, что дѣйствуется въ играхъ богами уставленныхъ, нежели оному, что пишется въ законахъ чело-



ловѣческихъ совѣтомъ изданныхъ? Прелюбодѣемъ Юпитера ежели ложно описали стихотворцы, то боги будучи непорочными, видя толикое беззаконіе чрезъ забаву человѣческую себѣ приписываемое, должни были гнѣваться и отмщевать. И сіи суть легчайшія и сноснѣйшія Ѳеатральныя игры, то есть комедіи и трагедіи, сирѣчь представленіе стихотворческихъ басней сложенныхъ не безъ привнесенія множества мерзскихъ дѣлъ (2) и гнусныхъ словъ: которыя между науками честными и свободными отроки принуждаемы бываютъ отъ старѣйшихъ читать и понимать.

Глава девятая.

Что древніе Римляне о пресѣченіи вольности стихотворческой думали, которой Греки последуя богевъ своихъ суду не ограничивали.

Какихъ же мыслей были древніе Римляне о стихотворцахъ, объ ономъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ въ книгахъ писанныхъ имъ о республикѣ, гдѣ Сципіонъ (1) стязуясь говоритъ: Никогда бы комедіи не въ силахъ были одобрить свои ѳеатральныя преступленія, ежели бы не взошло въ обыкновеніе. И Греки нѣкоторые древніе неправаго своего мнѣнія нѣкое сохранили сходство, у которыхъ закономъ было позволено, чтобъ комедія представляла что хочетъ (2) и о чемъ хочетъ, и такъ какъ въ тѣхъ же книгахъ говоритъ Африканъ: кого оная не коснулась; или луч-

ше сказать, кого не терзала, кого пощадила? но пускай такъ, пускай непотребныхъ людей, бунтовщиковъ, какъ то Клеона, Клеофонта, (4) Ипервола (5) она терзала. Снесемъ и то безъ досады, что лучше бы таковыхъ гражданъ Ценсоръ (6) или надзиратель долженъ былъ охуждать, нежели стихотворецъ: но Перикла, (7) который въ своемъ городѣ съ великимъ благоразуміемъ и гражданскія и военныя отправлялъ дѣла чрезъ нѣсколько лѣтъ, безславить стихами, и представлять оныя стихи на ѳеатрѣ не приличествовало столькожъ, какъ ежелибъ Плавтъ нашъ (8) или Невій, Публія и Кнея Сципіона, (9) или Цецилій (10) Марка Катона (11) вознамѣрились злословить. Потомъ не много ниже: Наши, говоритъ законы (12) двенатцати таблицъ хотя не много главъ въ себѣ заключаютъ, однако между оными непреминули учинить запрещеніе подъ смертною казнію, ежели кто обезславитъ кого, или ругательныя сочинитъ стихи. Весьма справедливо. Ибо житіе наше подлежитъ законнымъ судіямъ, а не стихотворческимъ умамъ, и не должны мы слышать поношеній, кромѣ такихъ, о коихъ доносимо должно быть въ судѣ, и противъ коихъ отвѣчать мы обязаны. Сіе изъ Цицероновой четвертой книги о республикѣ заблаго я почелъ выписать отъ слова до слова, пропустивъ нѣкоторыя рѣчи для удобнѣйшаго понятія, или нѣсколько перемѣнивъ. Ибо сіе много служитъ къ тому, что я изъяснять намѣреваю. Онъ говоритъ потомъ

томъ много другаго, и такимъ образомъ заключаетъ сіе положеніе, дабы показать, что древнимъ Римлянамъ неугодно было, дабы или хвалимъ былъ въ Ѳеатрѣ еще въ живыхъ находящійся человѣкъ, или злословимъ. Но Греки какъ я сказалъ, хотя не благоразумно, однако приличнѣе оное позволили, когда примѣтили, что богамъ ихъ пріятно, не только когда люди поносимы, но когда и сами они укоряемы въ Ѳеатральныхъ басняхъ бываютъ тѣми беззаконіями, которыя или стихотворцами вымышлены, или которыя въ самой вещи богами здѣланы, которыя воспоминаются и представляются въ Ѳеатрахъ, и о! когдабы ихъ почитателямъ смѣха, а не подражанія достойными оныя казались. Ибо знакомъ былобъ чрезвычайной гордости не терзать безславіемъ начальниковъ городовъ, и гражданъ, когда боги повелѣвали не щадить собственной своей славы. Понеже что язычники въ защищеніе представляютъ, что оное несправедливое, но ложное и вымышленное предлагается; потому наипаче должно быть оное непростительнымъ беззаконіемъ, естьли вникнуть въ благоговѣніе благочестія: естьли же разсудить о злобѣ демоновъ, то откроется, что ничего хитрѣе и лукавѣе сего къ прелщенію быть не можетъ. Ибо когда поносимъ бываетъ государь въ собственномъ отечествѣ, доброй и правосудной, то тѣмъ болѣе казни заслуживаетъ злословящій, чемъ злословіе его отъ истинны удаленнѣе, и отъ житія того государя чуждѣе. И такъ какія казни будутъ довольны къ

отмщенію, когда таковая ужасная и чрезвычайная богамъ дѣлается обида?

Глава десятая.

Съ какимъ умысломъ вреднымъ желаютъ бѣсы, дабы или ложныя преступленія или истинныя о нихъ были разглашаемы.

Но злые духи, которыхъ язычники богами почитаютъ, и тѣ самыя беззаконія, которыхъ не дѣлали, желаютъ, дабы о нихъ разглашали, только бы разумы человѣческія сими мнѣніями, какъ бы сѣтьми уловить, и съ собою къ уготованному привлечь мученію: хотя тѣ люди, коихъ богами признавать совѣтуютъ, радующіеся о заблужденіяхъ человѣческихъ, и себя вмѣсто тѣхъ, дабы ихъ обожали, безчисленными образами вредными и коварными представляющіе, оныя беззаконія дѣлали: хотя напротивъ ни одинъ изъ оныхъ въ самой вещи не дѣлалъ того, однако лукавые духи желаютъ, дабы вымышляемы были беззаконія о богахъ, дабы казалось людемъ довольнымъ основаніемъ, чтобъ дѣлать всякія преступленія, и мерзости, когда будутъ думать, что въ томъ подражаютъ небожителямъ. И такъ Греки, когда чувствовали, что они суть рабы таковыхъ боговъ, то при толикомъ поношеніи дѣлаемомъ стихотворцами ихъ богамъ, не почли заблаго ограничивать стихотворцовъ, дабы они ихъ щадили: можетъ быть или желая чрезъ то уподобиться своимъ богамъ; или боясь, дабы не раздражить боговъ, когда

да станутъ искать честнѣйшей себѣ славы, и предпочитать себя богамъ. Къ сему сходству принадлежитъ, что Греки своихъ комедіантовъ (1) представляющихъ таковыя басни не малой чести достойными судили. Ибо, какъ въ тойже книгѣ о республикѣ упоминается, Есхинъ (2) Аѳинскій, мужъ краснорѣчивый, (3) когда въ юношествѣ представлялъ трагедій, получилъ достоинство управлять республикою: и Аристодемъ, (4) который актеромъ былъ трагедій, въ важныхъ дѣлахъ мира и войны посломъ посыланъ былъ многократно къ Филиппу Аѳинскому царю. Ибо непристойнымъ почитали дѣломъ, когда видѣли, что тожъ искуство, и Ѳеатралныя игры богамъ ихъ пріятны, почитать актеровъ въ числѣ безчестныхъ людей.

Глава первая надесять.

О актерахъ, которые у Грековъ къ управленію республикою допущены, потому что неправеднымъ дѣломъ почтено, дабы умилостивляющіе боговъ отъ людей презираемы были.

Сіе Греки хотя мерзско учинили, но въ разсужденіи боговъ своихъ сходственно, которые не отважились защищать жизни гражданъ своихъ, дабы оную не терзалъ языкъ стихотворцовъ и актеровъ, которые, какъ сами Греки вѣдали, и боговъ жизни не щадили, понеже сами боги того желали и требовали: и самихъ тѣхъ людей, которые то въ

ѳе-

ѳеатрахъ дѣйствовали, что богамъ угоднымъ признавали и вѣдали, почли, что не только не презирать, но и весьма почитать должно. Ибо какую бы причину представить они могли, для чего жрецовъ почитаютъ? думаю не иную, какъ что чрезъ нихъ приносятъ богамъ пріятныя жертвы. Такъ для чегожъ бы они актеровъ имѣли въ презрѣніи, когда извѣстно имъ было, что они дѣлаютъ удовольствіе или честь богамъ, которые того требовали, и объявляли, что они раздражены будутъ, ежели люди того для нихъ не здѣлаютъ? особливо когда Лабеонъ, (2) котораго искуснымъ въ таковыхъ вещахъ прославляютъ, боговъ добрыхъ отъ боговъ злыхъ такою почитанія разностію различаетъ, то есть что злые боги (3) умилостивляемы бываютъ закланіемъ животныхъ и людей, и печальными моленіями, добрые же веселыми и пріятными жертвами, какъ напримѣръ, играми, пированіями, и одропостланіями. О чемъ всемъ, каково оно, ежели Богъ поможетъ, обстоятелнѣе поговоримъ. Теперь что касается до настоящей матеріи, продолжимъ; то есть или хотя все всѣмъ богамъ безъ разбору такъ какъ добрымъ отъ людей приносится; ибо не пристойно быть богамъ злыми, или лучше сказать, когда всѣ сіи духи нечистые суть злы: или съ прямымъ различіемъ, какъ Лабеонъ думалъ, однимъ такія, другимъ иныя совершаются обѣты, однако прилично Греки обоихъ достойными чести почитаютъ, и жрецовъ, которые жертвы приносятъ, и акте-

актеровъ, которые игры представляютъ; дабы не обличилъ кто ихъ, что они дѣлаютъ всѣмъ своимъ богамъ обиду, когда не представляютъ пріятныхъ всѣмъ богамъ игръ; или что гораздо хуже, когда не представляютъ игръ въ честь добрыхъ боговъ, которые оныя любятъ.

Глава втораянадесять.

О томъ, что Римляне отнимая вольность у стихотворцовъ, дабы они не поносили людей позволяя напротивъ поносить боговъ, лучшихъ о себѣ были мыслей, нежели о богахъ.

А Римляне напротивъ, какъ въ ономъ о республикѣ разглагольствіи хвастаетъ Сципіонъ, не были согласны, дабы житіе и слава подвержена была поношеніямъ и злословіямъ стихотворцовъ, и опредѣлили казнь смертную тому, кто дерзнетъ сочинить таковаго рода стихи. Что самое въ разсужденіи боговъ надмѣнно и неблагочестиво. Ибо когда они вѣдали, что Боги не только терпѣливо но и съ удовольствіемъ отъ стихотворцовъ пріемлютъ поношенія и злословія: то для чего почли себя недостойными обидъ, и себя въ томъ случаѣ оградили закономъ, въ разсужденіи же боговъ оныя злословія и поношенія совокупили съ священнослуженіемъ? Сіе ли ты похваляешъ Сципіонъ, что стихотворцамъ отнята вольность къ поношенію кого либо изъ Римлянъ, когда видишъ, что они ни одного изъ боговъ ва-

шихъ не пощадили? не уже ли ты почелъ большаго уваженія достойнымъ вашу ратушу, (1) нежели Капитолію, одинъ Римъ, нежели цѣлое небо, когда стихотворцовъ злорѣчивый языкъ закономъ былъ ограниченъ, дабы не поносилъ гражданъ, напротивъ ни одинъ Сенаторъ, ни одинъ вельможа, ни одинъ первосвященникъ не возбранялъ, дабы той же самый языкъ не терзалъ поношеніемъ боговъ? Недостойнымъ тебѣ казалось, дабы Плавтъ или Невій Публія и Кнея Сципіона, или Цецилій Марка Катона злословилъ, то достойнымъ ли ты почелъ, дабы Терентій вашъ (2) мерзскими беззаконіями Юпитера благаго и великаго возбуждалъ юношей къ позорнымъ дѣламъ?

Глава третіянадесять.

О томъ, что должни были Римляне понять, что боги ихъ, когда требовали, дабы имъ почтеніе отдаваемо было мерзскими играми, недостойны были божеской чести.

Но можетъ быть отвѣчалъ бы онъ мнѣ, ежелибъ живъ былъ; какимъ образомъ судилибы мы казни достойнымъ то, что боги сами священнымъ быть благоволили, когда ѳеатральныя игры, гдѣ все таковое отправляется и къ Римляномъ ввели, и повелѣли, дабы оное ихъ чести посвящаемо было? Такъ для чегожъ Римляне не поняли, что таковые боги не суть истинные, и что они не достойны, дабы имъ честь божеская отдаваема была

ла республикою? Ибо ежелибы тогда не приличествовало и ни мало не надлежало ихъ почитать, когда бы они требовали, дабы игры отправляемы были въ честь ихъ состоящія изъ поношенія Римлянъ, то какимъ образомъ богами они признаны почтенія достойными, а не злыми духами, когда для прельщенія людей требовали, дабы ихъ беззаконія представляемы были вмѣсто почтенія? Привсемъ томъ Римляне хотя уже тлетворнымъ онымъ суевѣріемъ заражены были, когда боговъ оныхъ почитали, которые повелѣли ѳеатральныя мерзости вмѣсто почтенія себѣ представлять такъ какъ священныя, однако памятуя свое достоинство и стыдъ, актеровъ таковыхъ басней не почитали по обычаю Грековъ, но какъ у Цицерона тотъже говоритъ Сципіонъ: когда Римляне искусство въ играхъ и всѣ ѳеатральныя дѣйствія за безчестное нѣчто прежде почитали, родъ сей людей, то есть актеровъ, не только чести должной гражданомъ лишили, но и опредѣлили, дабы цензоры ихъ и изъ числа гражданъ (1) и колѣнъ выключали. Знаменитое подлинно благоразуміе, которое причесть надлежитъ къ похваламъ присвояемымъ Римлянамъ. Но я бы желалъ, дабы сіе благоразуміе само себѣ послѣдовало, само себѣ подражало. Прямо сіе хорошо: что всякъ, кто пожелаетъ быть актеромъ, не только лишаемь надежды къ чести, но и выключаемь былъ цензоромъ изъ числа гражданъ. О духъ града ищущаго хвалы, и прямо Римскій! Но пускай отвѣтству-

ствуютъ мнѣ, справедливо ли они лишаютъ актеровъ чести, когда къ почитанію боговъ присовокупляютъ игры? Оныя ѳеатральныя искусства чрезъ много лѣтъ Римляне мужественные и храбрые не знали: которыя хотябъ къ удовольствію человѣческому были изобрѣтенными, или развратностію обычаевъ въ употребленіе взошли, но не боги ли требовали, дабы оныя въ честь имъ представляемы были? И такъ для чего презираютъ актера, чрезъ котораго почитается Богъ? И для чего въ мерзости ѳеатральной зазирать и порочить актера, когда покланяются тому, который онаго требовалъ? Въ семъ словопреніи находятся Греки и Римляне. Греки думаютъ, что они дѣлаютъ справедливо, почитая актеровъ, когда почтеніе отдаютъ богамъ, кои оныхъ игръ требовали: Римляне же не только изъ сенаторскаго достоинства, но и изъ числа гражданъ простыхъ актеровъ выключали. Въ семъ словопреніи таковое умствованіе споръ весь разрѣшаетъ. Предлагаютъ Греки: ежели таковыхъ боговъ почитать должно, то людей, то есть актеровъ почитать надлежитъ. Предлагаютъ Римляне, что никакъ таковыхъ людей почитать не надобно. Заключаютъ Христіане: слѣдовательно никакимъ образомъ таковыхъ боговъ почитать недолжно.

Глава

Глава четвертаянадесять.

О томъ, что лучшимъ былъ Платонъ, который въ благонравномъ гражданствѣ не давалъ мѣста стихотворцамъ, нежели сіи боги, которые повелѣли себя почитать ѳеатральными играми.

НаконецЪ вопрошаемЪ, для чего самые стихотворцы сочинители таковыхЪ басенЪ, которымЪ закономЪ двенатцати таблицЪ возбранено злословить гражданЪ, толь ужасными поношеніями терзающіе боговЪ, равно безчестными не почитаются, какЪ и самые актеры? Справедливо ли дѣлается, что актеры вымысловЪ стихотворческихЪ и безчестныхЪ боговЪ, безчестными поставляются: и напротивЪ почитаются таковыхЪ здоровЪ сочинители? Не лучшели отдать справедливость Платону Греческому, (1) который умомЪ разпредѣляя, каковымЪ граду быть должно, опредѣлилЪ, что стихотворцовЪ изЪ града какЪ мятежниковЪ и враговЪ выгонять надлежитЪ. ОнЪ же негодовалЪ и за обиды дѣлаемыя богамЪ, и не хотѣлЪ, дабы повреждаемы были сердца человѣческія вымыслами стихотворцовЪ. Сравни теперь Платона изгоняющаго стихотворцовЪ изЪ города, дабы они не развращали гражданЪ, сЪ божествомЪ тѣхЪ боговЪ, которые требовали, дабы имЪ отдаваема была честь чрезЪ игры ѳеатральныя. ОнЪ, дабы таковыя сочиненія на свѣтѣ не появлялись, хотя не могЪ присовѣтовать, однако разглагольствіемЪ своимЪ совѣтовалЪ легкомыслен-

сленнымъ и распустнымъ Грекамъ. Боги же дабы оныя игры представляемы были, въ коихъ заключались стихотворческія басни, согласіе на то у важныхъ и скромныхъ Римлянъ нуждою исторгли. И не только повелѣли, чтобъ оныя дѣйствуемы были, но чтобъ имъ были посвящаемы, имъ торжественно представляемы. Кому пристойнѣе божескую честь опредѣлилъ бы градъ, Платону ли, который сіи гнусности и мерзости возбранялъ, или бѣсамъ радующимся о заблужденіи людей, которымъ онъ истиннаго присовѣтовать не могъ? Сего Платона и Лабеонъ (2) между полубогами полагаетъ, каковыми напримѣръ суть Ираклій и Ромулъ. Полубоговъ же предпочитаетъ героямъ, но обоихъ въ числѣ боговъ поставляетъ. (3) При всемъ томъ сего, котораго онъ называетъ полубогомъ, я не страшусь предпочесть не только полубогамъ, но и самымъ богамъ. Сходствуютъ же Римскіе законы съ умствованіемъ Платоновымъ, когда онъ охуждаетъ всѣ стихотворческія выдумки, а они отнимаютъ вольность у нихъ злословить гражданъ: онъ извергаетъ ихъ изъ своего города, сіи актеровъ стихотворческихъ басней отрѣваютъ отъ сообщества гражданъ, и ежелибы нѣсколько взяли дерзновенія противъ боговъ, которые требовали ѳеатральныхъ игръ, то можетъ быть и отвсюда бы ихъ отринули. И такъ ни какимъ образомъ немогли отъ боговъ своихъ Римляне надѣяться закона, или къ наставленію добрыхъ, или исправленію злыхъ нравовъ, которыхъ они

сами

сами своими законами превосходятъ и побѣждаютъ. Ибо боги въ честь себѣ требуютъ ѳеатральныхъ игръ, а Римляне лишаютъ всякаго почтенія актеровъ: боги повелѣваютъ представлять себѣ самимъ поношенія вымышленныя стихотворцами, Римляне наглость стихотворцовъ удерживаютъ законами, дабы они и людей не поносили. Полубогъ же оный Платонъ, и распустности таковыхъ боговъ противлялся, и показалъ, что Римлянамъ должно дѣлать, который стихотворцамъ по хотѣнію своему и изволенію лгущимъ, или бѣднымъ людемъ дѣла боговъ къ подражанію предлагающимъ въ благоустроенномъ городѣ жить не позволялъ. Мы правда Платона ни богомъ ни полубогомъ не почитаемъ, ни ангелу святому всевышняго бога, ни истинному пророку, ни какому либо апостолу, или Хрістову мученику, ниже какому нибудь Хрістіанину не уподобляемъ, котораго нашего мнѣнія вину при помощи божіей въ своемъ мѣстѣ изъяснимъ. Однако думаемъ, что его, когда они признаваютъ полубогомъ, предпочесть надлежитъ ежели не Ромулу и Ираклію: хотя онъ ни брата не убилъ, (4) и не учинилъ никакого беззаконія: (5) по покрайней мѣрѣ или Пріапу, (6) или Кинокефалу (7) или лихорадкѣ, (8) которыхъ боговъ Римляне частію отъ сторонниxъ (9) народовъ приняли, частію сами обоготворили. (10) И такъ какимъ образомъ толикое сердецъ и нравовъ зло, хорошими заповѣдьми и законами или наступающее возбранили бы, или вселившееся ис-

коренили таковые боги, которые тщались о разпространеніи и умноженіи беззаконій, желая, дабы оныя, которыя были или ихЪ собственныя, или какЪ бы собственныя, посредствомЪ Ѳеатральныхъ игрЪ людемЪ стались извѣстными, чтобЪ, какЪ бы изволеніемЪ боговЪ, возжигалось и воспламенялось непотребное сластолюбіе человѣческое само собою.

Глава пятаянадесять.

О томъ, что Римляне нѣкоторыхъ боговъ не по разсужденію, но изъ ласкательства поставили.

КакЪ же можно назвать благоразуміемЪ, когда избираютЪ они себѣ боговЪ и самыхЪ ложныхЪ, а не ласкательствомЪ, когда онаго Платона, коего почитаютЪ полубогомЪ, столько вЪ разсужденіяхЪ полагающаго трудовЪ, дабы зломЪ душевнымЪ, коего наипаче оберегаться надлежитЪ, нравы человѣческіе нерастлились, ни однимЪ священнымЪ храмомЪ не удостоили, а Ромула своего многимЪ другимЪ богамЪ предпочли: хотя и онаго поставляли полубогомЪ (1) наипаче, нежели богомЪ, какЪ тайное ихЪ писаніе изЪясняетЪ? Ибо и жреца ему называемаго ФламенЪ (2) назначили, которой жреческой чинЪ (3) столь превосходилЪ прочія, что трое единственно жрецовЪ ФламенЪ нарицаемыхЪ, (носившихЪ на головахЪ шапки (4) опутанныя вокругЪ шерстяными нитками) тремЪ богамЪ назначали. (5)

Жре-

Жреца Фламенъ Діалисъ называемаго Юпитеру; Фламенъ Марціалисъ, Марсу; Фламенъ Квириналисъ, Ромулу. Ибо Ромулъ по усердію народа (6) воспріятъ бывши на небо, Квириномъ послѣ того нареченъ. (7) и чрезъ то Ромулъ предпочтенъ и Нептуну, и Плутону Юпитеровымъ братьямъ, и самому Сатурну отцу ихъ, потому, что великаго священника, котораго поставляли Юпитеру, назначили и ему, и Марсу можетъ быть для Ромула, котораго отцемъ Ромулу признавали.

Глава шестаянадесять.

О томъ, что ежелибы боги имѣли попеченіе здѣлать людей праведными, то Римляне долженствовали принять правила къ благонравному житію, отъ боговъ, нежели заимствовать законы отъ людей.

Ежелибы могли Римляне отъ боговъ своихъ принять законы къ препровожденію благонравнаго житія, то не приняли бы законовъ Солоновыхъ отъ Аѳинянъ, (1) спустя отъ основанія Рима триста лѣтъ. Принявшижъ Солоновы законы не въ такомъ же видѣ содержали ихъ, какъ приняли, но лучшими и исправнѣйшими учинить старались. И хотя Ликургъ (2) объявлялъ, что Лакедемонцамъ по повелѣнію и внушенію Аполлонову законы предписалъ, однако Римляне по благоразумію своему достойно тому не повѣрили, и для того законы взяли изъ другаго мѣста. (3)

Нума Помпилій, (4) который вступилЪ на царство по РомулѢ, нѢкоторыя законы, поелику древніе не были довольны кЪ управленію РимомЪ, сочинилЪ. Который также многія священнослуженія РимлянамЪ уставилЪ, однако не пишутЪ, (5) что онЪ отЪ боговЪ оныя законы принялЪ. И такЪ зло душевное зло житія, зло нравовЪ: которыя толь велики, что по признанію наиученѢйшихЪ мужей (6) ими погибаютЪ республики при цѢлости стѢнЪ градскихЪ: боги РимлянЪ, дабы оныя ихЪ почитателямЪ не приключились, ни малаго о томЪ попеченія не имѢли, но наипаче тщались о томЪ, дабы оная злая, какЪ выше я показалЪ, распространялись, и умножались.

Глава седмаянадесять.

О похищеніи СабинокЪ, и другихЪ неправдахЪ, которыя вЪ РимѢ вЪ выхваляемыя времена дѢлаемы были.

РазвѢ можетЪ статься народу Римскому для того законы отЪ боговЪ не предписаны, что у нихЪ правда не по законамЪ, но по природѢ болѢе силы имѢла, какЪ Салюстій говоритЪ. По сей то я думаю правдѢ (1) похищены Сабинки. (2) Ибо что можетЪ быть праведнѢе, и лучше, какЪ дочерей чужихЪ приманенныхЪ умышленно зрѢлищемЪ не изЪ рукЪ, и не сЪ согласія родителей ихЪ взять, но насиліемЪ, какЪ кому попало, похитить? Понеже ежели неправедно здѢлалибы Сабинцы,

ког-

когдабы не согласились отдать дочерей своихЪ, когда ихЪ просили вЪ замужство; то сколь не справедливѣе похищать не данныхЪ? Праведнѣе бы можно было воевать и вооружаться на оной народЪ, который дочерей своихЪ не отдалЪ вЪ замужство сосѣдамЪ своимЪ, которые ихЪ просили, нежели сЪ такимЪ воевать народомЪ, который требовалЪ обратно похищенныхЪ своихЪ дочерей. И такЪ сіе тамЪ наипаче учинено быть могло, гдѣ МарсЪ сыну своему сражающемуся помоглЪ бы, дабы обиду вЪ отказанныхЪ бракахЪ отмстить, и такимЪ образомЪ кЪ женамЪ, какія ему были угодны, достигнуть. Ибо можетЪ быть понѣкоторому праву войны похитилЪ бы праведно, будучи побѣдителемЪ, тѣхЪ, вЪ которыхЪ ему неправедно отказано. По какому же праву мира похитилЪ онЪ неданныхЪ, и сражался какЪ будто праведно сЪ ихЪ отцами, которые праведно вооружились. Сіе правда полезнѣе (3) и щастливѣе поспѣшилось. При всемЪ томЪ хотя вЪ память (4) сего обмана Цирценское зрѣлище осталось, однако поступка онаго вЪ Римѣ примѣрЪ не былЪ благоугоденЪ; и удобнѣе Римляне вЪ томЪ погрѣшили, что послѣ толикой неправды Ромула обоготворили, напротивЪ ни какимЪ закономЪ или обычаемЪ не позволили, дабы народЪ примѣру оному подражалЪ, то есть вЪ похищеніи женЪ. По сей правдѣ по изгнаніи (5) царя Тарквинія (6) сЪ дѣтьми изЪ Рима, котораго сынЪ насиліе учинилЪ Лукреціи, Юній брутЪ КонсулЪ, Ликинія Тар-

квинія Коллатина мужа оной Лукреціи, товарища своего отЪ должности отрЂшилЪ, и вЪ РимЂ жить не позволилЪ, за одно то, что онЪ назывался Тарквиніемъ, и родственникомЪ былЪ оному Тарквинію. И сіе беззаконіе онЪ учинилЪ или безЪ противорЂчія, или и сЪ согласія народнаго, который Коллатина КонсуломЪ прежде поставилЪ, какЪ и самаго Брута. По сей правдЂ МаркЪ КамиллЪ (7) вЪ тогдашнее время мужЪ изряднЂйшій, который ВеентянЪ страшныхЪ непріятелей Римскаго народа, по десятилЂтней войнЂ, вЪ которое время Римская армія худо сражаясь, жестоко была поражаема, когда уже самый РимЪ былЪ вЪ страхЂ и отчаяніи, удобно побЂдилЪ, и ихЪ наибогатЂйшій городЪ плЂнилЪ; завистію злословящихЪ мужество его и своевольствомЪ и бесстыдствомЪ трибуновЪ народныхЪ обвиненЪ будучи, столь не благодарнымЪ избавленный собою РимЪ почувствовалЪ, что извЂстившись о обвиненіи своемЪ, самоизвольно во изганіе отправился: взысканЪ сЪ него и штрафЪ денежной простирающійся до нЂсколька тысячь рублей. И сіе учинено сЪ такимЪ человЂкомЪ, который вскорЂ потомЪ (8) имЂлЪ быть отмстителемЪ за тойже самый РимЪ неблагодарный ГалламЪ. Не хочу я болЂ упоминать мерзкаго и неправеднаго, которое дЂлаемо было вЪ РимЂ, когда сильные (9) старались покорить себЂ народЪ, и народЪ не хотЂлЪ онымЪ покориться, и когда обЂихЪ сторонЪ защитники болЂе старались преодолЂть другихЪ, нежели разсуждать о правдЂ.

Глава

Глава осмаянадесять.

О томъ, что о нравахъ Римлянъ или страхомъ обуздоваемыхъ, или отъ безопасности въ распустность пришедшихъ, Салюстіева открываетъ исторія.

И такъ употреблю я въ свидѣтельство самаго Салюстія, которой когда въ выхвалу Римляномъ сказалъ, что у нихъ не по законамъ, но по природѣ правда болѣе дѣйствовала: прославляя оное время, въ которое по изгнаніи царей въ короткое время невѣроятнымъ образомъ процвѣлъ Римъ. Однако тойже Салюстій въ первой книгѣ своей исторіи, (1) въ самомъ началѣ признается, что и тогда, какъ послѣ царей Консуламъ вручена была республика, въ скоромъ времени (2) претерпѣвала обиды и наглости сильныхъ, и разныя происходили въ Римѣ раздоры. И когда сказалъ, что благонравно и въ великомъ согласіи жизнь препровождалъ народъ Римскій между второю и послѣднею войною (3) съ Каревагенцами: то вину сего благосостоянія приписалъ не любви къ правдѣ, но страху, то есть дабы не прервали мирныхъ договоровъ Каревагенцы. Почему и Назика оный для обузданія непотребства, и для сохраненія благонравія, дабы страхомъ обуздать беззаконія, отговаривалъ разорять Каревагенъ. Что самое въ самомъ дѣлѣ сбывшееся показываетъ Салюстій, „когда говоритъ: Но несогласіе, (4) и сребро-„любіе, и гордость, и прочія беззаконія, ко-„торыя обыкновенно при благополучіи раждают-

ся, по разореніи Кароагена чрезвычайно усилились: чрезъ сіе даетъ намъ знать, что и прежде раждались и усиливались. Чего для изъясняя, почему онъ то сказалъ, говоритъ: „Обиды сильныхъ, и попричинѣ той отлученіе „народа отъ сенаторовъ, и другія раздоры въ „Римѣ происходили: и не болѣе Римляне жили въ согласіи, покуда изгнавъ царей боялися Тарквинія, и покуда не окончали жестокой войны съ Етруріею. (5) Не видишъ ли, сколь жороткое время по изгнаніи царей благонравнѣе нѣсколько жили Римляне? Но и тому виною полагаетъ страхъ, понеже боялись войны, которую производилъ Тарквиній изгнанный изъ царства Римскаго, и соединившійся съ Етрусками. И такъ послушай что онъ „далѣе продолжаетъ: „Потомъ, говоритъ, вель„можи Римскіе гражданъ вмѣсто невольниковъ „употреблять, бить и казнить (6) такъ какъ „цари, отнимать земли, (7) и одни управлять „въ государствѣ дѣлами начали. Чемъ обиженъ „и притѣсненъ будучи народъ, особливо по при„чинѣ частыхъ браней, когда великія налагаемы „были подати, и дѣлаемы были военныя на„боры, вооружившись вышелъ въ гору священ„ную (8) и Авентинскую, и тогда выбралъ „себѣ трибуновъ народныхъ, и другія уста„вилъ права: но сіи раздоры и междоусобія съ „обѣихъ сторонъ прекращены были второю съ „Кароагенцами войною. Видишь ли каковы были Римляне въ скоромъ времени по изгнаніи царей, о которыхъ Салюстій говоритъ: что у нихъ не по законамъ но по природѣ наипаче правда

дѣй-

дѣйствовала? И такъ ежели оныя времена таковыми представляются, въ которыя, какъ сказываютъ, благонравною была Римская республика: то что уже о слѣдующихъ временахъ разсуждать должно, когда по малу измѣняясь, какъ тойже пишетъ историкъ, изъ наипрекраснѣйшей и благонравнѣйшей здѣлалась непотребнѣйшею, и беззаконіями избыточествующею, то есть, какъ онъ самъ упоминаетъ, по раззореніи Карѳагена? Которыя времена оныйже Салюстій какимъ образомъ описываетъ, всякъ оное можетъ въ его читать исторіи, которая открываетъ, чрезъ каковая злая дошли Римляне до сраженій междоусобныхъ (9) съ котораго времени, какъ онъ же говоритъ, нравы предковъ не по малу, какъ прежде, но вдругъ низвержены, юноши сладострастіемъ и сребролюбіемъ такъ развратились, что подумалъ бы всякъ, что вновь таковые родились, которые и сами ничего домашняго не имѣли, (10) и не могли терпѣть, дабы другіе что либо имѣть могли. Потомъ пишетъ Салюстій пространно о преступленіяхъ Силлы, и прочихъ мерзостяхъ Римскихъ: и другіе писатели въ томъ согласуютъ, хотя они не столь краснорѣчиво (11) писали. Однако видишъ, какъ думаю я, и всякъ, кто ни вникнетъ, удобно увидитъ, что мерзость развращенныхъ нравовъ, въ которой погружался Римъ, началась прежде пришествія нашего всевышняго царя. Ибо сіе дѣлалось не только прежде нежели Хрістосъ во плоти началъ учить, но и прежде нежели родился отъ дѣвы. И такъ

ко-

когда толикое зло времен оных, или сноснейшее, или по разореніи Карѳагена несносное и ужасное не приписывают своим богам: то для чего настоящія и нынешнія бедствія Хрісту причитают, который спасительным ученіем и ложных богов почитать возбраняет, и сіи человеческія вредныя вожделенія охуждая, от сих зол в растленіе приводящих мір, верных своих восхищает, и наполняет оными вечный и преславный град свой.

Глава девятаянадесять.

О том, что Римская республика развращенною сталась прежде нежели возбранил Хрістос почитать их богов.

Не видно ли, что Римская республика, о чем не я первой говорю, но их писатели, которым нас за деньги научали, повествуют, прежде пришествія Хрістова, по малу изменяясь, из прекрасной и благонравной, непотребною и беззаконіями изобилующею сталась? Не видно ли, что прежде пришествія Хрістова, по разореніи Карѳагена, обычаи предков не помалу как прежде, но вдруг разрушились? столь то юноши сладострастіем и сребролюбіем развратились! Пускай покажут заповеди богов своих данныя Римскому народу против сладострастія и сребролюбія. Но о когдабы хотя только не предписывали законов к честным делам, и

не

не требовали бы отъ Римлянъ безчестныхъ и позорныхъ дѣлъ! Пускай посмотрятъ у насъ, то увидятъ, и въ пророкахъ, и въ святомъ Евангеліи, и въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, и въ посланіяхъ величайшее множество заповѣданій возбраняющихъ сребролюбіе и сладострастіе, которыя во всѣхъ собраніяхъ народа на то созываемаго провозглашаемы бываютъ. При всемъ томъ онаго, что ихъ (Римская) республика до пришествія Христова по причинѣ сладострастія и сребролюбія и мерзскихъ и варварскихъ обычаевъ непотребнѣйшею стала сь, не приписываютъ богамъ своимъ: оскорбленіе же въ нынѣшнее время за ихъ гордость и роскошъ приключившееся, присвояютъ благочестію Христіанскому: котораго заповѣди о правдѣ и благонравіи ежелибы выслушали, и исполнять потщались цари земные, и всѣ народы, князи и всѣ судіи земстіи, юноши и дѣвы, старцы съ юношами, всякой возрастъ и полъ, и тѣ самые, коихъ мытарями (1) называютъ, и воины: то и царства свои подѣлалибы благополучными, и на небеси царствія блаженнаго не лишились бы. Но понеже одинъ слушаетъ, другій презираетъ, и большая часть людей болѣе лестныя пороки, нежели суровость полезныхъ добродѣтелей любятъ, то повелѣвается рабамъ Христовымъ терпѣть и не ненавидѣть, царей, князей, судей, воиковъ, богатыхъ, убогихъ, свободныхъ, рабовъ, обоихъ половъ; и сносить, ежели нужда того требуетъ, и самую наиразвращеннѣйшую республику, и симъ терпѣніемъ въ святѣйшемъ

омъ и августѣйшемъ небесномъ обществѣ знаменитое себѣ приуготовлять мѣсто.

Глава двадесятая.

О томъ, какопое благополучіе имѣть, и какимъ образомъ жизнь препропождать желаютъ тѣ, которые порочатъ Христіянскаго благочестія премена.

Таковые почитатели и любители оныхъ боговъ, которымъ въ беззаконіяхъ подражать за удовольствіе себѣ ставятъ, ни мало о томъ не безпокоятся, что ихъ республика непотребствами и беззаконіями наполнена. Толькобъ, говорятъ они, стояла, толькобъ процвѣтала богатствомъ, толькобъ славилась побѣдами, и что лучшимъ благополучіемъ почитается, имѣлабъ безопасный миръ. И что болѣе до насъ принадлежитъ? До насъ принадлежитъ наипаче, дабы всякъ всегда приумножалъ богатство, которое былобы довольно на расточеніе всегдашнее, и которымъ бы каждый сильнѣйшій порабощалъ себѣ немощныхъ. Пускай раболѣпствуютъ нищіе богатымъ изъ пищи, и для того, дабы подъ защитою оныхъ болѣе разслабѣвать и приходить въ разлѣненіе. Богатые бѣдныхъ пускай употребляютъ по своему тщеславію какъ хотятъ. Народъ пускай руками плещетъ не тѣмъ, которые полезное имъ совѣтуютъ, но тѣмъ, которые дѣлаютъ для него удовольствіе и роскошъ. Пускай повелѣваемо не будетъ

детЪ трудное, и возбраняемо непотребное. Цари пускай не о томЪ разсуждаютЪ, сколь надЪ благонравными, но сколь надЪ послушными владычествуютЪ. Провинціи пускай царямЪ не какЪ исправляющимЪ ихЪ нравы, но какЪ обладателемЪ ихЪ имѣніемЪ, и всѣхЪ утѣхЪ промыслителямЪ служатЪ, и оныхЪ пускай не усердно почитаютЪ, но непотребно и рабски да боятся. Пускай запрещаемо будетЪ строго, дабы чужихЪ віноградовЪ никто не вредилЪ, а не то, дабы жизни своей никто не причинялЪ вреда. Пускай никого не приводятЪ кЪ судіямЪ, кромѣ тѣхЪ, которые вредЪ причинили или вещи чужой, или дому, или здравію безЪ соизволенія другаго. ВпрочемЪ изЪ своихЪ, или сЪ своими, или со всѣми, кои на то согласны, пускай дѣлаетЪ, что угодно. Пускай умножатся общественныя блудницы, или для всѣхЪ, которые сладострастіемЪ довольствовать себя хотятЪ, или особливо для тѣхЪ, которые особенныхЪ и частныхЪ содержать не вЪ состояніи. Пускай созидаютЪ пространныя и прекрасныя домы, пускай заводятЪ знаменитыя пиры, гдѣ кому угодно, и возможно. Пускай день и нощь продолжаются игры, піянство, и прочее. пускай вездѣ танцуютЪ, ѳеатры неблагопристойною радостію, и воплями и всякимЪ родомЪ непозволеннаго и мерзскаго удовольствія наполняются. Пускай тотЪ почитается общественнымЪ врагомЪ, которому сіе благополучіе не нравиться. Пускай того, которой сіе дерзнулЪ бы уничтожить, множе-

ство свободнаго народа не слушаетъ, изъ общества изринетъ, истребитъ отъ среды живыхъ. Пускай почитаютъ тѣхъ боговъ, которые таковое благополучіе промыслили народу, и промышленное сохраняютъ. Пускай ихъ почитаютъ, какъ они сами хотятъ, пускай требуютъ игръ, какихъ желаютъ, которыя могутъ имѣть отъ своихъ почитателей: только пускай притомъ учинятъ, дабы сіе благополучіе не было разрушено ни отъ непріятеля, ни отъ заразы, ни отъ другаго какоголибо приключенія. Кто изъ благоразумныхъ таковое общество, не говорю Римской Имперіи, но дому Сарданапалову (1) уподобитъ, который былъ нѣкогда царемъ распустнымъ столь, что на гробницѣ своей повелѣлъ написать; что онъ только то имѣетъ умершій, что его сладострастіе, когда въ живыхъ находился, истощило. Ежелибы сіи имѣли таковаго царя, которой бы всѣ таковыя дѣла имъ позволялъ, и строгости никакой не употреблялъ противъ ихъ, то думаю доброхотнѣе бы они, нежели древніе Римляне Ромула, таковаго царя почтили храмомъ, и жреца Фламенъ называемаго ему назначили.

Глава двадесять первая.

О томъ, что боги Римлянъни мало объ ономъ попеченія не имѣли, дабы республика Римская развращенными обычаями не погибла.

Но что касается до настоящаго вопроса, то хотя Римляне и увѣряютъ, что ихъ респу-

публика была похвалы достойною, однако она, по свидѣтельству ихъ наиученѣйшихъ писателей, за долго до пришествія Христова непотребною и беззаконною сталась, или лучше сказать, совсѣмъ вида не имѣла республики, и разрушилась своими развращенными нравами. И такъ дабы она совершенно не погибла, то боги, хранители сего народа, почитателямъ своимъ долженствовали предписать законы, особливо въ разсужденіи житія и нравовъ, когда почитатели ихъ толикими храмами, толикимъ числомъ жрецовъ, толикими родами жертвъ, толь различными священнослуженіями, толикими празднествами, толь многими и толь великими играми ихъ почтили, гдѣ демоны ничего болѣе не дѣлали, какъ только то, что имъ хотѣлось, не стараясь о томъ, какимъ образомъ почитатели ихъ жизнь препровождаютъ, но наипаче прилагая попеченіе, дабы они развращенно жили, особливо когда почитатели ихъ изъ подъ страха все то имъ отправляли. А ежели оные боги предписали имъ какіе законы, то пускай они представятъ, покажутъ и прочитаютъ, какіе законы, оному граду данные, презрѣли Гракхи (1), что смятеніемъ все возмутили? Какіе Маріи (2), и Цинна (3), и Карбо (4), кто дошли до междоусобной войны, по неправеднымъ винамъ (5) начатой и жестоко продолженной, жесточае же оконченной? Какіе наконецъ самый Силла (6), котораго жизни, нравовъ, дѣлъ, по описанію Саллюстія и другихъ историковъ, кто не

ужаснется? Кто не признается, что оная республика уже тогда погибла (7)? Или можетъ статься осмѣлятся въ защищеніе своихъ боговъ, какъ они обыкновенно то дѣлаютъ, предложить Виргиліево оное мнѣніе, что ради таковыхъ нравовъ отступили *и удалились всѣ боги* (8) *отъ своихъ храмовъ и жертвенниковъ, помощію которыхъ государство сіе стояло.* Вопервыхъ, ежели оно такъ, то для чего они ропщутъ на благочестіе Христіянское, что онымъ оскорблены будучи боги ихъ, ихъ оставили, когда предки ихъ нравами своими отъ городовъ и олтарей столь многихъ и мѣлкихъ боговъ на подобіе мухъ отогнали? Вовторыхъ, гдѣ сія толпа боговъ была, когда гораздо прежде, нежели растлились древніе нравы, отъ Галловъ плѣненъ и сожженъ былъ Римъ (9)? Или они тутъ же были, но спали? Ибо въ тогдашнее время по плѣненіи всего города одинъ оставался холмъ Капитолинскій, который также плѣненъ былъ бы, ежели, какъ спали боги, такъ спали бы и гуси (10). Отъ сего случая почти въ равное впали суевѣріе Римляне съ Египтянами (11), обожающими звѣрей и птицъ, когда для гусей (12) дѣлали празднество. Но я теперь не разсуждаю о тѣхъ приключеніяхъ, которыя вредъ причиняютъ не только душѣ, сколько тѣлу, то есть тѣ, которыя случаются или отъ непріятеля, или заразы. Я теперь говорю о растлѣніи нравовъ, которые сперва легкимъ образомъ измѣнялись, наконецъ такъ пали и разрушились, что самые

мые Римскіе писатели, хотя стѣны и домы неразрушимо стояли, республику падшею не сомнѣваются почитать. Праведно же изъ храмовъ своихъ и жертвенниковъ удалились боги, ежели градъ заповѣди ихъ о благонравномъ житіи презрѣлъ. И такъ какимъ образомъ назовемъ мы тѣхъ богами, которые съ почитателями своими не хотѣли жить, которыхъ, когда они худо жили, не научили жить благонравно?

Глава двадесять вторая.

О томъ, что перемѣны временныхъ вещей не отъ любви, или ненависти демоновъ, но отъ опредѣленія истиннаго Бога зависятъ.

Что болѣе? Боги ихъ помогали имъ, дабы они удовольствовали себя своими вождѣленіями, и напротивъ никогда не пособствовали къ тому, дабы обуздывали оныя. Ибо которые Марію (1), человѣку новому и не изъ знатнаго рода, заводчику наижесточайшихъ браней междоусобныхъ, дабы ему седмь разъ быть Консуломъ, пособствовали, и во время бытности своей седьмый разъ въ Консульствѣ, дабы умеръ въ глубокой старости и не попался въ руки Силлѣ, который вскорѣ имѣлъ быть побѣдителемъ: то для чего тому же Марію не пособствовали, дабы онъ отъ толь жестокихъ и безчеловѣчныхъ злодѣяній удержался? Ибо ежели къ тому боги ихъ имъ не пособствовали, сіе есть не маловажно, столь, что они и сами при-

знаются, что при неблаговоленіи боговъ ихъ можетъ случиться человѣку таковое благополучіе временное, и могутъ люди таковые, каковъ былъ Марій, имѣть здравіе, силы, богатство, честь, достоинство, долговѣчность, и наслаждаться тѣми въ то время, когда боги на нихъ гнѣваются. Также что могутъ люди таковые, каковъ былъ Регулъ, мучимы быть плѣномъ, рабствомъ, нищетою, безсонницею, болѣзнями и смерть претерпѣть въ то время, когда боги ихъ любятъ. Сіе ежели признаваютъ они неложнымъ, слѣдовательно ихъ боги не поспѣшествуютъ людямъ къ благополучію, а тѣмъ самимъ напрасно ихъ почитаютъ. Ибо ежели добродѣтелямъ душевнымъ и благонравію житія, коихъ воздаянія ожидать надлежитъ послѣ смерти, противное, дабы народъ тому научался, уставили; и ежели также въ сихъ временныхъ и скоропреходящихъ благихъ какъ ненавидимымъ собою вреда не причиняютъ, такъ и любимымъ пользы не приносятъ: то для чегожъ ихъ люди почитаютъ? Для чего изыскиваютъ съ толикимъ тщаніемъ средствъ къ ихъ почитанію? Для чего ропщутъ, аки бы оные боги, оскорблены будучи многотрудными и прискорбными временами, удалились? Для чего благочестіе Христіянское недостойными поношеніями терзаютъ? Ежели же оные боги въ сихъ вещахъ властны благодѣтельствовать, или злотворить, то для чего они непотребному мужу Марію поспѣшествовали, и отъ благонравнаго человѣка Регула удалились?

Не

Не можно ли выразумѣть чрезъ сіе, что они неправедны и непотребны? Ежели для того думаютъ почитать ихъ должно и бояться, то и того думать не надлежитъ; ибо не меньше ихъ почиталъ Регулъ, какъ Марій, и для того не должно избирать непотребнѣйшей жизни, понеже болѣе Марію поспѣшествовали, нежели Регулу. Ибо Метеллъ (2), Римскій мужъ, достойный чести, имѣвшій пять сыновъ Консулами, былъ щастливъ и въ временныхъ вещахъ; и напротивъ Катилина (3) непотребный при недостаткѣ на войнѣ, своимъ злодѣйствомъ продолжаемой, лежитъ пораженъ. И прямымъ и безсомнительнымъ благополучіемъ наслаждаются добродѣтельные люди, почитающіе Бога, который одинъ оное даровать можетъ. И такъ когда погибала оная республика злыми нравами, тогда боги ничего не дѣйствовали къ управленію, или исправленію нравовъ, дабы она не погибла, но еще прилагали къ развращенію нравовъ не мало, дабы она погибла. Пускай же сіи боги не притворяются добрыми, аки бы оскорблены будучи неправдою гражданъ, удалились. Совсѣмъ сіе неправда: они совершенно тамъ были, но не могли ни помоществовать повелѣвая, ни скрываться молча. Я оставляю то, что Марій (4) сжалившимися Минтурнянами препорученъ богинѣ Марикѣ въ ея рощѣ, дабы ему щастіе служило. Чего для онъ по крайнемъ отчаяніи невредимъ въ Римъ, будучи безчеловѣчнымъ, безчеловѣчное повелъ войско, въ которомъ сколь крово-

пролитная, сколь безчеловѣчная, сколь самаго непріятеля свирѣпѣйшая была побѣда его, пускай всякъ читаетъ писавшихъ объ ономъ. Но сіе, какъ я сказалъ, оставляю, и Марикѣ, невѣдомо какой, кровопролитнаго благополучія Маріева не приписываю, но тайному нѣкоему промыслу Божію, служащему къ загражденію устъ и къ свобожденію отъ заблужденій тѣхъ, которые сіе тщательно примѣчаютъ. Понеже въ таковыхъ вещахъ демоны хотя нѣсколько и могутъ, но столько могутъ, сколь имъ Всемогущаго волею попущено будетъ, дабы мы не уважали земнаго благополучія, которое, такъ какъ Марію, многимъ злымъ людямъ случается, и чтобъ не поставляли онаго зломъ, когда видимъ, что благочестивые и добродѣтельные мужи, почитающіе одного истиннаго Бога, превосходили многихъ, хотя демоны того не хотѣли; и дабы мы не думали, что сихъ нечистѣйшихъ духовъ или для сего временнаго добра умилостивлять, или бояться должно. Ибо какъ самые злые люди на земли, такъ и демоны не все, что хотятъ, дѣлать могутъ, но только то, что своимъ строеніемъ имъ попускаетъ тотъ, котораго судьбы неиспытанны, и котораго праведно никто охуждать не можетъ.

Глава двадесять третія.

О дѣлахъ Силлы, коихъ поспѣшествователями себя показали демоны.

Силла самый (1), котораго времена таковы же были, какъ и первыя, за которыя онъ мстителемъ себя представлялъ, когда въ первый разъ противъ Марія армію повелъ, внутренняя разсѣченнаго животнаго такое щастіе ему предвозвѣщали, что Постумій (2) жрецъ подвергалъ себя смертной казни, ежели того не сдѣлается при помощи боговъ, что Силла намѣревалъ. Видишь ли, что не удалились боги отъ храмовъ и жертвенниковъ, когда о будущемъ предсказывали, и напротивъ о исправленіи Силлы ни малаго попеченія не прилагали? Обѣщали великое благополучіе, и напротивъ злаго вожделѣнія какимъ либо прещеніемъ не обуздывали. Потомъ когда онъ былъ въ Азіи, воюя противъ Митридата (3), то чрезъ Луція Тиція сказано ему отъ Юпитера, что онъ Митридата побѣдитъ, что и сбылось. А наконецъ, когда намѣренъ онъ былъ возвратиться въ Римъ для отмщенія кровію гражданъ обидъ собственныхъ и друговъ своихъ, то вторично сказано ему отъ Юпитера чрезъ нѣкотораго шестаго легеона воина, что какъ предвозвѣщена ему побѣда надъ Митридатомъ, такъ нынѣ обѣщаетъ даровать ему власть возвратить отъ враговъ и выручить республику не безъ великаго пролитія крови. Тогда вопросилъ Силла: каковъ видомъ былъ явившійся ему? И когда

воинъ сказалъ и описалъ видъ, тогда вспомнилъ онъ, что и тому въ такомъ же видѣ явился, который о побѣдѣ надъ Митридатомъ предсказалъ. Что здѣсь отвѣчать могутъ, для чего боги оные пеклись о томъ, чтобъ предвозвѣстить оное щастіе, и не старались увѣщаніемъ исправить Силлу, который злодѣйскимъ оружіемъ не только имѣлъ обезобразить республику, но и совсѣмъ разрушить оную? Чрезъ сіе познать можно, что оные боги суть демоны, какъ я выше не однократно говорилъ. И извѣстно намъ изъ священнаго писанія, и самыя дѣла доказываютъ, что сни дѣла свои отправляютъ съ тѣмъ, дабы ихъ за боговъ признавали и почитали, дабы то имъ отправляемо было, чрезъ что отправляющіе, сообщившись съ ними, были бы безотвѣтными на судѣ Божіемъ. Потомъ когда Силла прибылъ въ Тарентъ и тамъ приносилъ жертву, примѣтилъ на поверьхности воловьей печени подобіе золотой короны. Тогда Постумій, жрецъ вышепомянутый, отвѣтствовалъ, что симъ предзнаменуется знатная ему побѣда, и повелѣлъ, дабы онъ внутреннія оныя части одинъ употребилъ. Спустя нѣсколько времени, невольникъ нѣкоего Луція Понтія пророческимъ голосомъ возопилъ: я присланъ вѣстникомъ отъ Беллоны: побѣда твоя, Силла! Сказавъ сіе, прибавилъ: сгоритъ Капитолія. Выговоривъ сіе, вышелъ изъ лагерей. На другой день дерзновеннѣе возвратился, и вопилъ: Капитолія сгорѣла! Сгорѣла же въ самомъ дѣлѣ; что удобно демону

демону было и предусмотрѣть и скоро возвѣстить. Ты тому только внемли, что нашей истиннѣ пособствуетъ и къ намѣренію нашему принадлежитъ, каковыхъ боговъ хотятъ имѣть тѣ, которые хулятъ Спасителя, свободившаго хотѣніе человѣческое отъ области демоновъ. Вопилъ человѣкъ, пророчествуя: побѣда твоя, Силла! и дабы повѣрили тому, что онъ вопилъ, вдохновенъ будучи богами, предвозвѣстилъ нѣчто вскорѣ быть имѣющее, которое и сдѣлалось, отъ котораго мѣста далеко отстоялъ тотъ, чрезъ котораго духъ оный говорилъ; однако не вопилъ: престань отъ злодѣяній Силла, каковыя онъ, будучи побѣдителемъ, подѣлалъ, которому корона золотая, знаменитый знакъ его побѣды, на воловьей печени явилась, которые знаки ежели бы праведные боги давали обыкновенно, а не нечестивые демоны, то поистиннѣ оными внутренностями животнаго мерзское наипаче и самому Силлѣ вредное зло будущее открыли бы. Ибо оная побѣда не столько пользы сдѣлала его достоинству, сколько причинила вреда его вожделѣнію, отъ котораго произошло, что онъ, желая безмѣрнаго, и напыщаясь своимъ щастіемъ, болѣе самъ погибъ въ нравахъ, нежели непріятелей своихъ погубилъ въ тѣлахъ. Сіе толь плачевное и сѣтованія прямаго достойное ни внутренностями животныхъ, ни птицезрительствомъ, ни сновидѣніемъ, ни вдохновеніемъ боги не предсказали; ибо они болѣе боялись, дабы

 онъ

онъ не исправился, нежели чтобъ не былъ побѣжденъ. При всемъ томъ довольно и они съ своей стороны дѣлали, дабы онъ, ставши славнымъ сограждан ъ своихъ побѣдителемъ, и плѣненъ бывши мерзскими беззаконіями, демонамъ самымъ преданнѣйшимъ былъ бы.

Глава двадесять четвертая.

О томъ, сколь сильно побуждаютъ злые духи людей къ злодѣяніямъ, когда въ дѣланіи беззаконій какъ бы божественный воли своей примѣръ предлагаютъ.

И отъ сего кто не разумѣетъ, кто не видитъ, развѣ тотъ одинъ, который таковымъ богамъ подражать наипаче желаетъ, нежели благодатію Божіею отъ ихъ сообщества разлучиться, сколь много дѣлаютъ зла злые оные духи примѣромъ своимъ, которые какъ бы Божеское хотѣніе представляютъ къ злодѣяніямъ? Но что болѣе? На нѣкоторомъ равномъ мѣстѣ (1) въ Кампаніи, гдѣ не много спустя беззаконная междоусобная неистовствовала война, боги оные между собою прежде сражались. Ибо тамъ слышанъ былъ великій трескъ, и многіе послѣ того сказывали, что они видѣли двѣ арміи, сражающіяся чрезъ нѣсколько дней. И какъ скоро окончалось оное сраженіе, тогда найдены слѣды какъ бы человѣческіе и конскіе, которые подѣланы были въономъ сраженіи. И такъ ежели дѣйствительно между собою боги сра-

жалися,

жалися, то какъ не извинить междоусобныхъ браней человѣческихъ? Однако разсудить должно, какова боговъ сихъ злоба, или бѣдность. Ежелижъ они притворялись сражающимися, то что они иное дѣлали, какъ только чтобы Римляне, междоусобно сражаяся, какъ бы подражая примѣру боговъ, думали, что они никакого злодѣянія не дѣлаютъ? Ибо уже начались междоусобныя войны, и нѣкоторое беззаконныхъ сраженій проклятое предварило пораженіе. Уже многіе тронуты были тѣмъ (2), что воинъ нѣкоторый (3) когда убитаго обнажалъ, по обнаженіи трупа позналъ, что то былъ его братъ, и проклявъ междоусобную брань, себя самаго умертвилъ и легъ купно съ братомъ. И такъ дабы не наскучила таковая брань, но чтобъ жаръ беззаконной войны болѣе воспламенился, тотчасъ сіи демоны, которыхъ они богами признавали и почтенія достойными судили, между собою сражающимися восхотѣли явиться людямъ, дабы Римляне не устрашились продолжать междоусобную брань, но чтобъ человѣческое преступленіе и беззаконіе божескимъ извинено было примѣромъ. Симъ коварствомъ злые духи и игры, о чемъ я выше говорилъ, театральныя себѣ отправлять повелѣли, въ которыхъ толикія беззаконія боговъ театральнымъ пѣніемъ и дѣйствіями басенъ внушаемы были народу, что всякъ хотя бы и вѣрилъ тому, хотя бы и не вѣрилъ, однако какъ скоро увидитъ, что боги желаютъ, дабы то отправляемо было, безъ опасности подражаетъ. И такъ дабы кто не

по-

почелъ, что поношенія, дѣлаемыя богамъ, составляютъ нѣчто недостойное боговъ, когда стихотворцы описывали ихъ сражавшимися (4), то они для прельщенія людей стихотворческія басни, то есть сраженія взаимныя между собою не только чрезъ актеровъ въ театрѣ, но и сами собою на полѣ сраженія видъ представляя, утвердили и одобрили. Сіе принуждены мы сказать, понеже писатели Римскіе не сомнѣваются повѣствовать, что непотребными нравами гражданъ Римская республика давно уже погибла, и потеряла видъ республики гораздо прежде пришествія Господа нашего Іисуса Христа; которой погибели богамъ своимъ не приписываютъ тѣ, кои зло скоропреходящее, коими добродѣтельные хотябъ жили, хотябъ умерли, погибнуть не могутъ, Христу нашему присвояютъ, виною его поставляя, когда Христосъ нашъ противъ растлѣнія нравовъ многія предписалъ заповѣди о благонравіи; боги же ихъ никакихъ законовъ не дали почитающему ихъ народу, дабы оная республика не погибла, но наипаче тщались своими примѣрами, прилагая къ онымъ вредную важность, развратить нравы, дабы она погибла; о которой, думаю, всякъ скажетъ, что она не для того погибла, что удалились отъ всѣхъ храмовъ и жертвенниковъ боги, какъ бы любящіе добродѣтели, когда оскорблены они пороками людскими, понеже толь многими знаками внутренностей разсѣченныхъ животныхъ, толикимъ гадательствомъ по птичьимъ движеніямъ,

ніямЪ, столь не малочисленными пророчествами показывали себя знающими будущее, и помощниками вЪ сраженіяхЪ, чрезЪ что открывается, что они не удалились. И ежели бы они вЪ самомЪ дѣлѣ удалились, то конечно не толикимЪ бы жаромЪ воспламенялись Римляне кЪ междоусобной брани, каковымЪ по ихЪ поощренію и побужденію.

Глава двадесять пятая.

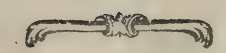
О тайныхЪ демоновЪ совѣтахЪ вЪ разсужденіи благонравія, когда явно вЪ священнослуженіяхЪ ихЪ всякое непотребство внушаемо было.

Когда сіе такЪ, когда явно мерзости, смѣшанныя сЪ безчеловѣчествомЪ, и поношенія боговЪ и беззаконія, какЪ ими содѣланныя, такЪ и вымышленныя, которыхЪ обнародованія сами они требовали, и гнѣвались напротивЪ, ежели бы того учинено не было, вЪ извѣстные и уставленные праздники, имЪ назначенные, отправляемы и предЪ глазами всѣхЪ для подражанія представляемы были: то для чего о тѣхЪ же самыхЪ демонахЪ, которые таковыми распустностями показываютЪ себя нечистыми духами, которые своими беззаконіями и злодѣяніями, или прямыми, или притворными, и онымЪ истребованнымЪ отЪ безстудныхЪ и отЪ стыдливыхЪ исторженнымЪ отправленіемЪ, виновниками себя являютЪ беззаконнаго и непотребнаго житія: сказываютЪ, что они вЪ

храмахЪ

храмахЪ своихЪ и внутреннихЪ святилищахЪ даютЪ нѣкоторыя хорошія заповѣди о благонравіи нѣкоторымЪ избраннымЪ своимЪ и угодникамЪ? Ежели оно такЪ, то тѣмЪ самимЪ болѣе открывается лукавая злоба злыхЪ духовЪ; ибо толикая есть сила честности, благонравія и чистоты, что всякая, или почти всякая трогаема бываетЪ человѣческая природа, и никогда не погружается вЪ мерзости беззаконій столь, чтобЪ могла потерять чувство честности. И потому злоба демоновЪ естьли, какЪ вЪ нашихЪ пишется священныхЪ книгахЪ, не преображается во Ангела свѣтла, не исполняетЪ своея прелести. И такЪ откровенно предлагается народу скверная нечистота, а по внутренности притворная чистота едва ли немногимЪ извѣстна. Скрывается благопристойность, и непристойность внушается. Что дѣлается злое, оное привлекаетЪ всѣхЪ кЪ зрѣнію; а доброе сказуемое едва ли нѣкоторыхЪ малочисленныхЪ находитЪ слушателей, такЪ какЪ бы честнаго стыдиться, а нечестное прославлять надлежало. Но гдѣ сіе, естьли не вЪ демонскихЪ храмахЪ? Гдѣ, естьли не вЪ гостинницахЪ обмановЪ? Ибо оное дѣлается для того, дабы честнѣйшіе, коихЪ невеликое число, плѣнились; сіе же, дабы многіе непотребные не исправились. Гдѣ же и когда слышали заповѣди небесной чистоты, не извѣстно. ПредЪ самою кумирницею, гдѣ кумирЪ (1) нѣкоторый поставленЪ былЪ, стекаясь отвсюду, смотривали сЪ жадностію на игры, которыя пред-

представляемы были, и видали съ одной стороны блудническую пышность, съ другой богиню дѣвицу (2). Сей кланялись, предъ оною мерзости отправляли. Не видали мы тамъ ни одного актера, которой бы зазиралъ себя; ни одной актрисы, которая бы стыдилась: всякъ отправлялъ непотребную свою должность. Знали всѣ, что было богинѣ дѣвицѣ угодно, и представляли то, по окончанiи чего искуснѣйшею каждая честная жена въ домъ свой возвращалась. Нѣкоторыя жены стыдясь отвращали взоръ свой отъ непристойныхъ и мерзскихъ движенiй актеровъ, и наставленiя, служащаго къ любодѣянiю, видѣть усрамляясь, тайно тому учились. Ибо стыдились людей прямо смотрѣть на безстыдныя тѣлодвиженiя, но не дерзали оныя священнослуженiя чистымъ сердцемъ почитаемой богини охуждать. Однако тому научилися въ храмѣ, къ исполненiю котораго въ домѣ своемъ искали сокровеннаго мѣста. Крайнѣ чудно, ежели былъ какой либо стыдъ и зазрѣнiе, чтобъ люди не свободно дѣлали преступленiя, которымъ научилися отъ боговъ, которые всенепремѣнно разгнѣвались бы, ежели бы отправляемо того не было. Ибо какой духъ иной тайнымъ внушенiемъ непотребные колеблетъ умы, и поощряетъ къ дѣланiю прелюбодѣянiй, и радуется о содѣянныхъ, естьли не тотъ, который таковыми священнослуженiями услаждается, заводя въ храмахъ ваянiя демоновъ; который любитъ въ играхъ изображенiя беззаконiй; ко-



который внушаетЪ тайно слова правды кЪ прельщенію малочисленныхЪ благонравныхЪ; который явно вводитЪ побужденія кЪ беззаконіямЪ для того, дабы владычествовать надЪ безчисленными злыми?

Глава двадесять шестая.

О томЪ, сЪ коль великимЪ истребленіемЪ общественнаго ученія Римляне богамЪ своимЪ посвятили мерзскія игры.

МужЪ важный и философЪ Тулій (1) вопилЪ во уши гражданЪ, что онЪ между прочимЪ имѣетЪ долгЪ отправленіемЪ игрЪ умилостивлять мать Флору, которыя игры (2) тѣмЪ благоговѣйнѣе отправляли обыкновенно, чѣмЪ оныя мерзостнѣе. ПотомЪ на другомЪ мѣстѣ (3), будучи уже КонсуломЪ, при послѣдней крайности града, говоритЪ, что чрезЪ десять дней игры отправляемы были, и что ни одной вещи не опущено, которая служила кЪ умилостивленію боговЪ, какЪ будто бы не лучше было таковыхЪ боговЪ воздержаніемЪ раздражать, нежели умилостивлять безчинствомЪ; и честностію на вражду подвизать, нежели толикою неблагопристойностію на милость привлекать. Ибо не могли люди самые безчеловѣчные (4) толикаго причинить вреда, для коихЪ умилостивляли боговЪ, нежели коликой сами боги наносили вредЪ, когда умилостивляемы были развращенною мерзостію; когда, дабы отвратить то, чего страшились отЪ непріятеля вЪ разсужденіи тѣла, тѣмЪ умило-

умилостивляемы были боги, дабы добродѣтель въ душахъ побѣждена была, которые не стали бы защищать градъ, ежели бы прежде не развратили человѣческихъ нравовъ добрыхъ. Сіе умилостивленіе боговъ неблагопристойное, нечистое, безстыдное, непотребное и мерзское, котораго актеровъ Римляне лишали чести, выключали изъ числа гражданъ, признавали гнусными, поставляли безчестными; сіе, говорю, таковыхъ боговъ зазорное и истинному благочестію противное умилостивленіе, сіи басни на боговъ неблагопристойныя и поносительныя, сіи безчестныя боговъ дѣла, гнусно вымышленныя, или гнуснѣе содѣланныя, глазами и ушами весь градъ перенималъ; сіе примѣчалъ быть богамъ благоугоднымъ, и потому вѣрилъ, что не только отправлять то должно, но и подражать оному. Я знаю то, что или хорошее, или честное весьма малочисленнымъ и весьма тайно внушаемо было, ежели только было внушаемо; но и тогда наипаче боялися демоны, дабы оно не сталось извѣстнымъ, а не того, дабы оно не не произведено было въ дѣйство.

Глава двадесять седьмая.

О спасительности благочестія Христіанскаго.

И такъ негодуютъ Римляне, что отъ таковыхъ нечистѣйшихъ властей адскаго ига и сообщества, осужденнаго на вѣчное мученіе, избавлены и Христомъ на свѣтъ спасительнаго благочестія отъ оной погибельной нечестія тьмы свобождены, и ропщутъ неправедные и не-

неблагодарные, и онымъ непотребнымъ духомъ крѣпко одержимые, что народъ стекается къ церквамъ, гдѣ бы слышать, какимъ образомъ въ семъ вѣкѣ маловременномъ жизнь препровождать надлежитъ, дабы удостоиться послѣ сей жизни вѣчно и блаженно жить; гдѣ священное писаніе и ученіе правдѣ съ высокаго мѣста предъ всѣми читается, дабы и тотъ, кто по оному исполняетъ, слушалъ къ воздаянію, и тотъ, которой не исполняетъ, къ суду и осужденію, куда хотя бы пришелъ кто изъ таковыхъ презрителей и пересмѣшниковъ заповѣдей, то вдругъ все его дерзновеніе и кощунство внезапно премѣняется, или страхомъ, или стыдомъ обуздывается; ибо ничего для нихъ мерзскаго и беззаконнаго къ зрѣнію и подражанію не предлагается; гдѣ истиннаго Бога или заповѣди внушаются, или чудеса повѣствуются, или дарованія похваляются, или требуемы бываютъ Божескія благодѣянія.

Глава двадесять осьмая.

Увѣщаніе Римлянамъ о отверженіи почитанія боговъ.

Сего наипаче желайте, о хвалимые Римляне! о отродье Регуловъ, Сцеволовъ, Сципіоновъ, Фабриціевъ (1)! сего наипаче желайте, сіе отъ мерзской оной суеты и лукавнѣйшей демоновъ злобы различите. Ежели что въ васъ по природѣ находится похвалы достойнаго (2), оное не инаково очищается и совершается, какъ истиннымъ благочестіемъ,

нечестіемЪ же расточается и казнимо бываетЪ. НынѢ же изберите, чему вамЪ слѢдовать, дабы вамЪ не самимЪ вЪ себѢ, но вЪ БогѢ истинномЪ неложно хвалимымЪ быть; ибо тогда славу вЪ народахЪ вы имѢли, но тайнымЪ судомЪ Божія промысла истиннаго благочестія, которое бы вамЪ избрать, не имѢли. Возстаните, день приближился (3), такЪ какЪ возстали вы частно (4) вЪ нѢкоторыхЪ, коихЪ совершенною добродѢтелію, истинною вѢрою и страданіями хвалилися, которые всѢми силами противЪ враждебныхЪ властей сражаяся, и оныхЪ великодушно умерщвляя и мужественно побѢждая, кровію своею намЪ отечество сіе пріобрѢли, кЪ которому отечеству васЪ призываемЪ и увѢщаваемЪ, дабы вы приложилися кЪ числу его гражданЪ, которыхЪ какЪ бы храмомЪ убѢжища есть истинное отпущеніе грѢховЪ. Не слушайте изверговЪ своихЪ, которые злословятЪ Христа и ХристіянЪ, и называютЪ наши времена злыми, когда ищутЪ таковыхЪ временЪ, вЪ которыхЪ нѢтЪ прямаго спокойствія жизни, но одно безопасное непотребство. Сіе вамЪ и ради земнаго отечества нѢкогда было неугодно. НынѢ устремитесь кЪ небесному, за которое мало потрудитесь, и вЪономЪ истинно и вѢчно воцаритесь; ибо тамЪ вамЪ не Весты жертвенникЪ, не Капитолинскій камень (5), но БогЪ единый и истинный вѢчное царство даруетЪ (6). Не ищите боговЪ ложныхЪ и обманчивыхЪ, но отвергните ихЪ наипаче и презрите, исходя на истинную свободу. Они не боги, но злые духи,

 ко-

которымЪ вѣчное ваше блаженство есть казнію. Не столь Юнона завидовала ТроянамЪ, отЪ коихЪ вы произошли, что они преселяются вЪ Римскіе города, какЪ сіи демоны, коихЪ вы еще богами почитаете, всему роду человѣческому вЪ вѣчныхЪ селеніяхЪ. И сами вы нѣсколько о таковыхЪ духахЪ разсужденіемЪ достигли, когда играми ихЪ умилостивляли, и тѣхЪ людей безчестными признавали, чрезЪ коихЪ отправляемы были игры. Не противьтесь, дабы васЪ извели на свободу отЪ нечистыхЪ духовЪ, которые на ваши выи возложили иго отправлять ихЪ безчестіе. АктеровЪ, представляющихЪ беззаконія боговЪ, вы удалили отЪ чести; молитеся же истинному Богу, дабы ОнЪ удалилЪ отЪ васЪ боговЪ, утѣшающихся своими беззаконіями, или истинными, что весьма имЪ безчестно; или ложными, что наполнено злобою. Хорошо, что вы сами собою актеровЪ изЪ сообщества гражданЪ исключили; истрезвитеся совершеннѣе, и увидите, что таковыми дѣйствіями не умилостивляется Божіе величество, которыми гнушаются честные люди. И такЪ какимЪ образомЪ боговЪ, которые утѣшаются таковыми приносимыми имЪ служеніями, можете причислить кЪ святымЪ небеснымЪ силамЪ, когда тѣхЪ людей, чрезЪ которыхЪ приносится таковое имЪ служеніе, вЪ числѣ гражданЪ РимскихЪ самыхЪ послѣднихЪ не поставляете? Несравненно горній градЪ знаменитѣе, вЪ которомЪ побѣдою правда, достоинствомЪ святость, миромЪ блаженство,

ство, жизнію вѣчность: такъ можетъ ли таковой градъ въ числѣ гражданъ своихъ таковыхъ боговъ, когда вы въ своемъ имѣть людей таковыхъ за стыдъ себѣ почитали? И потому ежели хощете достигнуть блаженнаго онаго града, то удалитесь отъ сообщества съ демонами. Недостойно отъ честныхъ почитаются тѣ, которые чрезъ безчестныхъ умилостивляются. Вы должны отъ сообщества своего сихъ чрезъ благочестіе Христіянское удалить, какъ актеровъ отъ вашей чести удалили. Въ разсужденіи же благъ тѣлесныхъ, которыми единственно злые наслаждаться желаютъ, и въ разсужденіи золъ тѣлесныхъ, которыхъ претерпѣвать не хотятъ, и надъ сими никакой не имѣютъ демоны власти, которую хотя бы и имѣли, то долженствовали бы мы оныя презирать, нежели изъ оныхъ ихъ почитать, и почитая ихъ, быть не въ состояніи достигнуть того, въ чемъ они намъ завидуютъ. Однако и надъ сими не имѣютъ они такой власти, каковую имъ приписываютъ тѣ, которые утверждаютъ, что ихъ ради сихъ почитать должно. Мы сіе въ слѣдующей книгѣ разсмотримъ, а теперь сію окончаемъ.

Конецъ второй книги о Градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о Градѣ Божіемъ, вторую.

На главу вторую.

(1) Который вопросъ. Оный былъ вопросомъ главнѣйшимъ тѣхъ философовъ, которые утверждали, что міръ никакимъ промысломъ Божіимъ не управляется, какъ пишетъ Плутархъ въ книгѣ первой о положеніяхъ философовъ.

На главу третію.

(1) *Дождя не стало.* Означаетъ, что нечестивые язычники обыкновенно такъ говаривали, дабы всякое приключившееся зло причитаемо было въ вину Христіянамъ. Тертулліанъ говоритъ, что язычники въ оправданіе ненависти своей къ Христіянамъ присовокупили и то безуміе, что почитаютъ Христіянъ виною всѣхъ пораженій и убытковъ народныхъ. Естьли, говоритъ, Тибръ наводнилъ городъ, вышедъ изъ бреговъ, естьли Нилъ не наводнилъ полей, естьли не стало дождя, естьли учинилось землетрясеніе, естьли приключился гладъ, естьли зараза, тотчасъ всѣ вопіютъ: должно Христіянъ повергнуть львамъ на растерзаніе. Купріанъ противъ Димитріана: но когда ты говоришь, что многіе жалуются, что брани чаще поднимаются, что заразы, что глады свирѣпѣютъ,

ютъ, что отъ долговременной засухи нѣтъ дождей, и сіе приписываютъ намъ: то уже молчать болѣе не должно.

На главу четвертую.

(1) Видали неистовящихся. Сіе мѣсто требуетъ о матери боговъ нѣчто сказать. Діодоръ Сицилійскій въ книгѣ 4 Библіотеки басню предлагаетъ о матери боговъ не одинаковымъ образомъ. Ибо, вопервыхъ, пишетъ, что Целюмъ отъ Титеи жены родилъ мужеска полу дѣтей сорокъ пять, а женска двухъ: Регину и Опу, изъ коихъ Регина, возрастомъ и разумомъ превосходнѣйшая предъ Опою, всѣхъ своихъ братьевъ воспитала; и потому названа матерію боговъ, и вышла потомъ за брата своего Иперіона, съ которымъ родила Сола и Луну, которые когда злодѣяніемъ своихъ дядьевъ погибли, то она, въ неистовство пришедъ, съ тимпанами и кимвалами прошла своей области земли, и оный обычай остался и послѣ ея смерти. Прилагаетъ Діодоръ другую басню, что Миной, наидревнѣйшій Фригійскій Царь, когда отъ жены Диндимены родилъ дочь, то повелѣлъ оную повергнуть на горѣ Цивеліи; но младенца воспитали на оной звѣри, который имѣлъ удивительную красоту. Наконецъ пастухова жена, онаго нашедъ, воспитала до совершеннаго возраста вмѣсто своей дочери, и отъ горы Цивеліи дала имя ей Цибела, которая, въ возрастъ пришедъ, остротою своего разума многія художества изобрѣла, какъ-то: пѣть, на

 флей-

флейтѣ играть, плясать, бить въ тимпаны и кимвалы, вылечивать младенческія болѣзни; и поелику многіе вылечиваемы были ею младенцы, того ради великою матерію она наименована. Наконецъ когда она влюбилась въ юношу той страны, именемъ Атиса, и отъ него зачала младенца, то отецъ ея Миной, слышавъ о добродѣтеляхъ ея и дѣйствіяхъ, возвратилъ ее къ себѣ подъ видомъ дѣвицы; но какъ спозналъ послѣ о ея непорядкахъ, то Атиса и прочихъ повелѣлъ казнить. Цибела изъ любви къ Атису, лишась ума, взявъ флейту и тимпанъ, вышла изъ дому своего отца, и прошедъ всю оную страну въ безуміи, пришла наконецъ въ Нису къ Діонисію. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти, когда приключился въ Фригіи неурожай хлѣба, и распространилася болѣзнь вездѣ, то оракуломъ повелѣно, дабы Фригіяне почитали Атиса и Цибелу. Отсюда-то произошли священнодѣйствія великой матери боговъ. Однако иные ее почитаютъ матерію Юпитера, Юноны, Нептуна и Плутона; и потому думаютъ, что она Реею, а по Латинѣ Опою названа, и что она есть тажъ самая, что Цибела и Веста. Но Весту описываютъ басни дѣвицею, и что будто за то отрѣзаны дѣтородные уды у Атиса, юноши наипрекраснаго, что онъ преступилъ ея повелѣніе. Ибо она, влюбясь въ него, приказала, дабы онъ ни съ какою женою иною дѣла не имѣлъ; но онъ, презрѣвъ то богини повелѣніе, любилъ Нимфу Сангритиду, о чемъ про-

въ-

вѣдавъ Цибела, лишила его дѣтородныхъ удовъ. Для того-то и жрецовъ она, такимъ же образомъ обезображенныхъ, любитъ. И поелику сію богиню наипаче Фригійцы на горѣ Идѣ почитали, того ради Идейскою матерію она наречена, и Верекинѳіею, отъ горы той же Фригіи. Жрецовъ ея называли Галлами отъ Галла, рѣки Фригійской, которыя вода піющихъ оную въ неистовство и безуміе приводитъ. И самые Галлы въ неистовствѣ своемъ вертятъ головою, и ножами лице и прочія тѣла части у себя разрѣзываютъ и кусаютъ, когда большее неистовство чувствующими притворяются, или и въ самомъ дѣлѣ безумствуютъ. Сію богиню, то есть великій на Идѣ камень, которой народъ матерію боговъ называлъ, въ Римъ посланники привезли, и день оный праздновали играми, именуемыми Мегалезія. Ливій въ книгѣ 29 такъ о матери Идейской говоритъ: въ храмъ побѣды принесли богиню, и оной день праздновали. Народъ безчисленный несъ дары богинѣ, дѣлаемо было одропостланіе и игры, Мегалезіями нареченныя. И въ книг. 36: въ тожъ почти время храмъ посвященъ великой матери Идейской, которую богиню П. Корнилій привезенную изъ Азіи въ чертоги внесъ отъ моря, и ради посвященія храма устроены были игры. Съ симъ согласуетъ и Варронъ въ кн. о языкѣ Латинскомъ.

(2) Верекинѳіѣ. Таковыми были Галлы Верекинѳіи, коихъ блаженный Августинъ въ

толкованіи Бытейскихъ книгъ бѣснующимися, или бѣсомъ движимыми называетъ.

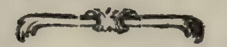
(3) Въ праздникъ омовенія. Въ день праздника великой матери боговъ кумиръ ея, или лучше сказать камень, носимъ былъ Галлами къ Алмону рѣкѣ, которая не въ дальнемъ разстояніи отъ Рима впадаетъ въ Тибръ, на самое устіе и къ стоку обѣихъ рѣкъ, и тамъ оный омывали по древнему установленію. Ибо какъ сперва привезена была сія богиня изъ Азіи, то въ ономъ мѣстѣ отъ жреца омыта была, и оной обычай каждой годъ совершался, какъ пишетъ Луканъ въ 1, и Овидій въ 3 кн. и Пруденцій въ Мученикословіи Романа.

(4) Непотребнѣйшіе актеры. Первыя каждый годъ театральныя игры были называемыя Мегалезія, въ коихъ къ новому дѣлу исходя актеры, съ удивительнымъ своевольствомъ и безстыдствомъ всякое непотребство и мерзость на мать боговъ и Атиса говорили. Въ тожъ время и другіе небезчестные люди, измѣнивъ на себѣ Римскія одежды, дабы признаны быть не могли, шатались по городу, и говорили всякія скверныя и мерзскія слова, какъ пишетъ Иродіанъ въ Коммодѣ.

На главу пятую.

(1) О коей написано Притчей въ главѣ 6.

На



На главу шестую.

(1) Или гдѣ празднуются Фугалія. Вопервыхъ Варронъ въ книгѣ 5 о языкѣ Латинскомъ такъ пишетъ: въ Іюнѣ мѣсяцѣ народъ отправлялъ игры, Фугалія называемыя; понеже отъ нечаяннаго смятенія въ тотъ день народъ бѣгалъ. Ибо сей день былъ немного спустя по выходѣ Галловъ изъ Рима. И которые тогда жили близь Рима народы, какъ-то Фикулніане, Фиденаты и прочіе сосѣди, заговоръ учинили противъ насъ; и потому нѣкоторые слѣды бѣгства народнаго въ священнодѣйствіяхъ нынѣ видимы, о которыхъ дѣлахъ книги древностей много повѣствуютъ. До сихъ мѣстъ Варронъ. Сіе составляетъ богини Фугіи праздникъ, которая есть богинею радости, отъ прогнанія непріятелей названной; ибо по прошествіи немногихъ дней сосѣдніе народы побѣждены отъ Римлянъ. И потому съ великимъ торжествомъ праздникъ оный празднуется; понеже великая была опасность, дабы остатки Римскаго народа отъ Гальскаго пораженія въ конецъ истреблены не были, которую богиню Илъ въ книгѣ о богахъ Витулою называетъ. Пизонъ пишетъ, что Витулою называется Викторія, богиня побѣды, какъ повѣствуетъ Макровій въ Сатурновыхъ празднествахъ. И такъ были Фугалія, или Фугіалія, отправляемы въ Іюнѣ, и почитался день богини радости наирадостнѣйшимъ, въ который, вѣроятно, народъ своевольствовалъ всячески и оказывалъ распустные поступки.

(2)

(2) Персій. Въ Сатирѣ третіей изъ заповѣди древней, которая предъ входомъ въ храмъ Аполлона Делфическаго Амфиктіонами была написана: познай самаго себя, сіе говоритъ.

(3) Какимъ тебѣ Богъ повелѣлъ быть. Взято сіе Персіемъ изъ Платона, который вводитъ Бога назначающимъ всякому человѣку, какъ въ строю войска, свое мѣсто, отъ котораго безъ повелѣнія Божія удаляться не должно.

На главу седьмую.

(1) Когда ихъ надмѣнности. Понеже философы изобрѣтенное своимъ, какъ имъ казалось, умомъ себѣ приписывали, ничего не присвояя благодѣянію Божію. О семъ пространнѣе говоритъ Лактанцій.

(2) Развращеннымъ быть посвящаемымъ. Сіи всѣ были Галлы, неистовящіеся и бѣснующіеся люди, въ гнуснѣйшихъ порокахъ погруженные, о коихъ Апулій многія предлагаетъ непотребства въ книгѣ 8 и 9 своего осла; также Лукіанъ, отъ котораго Апулій заимствовалъ о томъ.

(3) И установленія предковъ. Тѣхъ, коихъ почитаемъ, примѣромъ наипаче возбуждаемся; ибо тщимся подобными имъ быть, хотябъ они были людьми, хотябъ богами. Народъ обладателю старается сообразоваться, ученикъ учителю, котораго уважаетъ, и смертные тѣмъ, коимъ вмѣ-

вмѣсто безсмертныхъ покланяются. Для того-то и въ нашемъ благочестіи Христовы и святыхъ угодниковъ Его предложены примѣры, дабы мы имъ подражали. Платонъ въ кн. 2 о своей республикѣ оную причину между прочими полагаетъ, для чего не хочетъ онъ, дабы въ его городѣ были стихотворцы; понеже что они вымыслили о богахъ, непотребнѣйшимъ есть для читателей примѣромъ, отъ котораго мѣста взяты оныя слова, которыя произносящимъ вводится у Лукіана Менишпъ. Я, говоритъ онъ, когда былъ еще отрокомъ и слушалъ Омира и Изіода, описывающихъ раздоры и войны не только полубоговъ, но и самыхъ боговъ прелюбодѣянія, насилія, похищенія, казни, изгнанія отцевъ и браки братьевъ и сестръ: тогда я думалъ, что все сіе хорошее и должное, и къ таковымъ же дѣйствіямъ хорошо расположенъ былъ; ибо я почиталъ, что боги никогда бы не стали прелюбодѣйствовать, или одинъ противъ другаго бунтовать, естьлибъ они того за хорошее не поставляли.

(4) Отсюда-то у Терентія въ Евнухѣ. Херея, который вмѣсто Евнуха отъ Парменіона къ Фаирѣ приведенъ былъ, горя любовію къ дѣвицѣ, подаренной отъ Тразона воина Ѳаидѣ, с любодѣяніи, сей дѣвицѣ имъ причиненномъ, Антифону, товарищу своему, разсказываетъ такимъ образомъ: когда мы къ тому пріуготовляемся, тогда дѣвица въ комнатѣ особой сидѣла, смотря на картину, на которой написано было живописью, какимъ образомъ

Юпи-

Юпитеръ сошелъ нѣкогда на лоно Данаи въ видѣ золотаго дождя. Потомъ и я смотрѣть началъ; и поелику Юпитеръ подобную прежде меня сыгралъ игрушку, то я наипаче любовался тѣмъ, что онъ преобразился въ человѣка, будучи богъ. Да какой богъ? который жилище небесное горнее громомъ потрясаетъ. А я, человѣкъ будучи, не сдѣлалъ бы того? Никакъ. Я сдѣлалъ оное съ охотою. Басня о Данаѣ извѣстна, которая, будучи великой и безпримѣрной красоты, отъ отца своего Акризія хранима была въ особомъ чертогѣ, куда ни одному мужеска пола не позволялось входить, въ которую влюбясь Юпитеръ, въ видѣ золотаго дождя сошелъ въ оный покой и ея растлилъ, то есть златомъ, которому все повинуется, и дѣвицу и стражей подкупилъ.

На главу осьмую.

(1) Ибо какъ усилилась зараза. Понеже и въ сей книгѣ и въ другихъ слѣдующихъ Августинъ о театральныхъ играхъ по большой части упоминаетъ, то сіе самое требуетъ, дабы нѣсколько пространнѣе поговорить объ оныхъ; и что надлежало бы въ разныхъ описывать мѣстахъ, предложить все купно для лучшаго разумѣнія, и вопервыхъ о ихъ началѣ у Грековъ и Римлянъ; ибо подражаніе сіе изъ Греціи перешло въ Италію. И такъ древніе въ Греціи земледѣльцы когда жертвоприношеніе дѣлали Либеру отцу за урожай, то, принесши жертвы на олтаряхъ, пѣвали нѣчто вмѣсто молитвъ; потомъ, дабы наипа-

че

че умилостивить его, то всѣ его дѣйствія, побѣды, покореніе Царей, его торжества и бѣдствія оныхъ Царей воспѣвали. Послѣ того начали сочинителямъ таковаго рода творенія въ награжденіе опредѣлять козла, или кожу на жертву принесеннаго козла, наполненную виномъ. Хотя награжденіе было и не велико, однако многіе изъ земледѣльцевъ нашлись такіе, которые для оказанія своихъ умовъ сочиняли стихи, хотя неправильные и грубые; потомъ, какъ обыкновенно бываетъ, сдѣлали лучшіе. Но какъ описывая побѣжденныхъ Либеромъ Царей, не доставало матеріи каждый годъ предлагать о томъ, то касались сочинители другихъ Царей, подобное бѣдствіе претерпѣвшихъ. И сіе сочиненіе называли они трагедіею, или отъ Греческаго слова *ἀπὸ τȣ̃ τράγȣ*, то есть отъ козла, которой въ награжденіе сочинителямъ даваемъ былъ; или отъ гущи деревяннаго масла, коею намазывали актеры себѣ лице, которая по Гречески называется *τρύγας*. Что принадлежитъ до комедіи, то нѣкоторые пишутъ, что она началась при томъ же священнослуженіи; другіе же увѣряютъ, что при священнослуженіи бога пастуховъ, и защитника селъ Аполлона; а иные пишутъ, что купно и въ одно время священнослуженіе сіе отправляемо было обоимъ богамъ. Я скажу здѣсь то, что извѣстнѣе: когда Аѳиняне жили по деревнямъ, и въ городъ отъ Ѳизея еще были не собраны, тогда земледѣльцы по совершеніи жертвъ, какъ надъ бывшими при жертвоприношеніи, такъ и надъ

про-

проходящими мимо ихъ забавными шутливыми словами, и смѣхъ дѣлали для зрителей. По построеніи же города въ праздничные и уставленные дни сельскіе жители нарочно пріѣжжали въ городъ, гдѣ какъ своихъ сельскихъ жителей, такъ и градскихъ пересмѣхали, особливо тѣхъ, отъ коихъ какую либо получили досаду. Граждане убѣдили искусныхъ писать сочиненія у себя сего рода. Такимъ образомъ деревенскіе жители изгоняемы быть начали съ своею простотою, которою они или по ненависти, или по зависти терзали другихъ, однако не крайнѣ язвительно. Градскіе стихотворцы сначала, обличая пороки, сдѣлали не малую пользу; ибо многіе принуждены были отъ пороковъ отставать. Наконецъ начали и они по пристрастію стиля вмѣсто стрѣлъ употреблять: они стали терзать людей, упоминая объ оныхъ поимянно. Такія терзанія претерпѣвъ нѣсколько кратъ на театрѣ Алкивіадъ отъ Евпола, приказалъ наконецъ онаго поимать, и будучи морской силы тогда главнымъ начальникомъ, повелѣлъ его утопить. И когда потопляемъ былъ Евполъ въ морѣ, тогда Алкивіадъ приговаривалъ ему часто: ты меня потоплялъ и погружалъ на театрѣ, а я тебя въ морѣ. Сего примѣра устрашившись стихотворцы, къ томужъ увидя, что стараніемъ Алкивіадовымъ изданъ законъ никого не поносить поимянно на театрѣ, перемѣнили комедію, ввели среднюю послѣ того, въ которой охуждаемы были пороки безъ наименованія лицъ. Но и оной родъ комедіи

медіи сталсл подозрительнымЪ благородству, аки бы ихЪ пороки единственно вЪ оныхЪ комедіяхЪ описываются; чего для вовсе отмѣнены такого рода комедіи. Заведена послѣ того новая, которая изображала пороки низкихЪ людей, не упоминая однако ихЪ именЪ, а предлагая имена вымышленныя, да и сЪ такою притомЪ скромностію, что всякЪ безЪ огорченія сносить могЪ описываемые, хотябЪ точно его были, пороки. Сей родЪ изобрѣлЪ МенандрЪ, жившій во времена Александра Македонскаго. Но АнтифанЪ Ларисскій безЪ сомнѣнія вЪ семЪ родѣ былЪ первымЪ. И сіе вЪ Греціи. ВЪ Римѣ же, когда при КонсулахЪ Сулпиціѣ Потитѣ, Ликиніѣ Столонѣ отЪ основанія Рима около четырехсотаго года распространилась зараза, то, посмотрѣвЪ вЪ книги Сивиллинскія, обѣщались завести игры. Вещь новая вЪ народѣ военномЪ. ИгроковЪ выписали они изЪ Этруріи, которые при играніи на флейтахЪ плясали, движенія дѣлая, по тогдашнему времени, не совсѣмЪ отвратительныя, и никакихЪ стиховЪ не припѣвали. Поселяне вЪ Италіи по древнему обычаю ГрековЪ по окончаніи жатвы и по совершеніи жертвоприношенія богамЪ изЪ благодарности за хорошій урожай плодовЪ на радости деревенскія производили другЪ надЪ другомЪ шутки, не щадя притомЪ и гнусныхЪ словЪ, терзая жестоко одинЪ другаго стихами, называемыми у нихЪ Фесценнинскими, получившими имя свое отЪ города Фесценины. СимЪ начали подражать и послѣдовать актеры Римскіе, но

не упоминая именЪ; ибо оное прежде закономЪ было запрещено. И шакЪ когда на имя не можно было кого либо на театрѢ касаться, то по Греческому обычаю заведены новая комедія и сатира; но не оная, которая одного рода стихами терзаетЪ пороки, каковыя писали Горацій, Персій и ЮвеналЪ; ибо сіе началЪ Луцилій, жившій во времена Сципіона Емеліана и во времена войны Нумантинской: но вЪ которой вводимы были Сатиры, или лѢсные боги, гнусные, одѢтые вЪ косматую одежду, и проч.

(2) Множества мерзскихЪ дѢлЪ. ВЪ актерахЪ великое было своевольство и беззазрительность; они не щадили никакой мерзости. При всемЪ томЪ сіе было терпимѢйшимЪ, нежели что дѢлалось вЪ БахусовыхЪ празднествахЪ, которыя за невѢроятную мерзость приговоромЪ СенаторскимЪ истреблены, или во время празднествЪ СатурновыхЪ, или празднествЪ богини Флоры, которыя игры отправляемы были чрезЪ блудницЪ и другихЪ наиразвращеннѢйшихЪ. Отправляющія игры богинѢ ФлорѢ когда не срамились своей богини, то одного человѢка присутствія усрамились Катона, при которомЪ играть оныя игры отреклися.

На главу девятую.

(1) ГдѢ СципіонЪ. РодЪ КорниліевЪ и оное наименованіе себѢ приняло СципіоновЪ отЪ того, которой отцу, лишившемуся зрѢнія и по причинѢ старости одряхлѢвшему, вмѢсто, Scipionis, жезла былЪ. Многіе изЪ сей фамиліи

фамилiи знаменитые были мужи, о коихЪ буду я говорить вЪ своихЪ мѣстахЪ. Здѣсь, котораго ЦицеронЪ вводитЪ вЪ книгахЪ о республикѣ разговаривающимЪ, былЪ Павла Эмилiя, который Персу Македонскаго Царя побѣдилЪ, сынЪ, котораго СципiонЪ, Африкана старшаго сынЪ, себѣ усыновилЪ; и потому отЪ того рода, вЪ коемЪ рожденЪ, ЭмилiанскимЪ называется. ОнЪ КарѳагенЪ и Нумантiю раззорилЪ.

(2) ЧтобЪ комедiя представляла что хочетЪ. Ἀρχαία, то есть древняя. Я уже сказалЪ, что отЪ того происходило, что многiе граждане изЪ страху, дабы обезславлены не были на театрѣ, старались хорошо жизнь препровождать, ежели они такЪ расположены были, или отЪ пути пороковЪ воздерживались. СократЪ говаривалЪ, что весьма полезно комедiантомЪ нарочно себя показывать; ибо ежели что либо достойно охуждать будутЪ, то мы необходимо исправимся; ежелижЪ несправедливо, то оное кЪ намЪ принадлежать не будетЪ. И самЪ СократЪ, мужЪ добродѣтельный, пересмѣянЪ былЪ отЪ Аристофана вЪ ОблакахЪ, которую комедiю на тотЪ конецЪ стихотворецЪ издалЪ. Сiе подало великое доказательство, что и тогда у стихотворцевЪ былЪ языкЪ продажный, или что по пристрастiю весьма много они дѣлали.

(3) Клеона. КлеонЪ Бирсопола, бунтовщикЪ, Никiю, Демосѳену и другимЪ почти всѣмЪ добрымЪ людямЪ врагЪ былЪ; однако

въ воинскихъ дѣлахъ искусный, какъ пишутъ Ѳукитидъ и Плутархъ. На него писалъ комедію Аристофанъ, которую онъ назвалъ Всадниками, котораго когда онъ хотѣлъ изъяснить богатство и тиранство, то игрокъ лица его, то есть Клеонова, представлять отказался, боясь силы Клеоновой. Стихотворецъ гущею деревяннаго масла намазалъ игрокамъ своимъ лица; но какъ и тогда не смѣли игроки появиться на театръ, то Аристофанъ самъ лице Клеоново представлялъ. Толикое-то неистовство стихотворцомъ на Клеона обладало! За которой поступокъ обвиненъ стихотворецъ отъ Клеона, и положено взять съ Аристофана пять талантовъ, то есть столько, сколько онъ взялъ съ другихъ за сіе сочиненіе; ибо вѣроятно, что онъ подкупленъ былъ отъ Никія и Демосѳена, такъ какъ подкупленъ былъ писать на Сократа комедію Облака отъ Анита и Мелита, враговъ Сократовыхъ, понеже онъ былъ не малой руки пьяница и много сочинялъ въ пьянствѣ за деньги. О Клеонѣ также упоминаетъ и Плутархъ въ Политикѣ.

(4) Клеофонта. И сего Плутархъ подобнымъ описываетъ Клеону.

(5) Ипервола. О семъ, какъ о непотребномъ гражданинѣ, упоминаютъ Ѳукитидъ и Плутархъ и Лукіанъ. Онъ выгнанъ изъ города не изъ страха силы его, или достоинства, какъ другіе, но какъ общественное града безобразіе и безчестіе. Цицеронъ, въ Брутѣ о Главціѣ говоря, сказалъ, что онъ былъ весьма схожъ на Аѳинскаго Ипервола, которой засвое не-

непотребство поносимъ былъ въ древнихъ Аттическихъ комедіяхъ. Квинтиліанъ въ первой кн. Наставленій объявляетъ, пиша о музыкѣ, что Иперволъ обруганъ былъ отъ Евполида.

(6) Ценсоръ. Они чрезъ четыре года въ пятый поставляемы были; должность ихъ состояла оцѣнять имѣніе гражданъ и прочихъ людей, и судить о обычаяхъ. Ибо, пишетъ Фестъ, толикимъ всякъ свое имѣніе почиталъ, каковымъ и во сколько оно отъ Ценсоровъ было оцѣнено. Тожъ и Цицеронъ къ Аппію Пулхру.

(7) Но Перикла. Сей краснорѣчіемъ и великимъ искусствомъ въ правленіи народомъ Аѳинскимъ такъ къ себѣ привязалъ народъ, что главнымъ начальникомъ нѣсколько лѣтъ былъ. Внутрь и внѣ отечества въ совѣтахъ былъ хорошъ, и въ щастіи равенъ. Въ его устахъ владычествовала красота витійства, какъ пишетъ Цицеронъ въ кн. о Витіи. По мнѣнію Эннія пребывала богиня Свада, или, какъ Горацій говоритъ, Сваделя. Аристофанъ, древней комедіи сочинитель, говоритъ, что Периклъ изъ устъ испускалъ молніи, и поражалъ громомъ, и смѣшивалъ всю Грецію. И сіе присвояли ему Аристофанъ и Евполъ, люди такіе, кои худо всегда о немъ говорили, какъ пишетъ Цицеронъ въ кн. 3 о Витіи, и Квинтиліанъ въ книгѣ 12. Поносили также сочинители комедіи Перикла, что онъ имѣлъ голову продолговатую; и для того лице его всегда изображали въ шишакѣ.

(8) Какъ ежелибъ Плавтъ нашъ. Первымъ стихотворцемъ Латинскимъ былъ Ливій Андроникъ, какъ я выше сказалъ; ему послѣдовалъ Невій, потомъ Плавтъ, который современнымъ почти былъ Невію, кой оставилъ комедіи, изъ коихъ большая часть и нынѣ находится въ цѣлости. Сему стихотворцу никто, ни въ его, ни въ ближайшія ему времена не нравился. Сципіонъ его называетъ своимъ, котораго никогда не видалъ, потому что онъ былъ Латинской. Ибо онъ говорилъ выше о Грекахъ.

(9) Публія и Кнея Сципіона. Сіи были братья, и ежели вѣрить Сервію, родные, изъ коихъ Публій родилъ Африкана старшаго, а Кней Назику, мужа изряднаго; оба они убиты въ Испаніи отъ Карѳагенцовъ во время второй войны съ Карѳагенцами. Сихъ двухъ братьевъ Цицеронъ за Корнилія Галла двумя перунами имперіи называетъ. Находятся писатели, которые утверждаютъ, что въ Виргиліевыхъ стихахъ сіи два брата разумѣются, когда онъ въ кн. 6 сказалъ: два перуна въ брани Сципіады, заимствовалъ стихъ оный изъ Лукреція, сказавшаго: Сципіады въ брани перуны и страхъ Карѳагена.

(10) Или Цецилій. Цецилій Стацій процвѣталъ во время Македонской и Азіатской войны съ Энніемъ. Волкацій Седегитъ преимущество ему отдаетъ предъ многими сочинителями комедій, а Горацій приписываетъ ему важность. Изъ его сочиненій ничего не осталось; при всемъ томъ рѣчи его по видимому не одобряетъ Цицеронъ.

(11)

(11) Марка Катона. Старшаго, который первый изъ роду Порціевъ высокія получилъ достоинства; онъ родился въ Тускулѣ и достигъ даже до торжествъ и Ценсорскаго чина; человѣкъ новый, всему благородству на зависть возвысившійся, великую имѣлъ въ республикѣ силу; жилъ во время Эннія и Цецилія.

(12) Наши, говоритъ, законы. У древнихъ римлянъ мало было преступленій, за которыя казнили смертію; а у потомковъ ихъ еще того меньше; ибо законъ Порціевъ осужденныхъ гражданъ запрещаетъ лишать жизни, а повелѣваетъ только посылать въ ссылку. И такъ что уголовнымъ дѣломъ почиталось у Римлянъ сочинять въ поношеніе другаго стихи, оное доказываетъ, что Римляне безчестія чрезвычайно страшились. Однако читатель долженъ здѣсь примѣчать и разсуждать, смертная ли дѣйствительно казнь положена стихотворцамъ за сочиненіе поносительныхъ стиховъ. Ибо у знатоковъ правъ и то между казньми по уголовнымъ дѣламъ почитается, когда кто изгнанъ будетъ изъ города; или, бывши вольнымъ, отданъ въ невольники; или когда кому запрещено будетъ употребленіе воды и огня. Въ слѣдующія времена сочинителямъ поносительныхъ и ругательныхъ стиховъ положено въ наказаніе бить ихъ батогами. Горацій въ письмѣ къ Августу: законъ и казнь обнародованныя, возбраняющія сочинять въ поношеніе другаго ругательные стихи, премѣнили видъ сочиненія страхомъ батоговъ. Порфиріонъ говоритъ, что сочини-

телю поносительныхъ стиховъ положено наказаніе батоги.

На главу десятую.

(1) Комедіянтовъ. Эмилій Пробусъ, говоря о Грекахъ, пишетъ: на театрѣ же выходить и составлять изъ себя зрѣлище для народа никто изъ Грековъ не почитаетъ за гнусное дѣло, что напротивъ у насъ отчасти безчестнымъ, отчасти неблагопристойнымъ поставляется.

(2) Есхинъ. Аѳинской витія, непріятель Демосѳеновъ, трагедіи представлялъ на театрѣ. Для того-то Демосѳенъ въ рѣчи о вѣнцѣ называетъ его трагическою обезьяною; Квинтиліанъ именуетъ его лицемѣромъ, то есть актеромъ, чужія лица изображающимъ. Филостратъ въ Софистахъ пишетъ, что онъ безъ принужденія и добровольно избралъ ссылку; потомъ поѣхалъ было къ Александру, Азіею тогда обладающему, но какъ на пути услышалъ, что онъ скончался, то отправился въ Родосъ, и плѣнясь пріятностію онаго острова, остался тамъ жить.

(3) Мужъ краснорѣчивый. Что онъ былъ краснорѣчивъ, о томъ довольно извѣстно, и находятся такіе писатели, которые ему по Демосѳенѣ первое даютъ въ краснорѣчіи мѣсто. Въ немъ болѣе дѣйствовала природа, нежели наука Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ ни у какого учителя не учился, но вдругъ изъ писца сдѣлался витіею, и говорилъ первую рѣчь противъ Филиппа, Македонскаго Царя.

ря. По сему случаю пріобрѣтши славу и любовь отъ народа, посланъ былъ къ оному Царю. Другіе же увѣряютъ, что учителями у него были Платонъ и Исократъ; иные же, что онъ учился у Леодаманта.

(4) Аристодемъ. Сей, какъ пишетъ Демосѳенъ, посыланъ былъ посломъ къ Филиппу съ Демосѳеномъ и Есхиномъ. Его когда вопросилъ Демосѳенъ, сколько онъ взялъ награжденія, дабы рѣчь сказать, и онъ отвѣтствовалъ, что цѣлой талантъ: тогда Демосѳенъ, а мнѣ, сказалъ, болѣе дали, дабы я молчалъ, какъ пишетъ Критолай.

На главу первуюнадесять.

(1) Жизни гражданъ своихъ. Сисиѳей когда комедію представлялъ для народа, въ которой Клеанѳа, Стоическаго философа, поносилъ, тогда при негодованіи на Сисиѳея народа сказалъ философъ: неправеднымъ дѣломъ быть оное имѣетъ, естьли люди будутъ сердиться за поношеніе, причиняемое имъ другими, когда Ираклій и Діонисій, боги, терзаемы будучи поношеніями актеровъ, не гнѣваются.

(2) Лабеонъ. Лабеоновъ было три, крайнѣ искусные въ правахъ; но одинъ искуснѣйшимъ былъ другихъ, называемый Антистій Лабеонъ, который жилъ при Августѣ Кесарѣ. Онъ учился у Тревація Тесты; онъ не только въ правахъ былъ искусенъ, но и въ древности и всѣхъ наукахъ, какъ пишетъ Геллій. Августъ однако его не весьма любилъ, по причи-

нѣ той, что онъ свободно разсуждалъ и вольно говорилъ. Мнѣніе его изъ Платоническаго и Стоическаго ученія по видимому произошло, съ нѣкоторою однако перемѣною. Ибо Платонической секты философы всѣхъ боговъ добрыми почитали; между демонами же и ироями нѣкоторыхъ добрыми, а нѣкоторыхъ злыми поставляли. Порфирій, о жертвахъ говоря, пишетъ, что истинной и прямой почитатель боговъ никакого животнаго богамъ приносить не будетъ, но демонамъ. Онъ же въ книгѣ о пути мысленныхъ и умныхъ пространно то изъясняетъ, которые добрые, которые злые демоны. Но о семъ индѣ.

(3) Злые боги. Чѣмъ ниже и хуже боги, тѣмъ плачевнѣйшимъ образомъ умилостивляемы быть хотятъ, каковыми суть преисподніе боги: Плутонъ, Прозерпина и другіе.

На главу вторуюнадесять.

(1) Вашу ратушу. Ратушею было мѣсто, гдѣ находился Сенатъ, и полагается вмѣсто Сената, Капитолія же за самыхъ боговъ.

(2) Терентій вашъ. Сказываютъ, что онъ друженъ крайнѣ былъ Сципіону и Лелію, притомъ и полагаемъ былъ отъ нихъ въ сочиненіи басенъ, о чемъ и самъ Терентій на нѣкоторомъ мѣстѣ упоминаетъ. О Сципіонѣ же думаетъ Меммій въ рѣчи за себя самаго. И Квинтиліанъ упоминаетъ въ десятой кн. Наставлен. о Леліѣ Корниліѣ Непотѣ; и Цицеронъ въ нѣкоторомъ письмѣ къ Аттику, хотя по мнѣнію другихъ пишутъ.

На

На главу третьюнадесять.

(1) ИзЪ числа гражданЪ. Необходимо надлежало наиразвращеннѢйшихЪ быть обычаевЪ актерамЪ и оплакиванія достойнаго непотребства, когда они вЪ числѢ гражданЪ вЪ РимѢ не почитались, хотя вЪ katomЪ многія тысячи другихЪ преступниковЪ изЪ числа гражданЪ не изключены. Что же они изключаемы были изЪ числа гражданЪ, вЪ томЪ увѢряютЪ Ливій и Валерій, развѢ прошены бывши отЪ властелиновЪ оное учинять, то есть изЪ себя представить актеровЪ. Ибо сіе имѢетЪ видЪ принужденія, такЪ какЪ десятому Лаберію приключилось, который по прозьбѢ Кесаревой игралЪ на театрѢ актеромЪ, однако и послѢ того изЪ втораго степени и чина народа Римскаго изключенЪ не былЪ. Ибо кто преступаетЪ по видимому законЪ по принужденію, оный не долженЪ быть виновнымЪ. СверьхЪ сего изЪ сего закона изЪемлются актеры АттеллляновЪ, то есть строжайшихЪ басенЪ, шутками своими древнее Италіянское наставленіе изображающихЪ растворенныхЪ, какЪ пишутЪ Ливій и Валерій.

(2) Римляне мужественные и храбрые не знали. Почти чрезЪ четыре ста лѢтЪ.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Платону Греческому. ПлатонЪ вЪ кн. о республикѢ 2 стихотворцовЪ изЪ того города, которой онЪ уставляетЪ изряднымЪ, изгоняетЪ за то, что они преступленія и без-

беззаконія богамЪ приписываютЪ и воспѣваютЪ. И вЪ 10 книгѣ тогожЪ сочиненія, когда много говорилЪ на нихЪ СократЪ, все оное заключаетЪ тѣмЪ мнѣніемЪ, что стихотворство, вводящее не сообразныя мужеству страсти, изгонять надлежитЪ, а оставлять то только, которое видЪ имѣетЪ мужества и непорочности. И такЪ не всякое стихотворство охуждаетЪ; ибо стихотворцовЪ иногда называетЪ божественнымЪ родомЪ, то есть когда они священныя воспѣваютЪ пѣсни. Естьли говорятЪ стихотворцы о мужѣ добромЪ, хотя нищемЪ, что онЪ блаженЪ, и напротивЪ о зломЪ, что онЪ, и богатЪ будучи, бѣденЪ, естьли только не крайнѣ своевольствуютЪ, ни неистовятся и не ласкательствуютЪ, и не предлагаютЪ того, что тлитЪ добрые обычаи: то они полезны обществу Платонову.

(2) Сего Платона и ЛабеонЪ. Степени боговЪ изЪ Варрона, потомЪ и изЪ книгЪ ПлатоновыхЪ другихЪ предложу. Римляне нѣкоторыхЪ боговЪ главными называли, другихЪ средними, а иныхЪ ироями низшими, какЪ бы земными отЪ слова Ἥρα, коимЪ именовали древніе землю, какЪ пишетЪ КапеллЪ. Средними почитали тѣхЪ, кои за заслуги на небеса преселились, какЪ говоритЪ ЦицеронЪ вЪ законѣ. Они-то суть полубоги, какЪ бы рожденные отЪ смертныхЪ и безсмертныхЪ, какЪ на примѣрЪ РомулЪ, ГеркулесЪ, Эскулапій и прочіе подобные. Ирои отЪ смертныхЪ суть рожденные, но по заслугамЪ лучшую участь получили, нежели прочіе смертные.

(3) Но обоихЪ вЪ числѢ боговЪ поставляетЪ. ТѢхЪ, кои благонравно жили и жизнь скончали, вЪ числѢ боговЪ древніе Римляне полагали, и празднества, вЪ честь имЪ уставленныя, Неціями назывались, какЪ пишетЪ ЦицеронЪ во 2 кн. Закон.

(4) Хотя онЪ ни брата не убилЪ. КакЪ сіе учинилЪ РомулЪ, который убилЪ брата своего Рема.

(5) И неучинилЪ никакого беззаконія. КакЪто ГеркулесЪ, который любодѢйствами, похищеніями, разбоями, человѢкоубійствами осквернилЪ вселенную, о которомЪ однако язычники думали, что онЪ мірЪ очистилЪ.

(6) По крайней мѢрѢ или Пріапу. ДіодорЪ начало почитанія Пріапа описываетЪ такимЪ образомЪ: когда ОзирисЪ, Египетской Царь, отЪ Тиѳона нечестиваго брата убитЪ, то тѢло его бунтовщики, бывшіе вЪ заговорѢ, раздѢлили на части; но какЪ дѢтородныхЪ удовЪ никто себѢ взять не хотѢлЪ, то оные и брошены вЪ рѢку НилЪ; наконецЪ какЪ Озирисова супруга Изида побѢдила Тиѳона, тогда по собраніи всѢхЪ супруга своего частей не явилось дѢтородныхЪ удовЪ, которые Изида послѢ того посвятила и многими священнослуженіями почитать оные повелѢла. И посвящаемые вЪ жречество вопервыхЪ Пріапу священнослуженіе отправляли. Она, перемѢнивЪ имя, ПріапомЪ нарекла; понеже симЪ именемЪ древніе срамное всякое вещество какЪ бы честнѢйшимЪ покрывали. Греки его ѲалломЪ и ИтиѳалломЪ называютЪ.

ИзЪ

Изъ Латинщиковъ Колумеллъ въ книгѣ 11: но отесанный пень стараго дерева божество почитай Итиѳалла, страшнаго уда, который въ огородѣ грозитъ косою отроку, желающему что либо украсть; ибо онъ былъ стражемъ огородовъ. Діодоръ также пишетъ, что и онъ Тиѳономъ назывался. Онъ же упоминаетъ, что сей былъ сыномъ Венеры и Діонисія, который родился, какъ говорятъ Сервій и Валерій Флаккъ, въ Лампсакѣ, городѣ Эллеспонтскомъ; и потому называется онъ Лампсакійскимъ и Эллеспонтскимъ. Виргилій въ 4 Землед҄ѣл: и стражъ отъ воровъ и птицъ съ ивовою косою Эллеспонтскій да сохранитъ Пріапъ. И на другомъ мѣстѣ у него говоритъ Пріапъ: отечества лишусь вмѣсто наказанія; и бывши нѣкогда твоимъ, Лампсакъ, гражданиномъ, Галломъ буду. Иные думаютъ, что онъ родился въ городѣ Пріапѣ, не далеко отъ Лампсака. Сей богъ недавно вымышленный и Гезіоду неизвѣстный, котораго Фулгенцій между Семонами полагаетъ, и утверждаетъ, что онъ еще на небо не принятъ, по причинѣ малыхъ своихъ заслугъ.

(7) Кинокефалу, по Руски Псоглаву. Діодоръ въ книгѣ 4 пишетъ, что Кинокефалы имѣютъ тѣло человѣческое и голосъ, но головы псовы; они суть дикіе звѣри и неукротимые, и находятся великимъ множествомъ на островахъ Нила рѣки. Озирисъ имѣлъ у себя сына Анубиса, который за странствующимъ отцемъ послѣдовалъ, имѣя на своихъ знаменахъ изображеніе пса; того

ради

ради въ Египтѣ почитаемъ былъ подъ видомъ пса, и называется отъ Виргилія лаятелемъ въ книгѣ 8; особливо потому, что онъ стражемъ означаемъ былъ тѣлъ Озириса и Изиды. Находятся и такіе писатели, которые думаютъ, что сей самый есть Меркурій, названный такъ по причинѣ чудкости.

(8) Или лихорадкѣ. Римляне многіе жертвенники воздвигнули лихорадкѣ. О древней нѣкакой, находящейся въ Палатѣ, упоминаетъ Цицеронъ во 2 книгѣ Законовъ. О той же и Валерій въ древнихъ установленіяхъ, и Плиній въ книгѣ 2. О другой также на площади Маріанскихъ монументовъ; о третіей въ верьхнемъ концѣ улицы долгой находящейся.

(9) Частію отъ стороннихъ. Луканъ говоритъ къ Египту: мы въ храмы Римскіе твою приняли Изиду и полупсовъ боговъ и проч.

(10) Частію сами обоготворили. Какъ-то лихорадку, и проч.

На главу пятуюнадесять.

(1) Хотя онаго поставляли полубогомъ. Цицеронъ въ Законахъ: боговъ и тѣхъ, кои всегда небожителями почитаются, чти. Оныхъ, коихъ заслуги преселили на небеса, Ираклія, Либ ра, Эскулапія, Кастора, Поллюкса, Квирина.

(2) Ибо и жреца ему, называемаго Фламенъ. Что о Фламенахъ сказано будетъ, то все заимствовано изъ Варрона, Діонисія, Феста, Плутарха, Геллія, Сервія. Между чинами жреческими

ческими Нума Помпилій нѣкоторыхъ поставилъ и нарекъ Фламинесъ, кои отъ прочихъ отличались шапкою, какъ первосвященники, на которой обвязана была бѣлая шерстяная нитка вокругъ. Таковаго рода жрецовъ Нума сперва трехъ поставилъ: Юпитеру одного, который назывался Діалисъ отъ Дія, что значитъ Юпитера. Другаго Марсу, который названъ Марціальнымъ, или Марсовымъ. Третьяго Квирину, который наименованъ Квиринальнымъ. Одному Фламену многимъ богамъ служить не подобало, какъ ни многимъ Фламенамъ быть въ служеніи одному богу. Однако по малу число ихъ умножилось, и послѣ того было уже ихъ пятнатцать, кромѣ тѣхъ, коимъ сіи чины изъ ласкательства даны, какъ-то К. Цесарю Диктатору закономъ Антоніевымъ, за что Цицеронъ во второй рѣчи Филиппической негодуетъ; и Августу, и другимъ многимъ. Однако главнѣйшими тѣ всегда были, коихъ Нума уставилъ, изъ коихъ больше всѣхъ былъ Діевъ, который Юпитеру священнослуженіе отправлялъ, и онъ одинъ носилъ бѣлую шапку, и имѣлъ у всѣхъ величайшую важность, котораго церемоніи и права описываютъ Плутархъ въ проблеммахъ, Геллій въ книгѣ 10 изъ Фабія Пиктора, Массурія Сабинскаго, Варрона и прочихъ. Послѣднимъ былъ между Фламенами Фламенъ Помоны; поелику маловажною была богиня Помона, которая владычество имѣетъ надъ яблоками. Иные средственную имѣли силу, какъ-то Вулканальный, опредѣленный Вулкану; Фуринальный,

Фури-

Фуридѣ, Фалацерѣ, Фалакру, отцу Палатуальной богини, которая защищала палаты, Флоральный матери Флоры.

(3) Который жреческій чинъ. Фламинесъ хотя великую имѣли силу и власть, однако великому первосвященнику повиновались. Такъ народъ повелѣлъ во время первой съ Карѳагенцами войны, когда Л. Метеллъ, первосвященникъ великій, Постумія, Фламена Марсова, Консула, не уволилъ отъ священнослуженія. Такъ во время первой войны Азіатской, когда П. Ликиній, первосвященникъ также великій, не позволилъ ѣхать въ Сардинію К. Фабію Пиктору Претору, Фламену Квиринову.

(4) Шапки. Луканъ въ книгѣ первой говоритъ: *и неся шапку благородною выею Фламенъ.* Валерій въ книгѣ первой пишетъ, что Сулпиція во время священнослуженія спадшая шапка лишила священства. Сервій въ книгѣ осьмой на Энеиды утверждаетъ, что Римляне не давали шапокъ, какъ только главнѣйшимъ жрецамъ, какъ нынѣ Архіерейскихъ шапокъ не даютъ никому, кромѣ Епископовъ.

(5) Тремъ богамъ назначали. Главныхъ и прямыхъ Фламеновъ, которые древнею оною властію поставлены.

(6) По усердію народа. По смерти Ромуловой Сенатъ пришелъ въ подозрѣніе народу, который догадывался, что Сенаторы его умертвили. Но народное сіе волнованіе утишено было свидѣтельствомъ Юлія Прокула, который клялся предъ народомъ, что видѣлъ Ромула идущаго и возносящагося на не-

бо, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ первой. Энній сими словами вводитъ народъ Римскій плачущій о Ромулѣ: о Ромулъ, Ромулъ! скажи, каковымъ тебя оберегателемъ боги родили? Ты ввелъ насъ внутрь странъ свѣта. О отецъ отечества! О рожденный отъ крови боговъ!

(7) Квириномъ послѣ того нареченъ. Многимъ имена перемѣнены по обоготвореніи, дабы важнѣйшими по оставленіи человѣческаго имени казались. Такимъ образомъ жена, которая называлась Ледою, Немезою наречена; которая была Циркою, та прозвана Марикою; которая прежде Иною, та преименована богинею Матутою; который имя имѣлъ Энея, тотъ прослылъ Юпитеромъ Индигесомъ. Ромулъ Квириномъ названъ ради Сабинцовъ, для коихъ Римляне Квиритами назвались, отъ Куритянъ Сабинскихъ, какъ Овидій говоритъ; или потому, что копіе древніе Сабинцы называли квирисомъ, отъ котораго бранноносный взошелъ на небо богъ; или что Цари Сабинскіе назывались Квиритами; или для того, что Ромулъ къ Римляномъ присовокупилъ Куритянъ.

На главу шестуюнадесять.

(1) Отъ Аѳинянъ. Въ лѣто трехсотое отъ построенія Рима, по многихъ раздорахъ между народомъ и начальниками, три посла посланы были къ Грецію, которымъ повелѣно было списать законы Солоновы, также развѣдать о нравахъ, обычаяхъ и уставахъ про-

прочихъ Грековъ, дабы возможно было въ городъ Римъ по примѣру Грековъ ввести права. Въ Аѳинахъ Херефанъ тогда былъ Архонтомъ во время Олимпіады восемдесятъ второй. Послы повелѣнное тщательно исполнили, и въ слѣдующій годъ возвратились. По пріѣздѣ ихъ назначены десять мужей для сочиненія законовъ, которые вопервыхъ десять таблицъ правъ гражданскихъ Римлянамъ написали, потомъ прибавили еще двѣ, которыя всѣ утверждены въ общемъ народа собраніи. И сіи-то суть знаменитые законы двенатцати статей, о коихъ пишутъ Ливій въ книгѣ третьей, и Діонисій въ книгѣ десятой, и прочіе.

(2) И хотя Ликургъ. Славны Ликурговы законы, которые онъ предписалъ Лакедемонянамъ по внушенію, какъ онъ вымыслилъ, Аполлина Делѳійскаго. Наполнены суть Греческія и Латинскія книги сего Ликурга жестокими законами, которые онъ предписалъ Спартанцамъ. Находится и цѣлая книга, Ксенофонтомъ о сихъ законахъ изданная. Много также написалъ о нихъ и Плутархъ, того ради описывать я пространнѣе не намѣренъ, дабы не нанести читателямъ скуки.

(3) Изъ другаго мѣста. Солоновы законы къ общежительной жизни и людскости болѣе служили, нежели Ликурговы, грубые и кровопролитные, какъ Платонъ и Аристотель примѣтили; ибо конецъ ихъ не иной какой былъ, какъ чтобъ Спартанцовъ исправными воинами подѣлать.

 (4)

(4) Нума Помпилій. О томъ смотри Ливія книгу первую, и Діонисія и Плутарха въ его житіи, и другихъ.

(5) Однако не пишутъ. Онъ вымыслилъ, аки бы съ Егеріею Нимфою, а не богинею имѣетъ тайное свиданіе и сообщеніе.

(6) По признанію наиученѣйшихъ мужей. Плавтъ въ Персіанинѣ: вопрошаетъ дѣвицу Сагаристіонъ невольникъ: сколько бы для нее казался крѣпокъ городъ? Отвѣтствуетъ она: естьли жители въ немъ благонравны, то, по мнѣнію моему, онъ хорошо утвержденъ и укрѣпленъ; естьли вѣроломство, любостяжаніе и скупость изъ онаго изгнаны, вчетвертыхъ зависть, впятыхъ гордость, вшестыхъ непослушаніе, вседьмыхъ клятвопреступленіе, въ осьмыхъ нерадѣніе, вдевятыхъ обида, вдесятыхъ беззаконіе. Сіи ежели изъ града изгнаны не будутъ, то сто стѣнъ къ защитѣ онаго недовольны.

На главу седьмуюнадесять.

(1) По сей-то, я думаю, правдѣ. Язвительная насмѣшка здѣсь заключается.

(2) Похищены Сабинки. Когда Ромулъ не могъ испросить въ замужство у сосѣднихъ народовъ дѣвицъ за своихъ подданныхъ, то съ совѣта дѣда своего Нумитора и Сената притворился, аки бы игры онъ составить намѣренъ Нептуну, на коняхъ ѣздящему. Такимъ образомъ выманивъ множество женскаго пола на зрѣлище, сосѣднихъ народовъ всѣхъ, а наипаче Сабинокъ, повелѣлъ посреди зрѣлища похитить.

хитить. И похищено женскаго пола, какъ Діонисій повѣствуетъ, шесть сотъ восемдесятъ человѣкъ. Валерій же Максимъ пишетъ, что похищено пять сотъ двапцать семь.

(3) Сіе, правда, полезнѣе. И сіи народы, у коихъ женскій полъ похищенъ, и другіе, коихъ или оные своими слезами, или примѣръ ко многимъ принадлежащій побудили, приняли оружіе противъ Римлянъ Сабинцы, Цениняне, Крустумерійцы, Антеннаты. Ромулъ, видя, что толь сильная брань на него пріуготовляется, прибѣгнулъ къ Этрускамъ, коихъ тогда войско было сильно. Целій, также нѣкоторый Этрускій вельможа, далъ помощь Ромулу, отъ котораго гора Целій въ Римѣ наречена. Притомъ дѣдъ Ромуловъ прислалъ вспомогательное ему войско. Цининянъ, Крустумеріевъ и Антеннатовъ Ромулъ безъ дальней трудности преодолѣлъ, осталась съ Сабинцами сомнительная и бѣдственная война, которую похищенныя прозьбою своею пресѣкли; и такимъ образомъ миръ учиненъ и дружество.

(4) Хотя въ память. Игры всякой годъ Нептуну, на коняхъ ѣздящему, отправляемы были, и различно назывались: Цирценскими, Великими, Римскими; а у древнихъ Консуальными, и оныя въ честь тому богу отправляемы были, которой владычествуетъ надъ совѣтами, у котораго помощи и совѣта Ромулъ въ неудобствѣ браковъ просилъ. Сего бога жертвенникъ былъ подъ землею сокрытъ; понеже совѣтъ не только вещію священною,

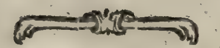
но и, какъ говоритъ Платонъ, сокровенною и тайною быть долженствуетъ.

(5) По изгнаніи. Опять насмѣшка.

(6) Тарквинія. По изгнаніи Царей по приговору общаго собранія Консулами поставлены *Л.* Юній Брутъ и *Л.* Тарквиній Коллатинъ, Лукреціинъ мужъ, Эгерія, брата Тарквинія Приска, сынъ, какъ пишетъ Ливій, а по увѣренію Діонисія внукъ. Брутъ, желая, дабы не только Царя въ Римѣ не было, но и имени Царскаго не осталось, отнялъ достоинство у своего товарища за то, что онъ Тарквиніемъ назывался, который, собравъ свое имѣніе, отъѣхалъ для житья въ Коллатію. О семъ поступкѣ пишетъ Цицеронъ въ третіей книгѣ о Должностяхъ, что онъ не былъ соединенъ съ честностію, но поелику полезенъ былъ отечеству, того ради честнымъ по видимому почтенъ. Примѣченъ, говоритъ Юлій Обсеквенсъ, что никто, отнявши чинъ у своего товарища, года не жилъ, изъ коихъ былъ первый Брутъ, потомъ Т. Гракхъ и П. Тарквиній.

(7) Маркъ Камиллъ. Сей Веій богатымъ Этрусковъ городомъ по десятилѣтней осадѣ овладѣлъ. И тогда-то вопервыхъ народъ Римскій подъ кожами зимовать началъ изъ ненависти къ народу оному, дабы онъ изъ города не ушелъ. Сей Камиллъ, аки бы ненадлежащимъ образомъ раздѣлилъ корысть, полученную у Веэнтянъ, позванъ бывши къ суду для избѣжанія зависти народной, хотя и ложно обнесенъ былъ, самъ добровольно

въ



въ ссылку поѣхалъ въ Ардею за два года до обладанія Галлами Рима.

(8) Вскорѣ потомъ. По плѣненіи Галлами Рима Камиллъ, собравъ оставшееся войско, и свобожденъ бывши отъ изгнанія, Диктаторомъ поставленъ тѣми, кои содержались въ осадѣ въ Капитоліи. Галловъ вопервыхъ изъ Рима легкимъ сраженіемъ выгналъ, потомъ на осьмой отъ Рима верстѣ жестоко разбилъ. Ливій въ книгѣ пятой говоритъ, что сей толикій мужъ памятовалъ наипаче о бѣдствіи отечества, нежели о своей обидѣ; и для того вторымъ Ромуломъ нареченъ.

(9) Когда сильные. Сіе зло по изгнаніи Царей почти чрезъ пять сотъ лѣтъ продолжалось, что народъ и благородство раздоры и ненависть одни къ другимъ между собою питали, желая одни повелѣвать другими, которые раздоры малочисленными Трибунами народными съ стороны народной, и Сенаторами съ стороны благородныхъ возбуждаемы были. Отсюда сказалъ Луканъ: съ Консулами возмущающіе права Трибуны.

На главу осьмуюнадесять.

(1) Однако той же Саллюстій въ книгѣ первой исторіи. Сіи книги Саллюстіевы утрачены, а осталось только нѣсколько рѣчей.

(2) Въ скоромъ времени. По пятнатцати лѣтахъ. Ливій въ книгѣ второй пишетъ, что Ап. Клавдій, потомъ и П. Сервилій Консулами поставлены. Достопамятенъ сей годъ полученіемъ извѣстія о Тарквиніевой смерти.

Оною вѣстію обрадованы вельможи, обрадованъ и народъ, но вельможей радость простерлась до своевольства: они начали обиды дѣлать народу.

(3) Между второю и послѣднею войною. Три войны были у Римлянъ съ Карѳагенцами: первая продолжалась двапцать два года въ Сициліи, потомъ въ Африкѣ. Она началась отъ построенія Рима на четыре ста девятьдесятомъ году, во время Консульства Аппія Клавдія Кавдакса и К. Фулвія Флакка; ибо столько Плиній считаетъ лѣтъ въ книгѣ тритцать третьей, въ которой должно читать вмѣсто пяти сотъ восьмидесяти пяти четыре ста восемдесятъ пять лѣтъ. Ливій же и Евтропій изъ сего числа тринатцать лѣтъ изключаютъ. Другая война по прошествіи двапцати трехъ лѣтъ, начавшаяся во время Консульства П. Сципіона и Т. Семпронія, и бывшая въ Испаніи, Сициліи, Италіи, Африкѣ, оконченная Сципіономъ Африканскимъ по прошествіи отъ начала оной семнатцати лѣтъ. Третія война по прошествіи отъ второй сорока девяти лѣтъ, начавшаяся при Консулахъ Манилiѣ и Марціѣ Ценсоринѣ, продолжавшаяся единственно въ Африкѣ, и окончавшаяся Сципіономъ Африканскимъ младшимъ. Концемъ оной было раззореніе города Карѳагена.

(4) Но несогласіе. Саллюстій въ войнѣ Югуртинской.

(5) Жестокія войны съ Этруріею. Съ Порсенною, Царемъ Этрурскимъ наисильнѣйшимъ, который хотѣлъ паки Тарквинія на царство

воз-

возвести, и въ тѣсной осадѣ содержалъ Римъ, и безъ сомнѣнія овладѣлъ бы Римомъ, естьлибъ не былъ устрашенъ К. Муціемъ Сцеволою, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ первой.

(6) Бить и казнить. У Римлянъ приговоренной къ смерти прутьями бывалъ битъ, потомъ умерщвляемъ. Когда же вина не важна была, то за довольное почиталось бить таковаго прутьями. Также должники, отдаваемы будучи заимодавцамъ отъ судей, много претерпѣвали отъ кредиторовъ жалости достойнаго; ибо отданные въ узахъ заключаемы были, и біемы на подобіе невольниковъ. Сіи безпорядки прекратили законы Порціевы и Семпроніевы, которые не находящагося въ рабствѣ гражданина Римскаго бить прутьями, или плетьми запрещаютъ.

(7) Отнимать земли. Богатые тѣ поля и земли, коими помощію оружія завладѣли, сперва какъ бы за деньги именемъ всей республики отъ Сената покупали, потомъ одни старались завладѣть оными съ изключеніемъ народа. Отсюда произошли законы о размежеваніи земель, столь многократно предпріемлемы были къ великому огорченію и смятенію благородныхъ.

(8) Въ гору священную. Сперва удалился народъ на священную гору, которая за рѣкою Аніеномъ, или, какъ пишетъ Пизонъ, на Авентинскую, которая составляетъ часть города. Тамъ, вопервыхъ, народу даны Трибуны, какъ бы защитники онаго отъ обидъ дворянства. Оные Трибуны столь были важ-

 ны,

ны, что ежелибъ кто ихъ обидѣлъ, того Юпитеру принесть надлежало на жертву, а имѣніе его продать, также и его родственниковъ. Второй разъ удалился народъ вопервыхъ на Авентинскую гору, потомъ, дабы болѣе казался Римъ пустымъ, и отъ того большій бы произошелъ въ Римѣ страхъ, пошелъ на гору священную. А послѣ того, помирившись съ Сенатомъ, паки на Авентинскую, гдѣ вторично даны ему Трибуны; съ Авентинской пришли въ Капитолію, гдѣ великой первосвященникъ поставилъ Трибуновъ.

(9) До сраженій междоусобныхъ. Между Сенаторами и Гракхами, вопервыхъ, Тиверіемъ, потомъ Каіемъ. Между Маріемъ и Силлою.

(10) И сами ничего домашняго не имѣли. Когда они были крайнѣ развращенны и невоздержны, и похищенное мгновенно проматывали; чего ради принуждены были устремляться на чужое имѣніе, и старались наполнить, какъ говорятъ, бездонную бочку.

(11) Краснорѣчиво. Всѣмъ вѣкамъ нравилось краснорѣчіе Саллюстіево, и наши Латинщики въ равенствѣ его полагаютъ съ Ѳукитидомъ Греческимъ, какъ Квинтиліанъ въ книгѣ десятой.

На главу девятуюнадесять.

(1) Мытарямя. Луки глава 3: Пріидоша же и мытари креститися, и рѣша ему: учителю, что сотворимъ? Онъ же рече имъ: ничтоже вящше положеннаго вамъ.

На

На главу двадесятую.

(1) Дому Сарданапалову. Ѳонось Конкоɫорось, котораго Греки Сарданапаɫомъ назваɫи, быɫъ Царь Ассирійскій посɫѣдній, въ роскоши всякаго рода погруженный, который увѣдавъ, что Арбакъ Мидскій готовится напасть на него войною, вознамѣрился щастія отвѣдать въ войнѣ. Но побѣжденъ бывши, изнѣженной на подобіе женъ мужъ, и къ сраженію неспособный, возвратился во Дворецъ, въ которомъ себя и все свое богатство сжегъ. Онъ за доɫго еще до того, когда неистовиɫся, погружаясь въ роскошахъ, какъ безумный, на гробницѣ своей повеɫѣɫъ написать надгробную такого содержанія: То имѣю я, что ѣɫъ и что истощило *сладострастіе*, прочія всѣ великія и изящныя дѣла оставлены. Цицеронъ приводитъ Аристотеля, о семъ сказавшаго такъ: что иное на скотской могиɫѣ, а не на Царской гробницѣ надписаɫъ ты? Онъ сказываетъ, что то имѣетъ мертвой, чего и въ живыхъ будучи доɫговременнѣе не имѣɫъ, какъ только покуда наслаждаɫся. Цицеронъ въ книгѣ пятой Тускуɫянскихъ вопросовъ о томъ говоритъ.

На главу двадесять первую.

(1) Гракхи. Когда защищали законы о раздѣленіи земель, то отъ раздраженнаго тѣмъ дворянства убиты Тиверій Гракхъ отъ Назики, Кайй отъ Л. Опимія, девять ɫѣтъ спустя посɫѣ. И сія война была первая градская, въ которой до убійства дѣло доходи-

ло. Случилось сіе въ лѣто отъ построенія Рима шесть сотъ дватцать седьмое.

(2) Марій. Онъ былъ изъ Арпина, человѣкъ новой, однако семь разъ былъ Консуломъ. Вопервыхъ Югурту, потомъ Кимвровъ и Тевтонцовъ побѣдилъ, и надъ ними торжествовалъ; наконецъ изъ ненависти къ Силлѣ, который во время Югуртинской войны посломъ его былъ, началъ съ нимъ войну, на которой самъ Марій побѣжденъ бывши, бѣжалъ въ Африку.

(3) Цинна. По побѣдѣ надъ Маріемъ, когда къ брани съ Митридатомъ отправился Силла, оставилъ Консуловъ въ Римѣ К. Корнелія, Цинну и Октавія. Цинна, желая начать какія либо новости, разсорился съ товарищемъ и выгнанъ отъ него и отъ всѣхъ добрыхъ людей, которую обиду когда всякаго рода мучительствами предпринялъ отмстить Цинна, то возвращенъ былъ изъ Африки Марій, и нанесена отечеству война, въ которое съ многочисленнымъ войскомъ вошедъ, многихъ людей побилъ Цинна, и себя во второй разъ, а Марія въ седьмый безъ приговору народнаго поставилъ, въ которой должности Марій по содѣланіи ужасныхъ тиранствъ и непотребствъ скончалъ свои дни.

(4) Карбо. Карбоновъ, какъ Цицеронъ къ Папирію Пету пишетъ, много было изъ рода Папиріевъ. Здѣсь, о коемъ говоритъ Августинъ, былъ Карбонъ, Гней Папирій, державшій сторону Маріеву, которой, побѣжденъ бывши отъ Силлы, бѣжалъ въ Сицилію и тамъ отъ Помпея великаго убитъ. (5)

(5) *По неправеднымъ винамъ.* Азія провинція и война съ Митридатомъ Силлѣ достались. Сего не терпя Марій, по причинѣ прежнихъ съ Силлою несогласій отъ времени войны съ Югуртою, чего для П. Сулпиціемъ, Трибуномъ народнымъ, человѣкомъ, къ бунтамъ склонымъ и непотребнымъ, добился того, что война съ Митридатомъ отъ народа поручена была ему. Сего безчестія не стерпя Силла, и испросивъ помощь отъ войска своего, пословъ Маріевыхъ, которые для принятія въ свое смотреніе полковъ пріѣхали въ Капуу, обезчестилъ, и тѣ полки, кои ненавидѣли Марія, къ Риму придвинулъ, желая отмстить насиліе и коварство своихъ враговъ. Отсюда всѣ сѣмена браней междоусобныхъ произошли; ибо Марій съ своими сообщниками Силлу встрѣтилъ и жесточайшее имѣлъ сраженіе.

(6) *И какія самъ наконецъ Силла.* Былъ сей Патрицій изъ роду Корнеліевъ, когда тщательно старался аки бы за народъ, то Консуломъ поставленъ, и въ ономъ будучи начальствѣ, побѣдивъ Митридата, Марія младшаго, Карбона, Норбана, Серторія, Домитія, Сципіона и другихъ, держащихся Маріевой стороны, неизмѣнное Диктаторство получилъ, въ которомъ чину многія Римскихъ гражданъ тысячи сослалъ въ ссылку. Человѣкъ, варварствомъ исполненной, и на всякой родъ прихотей стремящійся.

(7) *Уже тогда погибла.* Луканъ словами Катоновыми: давно неложная вѣрность по пріятіи Силлы и Марія, такжe и вольность погибли.

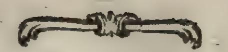
(8)

(8) Удалились всѣ боги. Стихъ сей есть Виргиліевъ во второй книгѣ Энеиды, о которомъ Сервій и Макровій думаютъ, что онъ касается къ вызыванію боговъ; ибо когда осаждаемы были города, которые полководцы намѣревали въ конецъ раззорить, то, дабы не показаться, что они воюютъ противъ боговъ, вызываемы были изъ осажденнаго города предводителями, содержащими города въ осадѣ, дабы въ городъ побѣдителей соизволили вытти, какъ у Веіянъ учинилъ Камиллъ, и въ Карѳагенѣ и Нуманціи Сципіонъ, и Мумій въ Коринѳѣ.

(9) Отъ Галловъ плѣненъ. Галлы, жившіе по ту сторону Алпійскихъ горъ, часто въ Италію съ войсками приходили. Послѣдніе изъ нихъ были Сеноны. Сіи вопервыхъ ворвались въ Клузій, а послѣ того овладѣли Римомъ отъ построенія Рима въ триста шестьдесятомъ году. Впрочемъ одни ли они то сдѣлали, или при помощи другихъ Галловъ, жившихъ по сію сторону Алпійскихъ горъ, не извѣстно.

(10) Ежели, какъ спали боги, такъ спали бы и гуси. Исторія сія изъ повѣствователей и стихотворцовъ всѣмъ извѣстна. Галлы, спознавъ о пути, ведущемъ въ замокъ, въ полночь къ оному пришли. Тогда караульные спали. Однако о семъ приходѣ Галловъ открыли своимъ крикомъ гуси, содержавшіеся въ Капитоліи, посвященные Юнонѣ. Такимъ образомъ Манлій, восхитивъ оружіе перваго, котораго нашелъ на самой верьхъ взошедшаго

Галла,



Галла, свергнулЪ орудіемЪ. Сей низринутый тягостію своего тѣла совлекЪ сЪ собою другихЪ внизЪ. Между тѣмЪ Римляне кЪ сему смятенію подоспѣли, и Галлы силою великою отбиты.

(11) СЪ Египтянами. Египтяне нѣкоторыхЪ животныхЪ по причинѣ пользы, дѣлаемой оными, обоготворяли, какЪ ЦицеронЪ вЪ первой книгѣ о природѣ боговЪ говоритЪ, и пространнѣе того ДіодорЪ вЪ книгѣ второй своей Вивліоѳики, какЪ то пса, кошку, ибиса, вола, крокодила, ястреба и проч.

(12) Когда для гусей. За оное благодѣяніе каждый годЪ вЪ Римѣ, какЪ ПлутархЪ говоритЪ, вЪ щастіи РимлянЪ, псовЪ распинали на крестахЪ [что они прихода ГалловЪ не услышали], а гусей вЪ великолѣпныхЪ публично носили крошняхЪ, и притомЪ называли оныхЪ спасителями. Плиній вЪ книгѣ двацать девятой пишетЪ: каждый годЪ казнимы бываютЪ псы между храмомЪ Суммана и Юности: живые на висѣлицахЪ вѣшиваемы были. Да и Ценсоры прежде всего, что для начальниковЪ пріуготовляютЪ, священныхЪ гусей пищу полагаютЪ.

На главу двадесять вторую.

(1) Ибо которые Марію. ОнЪ, изЪ Африки возвратясь, собралЪ войско изЪ невольниковЪ, и сЪ оными Колоніи, Остію, Антій, Лавиній, Аритію разграбилЪ. Входя вЪ РимЪ, отдалЪ приказЪ и сЪ приказомЪ знакЪ солдатамЪ, чтобЪ они всѣхЪ тѣхЪ убивали, коихЪ

ихЪ онЪ привѣтствующихЪ воспривѣтствовать не станетЪ. Сказать не можно, сколь многіе погибли вЪ семЪ случаѣ изЪ благородныхЪ и неблагородныхЪ. ЛуканЪ краткими словами изрядно Маріеву жестокость изобразилЪ: мужЪ суровый и для судьбы, желающей РимЪ погубить, довольный. Однако сей, какЪ я сказалЪ, вЪ седьмый разЪ будучи КонсуломЪ, на одрѣ своемЪ скончался, какЪ ЛуканЪ говоритЪ: и по раззореніи Рима щастливо и вЪ Консульствѣ скончался. Спустя не много времени, возвратился Силла изЪ Азіи, и Маріева сына, и всѣхЪ, Маріеву сторону державшихЪ предводителей, лишилЪ жизни.

(2) МетеллЪ. Валерій вЪ книгѣ седьмой и Пливій также вЪ седьмой пишутЪ, что МетеллЪ наищастливѣйшимЪ отЪ людей былЪ почитаемЪ; понеже всѣми душевными и тѣлесными дарованіями одаренЪ былЪ; также, что онЪ былЪ КонсуломЪ и ЦенсоромЪ; притомЪ великую войну щастливо окончалЪ и торжествовалЪ подобно; что пятерыхЪ сыновей оставилЪ, и трехЪ дочерей, за знатныхЪ особЪ выданныхЪ вЪ замужство, отЪ коихЪ при жизни своей видѣлЪ внуковЪ; и щастливо при толь многочисленныхЪ родственникахЪ скончался.

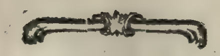
(3) И Катилина. Нравы и житіе Л. Сергія Катилины тѣмЪ болѣе извѣстны, что Саллюстій, который о томЪ писалЪ, у всѣхЪ находится вЪ рукахЪ. СказываютЪ, что заговора Катилинина не меньшею между прочими виною было, что онЪ былЪ недостаточенЪ; ибо для его роскоши безмѣрной всего было мало,

мало, хотя онъ при Силлѣ много награбилъ и много отъ Силлы въ даръ получилъ. Ибо Силла его какъ въ другихъ случаяхъ, такъ особливо въ убіеніе М. Марія употребилъ спекулаторомъ.

(4) Оставляю то, что Марій. Марій когда отъ войны междоусобной одинъ убѣжалъ и пришелъ въ Минтурны, городъ Кампанійской, тогда Минтурняне, дабы угодное сдѣлать Силлѣ, побѣдителю онаго, послали нѣкоего человѣка убить его. Но какъ Марій взоромъ и словами, съ негодованіемъ произнесенными, устрашилъ его и обратилъ въ бѣгство, то Минтурняне, думая, что онъ подъ особымъ покровительствомъ боговъ состоитъ, отвели его въ недалеко отстоящую рощу, посвященную Марикѣ, дабы онъ оттуда, куда хочетъ, пошелъ, какъ пишетъ Плутархъ въ житіи Маріевомъ. О Марикѣ Лактанцій говоритъ, что она прежде называлась Циркою, но по обоготвореніи наречена Марикою. Сервій на книгу седьмую Энеиды пишетъ, что она была женою Фавна, которая есть богинею берега Минтурнійскаго.

На главу двадесять третію.

(1) Силла самый. Когда держащіе Маріеву сторону, республикою не сильно утвердясь, владычествовали варварски, тогда всѣ съ великимъ усердіемъ дожидались въ отмщеніе Силлу; но какъ Силла большую жестокость и безчеловѣчіе началъ дѣлать, тогда показалось народу, что Марій былъ наикротчайшимъ, нежели Силла, какъ говоритъ Луканъ. Наконецъ



появился отмстителемъ безмѣрныхъ пораженій Силла: онъ оставшуюся въ Римѣ отъ Марія кровь пролилъ.

(2) Постумій. Цицеронъ въ книгѣ первой о гадательствѣ открываетъ, что сей гадатель былъ съ Силлою, гдѣ также и Цицеронъ былъ.

(3) Митридата. Сей былъ наисильнѣйшій Царь Понтской, которому отъ народа Римскаго объявлена война; поелику онъ Никомида изъ Виѳиніи выгналъ; но болѣе сія война возгорѣлась, когда Митридатъ всѣхъ въ его государствѣ находящихся Римлянъ повелѣлъ умертвить въ одинъ день. Его силу въ конецъ поразилъ Помпей, который все его государство покорилъ *подъ власть* Римлянамъ по убіеніи его самаго. О семъ пишутъ Плутархъ въ житіяхъ, и Аппіанъ Александрійскій въ войнѣ Митридатской, Флоръ и прочіе.

На главу двадесять четвертую.

(1) На нѣкоторомъ равномъ мѣстѣ. Юлій Обсеквенсъ пишетъ, что при Консульствѣ Луція Сципіона и Каія Норбана между Капуею и Вултурномъ слышанъ былъ звукъ знаменъ, и ужасный трескъ оружій чрезъ многіе дни, такъ что казалось, будто сражаются двѣ арміи. Тронуты бывши тѣмъ люди, любопытно оныя мѣста разсматривали, и примѣтили слѣды конскіе, потоптавшіе всякія растѣнія.

(2) Уже многіе тронуты были тѣмъ. Ибо когда съ двухъ сторонъ, какъ бы непріятельскихъ,

скихъ, родственники другъ друга видятъ, тогда познаютъ, что то есть междоусобная война и беззаконіе, какъ говоритъ Луканъ.

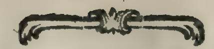
(3) Что воинъ нѣкоторый. Ливій въ книгѣ семьдесять девятой пишетъ, что сіе случилось, когда Цинна и Марій шли непріятельски къ Риму съ войскомъ, которыхъ встрѣтилъ съ войскомъ же Гней, Помпея Великаго отецъ. Валерій въ книгѣ пятой говоритъ, что воинъ Помпеевъ убилъ брата своего, бывшаго въ войскѣ Серторіевомъ. Ливій вмѣсто Серторія полагаетъ Цинну. И то и другое вѣроятно; ибо все войско почти было Циннино, которое на четыре части было раздѣлено: одна часть Цинною, другая Маріемъ, третія Квинтомъ Серторіемъ, четвертая Гнеемъ Нарбономъ были предводительствуемы. И Орозій повѣствуетъ, что съ Серторіемъ сражался Помпей, и во время сего сраженія случилось то съ двумя братьями.

(4) Ихъ сражавшимися. Омиръ во время войны Троянской боговъ сражающимися описываетъ между собою: Марса, Венеру и Аполлина противъ Паллады, Юноны и Нептуна.

На главу двадесять пятую.

(1) Предъ самою кумирницею, гдѣ кумиръ. Разумѣетъ здѣсь о играхъ богини Флоры, которыя непотребнѣйшими и безстыдными блудницами отправляемы были, какъ Плутархъ, Овидій и другіе пишутъ; поелику и сама Флора была блудницею. Лактанцій въ книгѣ первой Божественныхъ наставленій говоритъ:

 они-



отправляемы были Флорѣ игры со всякимъ непотребствомъ, приличнымъ памяти блудницы. Ибо сверьхъ вольности словъ, коими всякое скверисловіе изливается, раздѣваются до нага по прозьбѣ народной блудницы, которыя тогда должность актеровъ представляютъ, и предъ народомъ къ удовольствію безстыжихъ очей срамныя дѣлаютъ тѣлодвиженія.

(2) Съ другой богиню дѣвицу. То есть Весту. Празднованіе Флорѣ было тридесятаго числа Апрѣля. Съ нею купно праздновано было Вестѣ, Аполлину и Августу, какъ Овидій въ четвертой книгѣ Фастовъ, или праздниковъ пишетъ.

На главу двадесять шестую.

(1) Туллій. Туллій тожъ, что и Цицеронъ. Рѣчи его сіи находятся въ рѣчи шестой на Верреса. Нынѣ, говоритъ онъ, долгъ имѣю я священнѣйшія игры съ великою церемоніею отправить Церерѣ, Либеру и Либерѣ, и Флоры матери знаменитостію игръ къ народу Римскому исходатайствовать благоволеніе и оную умилостивить.

(2) Которыя игры. Таковыми были тѣ, которыхъ играть въ присутствіи меньшаго, или младшаго Катона актеры отреклись, какъ пишутъ Сенека, Валерій, Плутархъ и Марціалъ.

(3) На другомъ мѣстѣ. Въ рѣчи третіей на Катилину.

(4) Люди самые безчеловѣчные. Каковъ былъ Катилина съ своими сообщниками.

На

На главу двадесять осьмую.

(1) Фабриціевъ. Фабрицій былъ Консуломъ во время войны съ Пирромъ, въ которое время особливо процвѣтала добродѣтель въ Римлянахъ. Онъ былъ человѣкъ мужественный, недостаточный, воздержный и удаленный отъ желанія богатствъ, роскошей, удовольствій и честей.

(2) Ежели что въ васъ по природѣ находится похвалы достойнаго. Стоики говорили, что въ насъ отъ природы находятся сѣмена добродѣтелей: у однихъ большія, у другихъ меньшія, и что оныя умножаются и совершаются наставленіемъ, воспитаніемъ и упражненіемъ.

(3) День *приближился.* Здѣсь касается онаго Павлова слова, къ Римлянамъ въ главѣ третіейнадесять положеннаго. Нощь прейде, а день приближися. День есть ясное познаніе благъ.

(4) Какъ возстали вы частно. Здѣсь разумѣетъ то, что многіе изъ Римлянъ увѣровали и ко Христу обратились.

(5) Не Капитолинскій камень. Юпитерово ваяніе въ Капитоліи было каменное; отсюда произошла клятва Юпитеромъ наисвятѣйшимъ камнемъ.

(6) Вѣчное царство даруетъ. Слова сіи суть у Виргилія въ первой книгѣ Энеиды, приписанныя Юпитеру, обѣщающему Римлянамъ вѣчное царство. Однако благоразумнѣе Саллюстій въ рѣчи, К. Цесарю старшему говорен-

ной, пишетъ, что имѣетъ быть нѣкогда раззоренїе и разрушенїе народу Римскому. И Сципїонъ Африканскїй младшїй когда смотрѣлъ на запаленный Карѳагенъ, тогда, въ слезахъ произнесши Омировъ стихъ, далъ знать, что и Римъ нѣкогда сожженъ быть имѣетъ.

БЛАЖЕН-

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА III.

Глава первая.

О бѣдствіяхъ, которыхъ одни злые люди страшатся, и которыя всегда міръ претерпѣвалъ, когда почиталъ боговъ.

Уже довольно, кажется, говорилъ я о злѣ нравственномъ и душевномъ, котораго единственно удаляться должно, что боги ложные почитающему ихъ народу, дабы онъ бременемъ онаго зла не былъ отягощенъ, не только не помоществовали, но наипаче старались, дабы онъ крайнѣ тѣмъ былъ обременяемъ. Теперь о томъ злѣ говорить я намѣренъ, котораго единственно язычники претерпѣвать не хотятъ. Таковое зло есть гладъ, болѣзнь, война, обнаженіе, плѣнъ, убійство и прочее подобное, о которыхъ мы въ первой книгѣ упомянули. Ибо злые люди сіе только почитаютъ зломъ, которымъ люди не дѣлаются злыми; и не стыдятся между

благими, ими хвалимыми, сами быть злыми; и болѣе негодуютъ, ежели у нихъ не хороша деревня, нежели житіе, какъ будто въ томъ наивеличайшее человѣческое добро состоитъ, чтобъ имѣть все хорошее, кромѣ самаго себя. При всемъ томъ и таковыхъ золъ, коихъ они единственно страшатся, боги, отъ нихъ усердно почитаемые, дабы оныя имъ не приключались, никогда не отвращали. Ибо когда въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ прежде пришествія Искупителя нашего безчисленныя и почти невѣроятныя родъ человѣческій претерпѣвалъ бѣдствія, какихъ тогда міръ почиталъ боговъ, какъ не сихъ, выключая одинъ народъ Еврейскій и нѣкоторыхъ людей, внѣ онаго народа жившихъ (1), которые тайнымъ и праведнымъ Божіимъ судомъ достойны были Божіей благодати? Но чтобъ, обширно предлагая таковыя бѣдствія, не наскучить читателямъ, то я не стану говорить о бѣдствіяхъ другихъ народовъ, а только опишу приключившіяся или Риму, или другимъ мѣстамъ Римской имперіи, которыя или были Римлянамъ союзными, или подвластными прежде пришествія Христова, когда оныя къ тѣлу республики принадлежали.

Глава вторая.

О томъ, что боги, коихъ Римляне и Греки почитали, имѣли ли причину попустить, дабы раззоренъ былъ Илій.

Вопервыхъ, самый Илій, или Троя, откуда Римской народъ имѣетъ свое начало; ибо

не

не должно пропустить, или умолчать, какъ я и въ первой книгѣ нѣсколько коснулся, того, которая тѣхъ же боговъ имѣла и почитала: для чего отъ Грековъ побѣждена, плѣнена и раззорена? Пріяму, говорятъ (1), заплачено чрезъ то за отцовское клятвопреступленіе, то есть Лаомедонтово: слѣдовательно справедливо то, что Аполлинъ (2) и Нептунъ у онаго Лаомедонта были работниками. Ибо сказываютъ, что онъ имъ обѣщалъ дать плату, и въ томъ ложно клялся. Я удивляюсь, что Аполлинъ, почтенный отъ всѣхъ толикимъ знатокомъ будущаго, въ таковой упражнялся работѣ, не вѣдая, что Лаомедонтъ обѣщанной имъ платы не дастъ, хотя и самому Нептуну, дядѣ его, брату Юпитерову, Царю морей, неприлично не знать будущаго. Ибо Омиръ (3) стихотворецъ, жившій по увѣренію нѣкоторыхъ прежде основанія Рима (4), вводитъ Нептуна предвѣщающимъ о потомкахъ Гнеевыхъ, котораго онъ облакомъ восхитилъ, дабы Ахиллъ его не умертвилъ (5), въ то самое время, когда хотѣлъ до основанія раззорить, какъ Виргилій говоритъ, построенныя его собственными руками стѣны клятвопреступной Трои. И такъ толикіе боги Нептунъ и Аполлинъ, не зная, что Лаомедонтъ имъ за работу не заплатитъ, даромъ построили стѣны Троянскія неблагодарнымъ. Пускай теперь осмотрятся почитатели сихъ боговъ, не беззаконнѣйшимъ ли есть дѣломъ таковыхъ боговъ почитать богами, нежели клятву,

 тву,

тву, имъ данную, нарушить? Сему и самый Омиръ не много вѣрилъ, который вводитъ Нептуна (6) съ Аполлиномъ ссорящимися, изъ коихъ Нептунъ гнѣвался на Троянъ, а Аполлинъ защищалъ оныхъ, когда онымъ клятвонарушенiемъ оба они обижены. И такъ ежели вѣрятъ симъ баснямъ, то должны стыдиться почитать таковыхъ боговъ; ежели же баснямъ не вѣрятъ, то пускай не представляютъ намъ клятвопреступленiй Троянскихъ, и пускай не удивляются, что боги клятвонарушенiе Троянское наказали, а Римское любили. Ибо въ Катилининомъ заговорѣ въ толь развращенномъ городѣ не было ли безчисленнаго множества такихъ, которые или грабительствомъ, или клятвопреступленiемъ, или убiйствомъ питались? Да и что иное толь многократно Сенаторы, подкупленные въ судахъ, что народъ въ приговорахъ, или въ другихъ дѣлахъ дѣлали, какъ не клятвонарушенiемъ согрѣшали? Ибо по причинѣ развращенныхъ нравовъ обычай древней клятвы хранимъ былъ не для того, дабы люди страхомъ благоговѣнiя возбраняемы были отъ преступленiй, но чтобъ къ прочимъ беззаконiямъ прилагаемы были и клятвонарушенiя.

Глава третiя.

О томъ, что боги не могли оскорблены быть Парисовымъ прелюбодѣйствомъ; понеже оное и между самыми богами не рѣдко случалось.

И такъ нѣтъ причины, для чего бы боговъ, коими крѣпко было, какъ говорятъ,

оное

оное государство, ложно описывали намъ гнѣвающимися на Троянъ, аки бы за клятвонарушеніе, когда вѣроятнѣе, что они съ Троянами отъ многочисленнѣйшихъ Грековъ побѣждены. Не могли они оскорблены быть и прелюбодѣйствомъ Парисовымъ (1), дабы оставили Трою; ибо они заводчики и наставники суть беззаконій, а не мстители. Городъ Римъ (2), говоритъ Саллюстій, какъ мнѣ извѣстно, основали сперва Трояне, которые, бѣжавъ съ предводителемъ своимъ Энеемъ, скитались, не имѣя домовъ. И такъ ежели надлежало богамъ отмщевать прелюбодѣйство Парисово, то или на Троянахъ болѣе, или на Римлянахъ отмщевать было должно; понеже Энеева мать (3), Венера, была оному прелюбодѣйству причиною. Но какимъ образомъ могли боги въ Парисѣ ненавидѣть онаго преступленія, которые въ общницѣ своей Венерѣ того не ненавидѣли? Ибо, не упоминая прочихъ ея дѣлъ, не она ли прелюбодѣяніе учинила съ Анхизомъ, отъ котораго родился Эней (4)? Развѣ для того, что Парисъ прелюбодѣйствовалъ при негодованіи за то Менелаевомъ, Венера же учинила оное съ позволенія Вулканова (5)? Ибо я думаю, что боги неревнивы къ своимъ женамъ столь, что не негодуютъ за то, ежели онѣ будутъ общими и людямъ. Можетъ быть почтутъ, что я насмѣхаюсь баснямъ. Ежели такъ, слѣдовательно не должны мы вѣрить, что Эней былъ сынъ Венеринъ и Ромулъ сынъ Марсовъ (6); ибо ежели первое справедливо, то должно

быть

быть неложнымъ и послѣднее. *Или* только однимъ богамъ съ женами смертныхъ совокупляться можно, а людямъ съ богинями не можно? Вѣрить тому совсѣмъ не льзя, чтобъ то Венерѣ по своему праву (7) не было позволеннымъ, что позволено было отъ Венеры Марсу. Но сіе обое принято за неложное Римлянами; ибо не меньше вѣрилъ Цесарь (8), что Венера ему бабка (9), какъ древнѣйшій Ромулъ (10), что Марсъ ему отецъ.

Глава четвертая.

О томъ, что невѣроятно, дабы боги казнили прелюбодѣйство Парисово, котораго не отмстили въ матери Ромуловой.

Теперь и того и другаго нашимъ словопреніемъ коснемся. *Ибо ежели* справедливо то, что у нихъ пишется о Энеевой матери и объ отцѣ Ромуловомъ, то какимъ образомъ можетъ быть неугоднымъ всякое прелюбодѣйство человѣческое богамъ, которое сами они дѣлаютъ безъ раздору и ссоры за то? *Ежели же* оное ложно, то и тогда не могутъ гнѣваться на прямое прелюбодѣяніе человѣческое тѣ, которые ложными утѣшаются своими. Сюда принадлежитъ то, что ежели оное о Марсѣ невѣроятно, то и сему о Венерѣ вѣрить не должно. И такъ преступленіе матери Ромуловой никакимъ образомъ не можетъ быть прикровенно совокупленіемъ божескимъ. Была же жрицею Вестальскою Сильвія, и потому боги святотатское оное преступленіе должны были наипаче на Римлянахъ отмщевать,

вать, нежели Парисово прелюбодѣяніе на Троянахъ. Ибо и сами древніе (1) Римляне Вестальскихъ жрицъ, въ любодѣяніи обличенныхъ, живыхъ въ землю зарывали; прелюбодѣицъ же женъ (2) хотя и наказывали, однако смертію ни одной не казнили. Столь-то они почитали важнѣйшимъ, ежели кто боговъ храмъ осквернитъ, нежели когда кто изъ людей чье ложе нарушитъ!

Глава пятая.

О убійствѣ Ромуловомъ, котораго боги не отмстили.

Другое прилагаю. Ибо ежели беззаконія человѣческія онымъ богамъ столь противны, что они, оскорблены будучи Парисовымъ поступкомъ, оставленную ими Трою попустили мечемъ и огнемъ истребить: то, думаю, болѣе бы побудить ихъ на гнѣвъ долженъ былъ убитый Ромуловъ братъ противъ Римлянъ, нежели противъ Троянъ Грекъ поруганный; болѣе бы раздражило боговъ убійство, такъ сказать, раждающагося, нежели владычествующаго города прелюбодѣйство. Нѣтъ намъ нужды въ теперешнемъ случаѣ разсматривать и разбирать, самъ ли Ромулъ оное учинилъ, или сдѣлано оно по его повелѣнію (1), что многіе, не имѣющіе зазрѣнія, отвергаютъ, многіе стыдясь сомнѣваются, многіе изъ сожалѣнія скрываютъ. Чего для и мы не станемъ въ томъ медлить, тщательно разбирая свидѣтельства писателей. Совершенно извѣстно, что Ромуловъ братъ убитъ не отъ непріятелей,

лей, не отъ чужихъ. И такъ ежели сіе самъ учинилъ Ромулъ, или повелѣлъ, то онъ былъ главою Римлянъ, а не такъ какъ Парисъ у Троянъ. Ежели же похититель оный чужой жены подвигнулъ на гнѣвъ боговъ, то какимъ образомъ тѣхъ же боговъ милость исходатайствовалъ Римлянамъ братоубійца? Естьли же въономъ дѣлѣ не повиненъ Ромулъ, то по крайней мѣрѣ надлежало богамъ отмстить всему Риму, который отца своего, Ромулова брата, умертвилъ. Ибо оба они были основателями Рима, хотя одинъ не допущенъ государствовать въ ономъ, понеже убитъ. И такъ не можно сказать, аки бы Трояне чрезъ какое либо беззаконіе раздражили боговъ столь, что они Трое попустили раззоренной быть; не можно также показать и того, аки бы Римъ какимъ либо добрымъ дѣломъ заслужилъ то, чтобы боги въ немъ пребывали, дабы оный возвеличить: то только смѣю сказать, что боги, побѣждены будучи въ Троѣ, бѣжали и преселились (2) къ Римлянамъ, дабы ихъ равно прельстить. Или справедливѣе: что они и у Троянъ были ради прельщенія тѣхъ, которые послѣ того въ оной странѣ жили, и въ Римѣ коварство свое производя въ дѣйство, большими почтены честьми.

Глава шестая.

О раззореніи Илія, учиненномъ полководцемъ Маріевымъ Фимбріею.

Въ то самое время, когда междоусобныя Римлянъ брани все возмущали (1), въ чемъ тогда

тогда нещастный городъ Илій оказался виноватымъ, что его Фимбрія (2), единомышленникъ Маріевъ, человѣкъ непотребный, раззорилъ безчеловѣчнѣе (3), нежели какъ раззорили его прежде Греки? Ибо Фимбрія прежде отдалъ арміи приказъ, дабы воины никого не щадили; и такимъ образомъ весь городъ и всѣхъ людей огнемъ истребилъ. Напротивъ въ первое оное отъ Грековъ раззореніе многіе изъ Трои убѣжали; многіе же хотя и плѣнены, и были въ неволѣ, однако по крайней мѣрѣ осталися въ живыхъ. Сіе заслужилъ Илій не отъ Грековъ, которыхъ своею раздражилъ неправдою; но отъ Римлянъ, которыхъ своимъ бѣдствіемъ породилъ. Боги же тогда общіе ихъ къ отвращенію сихъ бѣдствій ни мало не поспѣшествовали, или, лучше сказать, не могли. Не уже ли и тогда удалились они всѣ отъ своихъ храмовъ и жертвенниковъ, когда помощію ихъ стоялъ городъ, возобновленной по раззореніи отъ Грековъ? Ежели удалились, то я желаю знать тому причину. Я нахожу, что граждане имѣли правильную вину, а боги никакой. Граждане не пустили Фимбрію въ городъ, и заперли ворота, дабы Силлѣ сберечь въ цѣлости городъ. Фимбрія разгнѣвавшись зажегъ оный, или, справедливѣе сказать, совсѣмъ истребилъ. Силла же былъ предводителемъ арміи съ стороны гражданъ Римскихъ, который предпринялъ оружіемъ защитить республику. И такъ что лучше сего жители Илія могли учинить, что честнѣе, что вѣрнѣе, что достойнѣе, какъ лучшей сторонѣ

ронѢ (4) РимлянЪ сохранить городЪ, и раззорителю и истребителю отечества запереть ворота? А сіе самое коликое причинило гражданамЪ бѢдствіе, пускай внимаютЪ защищающіе боговЪ. Оставили боги прелюбодѢевЪ и Илій попустили ГрекамЪ истребить огнемЪ, дабы изЪ пепела его произвесть чистѢйшій РимЪ: то для чегожЪ и послѢ той же городЪ, РимлянамЪ союзный и небунтующій противЪ Рима, но сохраняющій вѢрность, оставили и попустили раззорить оный не ГреческимЪ мужамЪ, сильнымЪ и храбрымЪ, но непотребному изЪ РимлянЪ человѢку? Или ежели не угодно было богамЪ держать сторону Силлину, которому жители Илія храня городЪ свой, Фимбрію заперли бѢдные ворота, то для чего боги томужЪ СиллѢ и предвозвѢщали великое благополучіе? Не видно ли, что они суть ласкателями благополучнымЪ людямЪ болѢе, нежели защитниками нещастныхЪ? СлѢдовательно боги и тогда не оставляли Илія, когда онЪ раззоренЪ; ибо демоны, неусыпные кЪ прельщенію, что могли, то учинили; понеже по сожженіи (5) всего сЪ городомЪ, не выключая и кумировЪ, одинЪ кумирЪ МинервинЪ подЪ развалинами храма, какЪ пишетЪ Ливій, остался цѢлЪ. Дабы не можно было онаго говорить, удалились всѢ боги отЪ храмовЪ и жертвенниковЪ; ибо оное попущено имЪ, дабы они могли тое учинить не для того, чтобЪ люди думали обЪ нихЪ, аки бы они всемогущи, но для того, дабы люди вѢдали, что они не удалились.

Глава

Глава седьмая.

О томЪ, надлежало ли богамЪ ТроянскимЪ препоручать РимЪ.

И такЪ по раззореніи Трои богамЪ Троянскимъ благоразумно ли препорученЪ РимЪ вЪ храненіе? Ежели скажетЪ кто либо, что оные боги уже пріобыкли жить вЪ РимѢ тогда, когда Фимбрія раззорилЪ Илій: откуду же то произошло, что кумирЪ МинервинЪ стоялЪ вЪ ИліѢ? И такЪ видно, что тогда боги были вЪ РимѢ, когда Фимбрія раззорилЪ Илій; напротивЪ можетЪ статься тогда они были вЪ ИліѢ, когда отЪ ГалловЪ самый РимЪ плѢненЪ и сожженЪ. Но какЪ боги слухЪ имѢютЪ крайнѢ чудной, притомЪ быстрой бѢгЪ, то уповательно, что на голосЪ гусей КапитолинскихЪ тотчасЪ изЪ Илія вЪ РимЪ прибѢгли, дабы защитить холмЪ Капитолинскій, который одинЪ неплѢненнымЪ оставался; наконецЪ уже и кЪ защищенію прочаго подвигнулись.

Глава осьмая.

О томЪ, должно ли вѢрить, что мирЪ и тишину, бывшую во время царствованія Нумы, боги даровали.

СказываютЪ также намЪ, что боги НумѢ Помпилію, преемнику Ромулову, вЪ томЪ поспѢшествовали, что онЪ во все время царствованія своего имѢлЪ тишину, и затворилЪ Янусовы врата (1), которыя во время браней от-

отворяемы бывали. И сіе, говорятЪ, вЪ воздаяніе за то, что онЪ многія богамЪ установилЪ священнослуженія. Можно бы онаго Нуму благодарить, ежели бы онЪ праздное то время умѣлЪ употребить на спасительныя дѣла, и вредное любопытство оставивЪ, истиннаго Бога истиннымЪ благоговѣніемЪ поискалЪ. Нынѣ же не боги ему даровали оное свободное время, но вѣроятно, что менѣе бы его прельстили, ежели бы не нашли его празднымЪ; поелику чѣмЪ болѣе нашли его празднымЪ, тѣмЪ болѣе своими его обременили дѣлами. Ибо что онЪ предпринималЪ, и какимЪ способомЪ себѣ, или своему городу союзными сдѣлалЪ боговЪ, оное описываетЪ ВарронЪ, что и я, ежели Господу благоугодно будетЪ, разберу вЪ своемЪ мѣстѣ; а теперь, понеже дѣло идетЪ о благодѣяніяхЪ боговЪ, и великимЪ благодѣяніемЪ поставляется мирЪ, или тишина, но сіе благодѣяніе есть истиннаго Бога (2), такЪ какЪ солнце, какЪ дождь и другія вЪ житіи потребности, которыя являемы бываютЪ и самымЪ неблагодарнымЪ и непотребнымЪ. Но ежели сіе великое благо боги оные Риму, или Помпилію даровали, то для чего Римской имперіи вЪ самыя хвалимыя времена никогда послѣ того онаго не даровали? Не уже ли полезнѣйшими были священнослуженія тогда, когда были установляемы, нежели тогда, когда были совершаемы и отправляемы? Но тогда ихЪ не было, а только прилагаемо было попеченіе, дабы они были; послѣ же того были,

лій, которыя наблюдаемы были, дабы дѣлали пользу. И такъ какая бы тому была причина, что оные сорокъ три года, или, какъ другіе увѣряютъ, тритцать девять лѣтъ, препровождены были въ толикой тишинѣ, когда царствовалъ Нума; а послѣ того по установленію священнослуженій, когда уже и боги защитники оными священнослуженіями привлечены въ Римъ, отъ основанія Рима чрезъ столько лѣтъ до самаго Августа, такъ какъ чудо упоминается одинъ (3) годъ послѣ первой войны съ Карѳагенцами, въ который Янусова храма врата Римляне затворить могли?

Глава девятая.

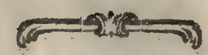
Надлежало ли того желать, что толикимъ браней неистовствомъ Римское умножается государство, когда тѣмъ способомъ, коимъ во время царствованія Нумы умножилось, могло быть и спокойнымъ и безопаснымъ.

Можетъ быть отвѣтствовать намъ станутъ, что ежели бы непрестанными войнами и одна послѣ другой слѣдующими столь пространнымъ и обширнымъ государство Римское сдѣлаться не могло, то не было бы оно въ состояніи столько прославиться. Пристойная подлинно причина, для которой великое государство должно быть всегда безпокойнымъ. Не лучше ли въ тѣлахъ человѣческихъ имѣть средственный ростъ, соединенной съ совершеннымъ здравіемъ, нежели достигать

исполинской высоты при безпрестанныхЪ припадкахЪ, и достигнувЪ оной, не имѣть отЪ болѣзней спокойствія, но чѣмЪ большіе имѣть члены, тѣмЪ большія претерпѣвать терзанія? ЧтожЪ было бы худаго, ежели бы тѣ времена продолжались, которыя описалЪ Саллюстій, когда говоритЪ: и такЪ сначала Цари, ибо то первое было имя вЪ государствѣ (1), различные царствовали, изЪ коихЪ нѣкоторые старались о просвѣщеніи умовЪ, другіе о пріобученіи тѣлЪ кЪ трудамЪ, и тогда люди житіе препровождали безЪ зависти, всякЪ своимЪ бывЪ доволенЪ? Не уже ли, дабы увеличить государство, надлежало то дѣлать, что Виргилій охуждая говоритЪ: покуда помалу настали *непотребныя и развращенныя времена* (2), и неистовство браней, и алчность кЪ любостяжанію? Но Римляне вЪ защищеніе всѣхЪ сихЪ браней праведную представляютЪ причину, которая побуждала ихЪ противиться непріятелямЪ, нечаянно на нихЪ нападающимЪ, не изЪ желанія получить славу, но по нуждѣ, дабы защитить свое здравіе и вольность. Пускай такЪ; ибо какЪ Римляне обогатившись жили благополучно, то возбудили чрезЪ оное вЪ другихЪ зависть; чего для Цари и сосѣдніе народы нѣкоторые начали ихЪ войною безпокоить, хотя и мало кЪ тому имѣли помоществующихЪ: ибо прочіе, боясь РимлянЪ, отЪ сихЪ бѣдствій удалились; а Римляне сЪ своей стороны, будучи и сами склонны кЪ войнамЪ, начали пріуготовляться, одинЪ дру-

другаго къ тому поощрять, неприятелямъ противиться, защищать отечество и родителей оружиемъ. Потомъ по отвращении сихъ бѣдствий своимъ мужествомъ союзникамъ и друзьямъ чинили помощь, и болѣе дѣланиемъ и оказаниемъ благодѣяний другимъ, нежели принятиемъ, дружество себѣ снискивали. Пристойно таковымъ способомъ увеличился Римъ. Но во время царствования Нумы, дабы быть толь долголѣтной тишинѣ, не знаю, устремлялись ли тогда неприятели на Римлянъ, и безпокоили ли войною, или ничего такого не было, дабы оная тишина могла продолжаться? Ибо ежели и тогда безпокоили Римлянъ сосѣди, и Римляне съ своей стороны не соотвѣтствовали имъ оружиемъ, то какимъ образомъ тогда поступлено было, что никакимъ сражениемъ не преодолѣны будучи, никакимъ военнымъ устремлениемъ не устрашены неприятели, оставили свои предприятия: таковымъ образомъ всегда жить Римлянамъ надлежало, дабы Римъ, затворивъ Янусовы врата, спокойно царствовалъ. Ежели же во власти Рима не состояло сие, слѣдовательно Римъ не дотолѣ имѣлъ тишину, покуда боги хотѣли, но покуда хотѣли сосѣдние народы, которые его къ брани не побудили, развѣ и тѣмъ боги торговать захотятъ, что человѣкъ имѣетъ въ своей власти, то есть хотѣть, или не хотѣть. Но ежели бы имѣли силу демоны или устрашать, или поощрять умы человѣческие, и не дѣлалось бы тайною нѣкоторою властию против-

 наго



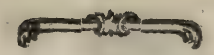
наго ихъ усилію, то всегда бы они имѣли во власти своей миръ и побѣды, которыя однако всегда почти приключаются по движенію человѣческихъ сердецъ.

Глава десятая.

О кумирѣ Куманскаго Аполлина, о котораго плачѣ думали, что онъ предзнаменуетъ бѣдствіе Грекамъ, которымъ пособить не могъ.

Но что многобожникамъ бѣдствія приключаются въ противность воли боговъ ихъ, о томъ не только басни, которыя по большей части лгутъ и почти правды никогда не предлагаютъ, но и Римская свидѣтельствуетъ *исторія*; ибо не отъ чего другаго, какъ сказываютъ, въ то время, когда Римляне воевали противъ Ахеянъ и Царя Аристоника (1), четыре дни сряду плакалъ Аполлинъ оный Куманской (2). Симъ чудомъ прорицатели устрашены будучи, когда вознамѣрились кумиръ оный утопить въ морѣ, тогда Куманскіе сѣдинами украшенные мужи защитили его, и объявили, что таковыя же чудеса были и прежде отъ него, какъ то во время войны съ Антіохомъ (3) и Персомъ (4), Филипповымъ сыномъ. И понеже щастіе пало на сторону Римлянъ, то повѣствуютъ, что по приговору Сенатскому посланы дары Аполлину оному. Тогда призваны были искуснѣйшіе прорицатели, и вопрошены бывши, отвѣтствовали, что Аполлиновъ плачь для того

того щастливЪ РимлянамЪ, понеже Кумы (5) городЪ есть Греческой, и потому АполлинЪ плачущій предвѣщалЪ своимЪ странамЪ, откуда онЪ привезенЪ туда, то есть самой Грецiи, плачь и бѣдствiе. ПослѢ того вскорѢ извѢстились, что Царь АристоникЪ попался вЪ плѢнЪ, чего конечно не хотѢлЪ АполлинЪ, и для того плакалЪ и кумира своего слезами давалЪ о томЪ знать, откуда не совсѢмЪ непристойно, хотя баснословно, но правдоподобно нравы демоновЪ описываются вЪ сочиненiяхЪ стихотворческихЪ; ибо и Дiана плакала о КамиллѢ у Виргилiя, и Иираклiй о умирающемЪ ПаллантѢ. Отсюда можетЪ статься и Нума Помпилiй, живучи вЪ великой тишинѢ, но не зная и не испытывая, кто оную даруетЪ, когда вЪ праздности размышлялЪ, какимЪ бы богамЪ вЪ защиту препоручить Римское государство; и думая, что истинный оный, всемогущiй и всевышнiй БогЪ о земныхЪ не промышляетЪ, воспомянулЪ о богахЪ ТроянскихЪ, коихЪ Эней привезЪ сЪ собою; и какЪ извѢстно ему было, что оные боги ни Троянскаго, ни Лавинiйскаго ЭнеемЪ основаннаго государства не могли сохранить, то за благо разсудилЪ промыслить другихЪ боговЪ, которыхЪ бы онымЪ богамЪ прежнимЪ, кои или сЪ РомуломЪ вЪ РимЪ преселились, или кои нѢкогда по раззоренiи Албы вЪ РимЪ имѢли перейти, приставить или такЪ какЪ бѢглымЪ вЪ сторожи, или придать такЪ какЪ безсильнымЪ вЪ помощники.

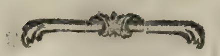


Глава первая надесять.

О томъ, сколь много боговъ прибавили Римляне сверьхъ уставленныхъ Нумою, коихъ множество ни мало не пользовало Римлянамъ.

Сими священнослуженіями недовольны были Римляне, которыхъ имъ уставилъ Помпилій великое множество; ибо не было храма главнаго самаго Юпитера, поелику Царь Тарквиній (1) Капитолію тамъ соорудилъ. Эскулапій же (2) изъ Эпидавра прибылъ въ Римъ, такъ какъ искуснѣйшій лѣкарь (3), дабы въ славномъ городѣ съ похвалою упражняться въ своей наукѣ. Мать же боговъ, не знаю откуда (4), изъ Пессимунта. Ибо непристойнымъ дѣломъ казалось, чтобъ когда сынъ ея на холму Капитолинскомъ засѣдалъ, она была въ презрѣнномъ мѣстѣ, которая ежели прямо была матерью всѣхъ боговъ, то не только она послѣдовала въ Римъ за нѣкоторыми своими дѣтьми, но многихъ и предварила, которыя послѣ имѣли тудажъ преселиться. Я удивляюсь, ежели она родила Кинокефала, которой, много лѣтъ спустя (5), пришелъ изъ Египта; она ли также родила богиню Лихорадку (6). Оное долженъ разобрать Эскулапій (7), ея правнукъ (8). Но гдѣ бы она ни родилась, однако думаю, что чужестранные боги не осмѣлятся назвать оную подлою, когда обоготворена она Римлянами. Подъ таковою толь многихъ боговъ защитою, которыхъ изчислить никто не можетъ, природныхъ Римскихъ

скихъ (9), чужестранныхъ, небесныхъ, земныхъ, преисподнихъ, морскихъ, ключевыхъ, рѣчныхъ, и какъ Варронъ говоритъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ (10) во всѣхъ родахъ боговъ какъ въ животныхъ самцовъ и самокъ; подъ таковою, говорю, толь многихъ боговъ защитою находясь Римъ, долженъ ли былъ претерпѣвать толь ужасныя и великія бѣдствія, изъ коихъ я нѣкоторыя воспомяну? Ибо крайнѣ многихъ боговъ густымъ своимъ и сильнымъ дымомъ, какъ бы даннымъ знакомъ къ защищенію себя, Римъ приманилъ и собралъ, которымъ храмы, олтари, жертвы, жрецовъ назначая, всевышняго истиннаго Бога, которому единому оное долженъ былъ принесть, оскорбилъ. И щастливѣе нѣсколько Римъ былъ, когда меньше боговъ имѣлъ, но какъ учинился пространнѣе, то, такъ какъ великій корабль многихъ долженъ имѣть корабленниковъ, болѣе боговъ за благо разсудилъ ввесть. Я думаю, что Римляне опасались, что малочисленные оные боги, подъ владычествомъ коихъ въ сравненіи съ непотребнѣйшею жизнію жили они лучше, не въ состояніи будутъ помоществовать имъ въ разсужденіи ихъ пространной области. Ибо вопервыхъ, во время самихъ Царей, выключая Нуму Помпилія, о коемъ я выше говорилъ, коликое зло несогласій и раздоровъ было, которое побудило Ромулова брата умертвить?



Глава втораянадесять.

О томѣ, по какому праву и по какому мирному договору удержали при себѣ Римляне первые браки.

Какимѣ образомѣ ни Юнона, которая сѣ Юпитеромѣ уже пеклася о Римлянахѣ, ни Венера не могла помощи подать своему отѣ Энея отродью, дабы они могли сыскать себѣ по обыкновенiю правильному браки; напротивѣ Римляне вѣ разсужденiи сего вѣ такомѣ находились недостаткѣ, что принуждены были обманомѣ похитить себѣ женѣ, и наконецѣ сражаться сѣ своими тестями; и бѣдныя жены не успѣли по обидѣ, учиненной имѣ мужьями, примириться сѣ ними, какѣ вдругѣ вмѣсто даровѣ проливаема была кровь ихѣ родителей. Но вѣ семѣ сраженiи побѣдили Римляне своихѣ сродниковѣ. Коликихѣ же и сколь многихѣ ранѣ и убiйствѣ сѣ обѣихѣ сторонѣ сiя побѣда стоила? За одного Кесаря тестя и одного зятя его Помпея, уже по смерти Кесаревой дочери (1), Помпеевой супруги, сѣ коликимѣ и коль праведнымѣ сожалѣнiемѣ восклицаетѣ *Луканѣ*: сраженiя по Емаѳiйскимѣ (2) полямѣ болѣе, нежели междоусобныя описываемѣ, гдѣ имя права дано преступленiю. И такѣ побѣдили Римляне, дабы каждый убiйствомѣ тестя своего, обагренными вѣ крови ихѣ руками, могѣ исторгнуть отѣ дочерей ихѣ обѣятiя, жалости достойныя, которыя не могли оплакивать своихѣ родите-

телей убитыхъ, дабы не огорчить мужей своихъ, которые остались побѣдителями; которыя и тогда, когда между мужьями ихъ и отцами происходило сраженіе, не знали, за кого богамъ дѣлать обѣты (3) и молиться. Таковыми браками Римской народъ обогатила не Венера, но Беллона, или Алекто (4). Андромаха (5) щастливѣе была въ плѣнѣ, нежели сіи совершились браки; ибо послѣ объятій ея, хотя невольническихъ, Пирръ никого не умертвилъ изъ Троянъ; Римляне же тестей своихъ умерщвляли въ сраженіи, которыхъ дочерей обнимали въ ложницахъ. Оная, подвластна будучи побѣдителю, могла только соболѣзновать о смерти своихъ, а не бояться; а сіи, когда мужья ихъ выходили на сраженіе, боялись, дабы не были убиты ихъ отцы, и когда съ сраженія возвращались, соболѣзновали, не имѣя ни страха безопаснаго, ни соболѣзнованія свободнаго. Ибо по причинѣ убитыхъ гражданъ, родственниковъ, братьевъ, отцовъ, или терзалися, или принужденно срадовались мужьямъ въ побѣдѣ. Сюда принадлежитъ и то, что въ таковомъ сраженіи съ обѣихъ сторонъ случается, что нѣкоторыя родительскимъ мечемъ лишилися мужей, нѣкоторыя мечемъ и той и другой стороны и отцовъ и мужей; ибо и Римлянамъ не малое тогда было бѣдствіе. Когда уже сами были въ осадѣ, и заперши ворота градскія, себя защищали, которыя наконецъ съ лукавствомъ отворивъ (6) и впустивъ непріятелей

цей внутрь стѢнЪ, на самой площади (7) сразились: похитители и тогда также побѢждаемы были, и часто, убѢгая внутрь домовЪ своихЪ, помрачали прежнія (8) свои неправедныя и плачевныя побѢды, и до того дошло, что РомулЪ, отчаяваясь вЪ храбрости своихЪ, просилЪ Юпитера, чтобы онЪ его воиновЪ остановилЪ (9). И сіе подало причину дать имя Юпитеру остановителя (10). При всемЪ томЪ не было бы конца тому элу (11), естьли бы похищенныя оныя, растрепавЪ волосы, не вышли изЪ домовЪ, и падши предЪ стопами своихЪ отцовЪ, не утолили ихЪ гнѢва. ПотомЪ принужденЪ былЪ соцарственника себѢ принять Тація Царя РомулЪ, которой не могЪ снести, дабы сЪ нимЪ царствовалЪ купно родной его братЪ. Но какЪ долговременно могЪ терпѢть соцарственника (12), который не стерпѢлЪ брата? Чего для и того убивЪ, дабы большимЪ быть богомЪ, одинЪ воцарился. Какое право таковыхЪ браковЪ? Какое поощреніе кЪ бранямЪ, союзы братства, родства, общества, людскости, божества? Какая наконецЪ подЪ защитою толь многихЪ боговЪ жизнь? Не видишь ли, сколь много можно говорить отсюда, ежелибЪ того, что остается, намѢреніе наше не сберегало впредь и слово наше кЪ другому не поспѢшало?

Глава

Глава третіянадесять.

О беззаконной войнѣ, нанесенной Римлянами Албанцамъ, и о побѣдѣ, полученной изъ желанія обладать другими.

Чтожъ послѣ Нумы при другихъ Царяхъ? Къ коликому вреду, не только своему, но и Римлянъ, вызваны Албанцы на брань? Понеже бывшая при Нумѣ долговременная тишина Римлянамъ наскучила болѣе, нежели тѣ бѣдствія, которыя послѣ того и арміи съ обѣихъ сторонъ и оба города истощили. Ибо Алба городъ, основанный Энеемъ, который могъ почитаться ближайшимъ отцемъ Риму, нежели Троя, Тулломъ Гостиліемъ вызванъ на сраженіе, который, сражаяся съ Римлянами, много вреда причинилъ и претерпѣлъ, покуда съ обѣихъ сторонъ равное сраженіе не наскучило. Наконецъ договорились щастіе брани испытать такимъ образомъ: Римляне поставили трехъ родныхъ братьевъ Горацієвъ, Албанцыжъ также трехъ братьевъ Куріацієвъ. Въ семъ сраженіи трое Куріацієвъ убили двухъ Горацієвъ, третій же Горацій убилъ наконецъ трехъ Куріацієвъ. Такимъ образомъ Римъ остался побѣдителемъ, такой притомъ получивъ самъ уронъ, что изъ числа шести воиновъ его одинъ возвратился въ домъ. Чей уронъ сей съ обѣихъ сторонъ? Кому плачь, ежели не Энею, ежели не Асканіевымъ потомкамъ, ежели не племени Венерину, ежели не внукамъ Юпитеровымъ? Ибо и сія брань была болѣе, не-

нежели междоусобная, когда городъ, которой былъ сыномъ, съ другимъ, который былъ отцемъ, сражался. Приключилось сему сраженію, бывшему между тремя братьями, съ обѣихъ сторонъ ужасное зло; ибо какъ оба оные народы прежде жили союзно и дружески, будучи сосѣдями и родственниками, то одному изъ Куріаціевъ обручена была Гораціевъ сестра въ замужство. Сія, увидѣвъ снятыя вещи съ своего жениха, когда оплакивала онаго, то отъ брата своего убита. Человѣколюбнѣе мнѣ кажется сея дѣвицы было сердце, нежели всего вообще Римскаго народа: она, вѣрность давши жениху, или можетъ быть сожалѣя о братѣ, который убилъ того, кому обѣщалъ сестру, думаю, что плакала невинно. Ибо у *Виргилія* добродушный Эней соболѣзнуетъ о непріятелѣ, его рукою пораженномъ. Маркеллъ, воображая Сиракузской городъ, что оный съ толь высокой славы въ плѣнъ ему попался, памятуя общій жребій, плачемъ свое сожалѣніе изъявилъ. И такъ по человѣчеству позволилъ дѣвицѣ оплакивать жениха своего, отъ брата убитаго, когда мужи надъ побѣжденными отъ нихъ непріятелями не безъ похвалы за то плакали. Слѣдовательно когда оная дѣвица плакала о убитомъ отъ брата ея женихѣ своемъ, тогда Римъ радовался о пораженіи того города, отъ коего самъ онъ произошелъ, и о томъ, что пролилъ множество крови родствомъ на обѣ стороны связанныхъ. Пускай не предлагаютъ

мнѣ

мнѣ имя славы и имя побѣды; пускай, открывъ завѣсу, посмотрятъ на обнаженныя злодѣянія; пускай предложатъ причину, такъ какъ приписывали Троѣ прелюбодѣйство: нѣтъ такой, нѣтъ и похожей на то; вся причина не въ иномъ чемъ состояла, какъ только чтобъ побудить лѣнивыхъ мужей къ оружію, и полки, которые давно престали торжествовать по побѣдѣ. Сего слегка коснулся Саллюстій; ибо когда выхваляя сокращенно упомянулъ о древнихъ временахъ, когда люди жизнь препровождали безъ зависти, и въ которыя всякъ своимъ былъ доволенъ; а послѣ того, говоритъ, какъ въ Азіи Киръ (1), въ Греціи Лакедемоняне и Аѳиняне начали города и страны себѣ покарять: тогда желаніе обладать другими за вину войны почитаться, великая слава вмѣсто великой державы ставиться начали. Съ меня было довольно сіи его предложить слова. Сіе желаніе владычествовать надъ другими великими бѣдствіями изнуряетъ и сокрушаетъ человѣческій родъ. Симъ желаніемъ побѣжденъ будучи тогда Римъ, торжествовалъ, что побѣдилъ Албанцовъ, и выхвалу своего беззаконія славою называлъ. Понеже *хвалимъ бываетъ*, говоритъ наше Писаніе, *грѣшникъ въ похотехъ души своея и обидящій благословимъ*. И такъ должно снять покровъ ложной прикрасы, дабы совершеннѣе можно было разсмотрѣть дѣла. Пускай никто мнѣ не говоритъ, что такой-то, или такой-то великій мужъ сражался съ та-

такимъ-то, или такимъ-то, и побѣдилъ. Ибо сражаются и Гладіаторы, побѣждаютъ и они; имѣетъ въ воздаяніе похвалу и оное безчеловѣчіе. Но я думаю, что лучше за нерадѣніе претерпѣть казнь, нежели оружіемъ искать славы. При всемъ томъ ежели бы вышли двое Гладіаторовъ между собою биться, изъ коихъ одинъ былъ бы отецъ, другій сынъ, ктобъ могъ стерпѣть таковое зрѣлище? Ктобъ не разогналъ? Такъ какимъ образомъ могло славнымъ быть сраженіе двухъ городовъ, изъ коихъ былъ одинъ отцемъ другому? Или сіе потому различно, что тутъ не было амфитеатра, но пространныя поля, которыя наполняемы были не двухъ Гладіаторовъ, но двухъ народовъ безчисленными трупами, и что сраженіе сіе не амфитеатромъ было окружаемо, но всѣмъ міромъ, и тогда жившимъ и потомкамъ, покуда слава сія простираться будетъ, беззаконное зрѣлище представляемо было. Боги же, защитники Римскаго народа, не въ силахъ будучи получить свое желаніе, смотрѣли тогда на таковыя сраженія какъ театральные зрители, покуда Горацiевъ сестра за Куріацiевъ трехъ убитыхъ и сама съ другой стороны братнимъ оружіемъ къ двумъ братьямъ убитымъ приложена не была, дабы не было въ Римѣ, который побѣдителемъ остался, меньше умершихъ. Накочецъ въ воздаяніе побѣды (2) Алба раззорена, въ которой послѣ раззоренія Илія и послѣ Лавинія, гдѣ Царь Латинъ Энея, чужестраннаго Царя, бѣжавшаго

поста-

поставилЪ, вЪ трешіемЪ мѣстѣ пребывали оные Троянскіе боги. Но они можетЪ бытъ по своему обыкновенію и оттуда удалились, и потому городЪ оный раззоренЪ. Удалились подлинно уже вЪ третій разЪ, дабы имЪ четвертый городЪ РимЪ препорученЪ былЪ вЪ промыслЪ. Не понравилась имЪ и Алба, гдѣ Амулій брата изгналЪ, а полюбился РимЪ, гдѣ РомулЪ, брата убивЪ, царствовалЪ. Но прежде раззоренія, говорятЪ, Албы народЪ весь перешелЪ вЪ РимЪ, дабы изЪ обоихЪ городовЪ былЪ одинЪ городЪ. Пускай такЪ, однако городЪ оный, царство Асканіево и жилище ТроянскихЪ боговЪ раззорено. А чтобЪ остальный отЪ войны народЪ совокупить во едино, за оное много пролито крови прежде. Что скажу порознь, когда при другихЪ ЦаряхЪ толикократно войны оныя были возобновляемы, которыя по видимому побѣдами оканчивались? Не малымЪ знакомЪ бѣдствія сего было, что ни одинЪ изЪ РимлянЪ и сосѣднихЪ народовЪ не затворялЪ Янусова храма вратЪ: слѣдовательно ни одинЪ изЪ нихЪ при толикомЪ множествѣ боговЪ вЪ мирѣ и тишинѣ не царствовалЪ.

Глава четвертаянадесять.

О томЪ, какова РимскихЪ Царей жизнь была и кончина.

СамихЪ же Царей какова была кончина? О Ромулѣ пускай разсмотрятЪ ласкательство

 басно-

баснословное, которое объявляетЪ, что онЪ вознесенЪ на небо. Пускай разсмотрятЪ своихЪ писателей, которые даютЪ знать, что онЪ за свою строгость (1) убитЪ отЪ СенаторовЪ, которые научили нѣкоего Юлія Прокула, дабы онЪ клялся, что РомулЪ ему явился, и повелѣлЪ чрезЪ него народу Римскому, дабы его между богами почиталЪ; и такимЪ образомЪ укрощенЪ и успокоенЪ народЪ, который началЪ было на СенаторовЪ возставать. Ибо приключилось тогда и солнечное затмѣніе, о которомЪ непросвѣщенный народЪ (2) и невѣжды не зная, что оное учинилось по уставленному теченію, заслугамЪ РомуловымЪ оное присвоили, какЪ будто бы, ежели солнце плакало и сѣтовало, не можно было думать, что РомулЪ убитЪ, и что толикое беззаконіе солнце отвращеніемЪ своего дневнаго свѣта изЪявило, какЪ и вЪ самой вещи сдѣлалось оное, когда Господь нашЪ отЪ безчеловѣчныхЪ и нечестивыхЪ ІудеевЪ распятЪ; которое затмѣніе солнечное не по узаконенному планетЪ теченію приключилось, сіе доказывается тѣмЪ, что тогда была Пасха Іудейская, которая всегда предзнаменуема была во время полномѣсячія; правильное же и узаконенное затмѣніе солнечное не инако, какЪ вЪ ущербѣ луны случается. Довольно и ЦицеронЪ показываетЪ, что то, аки бы РомулЪ вЪ число боговЪ принятЪ, болѣе почитаетЪ онЪ мечтательнымЪ, нежели справедливымЪ, когда, и похваляя его вЪ книгахЪ о республикѣ

кѣ и вѣ словѣ Сципіоновомѣ: того, говоритѣ онѣ, достигѣ, что когда при затмѣніи солнечномѣ безвѣстно пропалѣ, то почли, что онѣ вѣ число боговѣ принятѣ. Когда же говоритѣ, что онѣ нечаянно пропалѣ, то разумѣть все непремѣнно должно, что или буря и вихрь (3) былѣ ужасный, или что онѣ убитѣ злодѣйски тайно; ибо и другіе ихѣ писатели воспоминаютѣ, что при затмѣніи солнечномѣ прилучилась и ужасная буря и внезапный вихрь, который подалѣ случай кѣ оному злодѣйству, или самѣ Ромула похитилѣ. О Туллѣ же (4) Гостиліѣ, который третьимѣ былѣ Царемѣ по Ромулѣ, и который громомѣ убитѣ, говоритѣ вѣ тѣхѣ же книгахѣ Цицеронѣ, что для того не почтенѣ онѣ богомѣ, что таковою смертію скончался; понеже можетѣ быть, что вѣ разсужденіи Ромула за истинное поставлено, не хотѣли Римляне обнародовать, то есть маловажнымѣ то учинить, дабы и другаго почесть богомѣ. Потомѣ яснѣе говоритѣ на другомѣ мѣстѣ: Ромула, который основалѣ сей городѣ, кѣ богамѣ безсмертнымѣ по усердію и славѣ причислили; чрезѣ что показываетѣ, что оное не вѣ самомѣ дѣлѣ было, но изѣ усердія оное прославлено. Вѣ разговорѣ же сѣ Гортенсіемѣ, когда о узаконенныхѣ и правильныхѣ затмѣніяхѣ солнечныхѣ разсуждаетѣ: дабы, говоритѣ, таковый же мракѣ произвело, каковый приключился вѣ то время, когда пропалѣ Ромулѣ. Сей писатель не убоялся написать,

что Ромулъ пропалъ; ибо онъ не столько былъ выхвалителемъ, сколько стязающимся. Прочіе же Цари народа Римскаго, выключая Нуму Помпилія и Анка Марція, которые скончались отъ болѣзни, сколь ужасныя имѣли кончины! Туллъ, какъ я сказалъ, Гостилій, побѣдитель и раззоритель Албы, со всемъ домомъ своимъ молніею сожженъ. Прискъ Тарквиній (5) отъ дѣтей Анка Марція убитъ. Сервій Туллій отъ зятя своего Тарквинія гордаго умерщвленъ. Однако не удалились боги отъ своихъ храмовъ и жертвенниковъ, когда толикое беззаконіе надъ толь добрымъ къ народу Царемъ совершилось, которые, сказываютъ, оскорблены будучи прелюбодѣйствомъ Парисовымъ, попустили, дабы нещастная Троя отъ Грековъ была раззорена. Сверьхъ сего по убіеніи тестя своего Тарквиній самъ на царство вступилъ. На сего непотребнаго отцеубійцу царствующаго, многими сраженіями и побѣдами тщеславящагося, и изъ военныхъ корыстей Капитолію (6) строющаго, не удаляясь, но тутъ пребывая, взирали, и Царю своему Юпитеру въ ономъ высокомъ храмѣ, то есть въ зданіи отцеубійцы, позволили имѣть первенство. Ибо онъ не въ то время построилъ Капитолію, когда былъ невиннымъ, но самаго царства, въ которомъ бы ему создать Капитолію, безчеловѣчнымъ злодѣяніемъ достигнулъ. Чтожъ его Римляне изъ царства изгнали (7), въ томъ не онъ виноватъ, но сынъ его, который насиліе учи-

нилъ

нилЪ Лукреціи; ибо онЪ совсѢмЪ о томЪ не зналЪ и не былЪ тогда вЪ РимѢ. ОнЪ тогда вЪ осадѢ содержалЪ городЪ Ардею и вЪ пользу народа Римскаго воевалЪ; и не вѢдаемЪ, чтобЪ онЪ сдѢлалЪ, ежели бы донесено ему было о преступленіи его сына. Однако не требовавЪ отЪ него суда, лишили его царства, и повелѢвЪ оставить его войску, когда онЪ возвращался вЪ РимЪ, граждане, затворивЪ ворота, его не пустили. А онЪ по жестокихЪ сраженіяхЪ, которыми РимлянЪ, возбудивЪ на нихЪ сосѢдніе народы, изнурялЪ, когда, оставленЪ будучи тѢми, на которыхЪ надѢялся, царства возвратить былЪ не вЪ состояніи, вЪ городѢ ТускулѢ (8), отстоящемЪ отЪ Рима не далеко, четырнатцать, какЪ сказываютЪ, лѢтЪ препроводилЪ вЪ спокойствіи, и сЪ супругою своею состарѢвшись, лучшую можетЪ быть имѢлЪ кончину, нежели тесть его, злодѢяніемЪ его погибшій, вЪ чемЪ участницею была и жена его. При всемЪ томЪ сего Тарквинія Римляне не называютЪ безчеловѢчнымЪ, или преступникомЪ, но гордымЪ; можетЪ быть потому, что надмѢнности его своею гордостію снести не могли: ибо злодѢяніе оное, что онЪ тестя своего, добраго Царя умертвилЪ, толь презрѢли, что его ЦаремЪ поставили. ЗдѢсь удивительно мнѢ, что боги самаго его жесточае не наказали и не удалились отЪ храмовЪ и жертвенниковЪ. РазвѢ можетЪ быть кто скажетЪ, что они для того пребывали вЪ РимѢ, дабы РимЪ

наипаче казньми изнурять, нежели благодѣтельствовать, прельщая ихъ суетными побѣдами и сокрушая жестокими войнами. Такова была жизнь при Царяхъ Римскихъ въ похваляемое время, до изгнанія Тарквинія гордаго, препровожденная чрезъ двѣсти и сорокъ три года, въ которое всѣ оныя побѣды, толь многою кровію и толикими покупаемыя бѣдствіями, едва государство на двадцать миль отъ Рима распространили, которое пространство и обширность не могутъ уподобиться ни одному какому либо Гетулійскому городу (9).

Глава пятаянадесять.

О первыхъ у Римлянъ Консулахъ, изъ которыхъ одинъ другаго изъ отечества изгналъ, и наконецъ въ скоромъ времени по содѣланіи ужасныхъ человѣкоубійствъ, отъ раненаго непріятеля уязвленъ будучи, погибъ.

Къ сему времени присовокупимъ оное, до котораго, говоритъ Саллюстій, праведно и скромно жизнь препровождали Римляне, покуда настоялъ страхъ отъ Тарквинія, и покуда не прекращена война жестокая съ Этруріею; ибо покуда Этруски Тарквинію, желающему возвратить царство, помогали, потуда тяжкою войною безпокоенъ былъ Римъ. И потому-то говоритъ, что Римляне жили праведно и скромно, то есть жизнь таковую внушалъ имъ страхъ, а не правда, въ кото-

рое наикратчайшее время коль многихЪ слезЪ достойнымЪ былЪ годЪ оный, вЪ который по изгнаніи Царей Консулы поставлены! ибо они года своего не препроводили вЪ оной должности; понеже Юній БрутЪ, лишивЪ чести своего товарища Луція Тарквинія Коллатина, выгналЪ изЪ города. ПотомЪ вскорѢ самЪ на сраженіи убитЪ, по убіеніи прежде того своею рукою дѢтей своихЪ и жены своей братьевЪ, о которыхЪ онЪ извѢстился, что они заговорЪ учинили о возвращеніи вЪ РимЪ Тарквинія, которое дѢло Виргилій когда сЪ похвалою упомянулЪ, то не могЪ однако по человѢчеству не ужаснуться. Ибо когда сказалЪ: и дѢтей своихЪ отецЪ, новую брань пріуготовляющихЪ, кЪ казни позоветЪ за драгоцѢнную вольность; потомЪ возопилЪ и сказалЪ: нещастливЪ нѢсколько отецЪ, однако похвалять станутЪ оное дѢло потомки. НаконецЪ какЪ бы для утѢшенія нещастнаго приложилЪ: преодолѢла кЪ отечеству любовь и безмѢрное желаніе хвалы. Не сему ли Бруту, который и дѢтей своихЪ умертвилЪ и отЪ пораженнаго собою непріятеля Тарквиніева сына пораженЪ, Коллатина, товарища его невинность отмщена, который былЪ добрый гражданинЪ, а претерпѢлЪ тоже, что тираннЪ Тарквиній? Ибо сказываютЪ, что и самЪ БрутЪ былЪ родственникЪ Тарквинію. Но Коллатина сгубило сходство имени, которымЪ и Царь Тарквиній назывался. И такЪ надлежало бы принудить его перемѢнить имя,

а не выгонять изЪ отечества; понеже меньше значило бы имя его, ежели бы онЪ именуемЪ былЪ *Л.* КоллатинЪ. Но для того онЪ не лишился имени, понеже Бруту хотѢлось его всего лишить; поелику онЪ былЪ и достоинствомЪ первый и вЪ городѢ добрый гражданинЪ. Сія ли проклятая неправда есть славою Юнію Бруту, которая ни мало не полезна республикѢ? Не уже ли и кЪ учиненію оной преодолѢла любовь кЪ отечеству и безмѢрное желаніе хвалы? Сіе злодѢяніе учинено, сіи бѢдствія приключились вЪ то время, когда, по сказкамЪ, народЪ Римскій жилЪ благонравно, праведно и скромно. *Лукрецій* (1) также, который вступилЪ на мѢсто Брута, не докончивЪ онаго года, отЪ болѢзни умерЪ. НаконецЪ *Публій Валерій*, который преемникомЪ былЪ Коллатину, и МаркЪ Горацій, который на мѢсто умершаго Лукреція вступилЪ, оный нещастливый годЪ, имѢвшій пять человѢкЪ Консулами, докончали; вЪ который годЪ РимЪ, увидѢвЪ честь и власть новую Консульства, отложилЪ нѢсколько страхЪ, не по тому, аки бы брани прекратились, но что не столь жестоко отягощали. По окончаніи, то есть того времени, вЪ которое благонравно, праведно и скромно жили Римляне, послѢдовало то, о чемЪ Саллюстій кратко изЪясняетЪ: потомЪ, говоритЪ, начальники начали сЪ народомЪ какЪ сЪ невольниками поступать, бить и казнить на подобіе Царей, отнимать земли и безЪ согласія всѢхЪ одни управлять государствомЪ;

чѢмЪ

чѣмъ обиженъ и притѣсненъ будучи народъ, особливо по причинѣ частыхъ браней, когда великія налагаемы были подати и дѣлаемы были военные наборы, вооружившись вышелъ въ гору священную и Авентинскую, и тогда выбралъ себѣ Трибуновъ народныхъ, и другія уставилъ права. Но сіи раздоры и междоусобія съ обѣихъ сторонъ прекращены были второю съ Карѳагенцами войною.

Глава шестаянадесять.

О томъ, какія бѣдствія претерпѣла республика по начатіи Консульства, въ коихъ отвращеніи боги, Римлянами почитаемые, ни мало не помоществовали.

Но почто мнѣ толь долго медлить, описывая бѣдствія, приключившіяся Римлянамъ, и обременять читателей? Сколь нещастна была оная республика столько вѣковъ, до второй войны съ Карѳагенцами, когда оную безпокоили отъ внѣ непрестанныя брани, внутрь же раздоры и междоусобія, оное кратко объяснилъ Саллюстій. Почему побѣды оныя не были твердою радостію щастливыхъ людей, но тщетнымъ утѣшеніемъ нещастныхъ, которыя Римлянъ къ большимъ и ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ поощряли. И насъ, когда мы сіе говоримъ, добрые Римляне и благоразумные не одобрятъ, поелику ни просить мы, ни увѣщавать къ тому не хощемъ; ибо извѣстно намъ, что они никогда не одобрятъ.

Хотя мы не болѣе и не жесточае говоримъ, нежели ихъ писатели, будучи и штилемъ неравны, и не имѣя толь свободнаго времени, какъ они; однако что касается до ихъ писателей, то они и сами ихъ старались изучить, и дѣтей своихъ къ изученію оныхъ понуждаютъ. Которые же и одобряютъ насъ, тѣ могутъ ли стерпѣть, ежели я скажу тоже, что и ихъ Саллюстій? Многія смятенія и бунты, и наконецъ междоусобныя войны поднялись, когда нѣкоторые сильные люди (1), къ которымъ великое множество народа предалось, желали владычествовать надъ другими; и добрыми и злыми гражданами многіе названы не въ разсужденіи дѣлъ, оказанныхъ республикѣ, понеже всѣ были непотребныя, но какъ всякой богатѣйшій и могущій болѣе причинить вреда, поелику настоящее защищалъ, то за добраго гражданина былъ почитаемъ. И такъ ежели писатели ихъ исторіи почитали, что то принадлежитъ къ честной вольности и свободѣ, ежели они не станутъ умалчивать о бѣдствіяхъ своего города, которой во многихъ мѣстахъ съ великимъ прославленіемъ выхвалять принуждены были: то что намъ надлежитъ дѣлать, которые чѣмъ лучшую и несомнѣнную имѣемъ надежду на Бога, тѣмъ большая должна быть наша свобода, когда настоящія бѣдствія Христу нашему приписываютъ, дабы отвратить немощныхъ и малосмысленныхъ умы отъ онаго града, въ которомъ единственно блаженная

жизнь

жизнь находится? И что касается до насЪ, то мы не болѣе на боговЪ ихЪ говоримЪ, какЪ самые ихЪ писатели, которыхЪ они читаютЪ и прославляютЪ; ибо и мы что говоримЪ, изЪ оныхЪ заимствуемЪ. И такЪ гдѣ тогда были боги ихЪ, которыхЪ изЪ малаго и обманчиваго мира сего благополучія почитали, когда Римляне, кЪ коимЪ вЪ почтеніе хитростію вкрались, толикія претерпѣвали бѣдствія? Гдѣ были, когда Валерій КонсулЪ, отЪ ссылочныхЪ и невольниковЪ защищая зажженную Капитолію, умерщвленЪ? Не видно ли, что онЪ болѣе могЪ подать помощи Юпитерову храму, нежели ему толикая толпа боговЪ сЪ великимЪ и благимЪ своимЪ ЦаремЪ ЮпитеромЪ, коего онЪ храмЪ защитилЪ? Гдѣ были, когда РимЪ, безпрестанными изнуренЪ бывши междоусобіями, послалЪ пословЪ вЪ Аѳины для списанія законовЪ, а между тѣмЪ отЪ глада и заразы былЪ опустошаемЪ? Гдѣ были, когда, вторично отЪ глада погибая, поставилЪ начальника для собранія годовыхЪ запасовЪ, и когда усиливался оный гладЪ, тогда Спурій Емилій, гладному народу раздавЪ жита, попалЪ вЪ подозрѣніе, аки бы желалЪ чрезЪ то ЦаремЪ быть, который наконецЪ ДиктаторомЪ КвинтіемЪ, по наученію начальника надЪ сборомЪ годовыхЪ запасовЪ, и отЪ Сервилія, начальника надЪ конницею, сЪ великимЪ и бѣдственнѣйшимЪ смятеніемЪ города убитЪ? Гдѣ были, когда, по причинѣ усилившейся заразы, народЪ Римскій, не видя помощи

отЪ

отъ боговъ, завелъ новое богослуженія средство, одропостланіе (2), котораго никогда прежде не дѣлалъ? Одры же постилаемы были въ честь боговъ, откуда сіе священнослуженіе, или лучше сказать, священнотаинство, и имя себѣ получило. Гдѣ были, когда, чрезъ десять лѣтъ сряду продолжая войну, частыя и великія пораженія своихъ чувствовалъ народъ Римскій отъ жителей Віискихъ, покуда Фурій Камиллъ не преодолѣлъ оныхъ, котораго однако неблагодарный Римъ осудилъ? Гдѣ были, когда Галлы Римъ плѣнили, расхитили, сожгли и трупами убитыхъ наполнили? Гдѣ были, когда ужасная оная зараза поразила безчисленное множество гражданъ, которою и тотъ жизнь скончалъ Фурій Камиллъ, который защитилъ неблагодарный городъ отъ Веіевъ, а другой разъ отъ Галловъ? Отсюда-то завели Римляне театральныя игры, по бывшей новую заразу, не тѣламъ Римлянъ, но нравамъ вреднѣйшую. Гдѣ были, когда другая зараза жестокая появилась, когда жены отравами (3) морили своихъ мужей, въ числѣ коихъ великое множество изобличено и благородныхъ и знаменитыхъ женъ? Гдѣ были, когда два Консула, атакованы будучи Самнитянами со всемъ войскомъ, мерзской договоръ заключить принуждены были, чтобъ Римляне шесть сотъ знатныхъ конницы въ Аманаты дали; прочее же войско, оставя одно вооруженіе Римлянамъ, отдались бы подъ иго непріятелямъ? Гдѣ были, когда не только отъ

зара-

заразы, но и громомъ многіе поражены бывши, жизнь скончали? Гдѣ были, когда во время заразы изъ Эпидавра привесть принуждены были Римляне Эскулапія, такъ какъ искуснаго врача, бога? Ибо можетъ быть Юпитеру, который давно въ Римѣ въ Капитоліи засѣдалъ, многочисленныя любодѣянія, въ коихъ онъ съ молодыхъ лѣтъ упражнялся, не попустили во врачебной наукѣ упражняться. Гдѣ были, когда въ одно время согласились на Римлянъ непріятели, Луканцы, Бруттіи, Самнитяне, Этруски и Сеноны Галлы, которые вопервыхъ Римскихъ пословъ побили, потомъ, атаковавъ армію, убили семь Трибуновъ и тринатцать тысячь воиновъ (4)? Гдѣ были, когда по тяжкихъ и долговременныхъ междоусобіяхъ народъ на подобіе непріятелей въ Яникулъ удалился, что было такимъ бѣдствіемъ, что наконецъ для того поставленъ былъ Диктаторомъ Гортенсій (что дѣлаемо было въ самой крайности), который, возвратившъ народъ, лишился жизни, чего ни одному никогда Диктатору не приключалось, особливо когда въ оное время сверьхъ прочихъ боговъ и Эскулапій тамъ присутствовалъ? Потомъ толь многія поднялись брани, что по недостатку воиновъ тѣ самые, кои упражнялись въ умноженіи рода, не въ состояніи будучи отправлять военной службы, записаны въ солдаты. Призванъ тогда былъ Тарентинцами Пирръ (5) Царь Греческій, который въ тогдашнее время былъ въ славѣ,

и

и Римлянамъ сдѣлался непріятелемъ; которому, когда онъ о будущемъ Аполлина вопрошалъ, искусный и сомнительный (6) далъ отвѣтъ, который, чтобъ ни приключилось, былъ бы справедливымъ. Ибо такъ сказалъ: открываю я тебѣ, что можно тебѣ Римлянамъ рога стерти. И такъ Пирръ ли бы побѣдилъ Римлянъ, или Римляне Пирра, предвѣщатель былъ бы правымъ. Коликое тогда съ обѣихъ сторонъ было кровопролитіе! въ которомъ однако сраженіи Пирръ взялъ верьхъ (7), такъ что могъ увѣряться, что Аполлинъ предсказалъ ему какъ богъ, ежели бы Римляне на другомъ сраженіи его не преодолѣли. И между толикою погибелію (8) людей въ Римѣ появилась новая зараза (9) въ женщинахъ; ибо не разродившись каждая женщина умирала. Думать можно, что тогда извинялся Эскулапій тѣмъ, что онъ должность отправляетъ главнаго доктора, а не повивальной бабки. Подобною смертію и скоты умирали толь многимъ числомъ, что всѣ почитали, что переведется весь скотъ. Что скажу объ оной зимѣ достопамятной и жестокой, когда снѣгъ ужасной глубины чрезъ сорокъ дней лежалъ, и самый Тибръ покрытъ былъ льдомъ? Ежели бы что таковое приключилось въ наши времена, чего бы они не насказали? Что объ оной великой заразѣ, сколь она долговременна была, и сколь многихъ похитила, которая когда и на другой годъ продолжалась, то думаю напрасно

смо-

смотрѣли они въ Сивиллинскія книги, когда Эскулапій былъ при нихъ? Въ семъ родѣ оракуловъ, какъ Цицеронъ въ книгѣ о гадательствѣ упоминаетъ, болѣе толкователямъ, такъ какъ они могутъ, или хотятъ сомнительное изъяснить, обыкновенно вѣрятъ люди. И тогда-то узнали причину заразы, что многіе священные храмы, многіе частно захвативъ, вмѣсто простыхъ зданій употребляютъ. И такимъ образомъ извиненъ въ своемъ невѣжествѣ и лѣности Эскулапій. И не дивно, что оные храмы были захвачены и употребляемы вмѣсто простыхъ зданій, когда никто не возбранялъ; притомъ, какъ оной толпѣ боговъ многіе тщетно молились, то помалу таковыя священныя мѣста начали оставлять почитатели такъ какъ пустыя, и употреблять какъ праздныя на разныя дѣла. Ибо тогда которые храмы возвращены и возобновлены тщательно, аки бы для прекращенія заразы, ежели бы также оставлены со временемъ не были: то не можно бы Варрона почесть знающимъ, который, о священныхъ храмахъ пиша, многіе неизвѣстными называетъ. Но тогда не зараза истреблена, но вымышлено извиненіе богамъ.

Глава

Глава седьмаянадесятъ.

О томъ, коликія претерпѣли Римляне нещастія и бѣдствія во время браней съ Карѳагенцами, когда тщетно о помоществованіи боговъ молили.

Во время же браней съ Карѳагенцами, когда долгое время съ обѣихъ сторонъ побѣда была сомнительною и неизвѣстною, и когда два сильные народа жесточайшія дѣлали другъ на друга устремленія, сколько тогда мѣлкихъ владѣній разрушено! Сколько пространныхъ и знаменитыхъ городовъ раззорено! Сколько оскорблено! Сколько истреблено! Сколь далеко и обширно Карѳагенское и Римское государство и земли опустошены! Сколько краинъ съ обѣихъ сторонъ то побѣждаемы были, то казались побѣдителями! Сколько людей погублено, или то есть сражающихся воиновъ, или оружія въ руки небравшихъ народовъ! Коликое множество кораблей на морскихъ сраженіяхъ пропало, или разными бурями потопло, что все ежели упоминать мы будемъ, то не другое что станемъ дѣлать, какъ писать исторію! Тогда Римская республика, смущена будучи страхомъ, къ средствамъ суетнымъ и смѣха достойнымъ прибѣгла. Возобновлены (1) тогда игры столѣтнія, которыя въ тѣ времена, когда Римляне нѣсколько благополучнѣе жили, были оставлены и забыты. Возобновили также первосвященники (2) игры священныя преисподнимъ богамъ, которыя равно были брошены и отмѣ-

мѣнены; ибо богамъ преисподнимъ, которые въ тогдашнія времена мертвыми чрезмѣрно обогатились, на радостяхъ поиграть захотѣлось, когда бѣдные люди жестокія войны продолжали и кровопролитныя и человѣкоубійственныя побѣды то съ той, то съ другой стороны получали, что самое составляло великія игры злымъ духамъ, и хорошій пиръ преисподнимъ демонамъ. Но ничего толь нещастнаго не было во время первой войны съ Каровагенцами, какъ то, что Римляне такъ побѣждены, что и Регулъ плѣненъ, о которомъ мы въ первой и второй книгѣ упоминали, мужъ подлинно великій, и побѣдитель и усмиритель прежде того Каровагенцовъ, который первую съ Каровагенцами войну окончалъ бы благополучно, ежели бы изъ желанія чрезмѣрной хвалы и славы не предложилъ жестокихъ условій при заключеніи мира Каровагенцамъ. Въ томъ, что сей мужъ плѣненъ нечаянно, содержанъ въ рабствѣ и неволѣ недостойно, клятву сохранилъ вѣрно и умеръ мучительно. Ежели не стыдно богамъ, то конечно они мѣдные и неимѣющіе крови, которая на лицѣ во время стыда является. Не недоставало же въ то время нещастій и внутрь стѣнъ самаго Рима; ибо разлившись необычайно Тибръ (3), все раззорилъ, похитилъ и наводнилъ. Послѣ сего нещастія послѣдовалъ пожаръ (4), который, попаливъ всякое высокое зданіе и низкое вокругъ площади, не пощадилъ и сроднаго себѣ храма Весты (5), гдѣ

онѣ неугасимо храненѣ былѣ не столько почтенными (6), сколько осужденными дѣвицами. А тогда тамѣ не только неугасимымѣ былѣ огонь, но и свирѣпѣлѣ, которымѣ устрашены будучи дѣвицы, когда священныхѣ вещей, отѣ коихѣ три (7) уже раззорились города, отѣ пламени спасти были не вѣ состояніи: то Метеллѣ первосвященникѣ (8), забывѣ свое здравіе, вскочивѣ и будучи почти полусожженнымѣ, оныя отѣ огня исхитилѣ. Мнѣ удивительно, что огонь Метелла не узналѣ, будучи тамѣ богомѣ. И такѣ человѣкѣ наипаче Вестѣ подалѣ помощь, нежели она человѣку. Почему ежели сама отѣ себя отвратить огня была Веста не вѣ состояніи, то какимѣ образомѣ могли боги, по мнѣнію Римлянѣ, спасающіе Римѣ, отѣ наводненія Тиброва и огня защитить? какѣ и самымѣ дѣломѣ открылось, что они ничего сдѣлать не могутѣ. Мы бы сего никакѣ не выговорили, ежели бы они намѣ не предлагали, что они боговѣ почитаютѣ для того, дабы они защищали временное ихѣ добро. Нынѣ же жалостною слѣпотою поражены будучи, думаютѣ, что тѣми священнослуженіями, кои погибнуть могутѣ, здравіе и временное щастіе потеряно быть не можетѣ; и потому когда видно, что и вѣ бытность оныхѣ священнослуженій или изнуряемо здравіе, или бѣдствіе претерпѣзаемо было, мнѣніе свое, котораго защитить не могутѣ, перемѣнить стыдятся.

Глава

Глава осьмаянадесять.

О бѣдствіи, бывшемъ во время второй войны съ Карѳагенцами, которое съ обѣихъ сторонъ истощило силы.

Бѣдствія же, приключившіяся во время второй войны съ Карѳагенцами, продолжительно будетъ описывать, и пораженіе двухъ народовъ, между собою воюющихъ, такъ что по признанію тѣхъ (1) самихъ, которые предпринимали не столько описывать Римлянъ войны, сколько выхвалять Римскую имперію, похожъ былъ побѣдитель на побѣжденнаго. Ибо когда Аннибалъ поднялся отъ Испаніи, который, преодолѣвъ трудность Пиринейскихъ горъ, перешелъ Галлію и разорвалъ Алпійскихъ горъ неудобство, и умноживъ чрезъ то свою силу, все опустошая и покоряя, вошелъ въ Италію: тогда сколь многія и кровопролитныя происходили сраженія! Коликократно Римляне побѣждены были! Сколько къ непріятелю предалося городовъ! Сколько плѣнено и раззорено! О претерпѣнномъ же нещастіи Римлянами при Каннахъ (2) что скажу, гдѣ Аннибалъ, жестокій человѣкъ, удовольствовавшись пораженіемъ Римлянъ, повелѣлъ, сказываютъ, остальныхъ пощадить. Послѣ сего-то сраженія Аннибалъ послалъ въ Карѳагенъ три четверика (3) золотыхъ колецъ, или перстней, (которые въ Римѣ нашивали одни благородные и чиновные) дабы познать могли Карѳагенцы, что столько по-

ражено чиновныхЪ людей вЪ ономЪ сраженіи, что удобнѣе число ихЪ вмѣщаетЪ мѣра, нежели счисленіе труповЪ. СколькожЪ рядовыхЪ вЪ ономЪ сраженіи убито, до онаго догадкою только можно доходить, нежели сказать прямо. То только извѣстно, что вЪ Римѣ послѣ сего толикой былЪ недостатокЪ вЪ воинахЪ, что Римляне принуждены были повинныхЪ вЪ злодѣяніяхЪ, (4) сЪ обѣщаніемЪ имЪ прощенія, собирать, и невольниковЪ (5) даровать вольностію, и толь безчестными людьми не дополнять, но изЪ оныхЪ новое составлять войско (6). И какЪ симЪ невольникамЪ, или чтобЪ не обидѣть (7), на волю отпущеннымЪ не доставало оружія, то взяты оружія оныя изЪ храмовЪ боговЪ, какЪ бы такЪ вЪ оное время говорили богамЪ своимЪ Римляне: подайте оружіе, которое вы чрезЪ толь долгое время безполезно имѣли: авосьлибо наши невольники сдѣлаютЪ онымЪ какую либо пользу, которой вы, боги наши, тѣмЪ сдѣлать по нынѣ не могли. И какЪ вЪ тоже время не доставало казны на жалованье, которая вся истощена была, то частныя богатства вЪ общественныя обращены употребленія, такЪ что всякЪ, и изЪ самыхЪ Сенаторовъ, отдавая все, оставилЪ только себѣ по перстню и печати, нещастные знаки своего достоинства. И когда СенатЪ ни мало злата для себя не оставлялЪ, то что сказать о прочихЪ вЪ обществѣ чинахЪ? ВЪ какое бы бѣшенство пришли Римляне, ежели бы они вЪ

наши

наши времена до такой дошли крайности, когда нынѣ неистовство ихъ едва снести можно; когда еще болѣе издерживаютъ они на ѳеатральныхъ игроковъ денегъ, нежели тогда при крайности за защищеніе себя на арміи?

Глава девятаянадесять.

О погибели Сагунтинцовъ, которымъ при истребленіи ихъ, въ разсужденіи того, что были въ дружбѣ съ Римлянами, боги Римскіе не подали помощи.

Но изъ всѣхъ сея вторыя войны злоключеній нѣтъ ничего жалостнѣе, какъ погибель Сагунтинцовъ (*); ибо сей Испанской городъ Сагунтъ, въ великомъ дружествѣ жившій съ Римлянами, когда не хотѣлъ имѣть къ нимъ вѣрности, раззоренъ. Ибо Аннибалъ, разорвавъ мирной договоръ съ Римлянами, искалъ причины раздражить Римлянъ и вызвать на сраженіе; чего для и Сагунтъ жестоко осаждалъ, о чемъ какъ скоро извѣстились Римляне, то послали пословъ къ Аннибалу, дабы онъ осаду оставилъ. Когда Аннибалъ пословъ презрѣлъ, то они отправились въ Карѳагенъ, гдѣ жаловавшись въ томъ, что напрасно разорванъ мирной договоръ, когда удовольствія въ томъ не получили, въ Римъ возвратились. Въ продолженіи сего нещастный оный наибогатѣйшій городъ, который доброжелательствовалъ Римской республикѣ, въ осьмый, или девятый мѣсяцъ раззоренъ Карѳагенцами, котораго по-

гибель читать, кольми паче описывать, ужасно. Однако я кратко предложу; потому что сіе къ настоящей матеріи служитъ. Ибо вопервыхъ жители онаго города истаевали отъ голода, который столь былъ великъ, что нѣкоторыя тѣла, или лучше сказать трупы домашнихъ своихъ въ пищу употребляли. Потомъ, при крайнемъ будучи бѣдствіи, дабы въ руки Аннибалу не попасться, безмѣрной величины срубъ сдѣлавъ, и оный зажегши, притомъ посѣкши мечемъ всѣхъ своихъ ближнихъ, побросали въ оный, и наконецъ кинулись тудажъ тѣ самые, кои другихъ посѣкли. Здѣсь-то бы надлежало сдѣлать что нибудь богамъ чревообъястливымъ и плутамъ, которые туковъ жертвенныхъ желали, и ложныхъ предвѣщаній сомнительствами обманывали! Здѣсь-то надлежало бы сдѣлать что либо, дабы помочь городу, жившему въ дружбѣ съ народомъ Римскимъ, и ради сохраненія вѣрности погибающему не попустить погибнуть! Ибо они были посредственниками, когда Сагунтинцы съ Римлянами въ мирной договоръ вступили. И такъ, сохраняя вѣрно то, въ чемъ обязались въ присутствіи боговъ, отъ вѣроломца истреблены. Ежели ненастьемъ и молніями, по сказкамъ Римлянъ, боги отогнали отъ стѣнъ Римскихъ Аннибала, то сіе вопервыхъ долженствовали учинить тогда, когда Сагунтинцы не хотѣли нарушить вѣрности и въ состояніи были вооружиться противъ Аннибала; тогда-то бы надле-

жало

жало имъ отогнать ненастьемъ и молніями отъ Сагунта. И такъ естьли боги (2) суть споспѣшествователями щастію и славѣ Римскаго народа, то надобно было имъ толь великое бѣдствіе отвратить отъ Сагунта. Нынѣ же сколь безумно вѣрятъ, что при защитѣ ихъ боговъ не могъ раззоренъ быть Римъ отъ Аннибала, которые погибающему за дружество и вѣрность къ Римлянамъ Сагунту не могли подать помощи! Ежели бы Сагунтинцы были Христіяне, и таковое нѣчто за вѣру Евангельскую претерпѣли, хотябъ себя ни огнемъ, ни мечемъ не истребляли; но однако ежели бы за вѣру Евангельскую раззореніе и истребленіе понесли: то претерпѣли бы они съ тѣмъ упованіемъ, что вѣровали во Христа не для полученія временнаго, но вѣчнаго воздаянія. Сихъ же боговъ, которые для того почитаются, дабы симъ временнымъ и скоропреходящимъ щастіемъ наслаждаться людямъ, чѣмъ оправдятъ и извинятъ почитатели ихъ въ разсужденіи погибели Сагунтинцовъ? Не уже ли тѣмъ же, что говорятъ о кончинѣ Регуловой? Ибо въ томъ есть различіе: Регулъ былъ одинъ человѣкъ, здѣсь цѣлой городъ; погибели же ихъ одна вина, храненіе то есть вѣрности. Ибо онъ для соблюденія сея возвратился къ непріятелямъ, а Сагунтъ предаться не хотѣлъ. Слѣдовательно сохраненіе вѣрности боговъ на гнѣвъ побуждаетъ. Не уже ли не только частно люди, но и города при защитѣ и милости

боговъ должны погибать? Пускай изберутъ себѣ одно изъ сихъ двухъ. Ежели за сохраненіе вѣрности гнѣваются оные боги, то пускай они ищутъ таковыхъ почитателей, которые были бы вѣроломные. Естьли же при защитѣ ихъ и милости многіе могутъ претерпѣвать мученія и раззоряться города, то напрасно ихъ почитаютъ, надѣясь неизмѣннаго здѣсь благополучія. И такъ пускай не предлагаютъ намъ, что они отъ того нещастными стались, что священнослуженіе боговъ ихъ отвергнуто; ибо могли бы они, и подъ защитою и въ милости боговъ своихъ находясь, не только роптать на бѣдность свою, но какъ тогда Регулъ и Сагунтинцы, ужасно измученные, и въ конецъ погибнуть.

Глава двадесятая.

О Митридатовомъ указѣ, которымъ повелѣлъ всѣхъ гражданъ Римскихъ, находящихся въ Азіи, умертвить.

Но я сіе оставляю, хотя того умолчать не могу, что Митридатъ (1), Царь Азіатскій, во всѣхъ мѣстахъ Азіи странствующихъ гражданъ Римскихъ, которыхъ безчисленное множество было тамъ торгующихъ, въ одинъ день повелѣлъ убить, что и исполнено. Сколь жалостное было зрѣлище, когда всякъ, гдѣбъ найденъ ни былъ, на полѣ ли, на дорогѣ ли, въ городѣ ли, въ домѣ ли, въ деревнѣ ли, въ храмѣ ли, на одрѣ ли, въ компаніи ли, нечаянно и беззаконно былъ убиваемъ! Какой тогда

былъ

былъ стонъ умирающихъ! Какія слезы зрителей, а можетъ статься и тѣхъ самихъ, кои убивали? Сколь жестокая нужда тѣмъ, кои угощали Римлянъ, видѣть не только беззаконное гостей своихъ убіеніе, но еще и въ собственномъ своемъ домѣ; и изъ ласковой людскости премѣнивъ видъ, къ совершенію непріятельскаго дѣла обращаться, и взаимными ранами, такъ сказать, себя поражать; поелику пораженный по тѣлу поражалъ убійцы своего сердце! Не уже ли сіи Римляне презрѣли птицегадательство? Не уже ли боговъ своихъ домашнихъ и общественныхъ, когда изъ домовъ своихъ къ невозвратному оному странствованію отправились, не взяли съ собою, дабы ихъ вопрошать? Ежели сіе такъ, то не имѣютъ причины жаловаться на наши времена, когда древніе оные Римляне суетное свое богопочитаніе презирали. Ежелижъ вопрошали они боговъ, то какую оное сдѣлало пользу, когда по силѣ человѣческихъ законовъ невозбранно толикое злодѣяніе могло совершиться?

Глава двадесять первая.

О внутреннихъ злоключеніяхъ, которыя претерпѣла Римская республика, и которыя предварило худое предзнаменованіе, состоящее въ томъ, что домашніе скоты перебѣсились.

Но уже объ ономъ злощастіи какъ можно сокращеннѣе упомянуть должно, которое

рое поелику было внутреннее, тѣмъ кажется плачевнѣйшимъ. Раздоры гражданскіе, или лучше сказать варварскіе, и уже не простыя возмущенія, но самыя междоусобныя войны, во время коихъ великое множество пролито крови, продолжались, гдѣ разныя части единомышленниковъ не въ раздорахъ и разногласіи упражнялись, но мечемъ и оружіемъ неистовствовали. Войны союзныя (1), войны невольническія, войны градскія, колико пролили крови! Коликое Италіи причинили опустошеніе и разореніе? Ибо прежде, нежели противъ Римлянъ возстали Латинцы войною, всѣ домашніе скоты, служащіе употребленію человѣческому (2), какъ-то псы, кони, ослы, волы и прочія, обладаемыя человѣкомъ, животныя, внезапно разсвирѣпѣвъ и забывъ свою кротость, оставивъ домы своихъ хозяевъ, скиталися по полямъ, и не только другихъ людей, но и самыхъ хозяевъ къ себѣ не подпускали, такъ что необходимо должны были тѣ погибать, которые отважились бы ихъ ловить. Что самое коликое бѣдствіе предзнаменовало! Ежели сіе предзнаменованіе толь было зло, то каково было то самое, что оно предзнаменовало! Сіе ежели бы въ наши времена приключилось, то всѣ непремѣнно болѣе бы Римляне на насъ взбѣсились, нежели тогда противъ ихъ самихъ скоты ихъ.

Глава

Глава двадесять вторая.

О раздорѣ, которой произвели бунты Граховъ.

Началомъ же войны гражданской были смятенія Граховъ (1), произведенныя по причинѣ межевыхъ законовъ; ибо хотѣли они поля раздѣлить народу, которыми дворянство незаконно владѣло. Но неправильно завладѣнное дворянствомъ отнять не только для Граховъ было бѣдственно, но какъ самый опытъ открылъ, и погибельно. Сколько побито народа, когда убитъ первый Грахъ! Сколько также, когда не много времени спустя и братъ его, другій Грахъ, умерщвленъ! Ибо не по закону и чину властей, но толпами благородные и чернь убиваемы были. По убіеніи другаго Граха, Лукій Опимій Консулъ, который противъ его съ стороны градской вооружался, по убіеніи его съ единомышленниками, когда производилъ слѣдствіе о сообщникахъ, въ то время, сказываютъ, при тысячи человѣкъ умерщвлено. Изъ сего выразумѣть можно, сколько во время онаго сраженія побито, когда по слѣдствію столько казнено. Тотъ, которой убилъ Граха (2), продалъ Консулу голову Грахову за столько золота фунтовъ, сколько въ оной было вѣсу; ибо таковой прежде договоръ былъ заключенъ. При семъ же случаѣ убитъ и съ дѣтьми своими Маркъ Фульвій (3) Консулъ.

Глава двадесять третія.

О храмѣ Согласія, по приговору Сенатскому на мѣстѣ смятеній и убійствъ поставленномъ.

Не неблагоразумно правда по Сенатскому приговору на томъ самомъ мѣстѣ (1), гдѣ плача достойное было смятеніе, гдѣ толико гражданъ всякаго чина умерщвлено, храмъ Согласія (2) поставленъ, такъ какъ свидѣтель казни Граховъ, дабы тѣ, кои къ народу рѣчи говорятъ (3), незабвенно памятовали оную. Но сіе что иное было, какъ только насмѣшка богамъ? Ибо для чего за городомъ сей богинѣ поставили храмъ, которая ежели бы внутрь града была, то такихъ смятеній и раздоровъ не было бы? Развѣ можетъ статься богиня Конкордія (согласіе), виновата будучи въ томъ, что удалилась изъ сердецъ гражданъ, достойною сталась заключена быть въ ономъ храмѣ, какъ въ темницѣ? Понеже, ежели хотѣли представить сходство съ учиненными дѣлами, то для чего не поставили наипаче храма богинѣ Дискордіи (раздору)? Ибо никакой не можно дать причины, для чего бы, когда Конкордія (согласіе) есть богиня, Дискордія (раздоръ) не была богиня, дабы въ разсужденіи различенія Лабеонова Конкордія была доброю, Дискордія злою богинею? Ибо и Лабеонъ въ раздѣленіи боговъ не иному послѣдовалъ, какъ только что примѣтилъ, что у Римлянъ какъ богинѣ Здравію, такъ и богинѣ Лихорадкѣ храмы поставлены. И такимъ

жимЪ образомЪ должны были Римляне не только богинѣ Конкордіи, но и Дискордіи храмы поставить. Почему неблагоразумно Римляне поступили, когда за благо разсудили жизнь препровождать при раздраженной злой богинѣ Дискордіи, и позабыли привесть себѣ на память, что начало раззоренія Трои (4) отЪ сея богини произошло; понеже она была раздражена. Ибо когда она на пирушку сЪ прочими богами не была приглашена, то предложеніемЪ золотаго яблока между тремя богинями произвела раздорЪ. ОтЪ чего произошло между богами несогласіе, Венера осталась побѣдительницею, похищена Елена и раззорена Троя. Почему можетЪ статься, огорчена будучи богиня Дискордія, что она вЪ Римѣ между богами храмомЪ не удостоена, толикими смятеніями возмущала городЪ, коликими сильно раздраженной прилично; особливо когда на мѣстѣ своихЪ дѣйствій видѣла храмЪ, посвященный соперницѣ своей, богинѣ Конкордіи. СимЪ пустотамЪ когда мы смѣемся, то негодуютЪ на насЪ оные благоразумные и премудрые люди; однако почитая боговЪ добрыхЪ и злыхЪ, вЪ разсужденіи сего запроса о богинѣ Конкордіи и Дискордіи остаются безЪотвѣтными, или для того, что опустили почитаніе сихЪ богинь, и имЪ предпочли Лихорадку и Беллону, которымЪ издревле храмы посвятили; или можетЪ быть и сихЪ почитали, но когда удалилась отЪ почитателей своихЪ Конкордія, то Дискордія, гнѣвался и сви-

свирѣпѣя, довела ихъ даже до самыхъ междоусобныхъ градскихъ браней.

Глава двадесять четвертая.

О различныхъ браняхъ, послѣдовавшихъ послѣ построенія храма Конкордіи.

Знаменитая защита противъ возмущеній, построенный храмъ Конкордіи, такъ какъ свидѣтель казни Граховъ! Но сколькожъ тѣмъ успѣли Римляне? И послѣ того тѣ, которые къ народу говаривали рѣчи, старались не примѣра избѣгать Граховъ, но превзойти намѣреніе. Ибо отъ смятеній Луція Сатурнина (1), Трибуна народнаго, и Каія Кесаря (2), и Сервилія Претора, и много времени спустя (3) Марка Друза (4), вопервыхъ произошли жестокія смертоубійства, потомъ возгорѣлись союзническія войны, которыми тяжко оскорблена и жалостно опустошена Италія. Наконецъ приключилась война съ невольниками (5) и войны градскія, въ коихъ каковыя были сраженія, сколько пролито крови, когда всѣ, въ Италіи жившіе, народы, кои увеличивали Римское государство, такъ какъ варвары свирѣпые укрощаемы были. Что болѣе? когда изъ малочисленныхъ, то есть меньше, нежели изъ седмидесяти Гладіаторовъ, какъ собралось войско невольниковъ, и сколь безчисленное и жестокое! Сколь многихъ они Римскаго народа полководцевъ побѣдили! Сколько городовъ и странъ раззорили!

рили! О чемъ писавшие исторію едва могли все описать. И не только невольническая война была тогда, но и прежде подобные невольники Македонію раззорили, потомъ Сицилію и приморскую страну. Сколь великіе и ужасные сперва производили разбои (6), наконецъ жестокія войны морскіе разбойники, о томъ по великости дѣлъ кто въ состояніи описать?

Глава двадесять пятая.

О войнѣ Градской Маріевой и Силлиной.

Когда же Марій, обагренъ кровію гражданъ, по убіеніи многихъ, державшихъ противную сторону, побѣжденъ будучи, бѣжалъ изъ города, то едва успѣлъ отдохнуть городъ, какъ Цицеронъ говоритъ (1), побѣдителемъ стали паки Цинна съ Маріемъ. Тогда по убіеніи знаменитыхъ мужей (2), лишился городъ своихъ свѣтилъ. Отмстилъ за жестокую сію побѣду послѣ того Силла, хотя изобразить не можно, съ коликою потерею гражданъ и съ каковымъ бѣдствіемъ республики. Ибо о семъ отмщеніи, которое бѣдственнѣе было, нежели когдабъ преступленія остались безъ наказанія, говоритъ Луканъ (3), превзошло мѣру врачевство, и до крайности простиралась рука, куда вели ее болѣзни. Но когда уже могли одни единственно оставаться злодѣи, тогда дана вольность ненависти, и устремился гнѣвъ, свергнувъ съ себя узду законовъ. Во время оной войны

Ма-

Маріевой и Силлиной, выключая тѣхъ, кои въ сраженіи внѣ города убиты, въ самомъ городѣ трупами улицы, переулки, площади, ѳеатры, храмы были наполнены, такъ что трудно понять, когда болѣе народу побито, тогда ли, когда каждая сторона старалася быть побѣдительницею, или тогда, когда одна взяла верьхъ въ побѣдѣ. Ибо побѣда Маріева, когда онъ самъ собою отъ изгнанія свободился, выключая подѣланныя въ разныхъ мѣстахъ убійства, произвела то, что голова Консула Октавія, отсѣченная, положена на то мѣсто, съ котораго къ народу рѣчи сказываемы были. Кесарь и Фимбрія (4) въ домахъ своихъ убиты; два Красса (5), отецъ и сынъ, умерщвлены; Бебій (6) и Нумиторій, крючьями влечены будучи, по раздраніи чревъ, жизнь скончали. Катуллъ (7), дабы избавиться отъ непріятелей, ядомъ себя отравилъ. Мерула (8) жрецъ, называемой Фламенъ Діалисъ, кровь свою принесъ Юпитеру въ жертву, пресѣкши себѣ жилы въ его храмѣ. Предъ самыми же глазами Маріевыми непрестанно посѣкаемы были тѣ, коимъ по привѣтствіи взаимно привѣтствовать не хотѣлъ.

Глава двадесять шестая.

О томъ, какова была Силлина побѣда, которая отмщевала Маріеву жестокость.

Силлина же побѣда, послѣдовавшая для отмщенія жестокости Маріевой по толикомъ излія-

изліяніи крови, которою она пріобрѣтена, по окончаніи уже войны, по причинѣ усилившіяся злости жесточае вѣ мирѣ свирѣпѣла. Ибо послѣ старшаго Марія старыхѣ и новыхѣ убійствѣ большія приложены были молодымѣ Маріемѣ (1) и Карбономѣ, держащимся Маріевой стороны, которые при наступленіи Силлы не только вѣ побѣдѣ, но и вѣ своемѣ спасеніи отчаяваясь, все убійствами наполняли. Ибо кромѣ пораженій, во всѣхѣ мѣстахѣ далеко причиненныхѣ, но и изѣ самаго осажденнаго Сената и Ратуши, какѣ бы изѣ темницы выводили по одиначкѣ подѣ мечь. Муцій Сцевола (2) первосвященникѣ, понеже у Римлянѣ ничего святѣе не было храма Весты, когда обѣялѣ жертвенникѣ и держался, убитѣ, и огнь оный (3), который дѣвицы хранили неугасимо, своею кровію почти погасилѣ. Потомѣ вошелѣ во градѣ побѣдитель Силла, которой на большой улицѣ, уже не во время войны, но жестокаго мира, семь тысячь (4) безоружныхѣ, не сражаясь сѣ ними, но однимѣ повелѣніемѣ поразилѣ. Во всемѣ же городѣ каждой, державшій сторону Силлы, кого хотѣлѣ убивалѣ; почему столько было вѣ городѣ труповѣ, что изчислить не возможно, покуда доложено было Силлѣ (5), дабы онѣ хотя нѣсколько оставилѣ народа вѣ живыхѣ, дабы было кѣмѣ повелѣвать побѣдителю. Тогда уже отнята вольность, тамѣ и индѣ неистовствующая, убивать людей. Тогда кѣ вели-

кому гражданъ удовольствiю выставлены были таблицы, или списки (6), содержащiе въ себѣ двѣ тысячи именъ тѣхъ, кои изъ Сенаторскаго и другихъ знатныхъ чиновъ назначены были на казнь, или въ ссылку. Правда, опечаливало число, но утѣшалъ предѣлъ, и уже не столько сожалѣли о томъ, что столь многiе погибаютъ, сколько радовались, что прочiе свободились отъ страха. При всемъ томъ соболѣзновали о нѣкоторыхъ, кои назначены къ смерти, хотя сами оставались въ безопасности, что они новоизобрѣтеннымъ родомъ смерти жизнь скончать долженствовали; ибо нѣкоторые изъ оныхъ безъ меча (7) растерзаны руками. Безчеловѣчнѣе человѣкъ человѣка живаго, нежели звѣри трупъ поверженной, терзалъ. Другiе по выколотiи глазъ (8) и по отсѣченiи членовъ, въ толикихъ мученiяхъ долговременно жить, или лучше сказать, долговременно умирать принуждены были. Цѣлые города (9), такъ какъ одинъ виноватый, убиваемы были. Сiе дѣлалось въ мирѣ, по окончанiи войны, не съ тѣмъ, дабы имѣть чрезъ то способъ къ полученiю побѣды, но чтобъ не была въ презрѣнiи полученная побѣда. Миръ съ войною о жестокости препирался, и побѣдилъ; ибо война поразила вооруженныхъ, а миръ обнаженныхъ. На войнѣ дѣлаемо было, дабы убиваемый, ежели можетъ, самъ поражалъ; а въ мирѣ дабы тотъ, который въ живыхъ остался, живъ не былъ, но дабы умирая не противился.

Глава

Глава двадесять седьмая.

О сравненiи нападенiя Готөскаго съ тѣми пораженiями, которыя Римляне какъ отъ Галловъ, такъ и домашнихъ междоусобiй претерпѣли.

Какое неистовство внѣшнихъ народовъ, какое свирѣпство варваровъ съ сими надъ гражданами побѣдами сравниться можетъ? Что Римъ печальнѣе, плачевнѣе и горестнѣе сихъ видѣлъ? Галловъ ли въ древности, или недавнешнее Готөовъ нападенiе, или Марiя и Силлы и другихъ единомышленниковъ ихъ, знаменитыхъ мужей, какъ бы своихъ свѣтилъ, противъ своихъ членовъ жестокость, которая несравненно чувствительнѣе была для Римлянъ? Галлы правда всѣхъ побили Сенаторовъ, сколько ихъ захватили въ городѣ, выключая тѣхъ, кои въ Капитолiи находились, которая одна тогда защищена, напротивъ находящимся въ оной за золото продали жизнь и даровали, которую хотя не оружiемъ, то по крайней мѣрѣ осадою могли отнять. Готөы же столь многихъ Сенаторовъ пощадили, что удивляться должно, что они нѣкоторыхъ убили. А Силла, когда еще Марiй въ живыхъ находился, побѣдителемъ будучи, засѣдалъ въ Капитолiи, которая отъ Галловъ была оставлена въ безопасности, и опредѣлялъ смертныя гражданамъ казни. И когда Марiй изъ города бѣжалъ, намѣреваясь съ большимъ свирѣпствомъ возвратиться, тогда Силла въ Ка-

Капитоліи съ приговору Сенатскаго многихъ жизни и имѣнія лишилъ. Съ стороны же Маріевой въ небытность Силлы не было ничего наисвятѣйшаго, что было бы пощажено, когда Муція гражданина, Сенатора, первосвященника, жертвенникъ, гдѣ говорятъ заключались судьбы Римлянъ, жалостными объятіями объемлющаго, не пощадили. Силлинъ же списокъ послѣдній, уже оставляя другія безчисленныя казни, множайшихъ умертвилъ Сенаторовъ, нежели сколько могли обнажить Готѳы.

Глава двадесять осьмая.

О непрерывности браней, которыя предварили пришествіе Христово.

И такъ съ какимъ безстыдствомъ, съ какимъ малоразсудствомъ, или лучше сказать безуміемъ оныхъ злоключеній богамъ своимъ не приписываютъ, а нынѣшняго виною Христа почитаютъ! Жестокія войны гражданскія, всѣхъ браней непріятельскихъ, по признанію самыхъ ихъ писателей, горестнѣйшія, которыя, начавшись гораздо прежде пришествія Христова, не только въ прискорбное состояніе республику привели, но и совсѣмъ истребили; которыя, произшедши отъ связи беззаконныхъ винъ, продолжались отъ войны Маріевой и Силлиной до войны Серторіевой (1) и Катилининой (2), изъ коихъ одинъ былъ во изгнаніе, или ссылку отъ Силлы сосланъ,

сланъ, другій былъ защищаемъ; потомъ до Лепидовой и Катулловой (3) войны, изъ коихъ одинъ предпріятія Силлины пресѣчь желалъ, другой пособствовать онымъ старался; послѣ того до войны Помпеевой и Кесаревой (4), изъ коихъ Помпей былъ единомышленникомъ Силлинымъ, и съ силою его или равнялся, или и превосходилъ въ оной. Кесарь же могущества Помпеева (5) терпѣть не могъ; но понеже самъ таковаго не имѣлъ, то получилъ оное по убіеніи его, и не только получилъ, но и превозшелъ. Отсюда простерлась даже до Кесаря (6), которой Августомъ послѣ прозванъ, во время царствованія котораго родился Христосъ; ибо и самый Августъ со многими войны имѣлъ градскія, во время коихъ многіе знаменитые (7) мужи погибли, между коими и Цицеронъ (8) краснорѣчивый и искусный въ правленіи республики. Ибо Помпеева побѣдителя Кайя Кесаря (9), который врагамъ своимъ и жизнь даровалъ и достоинство, какъ бы стремящагося къ достиженію самодержавства, нѣкоторые Сенаторы, учинивъ заговоръ подъ видомъ защищенія вольности республики, въ самой Ратушѣ убили. Сего полномочія послѣ того силился достигнуть нравами совсѣмъ различный и пороками своими обезславленный Антоній, которому, защищая вольность той же республики, сильно противился Цицеронъ. Тогда появился (10) чудныхъ дарованій юноша, Кесаря онаго Кайя пріемышъ, который, какъ я ска-

 залъ,

валЪ, послѣ того названЪ Августомъ. Сего юношу Кесаря, дабы усилить его полномощество противЪ Антонія, ЦицеронЪ пособствовалЪ, надѣяся, что по отнятіи у Антонія власти, Кесарь возобновитЪ республики вольность. Толь-то былЪ слѣпЪ (11) и непроницателенЪ вЪ разсужденіи будущаго, что тотЪ же самый юноша, котораго онЪ помоществовалЪ достоинству и силѣ, и самаго Цицерона, какЪ бы подЪ условіемЪ нѣкоего между собою союза, позволилЪ умертвить Антонію, и самую республики вольность, которую ЦицеронЪ сильно защищалЪ, своей власти покорилЪ.

Глава двадесять девятая.

О томЪ, сЪ коликимЪ безстыдствомЪ настоящія нещастія Христу приписываютЪ тѣ, коимЪ не позволяется боговЪ почитать, когда толь великія бѣдствія вЪ тѣ времена были, вЪ которыя они боговЪ почитали.

И такЪ должны обвинять боговЪ своихЪ вЪ толикихЪ злощастіяхЪ тѣ, которые неблагодарными являютЪ себя Христу за толикое благодѣяніе. Ибо подлинно, когда оныя бѣдствія древнія сокрушали РимлянЪ, тогда курились жертвенники СавскимЪ (1) ѳиміамомЪ, сіяли жречества, блистали кумирницы, приносимы были жертвы, производились игры и неистовства вЪ храмахЪ, когда вездѣ толикое множество крови не только внѣ Рима, но и при самыхЪ жертвенникахЪ проливаемо было.

было. Не могъ себѣ выбрать храма (2) Туллій, куда бы убѣжать; понеже безполезно избралъ себѣ Муцій. Сіи же несравненно недостойнѣе Христіянскія времена поносятъ, которыя или въ мѣста, Христу посвященныя, ушли, или чтобъ остаться имъ въ живыхъ, варварами въ оныя отведены были. То одно знаю, и всякъ, кто безпристрастно разсуждаетъ, признается, что дабы оставить прочее упомянутое и другое безчисленное, о чемъ упоминать за продолжительное я почелъ; ежели бы родъ человѣческій принялъ Христіянское ученіе прежде браней съ Карѳагенцами, и послѣдовало бы таковое опустошеніе, которое раззорило Европу и Африку: то не осталось бы ни одного, которой бы равно Христіянскому благочестію оныхъ бѣдствій не приписалъ, какъ нынѣ дѣлаютъ. Кольми паче не можно бы множества поношеній вмѣстить слухомъ отъ Римлянъ, ежели бы благочестія Христіянскаго принятіе и распространеніе предварило или нападеніе Галловъ, или разливъ Тибра рѣки, и пожары, или градскія войны. Приключались также и другія злоключенія, столь невѣроятныя, что почтены между чудесами, которыя ежели бы приключились въ Христіянскія времена, то не инаково, какъ вмѣсто злодѣянія Христіянамъ предложенобъ было. Я уже оставляю то, что болѣе въ себѣ заключало удивленія, нежели вреда, какъ то на примѣръ, что волы говорили (3); что младенцы, почти не произшедши изъ утробы

 мате-

матерей своихъ, произносили нѣкоторыя слова; что лѣтали зміи (4); что куры (5) и изъ людей женщины въ мужеской родъ превращались, и прочее таковое, которое описывается въ книгахъ ихъ не баснословныхъ, но историческихъ, которое хотябъ справедливо было, хотя ложно, не наводитъ погибели людямъ, а только одно изумленіе. Но когда вмѣсто дождя падала земля (6), мѣлъ (7), камни (8), не градъ, которой иногда камнями называютъ, но дѣйствительно камнями, которое всегда подлинно великій вредъ причинить могло. Читаемъ также у ихъ писателей, что огнемъ горы Этны (9), на подобіе рѣки текущимъ съ самой вершины горы до брега морскаго, толь воскипѣло море, что сожигало камни и смола кораблей растоплялась. Мнѣ кажется сіе немалой вредъ причинило, хотя до невѣроятности чудно. Пишутъ также, что отъ сего огня (10) пепеломъ наполнена была Сицилія столько, что города Катина (11), или Катана, кровли, обремененныя онымъ, пали. Симъ тронуты будучи Римляне бѣдствіемъ, изъ человѣколюбія подати жителямъ онаго города на годъ (12) оставили. Равно повѣствуютъ, что безмѣрное множество саранчи (13) было въ Африкѣ, когда она уже состояла подъ державою Римскою, которая, пожравъ всѣ плоды и листы древъ, на подобіе непроницаемой тучи вѣтромъ въ море была ввержена. А какъ оную мертвую прибило волнами къ брегамъ, то отъ согни-

тія

тія оной толикая произошла зараза, что въ одномъ Масиниссиномъ государствѣ (14) восемь сотъ тысячь (15) умерло, а еще и того болѣе въ странахъ, ближайшихъ къ берегамъ. Въ тоже время въ Утикѣ изъ тритцати тысячь (16) мужей, которые тамъ находились, десять только осталось. Таковое все, чѣмъ насъ поносятъ и противъ чего мы принуждены отвѣтствовать, какимъ образомъ они не приписали бы того Христіянскимъ временамъ, ежели бы оное приключилось въ Христіянскіе вѣки? При всемъ томъ своимъ богамъ того не приписываютъ, которыхъ для того почитаютъ, дабы никакихъ бѣдствій и злощастій и самыхъ малѣйшихъ не претерпѣвать, когда напротивъ почитая ихъ прежде, толь ужасныя бѣды пострадали.

Конецъ книги третіей о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, третію.

На главу первую.

(1) И нѣкоторыхъ, внѣ онаго народа жившихъ. Какъ-то Іовъ и нѣкоторые язычники, по закону природному жизнь препровождающіе.

На главу вторую.

(1) Пріаму говорятъ. Виргилій въ первой книгѣ земледѣл. Весьма уже давно кровію нашею заплатили за преступленіе Троянскаго Лаомедонта.

(2) Слѣдовательно справедливо то, что Аполлинъ. Аполлинъ и Нептунъ когда увидѣли, что Лаомедонтъ, Фригійскій Царь, стѣною ограждалъ Трою, то нанялись и сами работать у него за великую сумму злата. Однако по совершеніи работы Лаомедонтъ денегъ имъ не заплатилъ.

(3) Ибо Омиръ. Когда Еней на нѣкоторомъ сраженіи съ Ахиллесомъ на поединкѣ былъ, и немного недоставало, дабы убиту ему быть отъ сильнѣйшаго Ахиллеса: то Нептунъ такъ говоритъ у Омира въ Иліадахъ: Сего отъ горькой нынѣ избавимъ мы смерти, и проч. дабы не погибъ весь родъ

и

и проч. Ибо какъ Юпитеръ родъ Пріамовъ возненавидѣлъ, то Еней, въ разсужденіи своей силы и величества почтенія достойный, предпишетъ Фригіянамъ права, и вѣчное пріиметъ царство, въ ономъ народѣ древнее. По силѣ сихъ Омировыхъ стиховъ пишетъ Діонисій Аликарнасскій, что многіе увѣряютъ, аки бы Еней, оставивъ одноземцовъ своихъ въ Италіи, возвратился во Фригію, и тамъ возобновивъ паки Трою, царствовалъ, и при смерти своей сыну своему вручилъ царство. Однако Омиръ о царствѣ и Троѣ Италіянской говоритъ, которая отъ Трои оной Фригійской произошла, то есть о Лавинцахъ и Албанцахъ, кои произошли отъ Троянъ, Енеевыхъ спутниковъ.

(4) Прежде основанія Рима. Какъ о времени основанія Рима, такъ и о времени бытія Омирова, между писателями великое есть несогласіе, хотя о самомъ Римѣ меньше сомнѣнія. Плутархъ въ Ромулѣ пишетъ, что основаніе Рима положено Ремомъ и Ромуломъ въ третіе лѣто шестой Олимпіады, въ которой день было затмѣніе лунное. Діонисій и Евсевій увѣряютъ, что основанъ Римъ въ первомъ году седьмой Олимпіады, по раззореніи Трои въ четыреста тритцать второмъ году. Солинъ въ Полигисторѣ ссылается на Цинція, которой утверждаетъ, что Римъ построенъ во время второйнадесять Олимпіады. Пикторъ напротивъ во время осьмой. Непотъ и Луктацій, послѣдуя мнѣнію Ерато-

тосфена и Аполлодора, повѣствуютъ, что основанъ Римъ на второмъ году седьмой Олимпіады. Помпоній Аттикъ и М. Туллій свидѣтельствуютъ, что на третьемъ году седьмой Олимпіады. Сличивъ такимъ образомъ Греческое и Латинское численіе, явствуетъ, что Римъ построенъ въ началѣ седьмой Олимпіады, по раззореніи Илія, или Трои на четыреста тритцать третьемъ году. О Омировыхъ же временахъ, отечествѣ и родителяхъ великое разногласіе въ Греческихъ авторахъ. Нѣкоторые пишутъ, что онъ самъ былъ на войнѣ Троянской. Правда, онъ въ первой книгѣ Одіа вводитъ учителя своего Фемія, поющаго на пиру Прокоровъ; но сіе можетъ быть не изъ тщеславія ли, ради прославленія своего учителя, не наблюдая порядочнаго численія лѣтъ. Иные утверждаютъ, что онъ послѣ раззоренія Трои жилъ спустя сто лѣтъ. Есть и такіе, кои къ симъ лѣтамъ еще пятьдесятъ прилагаютъ. Аристархъ сказываетъ, что Омиръ жилъ въ то время, когда въ Іоніи построена Колонія, по отшествіи Ираклидянъ на шестьдесятомъ году, а отъ войны Троянской на сто тритцатомъ году. Кратесъ увѣряетъ, что не прошло осмидесяти лѣтъ отъ раззоренія Трои, какъ Омиръ родился. Другіе повѣствуютъ, что онъ родился отъ Телемака, Улиссова сына, и Поликасты, Несторовой дочери. Въ книгахъ же Хроническихъ Евсевія, Кесарійскаго Епископа, пишется такимъ образомъ: въ Латинскихъ исторіяхъ

ріяхЪ находимЪ, что во время царствованія у ЛатинЪ Агристы ОмирЪ процвѣталЪ вЪ Греціи, какЪ свидѣтельствуетЪ АполлодорЪ грамматикЪ и Евфарбій историкЪ, до построенія Рима за сто дватцать четыре года, и какЪ Корнилій НепотЪ пишетЪ, до Олимпіады первой за сто лѣтЪ. И такЪ какое счисленіе ни взять, при всемЪ томЪ ОмирЪ Рима будетЪ древнѣе, что и ЦицеронЪ признаваетЪ вЪ ТускулянскихЪ вопросахЪ.

(5) АхилЪ его не умертвилЪ. У Виргилія вЪ пятой книгѣ ЕнеидЪ: Енея я тогда, сразившагося сЪ АхилломЪ, когда и боги кЪ нему благоволенія не являли, и когда онЪ силЪ столько не имѣлЪ, восхитилЪ облакомЪ, и пр.

(6) Нептуна. СЪ тѣхЪ порЪ, какЪ Нептуну ЛаомедонтЪ не заплатилЪ за работу, враждовалЪ онЪ на ТроянЪ. АполлинЪ же снисходительнѣе кЪ нимЪ былЪ, какЪ Виргилій вЪ шестой книгѣ ЕнеидЪ говоритЪ: ФебЪ! ты всегда соболѣзновалЪ о ТроянахЪ, который устроилЪ руки и управилЪ стрѣлы вЪ тѣло Ахиллово.

На главу третію.

(1) ПрелюбодѣйствомЪ ПарисовымЪ. Сіе всѣмЪ я думаю и слѣпымЪ извѣстно; ибо всякЪ знаетЪ, что война Троянская произошла отЪ того, что АлександрЪ ПарисЪ Елену, Менелаеву жену, похитилЪ.

(2) ГородЪ РимЪ. ВЪ которое время и кѣмЪ построенЪ РимЪ, о томЪ Діонисій, Солинъ,

линъ, Плутархъ и другіе многіе весьма различное предлагаютъ. Пускай всякъ изъ нихъ познаетъ, естьли пространнѣе знать хощетъ.

(3) Понеже Енеева мать. Венерины посредства употребилъ Парисъ въ похищеніи Елены; ибо симъ Венера подкупила Париса въ судѣ, когда богини спорили между собою, которая изъ нихъ прекраснѣе, и въ которомъ судьею былъ Парисъ.

(4) Родился Еней. Ибо онъ былъ Анхиза и Венеры сынъ, какъ Виргилій говоритъ: Ты ли оный Еней, котораго Дарданскому Анхизу благосклонная Венера родила близъ Фригійскихъ Симоента водъ? И Лукреці: Енеадовъ родительница, людей и боговъ утѣха и удовольствіе, благосклонная Венера.

(5) Вулканова. Онъ былъ мужъ Венеринъ.

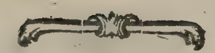
(6) Ромулъ Марсовъ. Діонисій Аликарнасскій пишетъ, что когда Илія, Весталъская дѣвица, близъ рощи Марсовой черпала воду, тогда въ храмѣ тамъ изнасилована. Находятся такіе писатели, кои думаютъ, что сіе учинилъ какой либо Силвинъ, или Иліинъ любовникъ. Другіе подозрѣваютъ дядю Силвіина Амулія, который, вооруженъ будучи, оное учинилъ. Иные присвояютъ Геніусу того мѣста. А я съ своей стороны думаю, что Ромулъ есть сынъ какого либо солдата, и Еней вмѣсто Венеры есть сынъ какой либо блудницы. И поелику думали всѣ, что воинами обладаетъ Марсъ, а блудницами Венера, то и почтено, что Ромуловъ отецъ есть

Марсъ,

МарсЪ, а Енеева мать Венера. Кто же прямая мать Енеева, сей вопросЪ есть изЪ числа безумныхЪ вопросовЪ грамматическихЪ, о которыхЪ разбираетЪ вЪ своихЪ четырехЪ тысящахЪ книгЪ ДидимЪ, какЪ пишетЪ Сенека.

(7) ВенерѢ по своему праву. Скрытная, но забавная насмѢшка. МарсЪ прелюбодѢяніе учинилЪ сЪ Венерою, и сіе позволительнымЪ было Марсу по праву Венерину, то есть вЪ разсужденіи совокупленія и сладострастія, находящагося во власти Венериной: то для чегожЪ непозволеннымЪ будетЪ почитаться вЪ самомЪ сладострастіи и удовольствіи самой ВенерѢ, которая надЪ оными есть богиня? Ежели другимЪ по благодѢянію Венеры позволяется оное, то для чего самой ВенерѢ вЪ сладострастномЪ ея царствѢ не позволено было бы обращаться столь вольно, какЪ и другимЪ вЪ томЪ, что состоитЪ подЪ областію Венеры, да еще и надЪ самою Венерою?

(8) Цезарь. Сей отЪ рода былЪ ІуліевЪ, которой происхожденіе свое относилЪ кЪ Іулу, Енееву сыну, и чрезЪ Іула кЪ ВенерѢ. ІуліевЪ родЪ изЪ Албы долгой вЪ РимЪ отЪ Тулла Царя переведенЪ и между Патрикіями причтенЪ: того ради Цезарь ДиктаторЪ храмЪ ВенерѢ построилЪ, которой назвалЪ Венеры родительницы. Той же Цезарь у Транквилла: По матери, говоритЪ, я произшелЪ отЪ Царей, а по отцѢ отЪ безсмертныхЪ боговЪ. Ибо отЪ Анка Марція Цари Марціи, коимЪ име-



именемъ мать называлась, отъ Венеры Іуліи, которой фамиліи потомками мы.

(9) Бабка. Здѣсь слово сіе положено за всякую персону, которая родила, а не по порядку.

(о) Древнѣйшій Ромулъ. Древнѣйшимъ Ромулъ и младшимъ Цезарь называются по причинѣ временъ, въ которыя они жили, между коими протекло болѣе шести сотъ лѣтъ.

На главу четвертую.

(1) Ибо и сами древніе. Ежели какая Весталка легкое сдѣлаетъ преступленіе, то отъ великаго первосвященника наказываема была ранами. Естьлижъ цѣломудрія не сохранила и въ любодѣяніи обличена будетъ, тогда на одрѣ мертвенномъ выносима была къ воротамъ Коллинскимъ какъ мертвая, въ препровожденіи родственниковъ и знаемыхъ съ плачемъ, и жрецовъ, въ печальномъ видѣ и въ молчаніи идущихъ. Подлѣ оныхъ воротъ находится подземное мѣсто, или яма, въ которую по лѣстницамъ сходятъ: въ оную яму сводили дѣвицу, и потомъ отнимали лѣстницу, и заграждали крѣпко мѣсто со всѣхъ сторонъ. И дабы не показалось кому, что она уморена голодомъ, того ради хлѣба, молока и масла нѣсколько полагаемо было ей. По совершеніи того жрецы расходились по своимъ мѣстамъ, и въ тотъ день великая печаль чувствуема была въ городѣ, и въ велико́мъ

комЪ ужасЂ находились люди, особливо когда думали, что казнь Весталки великое предзнаменуетЪ бѣдствіе городу и всему государству. Что же есть Весталъская дѣвица, и что она дѣлать долженствовала, о томЪ какЪ другіе, такЪ особливо повѣствуетЪ Геллій пространно вЪ книгѣ первой ночей Аттическихъ.

(2) ПрелюбодѣицЪ же женЪ. Прежде Кесаря Августа никакого наказанія законами предписано не было прелюбодѣямЪ; ибо Клодія вЪ оскверненіи богини Доброй священнослуженія, а не вЪ прелюбодѣяніи обвиняли, чего конечно не пропустили бы вЪ обвиненіе представить его непріятели, ежели бы оное было важно и законами запрещено. АвгустЪ предписалЪ о томЪ законЪ, но не столь сЪ тяжкою казнью, какЪ у Іустиніана и вЪ пандектахЪ.

На главу пятую.

(1) Или сдѣлано оно по его повелѣнію. Находятся писатели, кои утверждаютЪ, что РемЪ убитЪ вЪ спорѣ о царствѣ. Когда народЪ раздѣлился на двѣ части, и каждая часть, одна Рема, другая Ромула ЦаремЪ поздравила: тогда дѣло дошло до оружія, обѣ стороны между собою сразились, и вЪ семЪ сраженіи или отЪ Ромула, или отЪ другаго кого либо убитЪ РемЪ, не извѣстно. Другіе множайшіе пишутЪ, что РемЪ убитЪ отЪ Фабія, Трибуна Ромулова, за то, что сЪ поношеніемЪ перескочилЪ чрезЪ низкія стѣны Рима, и сіе убійство сдѣ-

 лано

лано по повелѣнію Ромулову, которое дѣло Цицеронъ нечестивымъ и безчеловѣчнымъ называетъ. Ибо такимъ образомъ въ книгѣ третіей о должностяхъ пишетъ: но въ ономъ Царѣ, который построилъ Римъ, оное дѣйствіе не таково. Понеже видъ пользы побудилъ духъ его, которому когда за благо разсудилось полезнѣе одному царствовать, то брата своего убилъ. Презрѣлъ онъ въ семъ случаѣ и родство и людскость, дабы получить то, что полезнымъ казалось, хотя въ самой вещи таковымъ оно не было; однако видъ честности представилъ и вину невѣроятную и недовольную, что чрезъ стѣну перескочилъ. И такъ съ позволенія Квирина, или Ромула, *сказать*, согрѣшилъ.

(2) Преселились. Понеже изъ Трои сперва Енеемъ въ Лавиній, оттуда въ Албу Асканіемъ перенесены. Изъ Албы Ромуломъ съ согласія Нумитора Римлянамъ сообщены, потомъ Тулломъ совершенно въ Римъ перевезены.

На главу шестую.

(1) Междоусобныя Римлянъ брани все возмущали. По смерти Марія Цинна Валерія Флакка товарищемъ себѣ поставилъ, которому и Азію провинцію, коею тогда повелительно обладалъ Силла, препоручилъ, давъ ему два легеона войска. Сей Флаккъ какъ скупостію, которой въ разсужденіи войска нѣтъ хуже, такъ и другими своими пороками пришелъ въ ненависть у воиновъ, и отъ Фимбрія

посла

посла въ Никомидiи убитъ. Съ того времени по желанiю войска самъ Фимбрiя сталъ предводителемъ, и воевалъ съ Митридатомъ благополучно и удачливо, и мало самаго Митридата, осажденнаго въ Пергамѣ, не поймалъ. И когда въ Фригiю велъ свое войско, и узналъ, что жители Илiя держатъ сторону Силлы, коварствомъ вошелъ въ городъ, какъ пишетъ Аппiанъ, или силою взялъ городъ, какъ говоритъ Ливiй, и городъ и гражданъ варварски истребилъ, не щадя ниже самаго священнаго, спустя отъ перваго раззоренiя, чрезъ Грековъ бывшаго, тысячу и пятьдесятъ лѣтъ.

(2) Фимбрiя. Сей былъ пагубной дерзости человѣкъ, и ко всякому беззаконiю способный и готовый, который Красса убилъ, который на погребенiи Марiя Сцеволу, мужа добродѣтельнаго, потщился уязвить; и какъ почувствовалъ, что не глубоко въ тѣло вонзилось желѣзо, тогда къ суду велѣлъ ему явиться. А какъ всѣ тому удивлялись, что первосвященникъ великiй лучшаго изъ всего города мужа обвиняетъ, и желали слышать преступленiе: тогда Фимбрiя сказалъ, что онъ тѣмъ виноватъ, что не все оружiе въ него вонзилось, какъ говоритъ Цицеронъ въ рѣчи за Росцiя Америна.

(3) Безчеловѣчнѣе. Аппiанъ пишетъ въ Митридатской войнѣ, что на другой день, какъ сожженъ Илiй, Фимбрiя самъ своими главами осматривалъ все тщательно, не осталось ли чего въ цѣлости, дабы и то разрушить и

сожечь. Такимъ образомъ не осталось въ Иліи ни дому, ни храма, ни ваянія, или кумира.

(4) *Лучшей стороне.* Саллюстій говоритъ: на нашей памяти победитель Силла, когда Дамазиппа и другихъ подобныхъ людей, которые зло затевали противъ республики, умертвить повелелъ, то кто онаго не похвалялъ? Все говорили, что преступники, бунтовщики, которые возмущеніями республику безпокоили, достойно умерщвлены. Но сіе было началомъ великой пагубы. И прежде Силла, получивъ оружіемъ республику, изъ хорошихъ начатковъ худыя имелъ окончанія. Сего здесь Августинъ касается.

(·) *По сожженіи.* Аппіанъ и Іулій Обсеквенсъ пишутъ, что Палладинъ кумиръ найденъ невреждённымъ после онаго пожара. Сервій въ изъясненіи второй книги Энеид. говоритъ, что оной кумиръ показанъ отъ Фимбріи и въ Римъ привезенъ. Я крайне удивляюсь, естьли сей кумиръ Палладинъ есть тотъ самой древній Троянскій, которой, сказываютъ, привезенъ Энеемъ въ Италію съ прочими великими богами, и по раззореніи Албы поставленъ Остиліемъ Царемъ въ храме Весты, который когда загорелся, тогда Метеллъ, первосвященникъ великій, кумиръ Палладинъ изъ пламени исхитилъ, за что ему великая честь отдаваема была. Сіе же приключилось почти при начале мира съ Карѳагенцами, по окончаніи первой войны съ оными, за сто и пятьдесятъ летъ и более до Фимбріи. При

томъ

томъ и оное извѣстно, что Лакедемонцы вѣрили, что у нихъ кумиръ Троянскій Палладинъ близъ храма Левциппидовъ находится, который Темонъ нѣкоторый, обманувъ одного изъ потомковъ Діомидовыхъ, похитилъ и привезъ въ Лакедемонъ, которой сохранить Лакедемонянамъ оракуломъ повелѣно было. Но сей кумиръ Палладинъ есть тотъ, какъ мы выше сказали, который Улиссъ и Діомидъ во время Троянской войны похитили. Сервій пишетъ, что многіе Палладины кумиры подобные сдѣланы Мамурріемъ рѣщикомъ, дабы прямой не былъ познанъ; но я не сомнѣваюсь, что Сервій ошибкою оное написалъ, и вмѣсто щита положилъ кумиръ Палладинъ.

На главу осьмую.

(1) Янусовы врата. Янусъ былъ богъ, котораго въ храмѣ отворенныя двери означали войну, а затворенныя миръ. Оный храмъ построенъ былъ Нумою Помпиліемъ при нижнемъ Аргилетѣ въ знакъ войны съ Сабинцами, на которой когда Римляне уступать было уже начинали, тогда великая вода, оною дверью истекши, Римлянамъ учинила помощь. Того ради уставлено, дабы двери Янусовы были отворяемы во время войны, аки бы для полученія помощи. Макровій въ книгѣ первой Сатурновыхъ праздниковъ. Оную дверь первый тотъ, который построилъ, затворилъ. Во вторыхъ Манлій по окончаніи первой войны съ Карѳагенцами; втретьихъ Октавій Августъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ первой.

(2) Истиннаго Бога. Для того-то Христосъ, Спаситель нашъ, таковой миръ своимъ ученикамъ даруетъ, котораго міръ дать не можетъ.

(3) Одинъ. Ежели вѣрить непослѣднему историку Евтропію, то во время Консульства Манлія Торквата и Каія Аттилія, когда они торжествовали надъ Сардійцами по успокоеніи непріятелей на сухомъ пути и морѣ, Янусовъ храмъ затворили, который, спустя нѣсколько мѣсяцовъ, при Консулахъ Постуміѣ, Албинѣ и Фулвіѣ Центиманѣ, или какъ другіе говорятъ, Сп. Карбиліѣ, во время войны съ Илліріанами паки отворили.

На главу девятую.

(1) Имя въ государствѣ. Такъ Іустинъ въ первой книгѣ, такъ Иродотъ и Плиній. Сіе уставлено сперва у Египтянъ, у коихъ, какъ сказываютъ, первый Царь былъ Менесъ, хотя Діодоръ пишетъ, что прежде его царствовали Озиридъ и Оръ и другіе нѣкоторые боги. Наше Священное Писаніе повѣствуетъ, что царствовалъ первый въ Вавилонѣ Нимвродъ сынъ Хусовъ.

(2) Развращенныя времена. Пять вѣковъ Изіодъ вымыслилъ, и въ томъ ему послѣдовали Виргилій, Овидій и прочіе стихотворцы. Первый, сказываютъ, былъ вѣкъ золотой при Сатурнѣ, безъ раздоровъ, безъ жалобъ и безъ браней протекалъ съ великимъ согласіемъ человѣческаго рода. Сіи времена называются Са-

Сатурновыми. Другой вѣкъ сребряный при Юпитерѣ, когда возникать начали войны, заботы, лукавства и ненависти. Третій вѣкъ мѣдный, когда родъ человѣческій отвсюду безпокоенъ былъ войнами и кровопролитіемъ. Четвертой вѣкъ ироевъ, полубоговъ, коихъ сердца хотя къ правдѣ расположены были, однако неистовствомъ къ бранямъ пламенѣли. Пятый желѣзный, въ которомъ злу нѣтъ мѣръ, которое какъ бы вырвавшись изъ темницъ, народъ человѣческій устремилось, явные обманы, откровенныя ненависти, кровопролитныя сраженія, убійства, хищенія, пожары, опустошенія.

На главу десятую.

(1) Царя Аристоника. Сей Аполлиновъ плачь приключился во время Консульства Аппія Клавдія и Перпенны, какъ Юлій Обсеквенсъ повѣствуетъ въ останкѣ книги своей о чудесахъ. Ибо онъ такъ пишетъ: при Консулахъ Аппіѣ Клавдіѣ и Перпеннѣ, когда Публій Крассъ, сражаясь съ Аристоникомъ, убитъ, Аполлиновъ кумиръ чрезъ четыре дни плакалъ. Гадатели о томъ обьявили, что Греціи бѣдствіе приключиться имѣетъ, откуда сей кумиръ взятъ. Римляне для того жертвы оному принесли и дары въ храмѣ положили. Плачь кумировъ всегда плача достойное предвѣщалъ тѣмъ, коимъ благотворили боги, какъ-то за плачемъ Юнонинымъ, при Емиліѣ Павлѣ и Вебіи Консулахъ бывшимъ, послѣдовало моровое повѣтріе.

(2) Аполлинъ оный Куманскій. Атталъ, Азіатскій Царь, народъ Римскій наслѣдникомъ царства своего поставилъ; однако оное царство Аристоникъ, Евменеса Атталова брата сынъ, отъ наложницы рожденной, себѣ захватилъ. Того ради Римляне объявили ему войну. Послачъ изъ Рима противъ его Ликиній Крассъ Консулъ и первосвященникъ великій, который и побѣжденъ Аристоникомъ. На другой годъ Перпенна Консулъ въ Азію вошелъ, и побѣдивъ на сраженіи Аристоника, наконецъ въ Стратоникѣ поймалъ и послалъ въ Римъ. Въ то время Римлянамъ услугу дѣлали Никомидъ Виѳинской, Пилименъ Пафлагонской, Цари; а Аристонику доброхотствовала Ахаія.

(3) Съ Антіохомъ. Сирскаго Царя, котораго Корнилій Сципіонъ, братъ Африканскаго, побѣдилъ. Ливій о томъ повѣствуетъ пространно въ десяткѣ четвертомъ.

(4) И Персомъ. Иные говорятъ Ксеркса, однако справедливѣе Перса, Филиппа Македонскаго Царя сына, котораго въ нѣсколько часовъ побѣдилъ Емилій Павелъ во время второй Македонской войны, какъ повѣствуетъ Плутархъ въ житіи Емилія Павла, и другіе.

(5) Понеже Кумы. Халцидяне и Кумеи, какъ пишетъ Страбонъ въ книгѣ пятой, суть народы великой Греціи, которые въ древности съ великимъ флотомъ приплыли въ Италію, и приставъ къ берегу Кампаній-

скому,

скому, городѣ построили. Предводителями у нихъ были: у Кумейцовъ Иппоилъ, у Халцидянъ Мегасѳенъ. О семъ городѣ утверждаетъ Страбонъ, что онъ всѣхъ Италіанскихъ и Сицилійскихъ городовъ древнѣе.

На главу первуюнадесять.

(1) Поелику Царь Тарквиній. Тарквиній не Прискъ, но Гордый, какъ Ливій въ книгѣ первой пишетъ.

(2) Эскулапій. Во время войны Самнитской изъ Эпидавра въ Римъ Квинтомъ Огольніемъ посломъ привезенъ былъ змій какъ бы кроткій, и переплылъ на островъ Тибрской, гдѣ ему и храмъ построенъ и праздновать оному назначено перваго числа Января. Эпидавръ же, которой прежде Эпитавромъ назывался, какъ пишетъ Страбонъ, городъ былъ въ Ахаіи не далеко отъ Коринѳа на восточномъ берегу, которой Саронитскимъ называетъ Плиній знаменитый по причинѣ храма, въ честь Эскулапію построеннаго.

(3) Какъ искуснѣйшій лѣкарь. Эскулапіевъ было три, какъ пишетъ Цицеронъ: первой Аполлиновъ сынъ, коего Аркадяне почитаютъ; второй втораго Меркурія братъ, который громомъ убитъ; третій Арсипповъ и Арсиноинъ сынъ, который первый изобрѣлъ способъ очищать желудокъ и вырывать зубы, котораго въ Аркадіи не далеко отъ Лузія рѣки гробница и роща показываема бываетъ. О Эскулапіѣ семъ знаменитомъ

Тар-

Тарквидій, о славныхЪ мужахЪ говоря, пишетЪ, какЪ объявляетЪ Лактанцій, что онЪ отЪ неизвѣстныхЪ произшелЪ родителей, по рожденіи былЪ брошенЪ, и охотниками найденЪ, воспитанЪ псовымЪ молокомЪ, отданЪ Хирону вЪ наученіе врачебной наукѣ, и что былЪ родомЪ изЪ Миссены, но жилЪ вЪ Эпидаврѣ. Корнилій КельсЪ пишетЪ, что онЪ включенЪ вЪ число боговЪ, когда врачебную науку тончае изЪяснилЪ.

(4) Не знаю откуда. Подлый былЪ ея родЪ, какЪ и брата Сатурна; ибо увѣряютЪ, что она была Опа, и для того дѣтьми Неба почтены, понеже происхожденіе ихЪ не было извѣстно, когда наипаче они великими и удивленія достойными народу казались. ВсѣхЪ же таковыхЪ непросвѣщенный народЪ и невѣжественный сЪ неба снисшедшими почитаетЪ.

(5) Который много лѣтЪ спустя. Богопочитаніе Египетское вЪ РимЪ введено во времена Силлины, какЪ объявляетЪ Апулій вЪ превращеніи, то есть спустя сто лѣтЪ отЪ того времени, какЪ мать боговЪ вЪ РимЪ привезена. Но Консулы, ПизонЪ и Габиній, обнародованнымЪ указомЪ повелѣли, дабы оныхЪ боговЪ не вводить вЪ Капитолію, хотя вЪ послѣдующія времена оное и уничтожено, какЪ говоритЪ ТертулліанЪ вЪ Апологетикѣ.

(6) Богиню Лихорадку. ВЪ другихЪ спискахЪ пишется, что богЪ ФебруусЪ отЪ нея родился. Но сіе несходственно; ибо ФебруусЪ

есть

есть тожЪ, что и ПлутонЪ, которому вЪ ФевралѢ (Februo) священнослуженiе отправляемо было.

(7) Эскулапiй. Забавная насмѢшка; ибо Эскулапiй есть врачь.

(8) ПравнукЪ. Понеже АполлиновЪ сынЪ, а АполлинЪ ЮпитеровЪ, ЮпитерЪ же ОпинЪ.

(9) ПриродныхЪ РимскихЪ. И вЪ семЪ заключается забавная насмѢшка; понеже Римляне богиню Лихорадку выдумали.

(10) НевѢдомыхЪ. Находятся такiе боги, о божествѢ коихЪ не извѢстно, каковы-то суть Паны, Силваны, Нимфы, какЪ Овидiй пишетЪ словами Юпитеровыми: есть у меня полубоги, есть деревенскiе боги Фавны и Нимфы и Сатиры, и нагорныхЪ мѢстЪ обитатели Силваны, коихЪ поелику не удостоиваемЪ той чести, дабы имЪ жить на небѢ, то оставимЪ ихЪ сЪ покоемЪ на землѢ, которую мы имЪ дали. Овидiй вЪ первой книгѢ превращенiй. Таковыми богами суть и ИпполитЪ, и Корибанты, и АттисЪ, и Саббазiй, о коихЪ божествѢ сомнѢвается ЛуканЪ.

На главу вторуюнадесять.

(1) Уже по смерти Цесаревой дочери. Юлiя, единородная дочь Цесарева, выдана была вЪ замужство за Помпея; она скончалась родами, когда отецЪ ея воевалЪ вЪ Галлiи. ПотомЪ тесть сЪ зятемЪ между собою воевали.

(2) По ЕмаѳiйскимЪ. Емаѳiею называлась прежде Македонiя, какЪ пишетЪ Плинiй вЪ

книгѢ

книгѣ третіей. Вѣ оной Помпей и Цесарь между собою сражались.

(3) За кого богамѣ дѣлать обѣты. Овидій вѣ третіей книгѣ праздниковѣ о Сабинцахѣ: когда вѣ толсевности кѣ сраженію были Римляне и Сабинцы, Марсѣ такимѣ образомѣ говоритѣ: сходятся новобрачные кѣ Юнонину храму, коимѣ такѣ моя осмѣлилась сказать невѣстка: о равно похищенныя! и проч. Стоятѣ войска сѣ обѣихѣ сторонѣ, но за которыхѣ мы должны просить боговѣ, изберите. Сѣ одной стороны стоятѣ мужья, сѣ другой вооруженные отцы; и такѣ скажите, чѣмѣ вы наипаче быть желаете, вдовами ли, или сиротами?

(4) Алекто. Три Фуріи, Алекто, Тизифона и Мегера, Ахеронта и Ночи были дочери. Алекто гнѣвѣ, ненависть, возмущенія, смятенія, раздоры, войны, убійства вѣ родѣ человѣческомѣ возбуждаетѣ. Сію противѣ Троянѣ поощряла Юнона, какѣ Виргилій вѣ седьмой книгѣ Энеид. пишетѣ.

(5) Андромаха. Гекторова жена, Тиціона, Ѳивѣ Киликійскихѣ Царя, дочь. Сію, по раззореніи Трои, вѣ замужство взялѣ Пиррѣ, Ахилловѣ сынѣ.

(6) Отворивѣ. Вѣ тогдашнее время Коммендантомѣ былѣ вѣ Римѣ Сп. Тарпей. Сего дочь дѣвицу Тарпею великими обѣщаніями на свою сторону склонилѣ Тацій, Царь Сабинской, дабы она, когда пойдетѣ за водою, впустила вооруженныхѣ воиновѣ вѣ крѣпость. Она обѣ-

обѣщала оное сдѣлать съ тѣмъ, чтобъ они ей въ награжденіе отдали все то, что на лѣвыхъ рукахъ носили. Договоръ сей принялъ Царь. И какъ скоро она воиновъ впустила, то они щитами своими ее заметали и задавили; ибо Сабинцы щиты на лѣвыхъ рукахъ носили, а она въ условіи намѣревала получить отъ всѣхъ золотыя запястья, которыя они на лѣвыхъ рукахъ носили. Плутархъ пишетъ, что сіе приключилось отъ Албанцовъ, а не отъ Сабинцовъ; однако я лучше послѣдую Латинскимъ писателямъ, Ливію, Фабію, Пизону, Цинцію, а изъ Грековъ Діонисію.

(7) На самой площади. Между холмами Капитолинскимъ и Палатинскимъ сраженіе имѣли.

(8) Помрачали прежнія. Не о Сабинскихъ побѣдахъ здѣсь говоритъ, но о Цининійскихъ, Крустуминскихъ и Антеннатскихъ.

(9) Просилъ Юпитера, чтобы онъ его воиновъ остановилъ. Ливій въ книгѣ первой пишетъ Ромуловы слова, произносимыя во время бѣгства его войска: а ты, отецъ боговъ и людей! по крайней мѣрѣ хотя отсюда отдали непріятелей; отъими страхъ отъ Римлянъ и мерзское сіе бѣгство останови. Я обѣщаюсь, что тебѣ на семъ мѣстѣ воздвигну храмъ Юпитеру Стоятелю, дабы потомки знали, что твоею помощію спасенъ градъ.

(10) Остановителя. Отъ (Stando, или Stantes faciendo) того, что стоящими дѣлаетъ и возстановляетъ. Цицеронъ Юпитера сего хранитe-

нителемъ государства часто называетъ, думаю потому, что храмъ его не далеко стоялъ отъ его дому. Святый Іеронимъ говоритъ, что Юпитеръ Стоятелемъ не по тому называется, что прямо стоитъ, но что Юпитеръ Гремящій, какъ примѣтилъ Ермолай варваръ, изображается сидящимъ на древнихъ монетахъ и ваяніяхъ, Стоятелемъ же какъ бы воздвигнутымъ къ поданію помощи. Сенека въ четвертой книгѣ о благодѣяніяхъ вышшую даетъ вину, для чего Юпитеръ называется Стоятелемъ; не по тому, говоритъ, что по обѣтахъ, сдѣланныхъ ему, какъ историки пишутъ, бѣгущая Римская армія остановилась, но по тому, что благодѣяніемъ его все состоитъ. Подобно и Цицеронъ. Но оба стоически пишутъ; ибо у Цицерона Катонъ Стоикъ въ третьей книгѣ о концахъ говоритъ и разсуждаетъ; Стоики же извѣстно все къ вышшему разумѣнію относили.

(11) Конца тому злу. Посреди сраженія похищенныя растрепавъ волосы между обѣими странами вбѣгли, и съ одной стороны мужей, съ другой отцовъ прошеніями и слезами къ согласію привели. Такимъ образомъ учинилась мировая, и Сабинцы допущены въ Римъ и Тацій въ часть государства Римскаго.

(12) Соцарственника. Лаврентяне Тита Тація въ Лавинѣ убили, четыре года спустя отъ того времени, какъ онъ началъ царствовать съ Ромуломъ, за то, что родственники его обезчестили пословъ, присланныхъ

отъ

отъ нихъ. Сіе извѣстіе Ромулъ съ великою радостію принялъ.

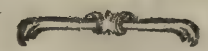
На главу третіюнадесять.

(1) Въ Азіи Киръ. Кировъ двое было: старшій, о которомъ здѣсь рѣчь, который Азію, Скиѳію и весь востокъ покорилъ, въ которое время Тарквиній Гордый царствовалъ въ Римѣ. Киръ Креза Мидскаго Царя побѣдилъ, наконецъ отъ Ѳомиры, Скиѳской Царицы, побѣжденъ, пойманъ и убитъ, которая повелѣла отсѣченную его главу въ мѣхъ, наполненный кровію человѣческою, положить, дабы онъ насытился кровію человѣческою, какъ пишутъ о томъ Плутархъ, Страбонъ, Трогъ, Иродотъ и другіе многіе Греческіе писатели. Другой Киръ былъ младшій, котораго походы писалъ Ксенофонтъ.

(2) Въ воздаяніе побѣды. Ливій въ книгѣ первой о войнѣ Віентской пишетъ: когда Метій Албанскій съ войскомъ ни той, ни другой не держалъ стороны, и не помогалъ Туллу Римскому Царю: то Туллъ Метія повелѣлъ, привязавъ къ четыремъ конямъ, разорвать на части, городъ же Албу раззорить и Албанцовъ въ Римъ переселить.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Строгость. Діонисій въ книгѣ второй пишетъ, что Сенаторы Ромула на части раздробили, и каждой часть подъ одеждою скрылъ, дабы навсегда было то неизвѣстнымъ,



стнымЪ. ТакимЪ-то образомЪ не могЪ народЪ узнать, какЪ скончался РомулЪ.

(2) Непросвѣщенный народЪ. Прежде, нежели философы показали вину затмѣнія солнца и луны, когда оныя приключались, или великаго злодѣянія боялись, или смерти планетЪ, сей страхЪ не только обладалЪ невѣждами, но и учеными, какЪ-то СтезихоромЪ и ПиндаромЪ стихотворцами.

(3) Буря и вихрь. Ливій говоритЪ: недавно поднялось ненастье сЪ великимЪ трескомЪ и громомЪ.

(4) О Туллѣ. О немЪ пишутЪ нѣкоторые, что онЪ сЪ домомЪ сожженЪ отЪ молніи. А другіе увѣряютЪ, что домЪ его зажженЪ АнкомЪ Марціемъ, *который послѣ того ЦаремЪ былЪ.*

(5) ПрискЪ Тарквиній. Пятый Римскій Царь, Демарата Коринѳскаго сынЪ, пастухами убитЪ, которыхЪ подговорили дѣти Анка Марція. ПреемникомЪ ему былЪ Сервій Туллій зять его, человѣкЪ великій и вЪ мирныхЪ дѣлахЪ и вЪ войнѣ, который многими знаменитыми и полезными установленіями РимЪ украсилЪ и обогатилЪ. ОнЪ убитЪ стараніемЪ Тарквинія Гордаго. Тарквиній кЪ гражданамЪ былЪ жестокЪ, вЪ воинскихЪ дѣлахЪ искусенЪ.

(6) Капитолію. На СатурновомЪ холму, который послѣ нареченЪ ТарпейскимЪ, Юпитеру Царю благому и великому построилЪ.

(7) Изъ царства изгнали. Онъ изгнанъ Брутомъ, Коллатиномъ, Лукреціемъ, Валеріемъ,Ораціемъ и прочими, какъ по причинѣ прежде бывшихъ многихъ отъ него обидъ, такъ особливо за новоучиненное сыномъ его Секстомъ прелюбодѣяніе и насиліе Лукреціи. Тарквиній тогда осаждалъ городъ Ардею, когда народъ лишилъ его царства; когда же онъ приближался къ Риму, тогда посредствомъ Брутовымъ отступили отъ него полки; ибо Брутъ другою къ арміи прибѣгъ дорогою, и оную возмутилъ.

(8) Въ городѣ Тускулѣ. Болѣе писателей согласуется, что онъ умеръ въ Кумахъ у Аристодема тиранна, имѣя отъ роду почти девяносто лѣтъ, хотя я прекословить не могу, что онъ сперва жилъ въ Тускулѣ нѣсколько лѣтъ у своего зятя, Октавія Мамилія, покуда Мамилій не былъ убитъ отъ Ерминія посла на славномъ ономъ сраженіи близъ озера Регилла. И такъ уповательно забылъ толь малую вещь, которая не имѣетъ такой важности, что инаково повѣствуется.

(9) Гетулійскому городу. Гетулія часть есть Африки, недалеко отъ пустыни необитаемой, какъ Помпоній Мела пишетъ. О Гетулахъ такимъ образомъ Саллюстій въ войн. Югуртин. Африкою сперва владѣли Гетулы грубые, которые питались звѣриными мясами и пажитью скотскою. Они ни обычаями, ни законами, ни властію управляемы

не были, бродили вездѣ, и гдѣ ночь застигала, имѣли ночлегъ.

На главу пятуюнадесять.

(1) *Лукреці́й.* Первой годъ, въ который Консулы поставлены, имѣлъ пятерыхъ Консуловъ, изъ коихъ первые были Брутъ и Коллатинъ, потомъ, по отрѣшеніи Коллатина, поставленъ Валерій Публикола, по смерти Брутовой на войнѣ Валерій *Лукреція*, *Лукреціина* отца, поставилъ, который когда умеръ отъ болѣзни, то поставленъ Орацій Пулвиллъ.

На главу шестуюнадесять.

(1) *Когда нѣкоторые сильные люди.* Простолюдимы, которые, или ненавидя дворянства, или желая въ народѣ пріобрѣсть славу, возмущали республику, дабы умножить свое имѣніе; однако видъ показывали, что они за права и вольность общую стараются. Сильные же, отнимая много у народа и присовокупляя себѣ, говорили, что они честь Сената защищаютъ.

(2) Одропостланіе. Въ древности обѣдывали, сидя на постеляхъ. Почему когда ради утоленія гнѣва небесъ пріуготовляемъ былъ пиръ *для* боговъ, какъ бы имѣющихъ кушать, тогда постилаемы были одры. *Ливій* въ книгѣ пятой пишетъ, что когда зараза усилилась въ Римѣ не задолго до плѣненія Рима Галлами, изъ книгъ Сивиллинскихъ въ первый

разъ

разЪ одропостланія совершались чрезЪ восемь дней, пріуготовляя по три одра Аполлину, Латонѣ, Діанѣ, Ираклію, Меркурію и Нептуну. Но я не знаю, чѣмЪ бы можно было доказать, что сіе одропостланіе было первое, когда извѣстно, что вЪ играхЪ столѣтнихЪ, которыя представлялЪ Валерій Публикола КонсулЪ, товарищЪ БрутовЪ, одропостланія продолжались чрезЪ три ночи, какЪ читаемЪ у Валерія вЪ книгѣ второй, и у Ценсорина о днѣ рожденія.

(3) Отравами. Ливій вЪ книгѣ осьмой говоритЪ, что во время Консульства Клавдія Маркелла слѣдствіе впервые произошло обЪ отравахЪ, когда многіе знаменитые мужи, отравлены бывши отЪ женЪ, жизни лишились.

(4) ВоиновЪ. ОтЪ ГалловЪ, ТарентинцовЪ, СамнитянЪ, ЛуканцовЪ, БрутіевЪ, ЭтрусковЪ, наконецЪ отЪ Пирра, Этиротскаго Царя.

(5) ПиррЪ. ОнЪ по матери произшелЪ отЪ Ахилла, по отцу отЪ Ираклія. ОнЪ, когда вознамѣрился завладѣть цѣлымЪ свѣтомЪ, и отЪ ТарентинцовЪ призванЪ на помощь противЪ РимлянЪ, сЪ радостію на то согласился, надѣясь чрезЪ таковой случай овладѣть Италіею и всемЪ свѣтомЪ, какЪ прежде его удалось Александру.

(6) Сомнительный. ЦицеронЪ вЪ книгѣ о гадательствѣ говоритЪ, что сей стихЪ: сказываю я тебѣ, ПиррЪ, что можно тебѣ РимлянамЪ рога сперти: есть ЭнніевЪ; и потому продолжаетЪ ЦицеронЪ такЪ: но я

уже къ тебѣ обращаюсь святѣйшій Аполлинъ, и проч. твоими оракулами Хризиппъ наполнилъ цѣлую книгу, изъ коихъ нѣкоторые, какъ я думаю, частію справедливыми стали по случаю, какъ во всякой рѣчи бываетъ; частію темные и всюду наклоняемые, такъ что на толкователя требуется еще толкователь; частію сомнительные и болѣе къ діалектикѣ принадлежащіе.

(7) Въ которомъ однако сраженіи Пирръ взялъ верьхъ. Пирръ побѣдилъ Валерія Левина Консула подъ Иракліею, но съ великимъ своей арміи убыткомъ, такъ что отъ того пословица произошла: Ираклійская побѣда. Потомъ побѣжденъ и прогнанъ Куріемъ Дентатомъ и изъ Италіи выгнанъ.

(8) Между толикою погибелію. Все Августиномъ здѣсь предлагаемое взято изъ книги четвертой Орозіевой.

(9) Новая зараза. Орозій въ книгѣ четвертой пишетъ, что она приключилась предъ первою войною съ Карѳагенцами.

На главу седьмуюнадесять.

(1) Возобновлены. Начались оныя такимъ образомъ: Валезій, нѣкакой изъ Сабинцовъ, человѣкъ богатой изъ земледѣльцовъ, имѣя трехъ сыновъ въ заразительной болѣзни, когда предъ требищемъ своимъ домашнимъ молился богамъ съ тѣмъ, чтобъ сіе зло, толькобъ дѣти выздоровѣли, обращено было на его главу. Въ то время услышанъ былъ голосъ,

лосъ, что дѣти его будутъ здравы, ежели онъ ихъ повезетъ въ Терентъ, и тамъ, взявъ отъ жертвенника Плутонова и Прозерпинина воды, ихъ напоитъ. Отецъ хотя и не очень былъ доволенъ тѣмъ, что далеко ему ѣхать надлежало, однако изъ деревни своей отправился, и на другую ночь прибылъ Тибромъ къ полю Марсову. И когда не было на коравлѣ огня, то правитель корабля приказалъ итти въ Терентъ въ ближайшее мѣсто. Онъ, услышавъ имя Терента, и увѣрившись, что онъ достигъ того мѣста, куда его посылалъ оракулъ боговъ, нагрѣлъ воды и далъ пить своимъ дѣтямъ. Они, выпивъ воды и спасительнымъ сномъ уснувъ, совсѣмъ отъ болѣзни исцѣлились; почему, призвавъ къ себѣ отца, сказали, что они отъ боговъ получили помощь, и повелѣно имъ отъ боговъ, дабы они, заклавъ черныя жертвы, представили постланные одры и нощныя игры при жертвенникѣ Плутона и Прозерпины. Валезій, чрезмѣрно обрадовавшись, началъ въ тотъ самый день землю копать для построенія жертвенника; но нашедъ въ томъ мѣстѣ жертвенникъ въ землѣ, надписанный Плутону и Прозерпинѣ, тотчасъ приноситъ жертву, и три ночи сряду въ знакъ того, что три сына отъ болѣзни свободились, одры и игры представляетъ, и жертвенникъ засыпаетъ землею, какъ онъ былъ прежде. Сей жертвенникъ сдѣланъ былъ Римлянами по совершеніи жертвоприношенія преисподнимъ богамъ, Плу-

тону и Прозерпинѣ, когда имѣли сразиться съ Албанцами, которое построеніе жертвенника было по повелѣнію демона. Сей самой обычай ввелъ въ Римъ одинъ изъ потомковъ Валезіевыхъ, Валерій Публикола, въ первый годъ вольности гражданъ Римскихъ. Чрезъ три дни и три ночи народъ упражнялся при жертвенникахъ Юпитеровыхъ и Аполлиновыхъ, которымъ убиваемъ былъ бѣлой быкъ съ припѣваніемъ стиховъ отъ отроковъ и отроковицъ; потомъ при жертвенникахъ Юноныныхъ, которой тѣлица бѣлая также была жертвована. И сіе происходило днемъ, нощію же около жертвенниковъ Діаны, Прозерпины, Земли и Парковъ. Представляемы въ оное время были игры ѳеатральныя въ честь Аполлину и Діанѣ, и Цирценскія. И сіи толь великолѣпныя игры назывались столѣтними; понеже однажды во сто лѣтъ отправляемы были; или вѣковыми. Вѣкъ же различно писатели разумѣютъ: у Римлянъ вѣкъ почитался сто лѣтъ, какъ пишутъ Валерій Антій, и Варронъ, и Ливій въ книгѣ сто тритцать шестой; но изъ Комментарій пятнатцати мужей, и указа Кесаря Августа, и стиха Ораціева видно, что десять лѣтъ сверьхъ ста къ вѣку прилагается, такъ что игры сіи чрезъ сто десять лѣтъ отправляемы быть должны. Къ симъ играмъ провозвѣстникъ приглашалъ народъ, сказывая, что такія игры быть имѣютъ, коихъ прежде они не видывали и впредь не увидятъ. Отсюда-

да-то произошло Вителліево Клавдію, игры столѣтнія представляющему, ласкательство, который сказалъ: дай Богъ, дабы ты чаще оныя представлялъ, то есть нѣсколько сотъ лѣтъ жилъ. Первый сіи игры отправлялъ, какъ выше мы сказали, Валерій Публикола отъ построенія Рима на двѣсти сорокъ четвертомъ году. Второй разъ въ одиннатцатый годъ первой войны съ Карѳагенцами, отъ построенія Рима въ пять сотъ второмъ году, при Консульствѣ Клавдія Пулхра и Юнія Брута. Третій въ первый годъ третіей войны съ Карѳагенцами, во время Консульства Манлія и Марція Ценсорина. Четвертый въ надлежащее время при Консульствѣ Емилія Лепида и Аврелія Ореста. Въ пятый Августъ и Агриппа сдѣлали при Фурніѣ и Силланѣ Консулахъ; въ шестый Клавдій Кесарь прежде назначеннаго времени; въ седьмый Домитіанъ, въ осьмый въ надлежащее время Септимій Северъ, въ девятый Филиппъ Вострасій. Сіе о играхъ столѣтнихъ изъ Варрона, Валерія, Орація, Флора, Феста, Зосима, Иродіана, Светонія, Ценсорина, Кассіодора, Порфиріона, Акрона, Ангела Полиціана.

(2) Возобновили также первосвященники. Кажется по видимому хочетъ различить здѣсь Августинъ игры Плутоновы и Прозерпинины отъ столѣтнихъ, хотя всѣ ихъ одними признаваютъ. Развѣ можетъ быть раздѣляетъ Августинъ игры и священнослуженія

женія Плутона и Прозерпины, преисподнихъ боговъ, отъ игръ и священнослуженій другихъ боговъ, которые въ тѣ же дни отправляемы были. И поистиннѣ игры столѣтнія по видимому иное имѣли начало, нежели игры преисподнихъ боговъ; ибо Фестъ такимъ образомъ пишетъ: воловьи назывались игры въ честь боговъ преисподнихъ, уставленныя по видимому для сей причины, понеже во время царствованія Тарквинія Гордаго великая приключилась беременнымъ женамъ зараза, которая началась отъ говядины продажной давно битой; для чего игры наречены воловьими, которыя богамъ преисподнимъ посвящены. Присовокупить къ сему можно, что столѣтнія игры представляемы были днемъ Аполлину, ночью же Діанѣ, воловьи же богамъ преисподнимъ.

(3) Тибръ. О семъ пишетъ Орозій въ книгѣ четвертой.

(4) Пожаръ. Орозій тамъ же. Ливій въ книгѣ девятойнадесять, и Овидій въ книгѣ шестой праздниковъ.

(5) И храма Весты. Понеже въ немъ огнь хранимъ былъ и почитаемъ.

(6) Почтенными. Ибо честь имъ великая отдаваема была отъ всѣхъ; и когда жрица Весты шла путемъ, тогда всѣ вельможи и судіи путь ей давали, уклоняясь сами съ онаго.

(7) Отъ коихъ три. То есть Илій, Лавиній и Албу.

(8)

(8) Метелл первосвященник. Л. Цецилій Метелл, как сын его в надгробной рѣчи, в честь ему говоренной, объявляет, десять вещей, в коих мудрецы вѣк свой истощили, совершил. Он, говорит, тщился быть первѣйшим воином, изрядным витією, мужественным полководцем, и дабы великія дѣла с его приговору отправляемы были, дабы великую он имѣл честь, дабы был весьма благоразумным, главным Сенатором, дабы был крайнѣ богатым, пріобрѣтши богатство добрыми средствами; дабы многих имѣл дѣтей, и дабы был знаменитѣйшим в Римѣ, как пишет Плиній в книгѣ седьмой, в главѣ сорок третіей.

На главу осьмуюнадесять.

(1) По признанію тѣх. Ливій в предисл. третіяго десятка и Силій Итал. в книгѣ первой. Сіи два писателя пространно описывают войну с Карѳагенцами, для того исторіи я здѣсь предлагать не намѣрен.

(2) При Каннах. При Каннах Аннибал сильно поразил Римлян в третій год войны с Карѳагенцами, во время Консульства Л. Емилія Павла, и П. Теренція Варрона, как пишет Ливій в книгѣ 12. Канны, как думает Сабеллик в примѣчаніях, не есть город Каннузійской, но селеніе в Апуліи близь рѣки Ауфида, которое нынѣ попросту называют Каннеллою.

(3) Три четверика. Нѣкоторые писатели къ сему числу прилагаютъ еще полчетверика; а иные говорятъ, что былъ только одинъ четверикъ. И Ливій утверждаетъ, что сей слухъ вѣроятнѣйшій. Кольцо знакомъ было достоинства Кавалерскаго, которымъ оное отличалось отъ простаго народа; однако употребляли кольцы Сенаторы и дворянство. Плиній въ книгѣ тритцать третіей пишетъ, что во время второй войны съ Карѳагенцами безъ разбору въ Римѣ кольцы употребляли; ибо инаково не можнобъ было Аннибалу трехъ четвериковъ колецъ послать въ Карѳагенъ.

(4) Повинныхъ въ злодѣяніяхъ. Орозій въ книгѣ четвертой пишетъ, что сіе учинено Юніемъ Бубулкомъ Диктаторомъ по примѣру Ромулову, который злодѣямъ храмъ убѣжища отворилъ. Ливій въ книгѣ 23 говоритъ: Юній, сошедъ съ коня, сказалъ: изъ всѣхъ преступниковъ и за долги посажденныхъ въ темницы, кто въ военную службу вступитъ, то онъ того свободить повелитъ.

(5) Невольниковъ. Восемь тысячь невольниковъ дарованы свободою и записаны въ военную службу, и названы вольницею; потому что когда вопрошены были, хотятъ ли служить въ военной службѣ, отвѣчали, что хотятъ, какъ увѣряетъ Ливій.

(6) Составлять войско. Восемь тысячь невольниковъ и шесть тысячь преступниковъ, которыхъ вооружилъ изъ корыстей, полученныхъ отъ Галловъ.

(7)

(7) Чтобъ не обидѣть. Хотя не были они, прежде нежели побѣдили Аннона при Беневентѣ, вольностію пожалованы, однако предводитель арміи Грахъ, съ коимъ они храбро воевали противъ Карѳагенцовъ, даровалъ ихъ наконецъ вольностію.

На главу девятуюнадесять.

(1) Погибель Сагунтинцовъ. Ливій въ книгѣ дватцать первой пишетъ: Сагунтъ есть городъ Испанскій, разстояніемъ отъ моря на тысячу шаговъ, построенный Закинѳянами и Ардеатами, какъ говоритъ Силій, которые народы прежде раззоренія Илія въ Испанію пришли. Знаменитъ сей городъ по причинѣ вѣрности къ Римлянамъ, и въ разсужденіи своей погибели. Полибій въ книгѣ третіей своихъ исторій повѣствуетъ, что оный городъ всѣ прочіе города и обиліемъ земныхъ плодовъ, и числомъ гражданъ, и мужествомъ и искусствомъ въ военныхъ дѣлахъ превосходилъ. Сей городъ паче иныхъ ненавидѣлъ Аннибалъ; понеже оный, надѣясь на Римлянъ, великія обиды дѣлалъ союзникамъ Карѳагенцовъ въ Испаніи; за что въ отмщеніе Аннибалъ на оный войною напалъ, дабы чрезъ сей случай можно ему было обратить оружіе свое на Римлянъ.

(2) Естьли боги. Ливій въ книгѣ дватцать шестой пишетъ, что когда подъ стѣнами Рима стоялъ Аннибалъ, имѣя начать съ Римлянами сраженіе, и въ возмездіе за то полу-

получить РимЪ, тогда возстала великая буря, которая обѣ арміи отЪ сраженія удержала. А какЪ скоро Карѳагенцы вЪ лагери, а Римляне ушли вЪ городЪ, тогда внезапная появилась паки тишина и ведро. ТожЪ случилось и вЪ слѣдующій день, когда обѣ арміи паки намѣревали сразиться, и стояли, ожидая знака и повелѣнія. Тогда АннибалЪ почелЪ сіе за нѣчто божественное, какЪ будто бы онЪ отЪ боговЪ удерживаемЪ былЪ; чего для арміи своей отступить повелѣлЪ отЪ Рима, и обЪявилЪ походЪ назадЪ.

На главу двадесятую.

(i) Что МитридатЪ. Первый МитридатЪ изЪ роду былЪ оныхЪ седьми ПерсовЪ, отнявшихЪ государство у волхвовЪ. Ему былЪ врагомЪ АнтигонЪ, Царь Сирской, которой и выгналЪ его вЪ Иппадокію, гдѣ онЪ послѣ того царствовалЪ, и царство оставилЪ дѣтямЪ, а оныя по порядку своимЪ дѣтямЪ до самаго шестаго внука. Шестой былЪ МитридатЪ, который войну имѣлЪ сЪ Римлянами, мужЪ, имѣющій удивительную силу, который равно мужественнымЪ одаренЪ былЪ духомЪ и разумомЪ великимЪ; двенатцатью конями вдругЪ управлять могЪ, и дватцать два діалекта зналЪ, за что и названЪ великимЪ. ОнЪ былЪ прежде союзникомЪ Римскому народу; ибо противЪ Аристоника РимлянамЪ послалЪ помощь, у которыхЪ предводительствовалЪ арміею КрассЪ. ПотомЪ по начатіи войны сЪ

Ни-

Никодимомъ, Виѳинійскимъ Царемъ, изъ союзниковъ народа Римскаго изключенъ, за что онъ войною напалъ на Фригію, провинцію Римскую, гдѣ посланника Римскаго Аквилія и Проконсула Оппія посадилъ въ темницу, и послалъ указы по всему своему государству всѣмъ Губернаторамъ, дабы они въ назначенный отъ него день всѣхъ Римлянъ, въ его государствѣ находящихся, умертвили, не смотря ни на достоинство, ни на возрастъ, ни на полъ, ни на мѣсто, въ которое бы кто убѣжалъ, что самое, какъ онъ повелѣлъ, исполнено было.

На главу двадесять первую.

(1) Войны союзныя. Отъ Латинцовъ началось возмущеніе, которые въ празднество Латинское вознамѣрились на горѣ Албанской Кесаря и Филиппа Консуловъ убить. И такъ объявили войну Пиценты, за ними послѣдовали Вестинцы, Марсы, Латинцы, Пелигны, Маруцины, Луканцы, Самнитяне, при Консулахъ Юліѣ Кесарѣ и Марціѣ Филиппѣ, отъ построенія Рима на шесть сотъ шестьдесятъ второмъ году, и щастіе на разныя стороны переходило. Наконецъ различными полководцами Италіянскіе народы покорены. Повѣсть сія описана различными историками: Ливіемъ, Флоромъ, Плутархомъ, Орозіемъ, Веллеемъ, Аппіаномъ.

(2) Служащіе употребленію человѣческому. Орозій въ книгѣ пятой и Юлій Обсеквенсъ о

семъ

семъ времени пишетъ такъ: домашнія животныя большія въ такое пришли бѣшенство, что убивая своихъ хозяевъ, представляли непріятельскую войну, и плачемъ своимъ предзнаменовали хозяевамъ великое бѣдствіе.

На главу двадесять вторую.

(1) Граховъ. О Грахахъ говорено на другомъ мѣстѣ. Старшій изъ нихъ былъ Тиверій, меньшій Кай. Тиверій за девять лѣтъ прежде Каія убитъ. Повѣсть сія всѣмъ извѣстна, и рѣдкой писатель не упоминаетъ объ оной; прочіе же всѣ, Плутархъ, Аппіанъ, Валерій, Цицеронъ, Орозій, Саллюстій, Флоръ и другіе.

(2) Убилъ Граха. Грахъ когда увидѣлъ, что его войско сбито Консуломъ съ мѣста, ушелъ въ рощу Фуринскую. Опимій Консулъ приказалъ провозвѣстнику всѣмъ объявить, что ежели кто Грахову голову къ нему принесетъ, то столько ему золота дано будетъ, сколько вѣсу будетъ въ головѣ. Почему Септимулей Анагнинъ, пріятель Граховъ, тайно въ рощу пришедъ, и много съ Грахомъ разговаривая, наконецъ поразилъ его кинжаломъ, когда онъ о томъ и не помышлялъ, и отсѣкъ ему голову. А чтобъ больше взять въ награжденіе золота, то онъ вмѣсто мозгу налилъ въ голову свинцу. Притомъ знать должно, что Опимій Консуломъ былъ съ Фабіемъ Максимомъ, Павловымъ внукомъ, Граховымъ родственникомъ.

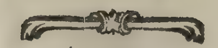
(3)

(3) Фулвій. За пять лѣтъ до того былъ Консуломъ съ М. Плавтіемъ.

На главу двадесять третію.

(2) На томъ самомъ мѣстѣ. Аппіанъ пишетъ, что оное было на площади. Тожъ Варронъ и Плутархъ. Викторъ полагаетъ на площади Римской, когда сраженіе происходило на горѣ Авентинской, хотя началось оно близь Капитоліи.

(2) Храмъ Согласія. Храмовъ Конкордіи въ Римѣ было много. Древнѣйшимъ считается тотъ, который построенъ Фуріемъ Камилломъ, о которомъ Овидій въ первой книгѣ праздн. я не знаю, не тотъ же ли онъ, которой посвятилъ Флавій, градскій строитель, на площади Вулмановой, къ великой зависти дворянства, при Консулахъ П. Сулпиціѣ и П. Семпроніѣ, какъ повѣствуетъ Ливій въ книгѣ девятой. Однако, думаю, что не тотъ. Другой, построенной Л. Манліемъ Преторомъ по причинѣ бунта воиновъ въ Галліи, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ двашцать второй и двашцать третьей. Третій на площади Римской, построенный Опиміемъ Консуломъ по истребленіи всѣхъ державшихся Граховъ стороны, гдѣ находится и храмъ, или божница Опиміева, какъ Варронъ пишетъ въ книгѣ третіей о языкѣ Латинскомъ. Четвертый, построенный Ливіею Августою, развѣ можетъ статься сей тотъ же есть, который построилъ Камиллъ; но по причинѣ той, что об-



обветшалъ, ею возобновленъ, о которомъ Овидій въ первой книгѣ Фест. или праздн. говоритъ и сказываетъ, что празднество въ немъ отправлялось пятагонадесять числа Января.

(3) Къ народу рѣчи говорятъ. То есть Трибуновъ и прочихъ, кои къ народу имѣли дѣло, дабы о Сенатѣ ничего поносительнаго не говорили, удержаны будучи примѣромъ Граховъ, въ память коихъ преступленія оной монументъ воздвиженъ.

(4) Раззоренія Трои. Когда на бракъ Пелея и Θетиды одна Дискордія приглашена не была, то есть несогласіе, тогда она, разгнѣвавшись на то, во время пира низпустила на столъ золотое яблоко, на которомъ было написано: пускай прекраснѣйшая возьметъ. Оттуда о красотѣ между Венерою, Минервою и Юноною произошелъ споръ, котораго когда собою онѣ рѣшить не могли, то пошли для разбирательства къ судьѣ Парису; а отъ онаго суда вся произошла бездна погибели Троянской.

На главу двадесять четвертую.

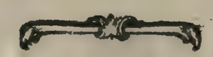
(1) Сатурнина. Апулій Сатурнинъ, Трибунъ народной, когда республику законами межевыми возмущалъ, дабы угодное Марію сдѣлать, отъ Марія, въ шестой разъ бывшаго Консула, и Валерія Флакка, коимъ Сенатъ препоручилъ оное наблюдать, дабы не вышло какого вреда республикѣ, убитъ.

(2)

(2) И Кайя Кесаря. Сіе слово, Кесарь, кѣмъ нибудь прибавлено; ибо въ древнихъ рукописныхъ только стоитъ К. Сервилій Главція Преторъ. Цицеронъ въ Брутѣ такъ говоритъ: послѣ бунтовщиковъ Граховыхъ Апулій Сатурнинъ краснорѣчивѣйшимъ казался. Онъ по большей части тѣлодвиженіемъ и одеждою привлекалъ къ себѣ народъ, нежели краснорѣчіемъ, или умѣреннымъ умомъ. Несравненно же хуждшимъ былъ К. Сервилій Главція; но человѣкъ острый и хитрый, а паче всего смѣха достойный. Но ежели бы кто сего назвалъ Кесаремъ, то немного погрѣшитъ, но время соотвѣтствовать не будетъ. Ибо сей, который былъ братъ Л. Кесарю, рѣчьми своими возбудилъ народъ Римскій, и онаго крайній раздоръ съ Сулпиціемъ, Трибуномъ народнымъ, виною былъ междоусобной войны Маріевой, какъ повѣствуетъ Педіанъ. Сего Кесаремъ Цицеронъ въ Брутѣ называетъ, и говоритъ, что онъ, будучи градостроителемъ, всякой день рѣчи къ народу сказывалъ.

(3) И много времени спустя. Надлежитъ читать, не много времени спустя, то есть семь лѣтъ; ибо столько времени прошло отъ Сатурнина Трибуна до Ливія Трибуна; то есть отъ Марія и Флакка Консуловъ до Консуловъ Флакка и Геренніа.

(4) М. Друза. М. Ливій Друзъ былъ человѣкъ знатнаго рода, способный и готовый къ сказыванію рѣчей, наинадмѣннѣйшій изъ



всѣхъ Римлянъ, котораго когда приказалъ къ себѣ позвать Сенатъ, тогда онъ повелѣлъ, дабы Сенатъ къ нему пришелъ, и Сенатъ тому повинулся. Его отца Сенатъ защитникомъ назвалъ.

(5) Война съ невольниками. Въ Сициліи отъ нѣкоего Эуна Сирянина, которой, притворивъ на себя нашедшее неистовство матери боговъ, собралъ шестьдесятъ тысячь человѣкъ, съ коими побѣдилъ четырехъ Преторовъ и обозъ съ лагерями отнялъ. Наконецъ Перпенна ихъ побѣдилъ. Не много спустя времени, Клеонъ Киликіянинъ взбунтовалъ съ невольниками въ ономъ островѣ, собралъ безчисленное множество войска, и какъ прежде, Преторы остались побѣжденными, у коихъ и обозъ отнятъ. Ихъ побѣдилъ послѣ того М. Аквилій. Въ Италіи наконецъ возникла война съ невольниками, которую затѣяли Спартакъ и Хризъ, кои съ семьюдесятью и четырьмя Гладіаторами ушли изъ Капуи, къ коимъ пристало наивеличайшее множество людей. Сіи П. Варена Претора, и Клавдія Пульхра посла, кои первые противъ ихъ высланы, побѣдили. Потомъ Хризъ съ своею шайкою К. Варіемъ Преторомъ побитъ. По немъ оставшійся Спартакъ удачливо воевалъ противъ Консула Лентула перваго, потомъ противъ Л. Геллія и К. Арія Претора, наконецъ противъ Кассія Проконсула, и Гнея Манлія Претора. Напослѣдокъ М. Крассомъ побѣжденъ и армія его вся истреблена.

(6)

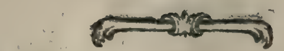
(6) Разбои. Киликійскіе разбойники когда море учинили непроходнымЪ, то посланЪ былЪ противЪ ихЪ П. Сервилій ПроконсулЪ, который ИсаврянЪ и другіе города ихЪ плѣнилЪ. Но какЪ скоро онЪ возвратился, то они сЪ большею силою возстали и прошли даже до Каеты, Миссены и Остіи кЪ великому страху и стыду РимлянЪ, и разграбляли все, что ни попадалось. Гней Помпей указомЪ Габиніевымъ полководцемЪ противЪ ихЪ поставленЪ бывши, вЪ сорокЪ дней со всего моря ихЪ согналЪ, какЪ пишетЪ Ливій вЪ книгѣ девяносто девятой, и ЦицеронЪ за законЪ ManиліевЪ, и Л. ФлорЪ, и другіе.

На главу двадесять пятую.

(1) ЦицеронЪ говоритЪ. Сіе говоритЪ ЦицеронЪ вЪ третьей рѣчи на Катилину.

(2) По убіеніи знаменитыхЪ мужей. Сколько убили Марій и Цинна, всего сказать не можно, довольно вЪ примѣрЪ сихЪ: Аттилія Серана, П. Лентула, Л. Красса, М. Антонія оратора, Гн. Октавія, Л. Корнилія, Мерулу, Фламина Діева, Л. Катулла, Ц. Аркарія, М. Бебія, Нумиторія, Сек. Ликинія.

(3) ГоворитЪ ЛуканЪ вЪ книгѣ второй. КЪ симЪ ужаснымЪ и безмѣрнымЪ пораженіямЪ приспѣлЪ отмститель Силла; онЪ остаточную кровь во градѣ истощилЪ, и какЪ непомѣрно гнилые члены отсѣкалЪ, то превзошло врачевство мѣру, и простерлась крайнѣ далеко рука, куда оную вела болѣзнь.



(4) Фимбрія. БылЪ Ц. нѣкоторый Фимбрія, котораго Веллей ФлавіемЪ называетЪ. ОнЪ держалЪ сторону Маріеву, и разорилЪ Трою. Другой Ц. Фимбрія былЪ, но Ликиній, который жилЪ во времена ГраховЪ и прожилЪ до браней междоусобныхЪ, во время коихЪ заколотЪ вЪ своемЪ домѣ, какЪ и Кесарь, по свидѣтельству Флора.

(5) Два Красса. ОтецЪ и сынЪ. Сына убили воины Фимбрія, сообщника Циннина; а отецЪ, дабы не попасться вЪ руки непріятелямЪ, самЪ себя умертвилЪ.

(6) Бебій. Сей мучителей руками, подобно какЪ звѣрскими когтьми, безЪ желѣза растерзанЪ, какЪ свидѣтельствуетЪ ЛуканЪ вЪ книгѣ второй.

(7) КатуллЪ. Л. Луктацій КатуллЪ товарищЪ былЪ МаріевЪ, когда онЪ вЪ четвертой разЪ былЪ КонсуломЪ во время войны Кимбрской, и оба они по побѣдѣ КимбровЪ торжествовали. За него когда весь СенатЪ Марія просилЪ, дабы его простилЪ и не повелѣлЪ умертвить, Марій болѣе ничего не отвѣтствовалЪ, кромѣ того, что умереть ему должно, о чемЪ когда спозналЪ КатуллЪ, то горячими углями себя умертвилЪ, при всемЪ томЪ не извѣстно, проглотивЪ ли нѣсколько углей, какЪ Порція, Брутова жена, или отЪ дыму вЪ заключенномЪ отвсюду покоѣ, которой подмазанЪ былЪ вновь мѣломЪ. Ибо и сіе есть смертоносно, ежели не будутЪ употреблены средства. Находятся же и такіе

писа-

писатели, кои увѣряютъ, что онъ, выпивъ яду, жизнь скончалъ, которымъ здѣсь последуетъ Августинъ.

(8) Мерула. Онъ въ храмѣ Юпитеровомъ подрѣзалъ себѣ жилы.

На главу двадесять шестую.

(1) Молодымъ Маріемъ. Сей былъ Марія старшаго сынъ, которой съ Гн. Карбономъ былъ Консуломъ. Онъ товарища своего Дамазиппа Претора принудилъ всѣхъ Патриціевъ, сколько ихъ ни было въ Римѣ, убить. И товарищъ оное тщательно исполнилъ; ибо, созвавъ оныхъ въ Сенатъ, какъ бы на совѣтъ, всѣхъ умертвилъ.

(2) Муцій Сцевола. Ливій въ книгѣ восемдесять седьмой по видимому означаетъ, также и Луканъ подобно съ нимъ въ книгѣ второй, аки бы Муцій Сцевола убитъ отъ Марія старшаго; однако другіе историки увѣряютъ, что умерщвленъ онъ отъ младшаго.

(3) И огнь оный. Сіе говоритъ Августинъ въ подражаніе Лукану, который пишетъ: но дряхлая старость мало излила изъ своей гортани крови, и не въ состояніи была погаситъ огня.

(4) Семь тысячь. Ливій повѣствуетъ, что восемь тысячь. Сочинитель же книги о мужахъ знаменитыхъ полагаетъ число убитыхъ девять тысячь.

(5) Покуда доложено было Силлѣ. Евтропій и Орозій пишутъ, что сіе сказано Силлѣ

К. Катулломъ, другіе Метелломъ юношею, который былъ Силлѣ родственникъ. Плутархъ же говоритъ, что сіе сказано Фуэидіемъ, ласкателемъ Силлинымъ.

(6) Списки. Реэстръ назначенныхъ въ ссылку, коимъ означалось извѣстное число, коихъ умертвить надлежитъ, дабы всякъ зналъ, жить ли ему, или умереть должно. Назначенныхъ въ изгнаніе позволялось всякому убивать, и имѣніе ихъ раздѣлялось на части: одна принадлежала Силлѣ, другая убійцѣ. Дѣтямъ убитаго, лишеннымъ наслѣдства, возбраняемо было просить о чинахъ закономъ Силлинымъ. Тогда первый таковый реэстръ назначенныхъ въ изгнаніе въ Римѣ былъ видѣнъ.

(7) Ибо нѣкоторые изъ оныхъ безъ меча. Сей былъ Бебій, Маріевой держащійся стороны; а тотъ, о которомъ мы выше сказали, былъ стороны Силлиной. Оба жизнь скончали одинаковою смертію; ибо сторона Силлина, дабы столь же безчеловѣчно отмстить Маріевой, тожъ Маріеву Бебію сдѣлала, что онымъ ихъ Бебію сдѣлано было. О обоихъ Бебіяхъ упоминаетъ Флоръ.

(8) По выколотіи глазъ. М. Марій Гратидіанъ, Ц. Марія родственникъ. Ему Катилина сперва переломалъ руки и ноги, потомъ отрѣзалъ уши и языкъ, послѣ того выколоъ глаза, наконецъ отсѣкъ голову.

(9) Цѣлые города. Сулмонъ, древній городъ, Силла повелѣлъ истребить, какъ повѣ-

вѣствуетъ Флоръ въ книгѣ третiей. Ливiй въ книгѣ восемдесять осьмой пишетъ, что Силла приказалъ всѣхъ гражданъ города Пренеста умертвить.

На главу двадесять осьмую.

(1) До войны Серторiевой. К. Серторiй Мирсинiй, при упадкѣ нерадѣнiемъ предводителей силъ Марiевыхъ, свое войско чрезъ трудныя и жестокiя мѣста перевелъ въ Испанiю, гдѣ противъ Силлиныхъ полководцовъ мужественно сражался; наконецъ измѣною своихъ за столомъ заколотъ по побѣдѣ, полученной надъ нимъ Помпеемъ великимъ.

(2) И Катилининой. Катилина былъ стороны Силлиной, котораго Силла употреблялъ орудiемъ въ убiенiи многихъ. Сей наконецъ со многими Патрицiями заговоръ учинилъ противъ отечества.

(3) Потомъ до Лепидовой и Катулловой. Во время Консульства М. Эмилiя Лепида и К. Луктацiя Катулла, Силла умеръ и погребенъ на полѣ Марсовомъ. Во время погребенiя произошелъ споръ между Консулами о утишенiи республики. Потомъ дошло до большаго раздору. Лепиду хотѣлось сосланныхъ въ ссылку Силлою возвратить въ отечество и отдать имъ все имѣнiе. Катуллъ съ Сенатомъ тому противорѣчилъ. Такимъ образомъ взялись обѣ стороны за оружiе, наконецъ происходило сраженiе, гдѣ побѣжденнымъ остался Лепидъ.

(4) Помпеевой и Кесаревой. Гн. Помпей великій, Гн. Помпей Страбона сынъ, Силлѣ, изъ Азіи возвращающемуся, вывелъ на встрѣчу три легеона, которые Силлѣ великую подали помощь къ побѣдѣ. Того ради его Силла между первыми другами имѣть и ему великія дѣла препоручать началъ, и чрезъ него остатки войны въ Сициліи, Африкѣ, Италіи и Испаніи окончилъ. Онъ торжествовалъ прежде, нежели стался Сенаторомъ. Морскихъ разбойниковъ съ великимъ щастіемъ и весьма скоро усмирилъ. Митридата и весь Востокъ побѣдилъ, и получилъ чрезъ то великое богатство и великую силу въ республикѣ. Потомъ воевалъ за республику противъ Кесаря; но побѣжденъ бывши, бѣжалъ къ Птоломею въ Египетъ, гдѣ отъ придворныхъ Египетскаго Царя убитъ, которые желали тѣмъ угодить Кесарю.

(5) Кесарь же могущества Помпеева. Юлій Кесарь былъ сынъ Луціевъ, котораго родственница вышла за мужъ за Марія. Сему Консулу Сенатъ препоручилъ провинцію Галлію на пять лѣтъ, по прошествіи коихъ еще пять лѣтъ ему прибавлены, по старанію Помпея и Красса Консуловъ, въ которыя десять лѣтъ Кесарь всю Галлію покорилъ. Но негодуя за то, что Помпей въ республикѣ большую имѣетъ силу, сыскалъ иныя вины вооружиться противъ отечества. По смерти Помпеевой Кесарь вѣчное диктаторство себѣ присвоилъ, и все въ республикѣ по изволенію сво-

своему дѣлалъ, на подобіе Царя. О сей войнѣ писали: самъ Кесарь въ комментаріяхъ, Плутархъ въ житіяхъ различныхъ, Аппіанъ въ войнахъ междоусобныхъ, Флоръ, Орозій, Евтропій и Цицеронъ на многихъ мѣстахъ яснѣе; понеже онъ въ оной войнѣ былъ не послѣднимъ.

(6) До Кесаря. Октавій сынъ былъ Гн. Октавія, Преторова сына, и Актіи. Актія же была дочь Актія Балба и Іуліи, сестры Кесаревой. Сего Октавія наслѣдникомъ Кесарь назначилъ, какъ Светоній пишетъ, которому и именоваться тѣмъ именемъ велѣлъ. Къ оному по убіеніи Кесаря многіе старые воины собрались, съ которыми онъ по наущенію Цицеронову сторону Сената защищалъ противъ Антонія еще въ юношествѣ, котораго и побѣдилъ, и принудилъ убѣжать въ Галлію къ Лепиду, съ которымъ онъ, возвратившись, по договору Тріумвиратство завелъ. Тріумвирами были Антоній, Лепидъ и Октавій Кесарь. Въ договорѣ было заключено, дабы Антоній позволилъ дядю своего Юлія Кесаря въ ссылку сослать; Лепидъ брата своего Луція, Октавій Цицерона, котораго вмѣсто отца почиталъ. Сіе требовано было Антоніемъ, которой посредствомъ Цицероновыхъ рѣчей врагомъ отечества отъ Сената признанъ. Изъ оныхъ трехъ знаменитыхъ мужей одинъ Цицеронъ отъ сообщниковъ Антоніевыхъ убитъ, другіе же избавились

бѣгствомъ. Воевалъ потомъ Октавій съ Кассіемъ и Брутомъ, товарищемъ Антоніевымъ, и оныхъ стараніемъ Антоніевымъ на поляхъ Филиппинскихъ побѣдилъ; потомъ съ Антоніемъ, Тріумвировымъ братомъ, котораго къ сдачѣ въ Перузіи принудилъ; послѣ того съ Помпеемъ великаго сыномъ, у котораго отнялъ флотъ; наконецъ съ Лепидомъ Тріумвиромъ, котораго лишилъ достоинства Тріумвирагства; а напослѣдокъ съ Антоніемъ Тріумвиромъ, котораго и побѣдилъ, и одинъ остался повелителемъ Римскаго народа. По окончаніи всѣхъ междоусобныхъ браней Августомъ отъ Валерія Мессалы именемъ всего Сената и народа Римскаго поздравленъ. Государствованія его на сорокъ четвертомъ году, а отъ построенія Рима семь сотъ пятдесятъ перваго, когда на землѣ и на морѣ была великая тишина и спокойствіе во всемъ свѣтѣ, родился въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ Іисусъ Христосъ, Творецъ и Начальникъ природы, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ.

(7) Многіе знаменитые. Тріумвиры несравненно множайшихъ всякаго пола и чина въ ссылку сослали, нежели Силла. Сихъ трехъ мужей Ювеналъ сатирическимъ образомъ Силлиными учениками называетъ, и объявляетъ, что они превзошли своего учителя въ искусствѣ ссылать людей въ ссылку.

(8) И Цицеронъ. Шестьдесятъ три года имѣя отъ роду, погибъ, какъ Ливій и Авфидій

дій Бассъ считаютъ, о смерти коего ежели кто желаетъ видѣть различныя мнѣнія, тотъ можетъ оныя читать у Сенеки въ книгѣ первой. Краснорѣчивымъ мастеромъ называетъ его Августинъ; понеже онъ языкъ имѣлъ вмѣсто руля въ управленіи республики, коимъ онъ дѣйствовалъ и управлялъ куда хотѣлъ.

(9) Кесаря. Брутъ, Кассій и другихъ до шестидесяти Сенаторовъ заговоръ противъ его учинили и въ Сенатѣ его кинжалами закололи.

(10) Тогда появился. Цицеронъ своею важностію и краснорѣчіемъ Кесаря Октавія юношу, Ирція и Панса Консуловъ противъ Антонія вооружилъ.

(11) Толь-то былъ слѣпъ. Довольно Цицерона Брутъ предостерегалъ, дабы онъ не усиливалъ Октавія и не довѣрялъ бы юношескому его разуму, хотя впрочемъ хорошему; ибо отъ безмѣрнаго щастія можетъ оный премѣниться и неистовствовать. Находятся важныя два письма Брутовы, одно къ Цицерону, другое къ Аттику, о семъ, которыя прямо мужественное и благоразумія наполненное сердце Брутово почти открываютъ, хотя я и Цицерона не могу назвать столь малосмысленнымъ, дабы онъ сего не предчувствовалъ, что и означаетъ онъ въ письмахъ къ своимъ пріятелямъ словами, отъ него употребляемыми: Кесаря Октавія выхвалять, украшать и превозносить должно. О семъ

упе-

упоминаетъ Веллей и Д. Брутъ въ нѣкоторомъ письмѣ къ Цицерону.

На главу двадесять девятую.

(1) Савскимъ. Савеи народы суть подлѣ Сиріи и Аравіи, у которыхъ родится ладанъ, какъ говоритъ Виргилій: изъ Индіи вывозятъ слоновую кость, а Савяне посылаютъ къ намъ свой ладанъ, или ѳиміамъ. Сервій Савянами называетъ потому, что мы ладаномъ боговъ почитаемъ.

(2) Выбрать храма. Скончался въ Форміанѣ своемъ, когда, стараясь переправиться чрезъ море къ Бруту, непогодою отбитъ былъ назадъ.

(3) *Волы говорили.* У историковъ весьма часто сіе упоминается, какъ-то во время брани второй съ Карѳагенцами, при Консулахъ Фабіѣ Максимѣ въ четвертый разъ, и Маркеллѣ въ третій, въ который годъ въ Сполетѣ женщина превратилась въ мущину, и въ Маруціи младенецъ во утробѣ матерней торжественнымъ гласомъ воскликнулъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ дватцать четвертой. Говорила корова во время войны Антіохійской: Римъ! остерегайся, или берегись. И во время междоусобной брани съ Антоніемъ волъ понуждающему его въ плугѣ къ работѣ сказалъ: что жита будетъ много, но ѣсть будетъ не кому, не будетъ людей. И въ другія времена весьма часто сіе было.

(4)

(4) *Летали зміи.* ВЪ степяхЪ ЛивійскихЪ летающихЪ змѣй великое множество, которыя, какЪ повѣетЪ вѣтрЪ АфрикЪ на поля Египетскія, великимЪ числомЪ не безЪ великаго вреда жителямЪ налетаютЪ. Для того то пишетЪ ЦицеронЪ: Ибиса они вмѣсто бога почитаютЪ, которая змѣй поядаетЪ. Тожь повѣствуетЪ и ИродотЪ вЪ Евтерпѣ.

(5) Куры. РодЪ перемѣнялся, изЪ женЪ становились мущины, изЪ мущинЪ женщины; изЪ курицЪ пѣтухи, изЪ пѣтуховЪ курицы.

(6) Земля. Земля вмѣсто дождя не рѣдко падала, какЪ свидѣтельствуютЪ историки: Ливій, Юлій ОбсеквенсЪ и другіе.

(7) МѣлЪ. При КонсулахЪ Метеллѣ и Туллiѣ Дидiѣ, какЪ пишетЪ Юлій ОбсеквенсЪ.

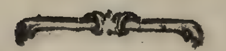
(8) Камни. И сіе не рѣдко случалось: вопервыхЪ по созданіи Рима при Туллѣ Остилiѣ Царѣ, которое и казалось невѣроятнымЪ; потомЪ столь многократно, что народЪ и удивляться тому пересталЪ; чего для и примѣры приводить за излишнее дѣло почитаю.

(9) Горы Этны. Этна гора вЪ Сициліи, посвященная Вулкану, которая пламень изрыгаетЪ отверстіемЪ, которое двадцать стадій обширности имѣетЪ. СолинЪ же утверждаетЪ, что оныхЪ отверстій два. Этною названа гора сія отЪ Этна, сына Бріарея Циклопа, или отЪ Этны, дочери Неба и Земли, которую иные Ѳаліею называютЪ, какЪ Сервій

вій говоритЪ. Сію гору описываетЪ Виргилій пространно стихами. Находятся и такіе писатели, кои присвояютЪ сіи стихи Овидію. Сенека же говоритЪ, что Овидій удержался описывать Этну, когда уже Виргилій оную описывалЪ. НѢкоторые думаютЪ, что сіи стихи Корнилія Севера. ОбилуетЪ сія гора пламенемЪ, для полей и жителей вредЪ великой причиняющимЪ. Что АвгустинЪ здѢсь предлагаетЪ, оное приключилось во время Консульства Гн. Сервилія Сципіона, и Лелія, также Сервія Флакка и Калпурнія, особливо же Емилія и Аврелія. ОбсеквенсЪ пишетЪ: *Этна гора сЪ вершины своей излила пламень, такЪ что до острова Липара море кипѢло, и зажегши нѢсколько кораблей, многихЪ мореплавателей умертвила. РыбЪ множество сожженныхЪ море послѢ того разметало, которыхЪ Липарскіе жители, обильно вЪ пищу употребляя, умирали, такЪ что новою заразою опустошались острова.* До сихЪ мѢстЪ Юлій ОбсеквенсЪ. Приключилось сіе не много прежде возмущенія Грахова. ПрилагаетЪ Орозій, что многіе симЪ пламенемЪ жизни лишились, прочіе же оставшіеся принуждены были, все имѢніе оставивЪ, бѢжать весьма далече.

(10) ОтЪ сего огня. Смотри Орозія вЪ книгѢ пятой, вЪ главѢ второйнадесять.

(11) Катина. Сей городЪ и Катина и Катана называется, хотя находится Катина



въ Испаніи и Аркадіи. Плиній къ книгѣ третіей говоритъ: гора Этна удивленія достойна въ разсужденіи ночныхъ пожаровъ; отверстіе оныя простирается обширностію до дватцати стадій, пепелъ горячій доходитъ даже до Тавромина и Катаны.

(12) На годъ. Орозій повѣствуетъ, что подать имъ оставлена, дабы съ нихъ не взыскивать оныя, на десять лѣтъ.

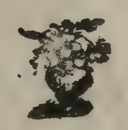
(13) Саранчи. Ливій въ книгѣ девятой, также Орозій, Евтропій, Юлій Обсеквенсъ пишутъ, что сіе приключилось прежде бунта Грахова, при Консулахъ Плавтѣ Испеѣ и Фулвіѣ Флаккѣ.

(14) Въ одномъ Масиниссиномъ государствѣ. Лучше сказать должно Миципсиномъ; ибо Масиниссы уже тогда не было въ живыхъ. Но можно сказать Масиниссиномъ; понеже оное народъ Римскій за заслуги далъ Масиниссѣ.

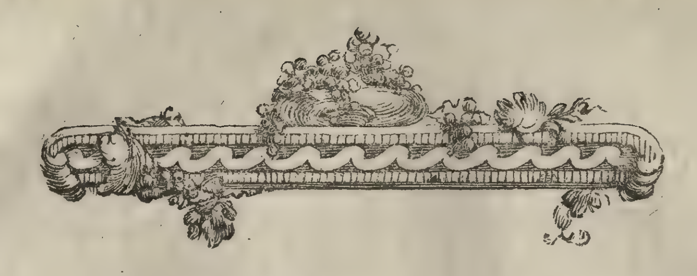
(15) Восемь сотъ тысячь. Такимъ образомъ пишетъ Орозій, которой и царство называетъ Миципсовымъ. Обсеквенсъ сказываетъ, что умерло всѣхъ восемь сотъ человѣкъ. Евтропій же такъ повѣствуетъ: во время которой заразы въ Нумидіи девять сотъ тысять человѣкъ, около Карѳагена двѣсти тысячь человѣкъ Римскихъ воиновъ, кои тамъ гарнизонъ составляли, тритцать тысячь человѣкъ умерло.

(16)

(16) Изъ тритцати тысячь. Въ древнихъ рукописныхъ книгахъ стоитъ въ семъ мѣстѣ: младшихъ, а не мужей, которое разумѣть должно о тѣхъ, кои оставлены были въ Утикѣ, какъ гарнизонъ Африканской.



БЛАЖЕН-



БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА IV.

Глава первая.

О томъ, что въ первой книгѣ говорено.

Предпринявъ говорить о градѣ Божіемъ, за благо разсудилъ отвѣтствовать прежде онаго врагамъ, которые, гоняясь за увеселеніями земными и стремясь за скоро преходящими вещами, все прискорбное имъ приключающееся, отъ милосердія Божія, ихъ призывающаго, а не жестоко наказующаго, происходящее, благочестію Христіянскому приписываютъ, которое единственно спасительнымъ есть и истиннымъ богопочитаніемъ. И какъ изъ нихъ многіе суть невѣжи и непросвѣщенные, которые примѣромъ ученыхъ ненавистію на насъ устремляются, думая, что приключившагося въ ихъ времена въ прежніе вѣки никогда не бывало. А понеже мнѣніе ихъ и

тѣ самые, которымъ ложность и неосновательность онаго извѣстна, дабы казалося другимъ, что они имѣютъ справедливую причину роптать противъ насъ, притворяясь незнающими, подкрѣпляютъ: то нужда требовала изъ ихъ писателей, которые о прошедшихъ временахъ исторіи намъ оставили, показать, что совсѣмъ тому было противное въ преждебывшіе вѣки, и изъяснить, что боги ложные, которыхъ они или явно почитали, или тайно нынѣ почитаютъ, суть нечистые духи и злотворные и лукавые демоны, столь, что или истинными, или вымышленными своими беззаконіями утѣшаются, которыя представлять въ праздники свои повелѣли, отъ коихъ немощь и слабость человѣческая отвлечена быть кажется, когда къ подражанію въ дѣланіи оныхъ какъ бы божественное предшествуетъ хотѣніе. Сіе не по догадкѣ нашей мы доказывали, но частію дѣйствій таковыхъ сами мы были очевидными свидѣтелями, которыя представляемы были богамъ частію изъ писанія тѣхъ, кои не въ поношеніе, но въ честь боговъ своихъ сіе написанное потомкамъ оставили, такъ что мужъ у нихъ наиученѣйшій Варронъ и важный, когда раздѣлилъ свои книги на книги о божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ, при всемъ томъ ѳеатральныя игры не въ числѣ человѣческихъ дѣлъ, но божественныхъ положилъ, которыя поистиннѣ, ежели бы въ городѣ какомъ либо находились всѣ люди добрые и че-

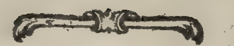
честные, то театральныя игры и между дѣлами человѣческими почитаемы быть не долженствовалибъ, которое онъ конечно не самъ собою учинилъ, но поелику онъ въ Римѣ будучи рожденъ и воспитанъ, нашелъ оныя между божественными почитаемыя дѣлами.

Глава вторая.

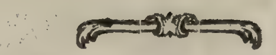
О томъ, что во второй и третіей книгѣ содержится.

И понеже на концѣ первой книги кратко воспомянули мы о томъ, что въ слѣдующихъ книгахъ говорить имѣли, и изъ того нѣсколько предложили въ двухъ слѣдующихъ книгахъ: теперь намѣреваемся на остальное отвѣтствовать. И такъ обѣщались мы нѣчто сказать противъ тѣхъ, которые бѣдствія Римской республики благочестію нашему приписываютъ, и упомянуть, какія, или сколь великія претерпѣлъ Римъ злоключенія, или провинціи, къ Риму принадлежащія, прежде нежели возбранены священнослуженія ихъ боговъ, которыя безъ сомнѣнія намъ приписали бы, ежели бы въ тогдашнія времена сіяло наше благочестіе и возбраняло бы имъ отъ проклятыхъ священнодѣйствъ. Сіе во второй и третіей книгѣ, какъ кажется, довольно мы разрѣшили; во второй книгѣ говоря о злѣ нравственномъ, которое единымъ и величайшимъ зломъ почитать должно; въ третіей же книгѣ о томъ, что безумные одни пре-

терпѣть страшатся, то есть скорби тѣлесной и лишенія внѣшнихъ вещей, которыя претерпѣваютъ и благонравные люди. Оное же зло не только терпѣливно, но и съ охотою принимаютъ, коимъ сами становятся злыми и развращенными. Но при всемъ томъ весьма мало я говорилъ о Римѣ и его государствѣ, и не все съ самаго начала до Августа Кесаря. Ежели бы я представить захотѣлъ и увеличить оное злощастіе, которое не люди взаимно другъ другу дѣлаютъ, но отъ самыхъ міра стихій на земли приключаются, о которыхъ на одномъ мѣстѣ кратко упомянулъ Апулій въ той книгѣ, которую писалъ о мірѣ, такъ говоря: все земное имѣетъ перемѣны, превращенія и погибель; ибо безмѣрными землетрясеніями (чтобъ его сказать словами) разсѣдшися земля, поглотила города и съ народами, и проливными дождями потоплены были многія страны; также матерыя земли отъ морскихъ наводненій подѣлались островами; другіежъ, будучи неприступными островами, по причинѣ окружающей ихъ воды, остались сухимъ путемъ приступными; многіе города бурями и вѣтрами разрушились, восточныя страны пламенемъ, съ неба спадшимъ, сожжены, и въ западныхъ мѣстахъ токомъ огня великія причинены бѣдствія; такимъ образомъ нѣкогда съ вершины Этны на подобіе рѣкъ текли пламенныя струи. Ежели, говорю, таковое, или подобное, о чемъ повѣствуетъ исторія, на-



началъ я изчислять, то когда бы можно было дождаться читателямъ конца? которое однако все приключилось въ тѣ времена, въ которыя имя Христово не возбраняло языческихъ вздоровъ, для истиннаго спасенія погибельныхъ. Обѣщался я также показать, за какіе ихъ нравы и ради какой причины истинный Богъ благоволилъ распространить Римское государство, понеже въ Его власти всѣ царства состоятъ; равно и то предложить, сколь мало мнимые ихъ боги помогли имъ, или лучше сказать, сколь много прелестьми своими и обманами причинили вреда. Чего для нынѣ намѣренъ я говорить наипаче о расширеніи Римскаго государства; ибо о вредѣ демонскихъ обмановъ, которыхъ они богами почитали, сколько то есть они зла причинили въ разсужденіи нравовъ, объ ономъ во второй книгѣ не мало я говорилъ. Во всѣхъ же оконченныхъ трехъ книгахъ, гдѣ было прилично, не пропускали упомянуть и того, сколько утѣшеній и въ самыхъ военныхъ злоключеніяхъ именемъ Христовымъ, къ которому столь великое варвары оказали почтеніе, сверьхъ обыкновеній военныхъ благимъ и злымъ даровалъ, *который солнце свое сіяетъ на благія и злыя, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.*



Глава трешія.

Пространство, или обширность государства, которая пріобрѣтается войнами, должно ли почитать между благими щастливыхъ, или премудрыхъ людей.

И такъ посмотримъ, сколь справедливо то, что Римляне обширность своего государства, и то, что оно долговременно пребывало, богамъ онымъ дерзаютъ приписывать, которыхъ представленіемъ мерзскихъ игръ чрезъ служеніе непотребныхъ людей почитали. Хотя бы прежде желалъ я вѣдать, какое разсужденіе, какое благоразуміе тѣхъ людей, которые когда не могутъ благополучія другихъ разрушить, упражняются въ военныхъ дѣлахъ, въ пролитіи крови гражданъ и непріятелей съ мрачнымъ страхомъ и кровожаждущимъ желаніемъ, забывъ то, что радость ихъ и слава, состоящая въ великости и пространствѣ государства, подобна стеклу блестящемуся и ломкому, которыя страхъ великой наводятъ, дабы нечаянно не изчезли: сіе дабы удобнѣе разобрать, то не должны мы быть малоразсудными и непроницательными, когда слышимъ о народахъ, государствахъ, странахъ; но представить себѣ двухъ человѣкъ. Ибо каждый частный человѣкъ, какъ въ рѣчи буква, въ городѣ, или государствѣ, составляетъ собою часть, сколь бы государство пространно ни было; изъ коихъ двухъ человѣкъ должны вообразить одного нищимъ,

нищимъ, или въ достаткѣ средственномъ, другаго великимъ богачемъ; но богатаго смущаемымъ отъ страха, печалящимся, отъ желанія пламенѣющимъ, всегда опасающимся, всегда безпокоящимся, безпрестанно пребывающимъ во враждебныхъ ссорахъ, и чрезъ сіи жалости достойные способы умножающимъ свое имѣніе, и при умноженіи онаго чрезвычайно заботящимся; средственнаго же въ имѣніи человѣка такимъ, который малымъ достаткомъ доволенъ, любезенъ своимъ сродникамъ, сосѣдямъ, друзьямъ; который вожделѣнное имѣетъ спокойствіе, который благоговѣенъ и набоженъ, благосклоненъ, тѣломъ здравъ, въ житіи скроменъ и умѣренъ, въ нравахъ цѣломудръ, совѣстію не тревожится. Не знаю, сыщется ли какой безумецъ, который бы усомнился, коего изъ оныхъ двоихъ предпочесть должно. И какъ въ сихъ двухъ человѣкахъ, такъ и въ двухъ фамиліяхъ, такъ въ двухъ народахъ, такъ въ двухъ государствахъ слѣдуетъ правило правды, которое тщательно употребивъ, ежели наше намѣреніе исправится, удобно увидимъ, гдѣ пребываетъ суета и гдѣ напротивъ благополучіе. Чего для ежели Бога истиннаго почитать будутъ, и Ему истинными жертвами и благонравіемъ благоугождать станутъ: то полезно, дабы благонравные люди пространно царствовали. И сіе не столько обладающимъ, сколько обладаемымъ полезно. Ибо что касается до нихъ, то довольно съ нихъ къ истинному благополучію, съ коимъ

и сія жизнь препровождается и пріобрѣтается вѣчная, то есть набожности и благонравія, которыя суть дарованія Божія, подчиненныхъ. И такъ въ мірѣ семъ государствованіе добронравныхъ въ пользу обращается людямъ; царствованіе же злыхъ имъ самимъ наипаче вредъ причиняетъ, которые свои души большею вольностію пороковъ опустошаютъ; а тѣмъ, кои подъ властію у оныхъ состоятъ, не вредитъ ничто, кромѣ собственной неправды. Ибо праведнымъ какое зло ни причиняется отъ обладающихъ ими, оное не есть казнію преступленія, но испытаніемъ мужества и добродѣтели. И потому доброй человѣкъ хотя бы рабомъ былъ, однако онъ свободенъ; а злой хотя бы царствовалъ, однако онъ долженъ почесться рабомъ, да притомъ не одного человѣка, но, что несравненно тягостнѣе, толь многочисленныхъ обладателей, сколь многимъ онъ подверженъ порокамъ, о которыхъ порокахъ разсуждая Священное Писаніе, говоритъ: *Имъ же кто побѣжденъ бываетъ, тому и работенъ есть.*

Глава четвертая.

Государства безъ правды сколь подобны разбоямъ.

И такъ ежели отринуть правду, то что иное будетъ государство, какъ не великій разбой? Понеже и самые разбои (1) что иное суть, какъ не малыя государства? Ибо толпа оная людей управляема бываетъ изволеніемъ

на-

начальника, дружествомъ совокуплена, и корысть дѣлится безъ обиды. Ежели бы сія злодѣевъ толпа до такого достигла степени, что обладала бы мѣстами, построила бы себѣ жилища, заняла города, покорила народы: тогда бы очевиднѣе имя государства получить моглабъ, которое ей уже дала явная безнаказательность. Ибо изрядно и справедливо Александру оному великому нѣкоторый пойманный морскій разбойникъ (2) отвѣтствовалъ; понеже когда Царь его спросилъ: какуюбъ онъ власть имѣлъ разбивать на морѣ? онъ безъ робости отвѣчалъ: такуюжъ, какую и ты раззорять вселенную; но понеже я дѣло свое отправляю, разъѣзжая на маломъ кораблѣ, то меня называютъ разбойникомъ; а ты поелику имѣешь большой флотъ, то тебя именуютъ Императоромъ.

Глава пятая.

О бѣглыхъ Гладіаторахъ, коихъ сила и могущество подобно было достоинству Царскому.

Я не вхожу въ разбирательства того, какихъ собралъ людей Ромулъ: ибо имъ великая сдѣлана выгода, дабы, оставивъ они прежнюю жизнь и вступя къ нему въ общество гражданское, перестали помышлять о казняхъ, которыхъ страхъ къ большимъ побуждалъ ихъ злодѣяніямъ; то одно предложу, что государство Римское, будучи про-

странным по покореніи себѣ многихъ народовъ, и другимъ страшнымъ, съ прискорбностію чувствовало, жестоко боялось, притѣснено, и съ великимъ трудомъ едва могло избавиться совершеннаго своего раззоренія, когда малочисленные Гладіаторы въ Кампаніи, ушедши изъ амфитеатра, ужасное войско собрали, трехъ имѣли они у себя предводителей (1), Италію сильно опустошили. Пускай скажутъ намъ, какой богъ симъ помогъ, дабы они изъ малочисленной толпы разбойниковъ и презрѣнной достигли до великости Царской, страшной Римлянамъ и ихъ городамъ. Не уже ли скажутъ, что, какъ они не долго владычествовали (2), Богъ имъ не помогалъ? какъ будто бы всякаго человѣка жизнь была долговѣчною. Таковымъ образомъ можно бы было сказать, что боги никому не помоществуютъ въ государствованіи, понеже каждый человѣкъ скоро умираетъ. И за благодѣяніе боговъ почитать не льзя бы то, что въ краткое время въ каждомъ человѣкѣ на подобіе паровъ исчезаетъ. Ибо какое различіе сихъ съ тѣми, кои при Ромулѣ боговъ почитали и давно умерли, по смерти коихъ распространилось Римское государство, когда сами они находятся въ преисподнихъ? Сіе же о всѣхъ разумѣть надлежитъ, что всѣ, кратко поживъ, преселились отсюда, неся съ собою бремена своихъ дѣйствій. Ежели же и самыя кратчайшаго времени благодѣянія боговъ пособію приписать

дол-

должно, то конечно не мало помоществовали боги онымЪ ГладіаторамЪ, которые вырвались изЪ узЪ невольничества, ушли, убѣжали, великую и сильную армію собрали, и повинуясь совѣтамЪ и повелѣніямЪ своихЪ предводителей, стали страшными величеству РимлянЪ, и будучи многими полководцами Римскими непреодолѣны, много плѣнили, многія одержали побѣды, погружались вЪ роскошахЪ, вЪ какихЪ хотѣли; дѣлали все, что имЪ внушало сладострастіе, и жили на подобіе Царей до тѣхЪ порЪ, покуда сЪ великою трудностію побѣждены. Но приступимЪ кЪ большему.

Глава шестая.

О любочестіи Нина Царя, который, дабы имѣть пространнѣйшее государство, первый воевалЪ сЪ сосѣдями.

ІустинЪ ( ), который Греческую, или лучше сказать, чужестранную, послѣдуя Трогу Помпею, не только по ЛатинѢ, но притомЪ и сокращенно написалЪ исторію, такЪ оную началЪ: сЪ начала свѣта надЪ народами и странами Цари обладали, которые на царство вступали не по тщеславію, но по дознанной народомЪ скромности. Народы никакихЪ не имѣли законовЪ; изволенія владѣльцовЪ служили вмѣсто законовЪ. Всѣ обычай имѣли защищать наипаче свои границы, нежели распространять. ТамЪ имѣло каждое государство ру-

рубежи, гдѣ кончалось отечество. Первый изъ всѣхъ Нинъ (2), Царь Ассирiйскiй, древнiй народовъ обычай властолюбiемъ своимъ измѣнилъ. Онъ первой нападалъ войною на сосѣдей (3), и неискусныхъ къ сопротивленiю народовъ до границъ Ливiйскихъ покорилъ. -- И мало ниже: Нинъ, говоритъ, великость прiобрѣтеннаго самодержавства непрерывнымъ обладанiемъ подкрѣплялъ. И такъ по покоренiи сосѣднихъ народовъ, когда, присовокупивъ большую силу, устремился на другихъ, и когда каждая побѣда была поводомъ къ другимъ слѣдующимъ: то онъ завладѣлъ народами всего востока. Можетъ быть несправедливо или Iустинъ, или Трогъ написали; ибо другiя вѣрнѣйшiя исторiи показываютъ, что они много налгали. Однако извѣстно и изъ другихъ писателей, что Ассирiйское государство Ниномъ крайнѣ распространено, и столько вѣковъ продолжалось, что Римское (4) никакого равенства не имѣетъ; ибо пишутъ хронографы, что оно стояло 1240 лѣтъ, считая отъ перваго года царствованiя Нинова до того времени, какъ оно перенесено къ Мидянамъ. Нападать же на сосѣдей войною и далѣе простираться, и тѣхъ народовъ, которые никакой не дѣлаютъ обиды, изъ одного властолюбiя поражать и покарять, что иное есть, какъ не наивеличайшiй разбой?

Глава

Глава седьмая.

Царства земныя при распространенiи своемъ получаютъ ли пособiе отъ боговъ, и когда умаляются, не уже ли отъ оныхъ оставляемы бываютъ.

Ежели безъ всякаго боговъ пособiя толь великое государство и долговѣчное было, то для чего богамъ Римскимъ приписывается Римское государство пространное и долговременное? Ибо тажъ вина какъ тамъ, такъ и здѣсь служитъ. Ежели же скажутъ, что и тамъ пособiе боговъ дѣйствовало, то вопрошаю, которыхъ боговъ? Ибо оные народы, коихъ покорилъ Нинъ, не иныхъ боговъ имѣли и почитали. Или ежели особливыхъ боговъ имѣли Ассирiяне, которые были искуснѣе въ правленiи и сохраненiи государства, то не уже ли боги оные умерли, когда и они потеряли тое? Развѣ Ассирiяне не устояли въ обѣтахъ, данныхъ богамъ? Или можетъ быть Мидяне (1) не обѣщалиль имъ большихъ обѣтовъ, что они къ нимъ согласились перейти и преселиться; а послѣ того по видимому Киръ ихъ переманилъ оттуда несравненно большими выгодами къ Персамъ (2), которые (3) послѣ государствованiя Александра Македонскаго въ своемъ царствѣ пребываютъ. Сiе ежели такъ, слѣдовательно вѣроломны боги таковые, которые оставляютъ своихъ почитателей и преселяются къ непрiятелямъ, чего Камиллъ, будучи человѣкомъ,

комъ, не сдѣлалъ, который, побѣдивъ и разоривъ въ пользу Римлянъ непріятельскій городъ, посланъ отъ неблагодарныхъ Римлянъ въ ссылку, которыхъ однако послѣ того, забывъ свою обиду и памятуя отечество, отъ Галловъ избавилъ. Или боги ихъ не такъ сильны, какъ богамъ быть должно, которые смертныхъ или хитростію, или силою побѣждены быть могутъ? Или когда у боговъ водится обычай, что они между собою имѣютъ брани, то можетъ быть не боги отъ людей, но боги отъ другихъ боговъ побѣждаемы бываютъ, которые суть особенными богами нѣкоторыхъ городовъ. И такъ враждуютъ и боги между собою, что они всякъ въ *своей надобности предпринимаютъ*. И потому не надлежало какому либо городу почитать наипаче своихъ боговъ, но купно и другихъ, которые ихъ богамъ помоществуютъ. Наконецъ какъ бы то ни было, что боги или преходятъ, или убѣгаютъ, или преселяются, или побѣждаемы бываютъ, при всемъ томъ въ оныя времена и въ тѣхъ странахъ свѣта имя Христово не было проповѣдано, когда оныя государства наивеличайшими военными пораженіями отъ одного народа къ другому пренесены. Ибо ежели бы по тысячѣ двухъ стахъ и болѣе лѣтахъ, когда государство Ассирійское рушилось, Христіянское благочестіе другое проповѣдывало бы царство вѣчное, и святотатское боговъ почитаніе возбраняло бы: то чтобъ другое сует-

суетные и несмысленные оные народы сказали, кромѣ того, что государство ихъ, долговременно хранимое, раззорилось потому, что они оставили почитаніе боговъ? Въ которыхъ словахъ коликое есть безуміе, на то пускай Римляне какъ на зеркало взираютъ, и въ подобномъ жаловаться, ежели они совсѣмъ стыда не потеряли, пускай престанутъ, хотя Римское нынѣ государство претерпѣло вредъ, а не перемѣнено. Но сіе и въ другія времена прежде имени Христова Риму не рѣдко приключалось, и послѣ того въ прежнее приходилъ состояніе, въ чемъ и нынѣ отчаяваться не должно; ибо въ семъ случаѣ кто можетъ познать благоизволеніе Божіе?

Глава осьмая.

Которыхъ боговъ пособіемъ, думаютъ Римляне, увеличено ихъ государство и хранимо, когда они каждому богу въ защищеніе по одной вещи препоручить сами не довѣряли.

Теперь разсмотримъ, ежели угодно, изъ толь великой толпы боговъ, которыхъ Римляне почитали, которой наипаче, или которые боги по ихъ мнѣнію оное государство распространили и хранили. Ибо въ толь знаменитомъ дѣлѣ и наидостойнѣйшемъ не дерзаютъ дать мѣста богинѣ Клуацинѣ (1), или Волупіѣ (2), которая названа отъ (Voluptate)

tate) роскоши, или удовольствія; или Либентинѣ (3), которой имя дано отъ (Libidine) сладострастія, или похоти; или Ватикану (4), который умѣряетъ вопли младенцевъ; или Кунинѣ (5), которая владычествуетъ надъ колыбелями. И какимъ образомъ можно въ одномъ мѣстѣ сей книги представить всѣ имена боговъ и богинь, которыя писатели ихъ въ огромныхъ книгахъ едва вмѣстить могли, когда каждой вещи приставили по особенному богу? Попеченіе о поляхъ не одному препоручили богу, но села богинѣ Рузинѣ, крутость горъ богу Югатину, холмы богинѣ Коллатинѣ, бугры богинѣ Валлоніи, и не могли одной сыскать богини Сегетіи, которую бы навсегда единожды приставить къ житамъ; но посѣянныя жита, покуда оныя изъ земли не выходили, во власти были у богини Сеіи. Когда же на поверьхность земли покажутся и пустятъ колосъ, тогда уже попеченіе объ оныхъ отдавали богинѣ Сегецiѣ (6). А какъ скоро жита собраны будутъ и спрятаны, то, дабы въ цѣлости оныя хранились, приставляли иную богиню Тутилину (7). Къ сему дѣлу по видимому не довольна была Сегеція, а только въ состояніи была жита отъ травянистаго начала до созрѣнія класовъ охранять. Однако не довольно было людямъ, множество боговъ любящимъ, дабы бѣдныя души толпѣ демоновъ на поруганіе отданы были, удалившіяся отъ непорочныхъ объятій истиннаго Бога. Они приста-

ставили къ зеленѣющимся и злачнымъ житамъ Прозерпину (8), къ колѣнцамъ на житѣ бога Нодота; къ трубкамъ, въ коихъ скрывается класъ, богиню Волутину; когда жита колосъ испущаютъ, въ томъ случаѣ начальствовала богиня Пателена; когда жита цвѣтутъ, богиня Флора (9); когда наливаются, Лактурція (10); когда созрѣваютъ, богиня Матута (11); когда пожинаются, богиня Рунцина (12). Не упоминаю я всего; ибо мнѣ наводитъ скуку, въ чемъ они себя не зазираютъ. А сіе единственно для того предложилъ, дабы показать, что они никакъ не могутъ сказать, аки бы сіи ихъ боги Римское государство утвердили, расширили и хранили, изъ коихъ каждому своя назначалась должность, такъ что ни одному всей вещи препоручено не было. Ибо когда было Сегеціи смотрѣть за государствомъ, когда не было ей позволено купно за класами смотрѣть и древами. Можноль было помышлять Кунинѣ объ оружіи, когда не попускали ей отойти отъ колыбелей своихъ младенцовъ? Какъ могъ Нодотъ помогать въ сраженіи, который зналъ свои на житахъ колѣнца, и не смѣлъ прикоснуться къ трубкѣ съ колосомъ? Одну всякъ (13) въ покоѣ дѣлаетъ дверь; понеже онъ человѣкъ, то для дома его бываетъ довольно. Напротивъ они трехъ боговъ къ однимъ дверямъ приставили: Форкула къ дверямъ, Кардію (14), или Карну, къ крючку, Лиментина къ порогу. Такимъ обра-

зомъ не могъ Форкулъ, богъ дверей, крюка и порога хранить.

Глава девятая.

Государства Римскаго обширность надлежитъ ли приписывать Юпитеру, котораго многобожники верьховнымъ богомъ признаютъ.

Оставивъ толпу сію мѣлкихъ боговъ, или отложивъ на время говорить о нихъ, приступимъ къ разсмотренію должностей большихъ боговъ, то есть, какимъ образомъ Римъ толь обширнымъ учинился, что наконецъ многими обладалъ народами. Не Юпитерово ли оное дѣло? ибо они признаваютъ за Царя всѣхъ боговъ и богинь. Сіе самое его означаетъ скипетръ, сіе на высокомъ холмѣ (1) воздвигнутая Капитолія. О семъ богѣ хотя стихотворцовы слова, однако прилично говорятъ: Юпитеръ все наполняетъ (2). Варронъ (3) признаваетъ, что сего бога и тѣ самые почитаютъ, которые одного бога безъ ваяній, или кумировъ почитаютъ, а только другимъ именемъ называютъ. Ежели оно такъ, то для чего такъ съ нимъ въ Римѣ поступали, что и самому Варрону столь было не благоугодно, что онъ, развращеннымъ обыкновеніемъ Рима зараженъ будучи, не могъ преминовать, дабы не написать, что тѣ, кои народамъ уставили ваянія, или кумиры, и страхъ къ богамъ уничтожили и заблужденіе умножили?

Глава

Глава десятая.

КакимЪ мнѣніямЪ послѣдовали тѣ, которые разныхЪ боговЪ кЪ различнымЪ міра частямЪ приставили.

Для чегожЪ Юпитеру присвояютЪ женою Юнону, которая, сказываютЪ, и сестра ему и жена? Понеже, отвѣтствуютЪ, Юпитера (1) признаваемЪ вЪ эфирѣ, Юнону вЪ воздухѣ, и сіи двѣ стихіи совокуплены между собою, одна горняя, другая дольняя: слѣдовательно здѣсь не означается тотЪ, о коемЪ сказано: ЮпитерЪ все наполняетЪ, когда нѣкоторую часть наполняетЪ и Юнона. Или оба они купно все наполняютЪ, и сіи супруги и вЪ двухЪ сихЪ стихіяхЪ и вЪ каждой порознь купно находятся? Для чегожЪ эфирЪ назначенЪ Юпитеру, воздухЪ Юнонѣ? НаконецЪ ежелибЪ сихЪ двухЪ для наполненія міра было довольно, то какая тому причина, что Нептуну (2) назначено море, а земля Плутону? А чтобЪ и имЪ не быть холостыми, то приданы Нептуну Салація (3), Плутону Прозерпина (4); ибо какЪ дольнюю часть неба, то есть воздухЪ, по ихЪ сказкамЪ, содержитЪ Юнона: такЪ дольнюю часть моря Салація, и земли дольнюю часть Прозерпина. ИщутЪ способа, какЪ поправить свои басни, и не находятЪ; ибо ежели бы сіе такЪ было, то написали бы древніе, что три суть наипаче стихіи, а не четыре, дабы каждую пару боговЪ кЪ каждой отдѣлить стихіи. Нынѣ

же всячески утвердили, что иное есть эфирЪ, иное воздухЪ; вода же какЪ горняя, такЪ и дольняя, вода есть, и хотябЪ онажЪ отЪ другой различествовала, при всемЪ томЪ кто скажетЪ, что она не вода? И дольняя земля что иное есть, какЪ земля, хотя различіе имѣла бы? Но какЪ бы то ни было, однако видно, что изЪ сихЪ четырехЪ, или трехЪ стихій тѣлесный совершенЪ мірЪ: такЪ гдѣжЪ будетЪ Минерва (5)? Что содержать, что наполнять станетЪ? ибо она купно поставлена вЪ Капитоліи, хотя она не дочь обоихЪ. Или ежели скажутЪ, что Минерва содержитЪ горнюю часть эфира, и по той-то причинѣ вымыслили стихотворцы, что она родилась изЪ головы Юпитеровой: такЪ для чегожЪ ее за Царицу боговЪ не почитаютЪ, когда она выше Юпитера? Или не прилично было предпочесть дочь отцу? Для чего Юпитер кЪ Сатурну сея не сохранилЪ правды? Или ради того, что онЪ побѣжденЪ? Слѣдовательно они сражались? НикакЪ, говорятЪ; сей вздорЪ есть басенЪ. Когда баснямЪ не вѣрите, слѣдовательно лучшее о богахЪ воображайте. Для чего отцу Юпитерову когда не вышшее, то по крайней мѣрѣ равное мѣсто? Понеже СатурнЪ, говорятЪ (6), долгота есть времени. Слѣдовательно тѣ почитаютЪ время, которые покланяются Сатурну, и чрезЪ то открывается, что ЦарЪ боговЪ ЮпитерЪ рожденЪ во времени. Ибо что непристойнаго сказывается о Юпитерѣ

и Юнонѣ, что они рождены во времени, когда Юпитерь есть небо, а она земля; понеже извѣстно, что небо и земля созданы. Ибо и сіе (7) въ книгахъ своихъ имѣютъ ихъ ученые и премудрые мужи, и не изъ вымысловъ стихотворческихъ, но изъ философскихъ книгъ взявъ, сказалъ Виргилій: тогда отецъ всемогущій Эѳиръ обильнымъ дождемъ на лоно веселой своей сошелъ супруги, то есть земли. И такъ имѣютъ язычники своихъ боговъ, называемыхъ своими именами, которымъ особенныя должности назначены, и которымъ олтари и священнослуженія опредѣлены. Туюжѣ самую землю иногда матерію боговъ именуютъ, такъ что стихотворцы кажутся въ вымыслахъ скромнѣйшими, когда, по увѣренію ихъ священныхъ книгъ, Юнона не только сестрою и женою, но и матерью Юпитеровою поставляется. Потомъ землю Церерою, а иногда Вестою почитаютъ, когда напротивъ часто Вестою поставляютъ огонь, принадлежащій къ каминамъ, безъ которыхъ городъ быть не можетъ. И для того-то огню дѣвицы служатъ; понеже какъ отъ дѣвицы, такъ и отъ огня ничего не родится, которое все суевѣріе уничтожить долженъ былъ Тотъ, который родился отъ Дѣвы. Ибо кто не огорчится, что, когда столь много чести и чистоты они приписывали огню, иногда Весту не стыдятся Венерою называть, дабы тщетнымъ было въ дѣвицахъ почтенное дѣвство? Ежели бы Ве-

ста была Венерою, то какимъ образомъ моглибъ правильно служить ей дѣвицы, воздерживаясь отъ любодѣйныхъ дѣлъ? Не уже ли двѣ Венеры (8), изъ коихъ одна дѣвица, другая замужняя? Или три: одна дѣвица, которая тажъ, что и Веста; другая замужняя, третія блудница, которой Финикіяне (9) дары давали за нарушенное дѣвство своихъ дочерей прежде брака? Котораяжъ изъ нихъ Вулканова жена? Мнѣ кажется, что не дѣвица; понеже имѣетъ мужа. Опасаюсь же сказать, что блудница, дабы сына Юнонина и сотрудника (10) Минервина чрезъ то не обидѣть. Слѣдовательно она принадлежитъ къ бракосочетаннымъ. Но намъ желательно, дабы они подражали ей въ томъ, что она сдѣлала съ Марсомъ. Какова сія правда раздражаться на насъ, когда таковое говоримъ о богахъ ихъ, и не гнѣваться на себя самихъ, что съ великою жадностію смотрятъ въ театрахъ на представляемыя боговъ своихъ беззаконія? И сіе самое было бы неимовѣрно, ежели бы они постоянно не доказывали, что сіи на театрахъ предлагаемыя боговъ беззаконія въ честь оныхъ же боговъ уставлены.

Глава

Глава первая надесять.

О многихъ богахъ, о коихъ языческие учители говорятъ, что они составляютъ одного и тогоже Юпитера.

И такъ пускай физическими всякими доводами и разсужденiями доказываютъ и поставляютъ, что Юпитеръ сего тѣлеснаго мiра есть душа (1), который всю сiю громаду изъ четырехъ, или сколько имъ угодно, стихiй составленную наполняетъ и движетъ, или свои должности сестрѣ и братьямъ уступаетъ; или что онъ, будучи Эфиромъ, воздухъ Юнону, внизу разлiянный, объемлетъ; или что онъ съ воздухомъ составляетъ все небо, а землю такъ, какъ свою супругу, да еще притомъ и мать (понеже сiе въ разсужденiи боговъ не есть беззаконнымъ дѣломъ) плодоносными дождями и сѣменами плодоносною дѣлаетъ; или что, дабы не было нужды всюду переходить, богъ одинъ, о которомъ по увѣренiю многихъ знатнѣйшiй стихотворецъ сказалъ: богъ по всѣмъ землямъ ходитъ, по пространнымъ морямъ и высокому небу. Пускай онъ въ Эфирѣ будетъ Юпитеромъ, въ воздухѣ Юноною, въ морѣ Нептуномъ, во глубинѣ морской Салацiею, на земли Плутономъ, въ дольней земли Прозерпиною, въ домашнихъ жертвенникахъ Вестою, въ горнахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ и прочихъ дѣлъ мастеровъ Вулканомъ, въ планетахъ солнцемъ, луною и звѣздами, въ гадательствахъ Апол-

лономъ, въ переторжкахъ Меркуріемъ, въ Янѣ предначинателемъ, въ Терминѣ ограничивающимъ, во времени Сатурномъ, въ войнахъ Марсомъ и Беллоною, въ хмѣльныхъ напиткахъ Либеромъ, въ житахъ Цererою, въ лѣсахъ Діаною, въ разумахъ Минервою; пускай наконецъ онъ будетъ толпою маловажныхъ боговъ; пускай онъ подъ именемъ Либера печется о сѣменахъ мужескихъ и подъ именемъ Либеры о женскихъ. Пускай будетъ онъ Діеспитеромъ, который роды продолжаетъ до надлежащаго дня; пускай будетъ богинею Меною, которая приставлена къ мѣсячнымъ кровямъ; пускай Луциною (2), которая призываема была отъ раждающихъ; пускай онъ помогаетъ раждающимся, пріемля ихъ на лоно земли, и называется Опою; пускай въ крикѣ младенцовъ уста отверзаетъ, и называется богомъ Вагитаномъ (3); пускай подъемлетъ отъ земли, и нарицается богинею Леваною; пускай защищаетъ и охраняетъ колыбели, и именуется Кунинòю; пускай будетъ богинями, поющими раждающимся судьбы ихъ и участи, и слыветъ Карментами (4); пускай владычествуетъ надъ случайностями, и наименованіе имѣетъ Фортуны; въ богинѣ Румѣ пускай влагаетъ во уста младенцу сосцы, понеже древніе Румою (5) называли сосцы; въ богинѣ Потинѣ (6) пускай питіе подаетъ; въ богинѣ Эдукѣ пищу; отъ боязливости младенцовъ, или пополоху, пускай нарицается богинею Павенціею; отъ надѣянія

нія полученнаго Вечиліею (7), отъ роскоши, или удовольствія Волупіею; отъ дѣйствій Агеноріею; отъ побужденій, коими человѣкъ къ дѣйствію чрезмѣрно поощряется, богинею Стимулою; дѣлая человѣка проворнымъ, Стренуею; научая счислять что либо, Нумеріею; наставляя пѣть, Каменою (8); пускай будетъ богомъ Консомъ (9) подавая совѣты, и богинею Сентіею (10), внушая замысловатыя рѣчи; пускай онъ будетъ богинею Ювентою, которая послѣ претексты принимаетъ начала юношества; Фортуною бородатою, которая одаряетъ бородою возрастшихъ, которыхъ почтить соизволяетъ; онъ въ Югатинѣ богѣ пускай связываетъ бракосочетанныхъ; и когда поясъ, или подвязку снимаютъ съ дѣвицы обрученной, то онъ пускай призываемъ будетъ, и называется богинею Виргенсою; пускай онъ будетъ Мутиномъ, который у Грековъ именуется Пріапомъ, ежели не стыдно. Сіе все, что я сказалъ и чего не сказалъ, ибо я не все за благо разсудилъ предлагать, сіи всѣ боги и богини пускай будутъ однимъ Юпитеромъ, которые части ли его, какъ нѣкоторые думали, или его свойства, какъ другимъ кажется, которые душею міра его поставляютъ, которое мнѣніе какъ великихъ и ученѣйшихъ людей есть, сіе ежели такъ, то я, не входя въ разбирательство, каково оно, о томъ одномъ вопрошаю, что бы они потеряли, ежели бы, оставя забобоны, одного бога почитали? Ибо что бы отъ него презрѣ-

но было, ежели бы ему покланялися? Ежели же они боялись, дабы оставленныя части не были прогнѣваны, слѣдовательно не одного одушевляющаго сія вся жизнь есть, которая всѣхъ содержитъ боговъ, какъ бы свои свойства и силы, или члены, или части, но каждая часть свою имѣетъ жизнь, различную и отдѣленную отъ прочихъ, когда сверьхъ одной другая гнѣваться можетъ, и одна умилоствляется, другая подвизается на ярость. Ежели же скажутъ, что весь Юпитеръ раздраженъ могъ быть, когда части его особенно почитаемы не бываютъ: то скажутъ безумно; ибо ни одна изъ оныхъ не была бы оставлена, естьлибъ почитали его одного, который имѣетъ все. Понеже, чтобъ умолчать о прочемъ безчисленномъ, когда говорятъ, что всѣ звѣзды суть части Юпитеровы, и что онѣ всѣ живутъ и разумныя души имѣютъ, и потому безпрекословно суть боги: то не видятъ, сколь многихъ боговъ они не почитаютъ, коль многихъ храмовъ не сооружаютъ, жертвенниковъ не поставляютъ, которые создали весьма немногимъ планетамъ и жертвы особенныя приносили. И такъ ежели гнѣваются тѣ, коимъ особенно не покланяются, то не уже ли по умилостивленіи малочисленныхъ не страшатся и не ужасаются жить, когда ими раздражено и прогнѣвано почти цѣлое небо? Ежелижъ всѣ звѣзды по тому почитаютъ, что оныя суть въ Юпитерѣ, то кратчае моглибъ они покланяться всѣмъ въ одномъ;

одномъ; ибо шакимъ образомъ никтобъ не былъ разгнѣванъ, ежелибъ въ ономъ одномъ всѣмъ покланялись; никтобъ не былъ презрѣнъ, наипаче, нежели при почитаніи малочисленныхъ несравненно множайшимъ числомъ подаешся поводъ и вина гнѣваться, особливо когда безчисленнымъ онымъ, съ высоты блистающимъ, мерзско обнаженный предпочитаешся Пріапъ.

Глава втораянадесять.

О мнѣніи тѣхъ, которые Бога душею міра, а міръ тѣломъ Божіимъ поставляли.

А оное не уже ли не должно шронуть никакого благоразумнаго человѣка, или какого либо человѣка? Ибо къ шому не потребно высокаго разума, дабы, оставя стремленіе распри, внимать и разсмотрѣть, что естьли Богъ душею есть міра, и міръ Ему какъ тѣло, дабы быть одному одушевленному, состоящему изъ души и тѣла, и сей Богъ есть лономъ нѣкоторымъ природы, содержащее въ себѣ самомъ все, такъ что отъ Его души, которою оживотворяется вся сія громада, жизнь и души всѣхъ живущихъ по состоянію каждаго раждаемаго вземлются: то ничего не остается, которое не было бы частію Божіею. Ежели оно такъ, то кто не видитъ, коликое нечестіе изъ того слѣдуетъ, когда всякъ, попирая что либо ногами, часть Божію попираетъ, и когда кто убиваетъ животнаго,

го, часть Божію убиваетъ? Не хочу я всего предлагать, что разсужденіе внушаетъ; ибо не можно того выговорить безъ зазрѣнія и срама.

Глава третіянадесять.

О тѣхъ, которые животныя разумныя частьми Божіими единственно почитаютъ.

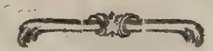
Естьли же будутъ утверждать, что животныя разумныя единственно, на примѣръ люди, частьми суть Божіими: то я не вижу причины, какимъ образомъ они отдѣлятъ безсловесныхъ отъ Божіихъ частей, ежели весь міръ есть Богомъ? Но что нужды въ томъ намъ спязаться? О самомъ разумномъ животномъ, то есть человѣкѣ, сказать можно, что ничего безразсуднѣе статься не льзя, какъ вѣрить, что часть Божія біема бываетъ, когда человѣкъ наказывается. А оное кто стерпѣть въ состояніи, кромѣ безумнаго, что Божіи части похотливыми, неправедными, нечестивыми и казни достойными становятся? Наконецъ для чего гнѣвается на тѣхъ, кои его не почитаютъ, когда собственныя его части его не почитаютъ? И такъ остается имъ сказать, что всѣ боги собственную каждый имѣетъ жизнь и каждый для себя живетъ; никто изъ нихъ не есть частію другаго, но всѣхъ почитать должно, коихъ познать и почитать можно; ибо столь ихъ много, что всѣхъ ни познать, ни почитать не льзя, изъ коихъ Юпитеръ, поелику пред-

сѣдательствуетъ какъ Царь, то уповательно они думаютъ, что онъ государство Римское уставилъ и распространилъ. Ибо ежeли онъ сего не дѣлалъ, то могутъ ли повѣрить, что другой какой либо богъ дѣло толь великое могъ предпріять, когда всѣ заняты своими должностьми и своими дѣлами, дабы одному не хвататься за дѣла другаго? И такъ отъ Царя боговъ царство людское могло и распространиться и умножиться.

Глава четвертаянадесять.

Распространеніе государствъ непристойно приписывается Юпитеру, когда, по ихъ мнѣнію, Викторія есть богинею, которая къ оному дѣлу одна довольна.

Здѣсь вопервыхъ вопрошаю, для чего самое государство богомъ какимъ либо не поставлено? И для чего бы кажется сему не быть, естьли Викторія (1) есть богинею? Или въ распространеніи государства какая надобность въ Юпитерѣ, когда благодѣтельствуетъ Викторія, и къ тѣмъ всегда идетъ, коихъ хочетъ сдѣлать побѣдителями? При благотвореніи и поспѣшествѣ сея богини хотябъ Юпитеръ ничего не дѣлалъ, или дѣлалъ другое, какіе бы народы непокоренными остались? Какія государства побѣждены не были? Или можетъ статься не угодно добрымъ людямъ неправедно съ другими сражаться, и сосѣднихъ народовъ, спокойно живущихъ и ни-



никакой не дѣлающихъ обиды, ради распространенія государства раззорять, или къ брани вызывать? Ежели такъ они разсуждаютъ, то я съ своей стороны одобряю и похваляю.

Глава пятаянадесять.

Пристойно ли добрымъ желать пространно государствовать.

И такъ должны они осмотрѣться, прилично ли добрымъ мужамъ радоваться о пространствѣ государства. Ибо неправда тѣхъ, съ коими праведныя войны были, пособствовала, дабы государство расширилось, которое все непремѣнно было бы малымъ, ежели бы обида не побудила къ принятію оружія, и щастливѣе были бы люди, ежели бы всѣ малыя государства были связаны союзомъ согласія. И такимъ образомъ были бы въ мірѣ многія государства народовъ, такъ какъ множество въ городѣ находится домовъ сограждан; и потому воевать, и покоривъ народы, распространять государство, злымъ людямъ кажется благополучіемъ, а добрымъ необходимостію и нуждою. Но понеже хуже было бы, естьлибъ наглые обидчики праведными обладать стали, потому не непристойно называется и сіе благополучіемъ; но несравненно большее есть благополучіе имѣть добраго сосѣда съ собою въ союзѣ, нежели сосѣда злаго покарять воюющаго. Худое желаніе желать имѣть того, кого ненавидишь, или кого

го боишься, дабы могЪ быть, кого тебѣ побѣдить. И такЪ, ежели праведныя имѣя войны, а не беззаконныя, Римляне могли толь пространнымЪ учинить свое государство, то для чего они не почитали подЪ видомЪ нѣкоторой богини чужой неправды? Ибо видимЪ, что она кЪ сей обширности государства много пособствовала, которая дѣлала обидчиками другихЪ, дабы были такіе, сЪ коими бы праведныя войны имѣть и распространить государство. Для чего же неправда не богинею хотябЪ внѣшнихЪ народовЪ, когда страхЪ, блѣдность и лихорадка Римскими удостоились быть богами? И такЪ помощію сихЪ двухЪ, то есть чужой неправды и богини Викторіи, когда браней вины неправда затѣваетЪ, а Викторія тѣжЪ брани щастливо оканчиваетЪ, безЪ содѣйствія Юпитерова и помощи распространилось государство; ибо какое бы тутЪ могЪ имѣть ЮпитерЪ участіе, когда то самое, которое можно бы почесть за его благодѣяніе, богомЪ поставляется, богомЪ называется, богомЪ почитается, вмѣсто бога призывается? ИмѣлЪ бы правда и онЪ нѣкоторое участіе, ежели бы онЪ государствомЪ назывался, какЪ называется оная Викторія. Или ежели царство даромЪ есть ЮпитеровымЪ, то для чего и Викторія, или побѣда, даромЪ не есть ЮпитеровымЪ же? Сіе было бы конечно, ежели бы не камень вЪ Капитоліи, но истинный Царь Царей и Господь Господей познанЪ былЪ и почитаемЪ.

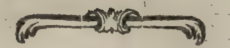
Глава

Глава шестанадесять.

Какая была причина, что Римляне, всѣмъ вещамъ и всѣмъ движеніямъ боговъ разныхъ назначая, храмъ Покоя за вратами градскими поставили.

Крайнѣ удивляюсь, что когда особенныхъ боговъ къ каждой вещи и почти каждому движенію приставили, и нарекли одну богинею Агеноріею, которая къ дѣланію возбуждаетъ; другую богинею Стимулою (1), которая къ дѣланію выше мѣры поощряетъ; третію богинею Мурціею, которая не побуждаетъ и дѣлаетъ человѣка, какъ говоритъ Помпоній (2), Murcidum, то есть крайнѣ лѣнивымъ и недѣйствительнымъ; четвертую богинею Стренуею, которая человѣка дѣлаетъ расторопнымъ и проворнымъ; симъ всѣмъ богамъ и богинямъ общенародныя священнослуженія отправляли, миръ же (3) боготворя, то есть тишину, или спокойствіе, которому храмъ поставленъ былъ внѣ города за воротами Коллинскими, общенародно принять его не восхотѣли. Сіе безпокойнаго ли духа знакомъ было, или наипаче чрезъ то означалось, что кто оную толпу, не говоря боговъ, но демоновъ, почитаетъ, тотъ покоя, или спокойствія имѣть не можетъ, къ которому призываетъ истинный Врачь, говоря: *Научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ.*

Глава



Глава седьмаянадесять.

Когда Юпитеръ имѣетъ верьховную власть, то должно ли почитать Викторію богинею.

Развѣ скажутъ, что богиню Викторію посылаетъ Юпитеръ, и она, повинуяся Царю боговъ, у тѣхъ на сторонѣ остается, къ которымъ повелѣно ей итти? Сіе справедливо можно сказать не объ ономъ Юпитерѣ, котораго Царемъ боговъ по своему мнѣнію мечтаютъ, но объ ономъ истинномъ Царѣ вѣковъ, что Онъ посылаетъ не Викторію богиню, которая существа не имѣетъ, но Ангела своего, и дѣлаетъ побѣдителемъ, о комъ благоволитъ, коего совѣты тайными быть могутъ, неправедными никогда. Ибо ежели Викторія богиня, то для чего тріумфъ не богъ, и для чего не соединенъ съ Викторіею такъ какъ мужъ, или братъ, или сынъ? Ибо таковое о богахъ своихъ мечтаютъ, каковое ежели бы вымыслили стихотворцы, и они отъ насъ были бы въ томъ обличаемы: то отвѣчали бы, что сіе есть не что другое, какъ смѣха достойные вымыслы стихотворцовъ, чего прямымъ богамъ приписывать не должно. При всемъ томъ самимъ себѣ не смѣялись, когда таковые вздоры не у стихотворцовъ читали, но въ храмахъ почитали. И такъ Юпитера одного обо всемъ просили бы, ему одному молились бы. Ибо кудабъ ни послалъ оную богиню Викторію, когда она подвластна оному Царю, то не моглабъ она отважиться

противиться тому и свое исполнять хотѣніе.

Глава осьмаянадесять.

Щастіе и Фортуну богинями почитающіе съ какимъ разсужденіемъ оное дѣлаютъ.

Что болѣе? и щастіе (1) у нихъ богинею; удостоено храма (2), жертвенника, совершаемо было ей священнослуженіе, такъ пускай бы ее одну почитали. Ибо гдѣ бы она была, какогобъ тамъ не было добра? Но чтобъ была тому за причина, что и Фортуну богинею поставляютъ и почитаютъ? Не уже ли иное есть щастіе, иное Фортуна? Понеже Фортуна можетъ быть и злою, щастіе же ежели будетъ зло, то уже не будетъ щастіемъ. Поистиннѣ всѣхъ боговъ обоего пола, ежели и полъ имѣютъ, не инаково поставлять должно, какъ только добрыми. Сіе говоритъ Платонъ, сіе другіе философы, сіе изящные обществъ и народовъ правители. Какимъ же богиня Фортуна иногда добра, иногда зла? Или уже когда она зла, тогда не есть богинею, но внезапно въ злаго демона превращается? Сколькожъ числомъ сихъ богинь? Конечно столько, сколько людей, въ Фортунѣ живущихъ, то есть благополучіи. Ибо когда безчисленные купно, то есть въ одно время находятся злощастными, ежели была бы одна Фортуна, то она въ тожъ самое время была доброю и злою: для однихъ таковою, для другихъ инаковою. Или та,

ко-

которая есть богинею, всегда добра? Слѣдовательно она тожъ, что и щастіе; такъ для чегожъ различныя имена ей прилагаются? Но сіе сносно; ибо обыкновенно одна вещь многими называется именами. Чтожъ значатъ различные храмы, различные жертвенники, различныя священнослуженія? Есть, говорятъ, причина: понеже щастіе (Felicitas) то есть, которое получаютъ добрые помощію предваряющихъ заслугъ. Фортуна же, называемая доброю, безъ всякихъ заслугъ приключается людямъ, и добрымъ и злымъ; почему и Фортуною называется, то есть случаемъ. Какъ же можетъ быть доброю, когда безъ всякаго разсужденія и къ добрымъ и злымъ приходитъ? Для чегожъ ее и почитаютъ, которая толь слѣпа, что на каждаго всюду нападаетъ, такъ что почитателей своихъ по большой части обходитъ и прилѣпляется къ тѣмъ, кои ее презираютъ? Или ежели нѣсколько успѣха имѣютъ почитатели ея, дабы она на нихъ призирала и любила: слѣдовательно она заслугамъ послѣдуетъ, а не случайно достается. Такъ гдѣжъ опредѣленіе оное Фортуны? Гдѣ и то мнѣніе, что Фортуна отъ Fortuitis, случайныхъ, имя получила? Ибо ни мало не пользуетъ оную почитать, когда она случайность. Естьлижъ она своихъ почитателей отличаетъ, дабы имъ благодѣтельствовать, то уже она не Фортуна. Или и ее также Юпитеръ куда хочетъ посылаетъ? Такъ пускай же почитаемъ будетъ онъ одинъ; ибо Фортуна, когда

ей повелѣваетъ, и куда хочетъ посылаетъ, противиться не можетъ. Или по крайней мѣрѣ должны ее почитать одни злые люди, которые не хотятъ имѣть заслугъ, коими моглибъ приманить къ себѣ богиню щастіе.

Глава девятаянадесять.

О Фортунѣ женской.

Столько сему божеству, которое называютъ Фортуною, приписываютъ, что повѣствуютъ, аки бы то ваяніе (1), которое женскій полъ обоготворилъ и назвалъ Фортуною женскою, и говорило, да еще и не однократно, что его достойно женщины обоготворили. Что самое ежели справедливо, то мы не должны удивляться; ибо злымъ демонамъ не трудно обманывать, коихъ хитрости и лукавство отсюда наипаче долженствовали они примѣтить, что оная богиня говорила, которая случайно приключается, а не по заслугамъ приходитъ. Была Фортуна говорливая и щастіе нѣмое для чего другаго, какъ только дабы люди благонравно жить не тщились по примиреніи себѣ Фортуны, которая ихъ безъ всякихъ хорошихъ заслугъ дѣлаетъ благополучными. И поистиннѣ ежели Фортуна говоритъ, то не только женская, но и мужеская (2) говорила бы, дабы не подумали, что обоготворившія ваяніе толикое чудо своимъ многоглаголаніемъ разславили.

Глава

Глава двадесятая.

О добродѣтели и вѣрѣ, которыя язычники храмами и священнослуженіями почтили, пропустивъ другія блага, которыя также почесть надлежало бы, ежели правильно другимъ приписывали божество.

И добродѣтель богинею (1) поставили, которая ежели бы въ самой вещи была богинею, то многимъ богинямъ предпочтена быть должна. А какъ она не богиня, но Божій даръ, слѣдовательно ее просить должно отъ того, который одинъ дать ее можетъ, а чрезъ то вся ложныхъ боговъ толпа изчезнетъ. Но для чего и вѣра богинею признана, и получила себѣ храмъ и жертвенникъ, которую кто благоразумно признаваетъ, тотъ самаго себя храмомъ дѣлаетъ? Почему же знаютъ они, что есть вѣра, которыя первѣйшій и величайшій долгъ есть вѣровать въ истиннаго Бога? Но для чего не довольно было добродѣтели? Не уже ли нѣтъ въ ней и вѣры? Ибо какъ они добродѣтель раздѣлили на четыре вида (2): благоразуміе, правду, мужество, воздержаніе; и поелику каждый изъ сихъ имѣетъ свои виды, то въ части правды (3) заключается вѣра; и главнѣйшее мѣсто у насъ занимаетъ то, когда знаемъ, *что праведный отъ вѣры живъ будетъ*. Но я удивляюсь желающимъ множества боговъ, для чего, ежели вѣра есть богиня, другимъ столь многимъ богинямъ сдѣлали обиду, пренебрегая

 тѣхъ

тѣхъ, которымъ подобно воздвигнуть храмы, соорудить жертвенники и посвятить могли? Для чего воздержаніе богинею быть не удостоилось, когда именемъ онаго Римскіе вельможи (4) не малую пріобрѣли себѣ славу? Для чего также мужество не богинею, которое имѣлъ Муцій (5), когда десницу свою сжегъ въ пламени; которое было внутрь Курція (6), когда онъ себя за отечество вринулъ въ явившуюся пропасть земную; которое было въ Декіи отцѣ (7) и въ Декіи сынѣ (8), которые богамъ преисподнимъ на жертву себя обѣщали, естьли только было въ нихъ прямое мужество, о чемъ я теперь не разсуждаю? Для чего благоразуміе, для чего мудрость никакого мѣста не удостоились между богами? Не для того ли, что онѣ подъ именемъ общественнымъ добродѣтели всѣ почитаются? Слѣдовательно можнобъ было равно почитать единаго Бога, котораго частьми прочіе боги поставляются. Но въ оной одной добродѣтели и вѣра заключается и цѣломудріе (9), которыя однако изключительно отъ прочихъ въ храмахъ, собственно имъ поставленныхъ, удостоились жертвенниковъ. Сихъ богинь не истинна, но суета и скудоуміе богинями поставили.

ГЛАВА

Глава двадесять первая.

О томЪ, что не разумѢя единаго Бога, язычники долженствовали быть довольными одною добродѢтелiю и щастiемЪ.

Сiи суть истиннаго Бога дарованiя, а не самыя богини. Однако гдѢ находятся добродѢтель и щастiе, тамЪ чего инаго искать должно? ЧѢмЪ тотЪ можетЪ быть доволенЪ, который добродѢтелiю и щастiемЪ доволенЪ быть не можетЪ? Ибо все, что дѢлать потребно, заключаетЪ вЪ себѢ добродѢтель; все, чего желать можно, вЪ себѢ содержитЪ щастiе. Естьли Юпитера почитали для того, дабы онЪ то даровалЪ; понеже естьли есть добро пространное имѢть государство и долговѢчное, и кЪ томужЪ надлежитЪ щастiю: то для чего они не хотѢли разумѢть, что сiи суть дары Божiи, а не богини? ЕстьлижЪ уже вмѢсто богинь сихЪ мечтали, то для чего другихЪ толь великую толпу боговЪ изобрѢтали? Ибо, разсмотрѢвЪ должности боговЪ и богинь всѢхЪ, которыхЪ по своему изволенiю каковыхЪ хотѢли поставили, пускай сыщутЪ, ежели могутЪ что либо, что бы могЪ какой либо богЪ даровать человѢку, имѢющему добродѢтель и щастiе. Какого ученiя или отЪ Меркурiя, или отЪ Минервы просить кто захотѢлЪ бы, когда добродѢтель все сЪ собою имѢетЪ? Ибо добродѢтель древнiе опредѢлили такЪ: добродѢтель есть наука хорошо и право житiе пре-

провождать. Ежели бы добродетель могла вселяться въ одного благоразумнаго, то какая нужда просить бога Кацiя отца, который Catos, то есть остроумными делалъ, когда симъ могло одарить щастiе? Ибо разумнымъ родиться есть щастiе. Чего для ежели не родившiйся еще на светъ не могъ почитать богиню щастiе, дабы она, примирена ему будучи, онымъ его одарила: по крайней мере одарила бы она родителей его, почитателей своихъ, дабы у нихъ родились дети разумными. Какая нужда раждающимъ призывать богиню Луцину, когдабъ присутствовала богиня щастiе, которое учинитъ, что не только благополучно будутъ раждать, но притомъ и благоразумныхъ? Какая нужда родившихся препоручать богине Опе, кричащихъ богу Ватикану, лежащихъ богине Кунине, ссущихъ сосцы Румине, стоящихъ богу Статилину, приходящихъ богине Адеоне, отходящихъ Абеоне, богине Менте, дабы младенцы имели хорошiй умъ; богу Волумну и богине Волумне, дабы они хорошаго желали; богамъ браковъ (1), дабы они хорошо бракосочетались; богамъ полевымъ, дабы плоды обильные получали, а особливо самой богине Фруктезее; Марсу и Беллоне, дабы хорошо воевали; богине Викторiи, дабы победителями оставались; богу чести, дабы были почитаемы; богине Пекунiи (2), дабы имели богатство; богу Ескулану и сыну его Аргентину, дабы иметь медную и серебреную монету. Ибо для

для того Ескулана поставили отцемъ Аргентина, понеже мѣдная монета (3) начала быть прежде въ употребленіи, нежели серебреная. Я удивляюсь, для чего Аргентинъ не родилъ Аврина; ибо и золотая монета послѣ того послѣдовала. Ежели бы сего бога они имѣли, то какъ Сатурну Юпитера, такъ и отцу Аргентину и дѣду Ескулану предпочлибъ Аврина. Какаяжъ была нужда для сего добра или душевнаго, или тѣлеснаго, или внѣшняго, толь великую боговъ толпу почитать и призывать, изъ коихъ и я не всѣхъ исчислилъ, и они сами не въ состояніи были ко всякому человѣческому добру, распредѣливъ мѣлкихъ боговъ, приставить, когда все то удобна одна богиня щастіе даровать? И не только никто бы не искалъ инаго бога для испрошенія отъ него добра, но ниже къ отгнанію зла. Ибо для чегобъ призывать надлежало ради усталыхъ Фессонію богиню, для отгнанія непріятелей богиню Пеллонію, для больныхъ медиковъ Аполлона, или Ескулапія, или купно обоихъ, ежели человѣкъ въ великой опасности, дабы сдѣлали они консиліумъ? Не призывалъ бы никто ни бога терновнаго, дабы искоренилъ на поляхъ терніе; ни богиню ржавщину (4), дабы она не приближалася къ ихъ житамъ: при присутствіи одной богини щастія и при ея защитѣ не произошло бы никакого зла, или по крайней мѣрѣ удобно отвращаемо оное было бы. Наконецъ, понеже мы о двухъ богиняхъ говоримъ, то есть добро-

 дѣ-

дѣтели и щастіи, то ежели щастіе есть добродѣтели награжденіемъ, уже она не богиня, но Божій даръ. Ежелижъ богиня, то для чего сказать не можно, что она и самою одаряетъ добродѣтелію; поелику снискать добродѣтель великимъ есть щастіемъ?

Глава двадесять вторая.

О щастіи, которое Римляне, почитатели многихъ боговъ, долгое время не почитали божескою честію, когда оно одно вмѣсто всѣхъ было бы довольно.

Но почему нынѣ дѣлается, ежели книги ихъ и священнослуженіе справедливо, и щастіе есть богинею, для чего щастіе одно не поставлено для почитанія вмѣсто всѣхъ боговъ, которое можетъ все даровать и всякаго сдѣлать благополучнымъ? ибо никто не желаетъ ничего ради инаго, какъ только дабы щастливымъ быть. Для чего толь поздно сей толикой богинѣ по бытіи толь многихъ Римскихъ вельможъ Лукуллъ храмъ поставилъ? Для чего самъ Ромулъ, желая построить щастливый городъ, не соорудилъ ему храма? Ибо онъ не имѣлъ бы причины просить боговъ о чемъ либо, когдабъ сія богиня была при немъ, то есть когдабъ у него ничего не доставало. Ибо думаютъ, что Ромулъ ни прежде Царемъ, ни послѣ богомъ не былъ бы, ежели бы сію богиню благотворительною себѣ не имѣлъ. Для чегожъ Ромулъ поставилъ Римлянамъ боговъ, Януса, Юпитера, Марса,

Марса, Пика (1), Фауна (2), Тиберина (3), Ираклія и прочихЪ? Для чего ТитЪ Тацій прибавилЪ кЪ онымЪ Сатурна, Опу, Солнце, Луну, Вулкана, СвѣтЪ (4) и прочихЪ, между коими богиню Клоацину, презрѣвЪ богиню щастіе? Для чего Нума толикихЪ боговЪ и богинь ввелЪ безЪ оной? Или онЪ вЪ толикой толпѣ видѣть оной не могЪ? Остилій также, Царь новыхЪ боговЪ, страхЪ и блѣдность не ввелЪ бы, ежели бы сію богиню зналЪ и почиталЪ. Ибо при щастіи всякой страхЪ и блѣдность, не умилостивлены будучи, удалились бы, и не только, но и прогнаны были бы. ПотомЪ чтобЪ тому было причиною, что Римское государство крайнѣ было уже распространено, когда никто еще не почиталЪ щастія? Или для того-то было оно болѣе обширнымЪ, нежели благополучнымЪ? Ибо какимЪ образомЪ могло тамЪ быть истинное благополучіе, гдѣ не было истиннаго благоговѣнія? Ибо благоговѣніе есть неложное истиннаго Бога почитаніе, а не почитаніе толикаго числа боговЪ, коликое есть демоновЪ. Но и послѣ того уже по причисленіи щастія вЪ число боговЪ великое гражданскихЪ браней послѣдовало нещастіе. МожетЪ статься праведно вознегодовало щастіе, что и толь поздно и не для почитанія, но наипаче для поруганія его призвали, когда при почитаніи его почитаемы были купно Пріапъ и Клоацина, а страхЪ, и блѣдность, и лихорадка, и прочіе не боги, но пороки почи-

читающихЪ. НаконецЪ ежели сію богиню сЪ толь недостойною толпою за благо разсудили почитать, то для чего отмѣннѣе прочихЪ оную не почитали? Ибо кому не огорчительно, что сія богиня ни между богами Консентами (5), кои приглашаемы бываютЪ на совѣтЪ кЪ Юпитеру; ни между богами отборными не поставлена, дабы воздвигнутЪ ей былЪ храмЪ, и по высотѣ мѣста и по знатности работы превосходнѣйшій? Или лучше сказать, для чего ничего лучшаго не учинено, нежели для самаго Юпитера? Ибо Юпитеру кто царство далЪ, ежели не щастіе? Понеже когда онЪ царствуя щастливЪ былЪ, то всенепремѣнно щастіе превосходнѣе государства; ибо никто не сомнѣвается, что удобно можно найти человѣка, который боится быть ЦаремЪ; но ни одного сыскать не можно, который бы не желалЪ быть щастливымЪ. И такЪ ежели бы кто боговЪ или гадательствомЪ по птичьимЪ движеніямЪ, или другимЪ какимЪ ни есть образомЪ вопросилЪ, не противноль имЪ первое мѣсто уступить щастію: то думаю, что ежели бы первыя мѣста другихЪ боговЪ храмами и жертвенниками были заняты, такЪ что не оставалось бы мѣста, гдѣ бы щастію храмЪ огромнѣйшій и высочайшій воздвигнуть, самЪ поистиннѣ ЮпитерЪ уступилЪ бы свое мѣсто, дабы щастіе на вершинѣ холма Капитолинскаго поселилось. Ибо никто бы противиться изЪ нихЪ щастію не сталЪ, развѣ кто, чему

статься

статься не можно, нещастливымЪ быть пожелалЪ. Конечно, ежели бы вопросилЪ кто боговЪ о томЪ, никакЪ не сдѣлалЪ бы того ЮпитерЪ, что ему сдѣлали три бога, МарсЪ, ТерминЪ и ЮвентасЪ (6), которые большему и Царю своему не уступили мѣста. Ибо, какЪ повѣствуютЪ ихЪ писатели, когда Царь Тарквиній хотѣлЪ построить Капитолію, и увидѣлЪ, что самое достойнѣйшее и удобное мѣсто занято чужестранными богами: то, не смѣя поступить вЪ противность ихЪ изволенія, и думая, что оные боги для толь великаго его бога и своего Царя уступятЪ мѣсто, понеже многіе тамЪ были, гдѣ Капитолія потомЪ построена, вопросилЪ ихЪ чрезЪ гадателей, уступаютЪ ли они Юпитеру мѣсто? На сей вопросЪ всѣ прочіе боги согласились, выключая вышепомянутыхЪ: Марса, Термина и бога молодости (Juventatem). И для того-то Капитолія такЪ построена, что и сіи три вЪ оной находились; но толь были скрыты, что едва ученые люди дознаваться могли. И такЪ никакимЪ образомЪ ЮпитерЪ не презрѣлЪ бы щастія, какЪ оные три бога его презрѣли. Но и тѣ самые, кои мѣста не уступили Юпитеру, уступили бы конечно щастію, которое ЦаремЪ надЪ ними Юпитера поставило. Но ежели бы и не уступили, то конечно оное сдѣлали бы не изЪ презрѣнія, но сЪ тѣмЪ, что лучше желаютЪ они жить вЪ храмѣ щастія незнаменитыми, нежели безЪ щастія блистать на собственныхЪ

сво-

своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ по поставленіи богини щастія на пространномъ и высокомъ мѣстѣ, научались бы граждане всѣ, отъ кого должно просить помощи. И такъ по внушенію природы, оставя другихъ боговъ излишнее множество, почитали бы одно щастіе, ему бы молились, въ его бы храмъ прибѣгали всѣ, которые щастливыми быть желаютъ, изъ коихъ, я думаю, не было бы ни одного, который бы того не хотѣлъ. Ибо кто отъ другаго бога чего получить желаетъ, кромѣ щастія, или того, что къ щастію принадлежитъ? Притомъ ежели щастіе имѣетъ власть быть съ человѣкомъ; имѣетъ же, поелику почитается богинею: то сколь великимъ есть безуміемъ отъ другаго какого либо бога щастія просить, котораго испросить можешь отъ тогожъ самаго щастія? И такъ сію богиню должнобъ было имъ почтить достойнымъ мѣстомъ паче прочихъ боговъ. Ибо, какъ у ихъ писателей читаемъ, древніе Римляне невѣдомо какого-то Суммана (7), которому приписывали громы и молніи нощныя, почитали болѣе, нежели Юпитера, къ которому принадлежатъ дневные громы и молніи; но какъ знаменитый храмъ и высокій Юпитеру поставили, то по знаменитости храма такъ къ нему началъ народъ стекаться, что едва ли сыскать можно человѣка, который бы признался, что слышалъ произносимое имя бога Суммана, развѣ только читалъ въ книгахъ. Ежели же щастіе не бо-

богиня, какъ и въ самой вещи такъ, но даръ Божій: то должно искать того Бога, который дать оное можетъ, и оставить вредное множество ложныхъ боговъ, которыхъ поставляетъ себѣ богами множество безумцевъ, упорствомъ надмѣнной воли оскорбляя того, коего даромъ есть щастіе. Ибо не можетъ тотъ не быть нещастливымъ, который щастіе какъ богиню почитаетъ, и Бога, подателя щастія, оставляетъ, такъ какъ не можетъ тотъ не претерпѣвать глада, который на картинѣ написанный лижетъ хлѣбъ, а у человѣка, который настоящій хлѣбъ имѣетъ, не проситъ.

Глава двадесять третія.

О томъ, что одного Бога почитать должно, котораго хотя имянно язычники не знаютъ, но чувствуютъ, что Онъ даруетъ щастіе.

Когда уже и малоразсудство человѣческое чувствовало, что щастіе какой либо Богъ даруетъ, и сіе понимали люди, которые многихъ боговъ почитали, между коими и самаго ихъ Царя Юпитера; понеже имени того, который даруетъ щастіе, не знали, и потому именемъ вещи, о коей думали, что отъ него дается, его назвали. И такъ довольно даютъ знать, что ни самъ Юпитеръ даровать не можетъ щастія, но только тотъ, коего подъ именемъ щастія почитали. Я смѣю утверждать, что они вѣрили, что щастіе даетъ иный Богъ, котораго они не знали. И такъ пу-

пускай они Его ищутъ, пускай почитаютъ, пускай отринутъ многомятежность безчисленныхъ демоновъ; пускай не доволенъ будетъ богомъ симъ, для котораго не довольно дара Его; пускай, говорю, тотъ будетъ не доволенъ, почитая Бога, дарующаго щастіе, которой не доволенъ никакимъ щастіемъ. А который можетъ быть довольнымъ (ибо не имѣетъ болѣе, чего желать), тотъ пускай благоугождаетъ одному Подателю щастія. Онъ не тотъ, котораго называютъ Юпитеромъ; ибо ежели бы признавали его подателемъ щастія, то не искали бы инаго, или иныя, подъ именемъ самаго щастія, и самаго Юпитера съ толикою обидою не почитали бы. Ибо Юпитера прославляютъ прелюбодѣемъ (1) и прекраснаго отрока (2) безстыднымъ любителемъ и похитителемъ.

Глава двадесять четвертая.

О театральныхъ играхъ, коихъ боги отъ почитателей своихъ требовали.

Но говоритъ Туллій, что сіе вымыслилъ Омиръ (1), и человѣческія дѣла богамъ приписалъ. Дѣльно не понравился важному мужу божескихъ пороковъ вымыслитель стихотворецъ. Такъ для чегожъ театральныя игры, гдѣ сіе предлагается, воспѣвается, представляется, въ честь богамъ отправляются, и почитаются отъ наиученѣйшихъ между вещами божественными? Пускай здѣсь вос-

кли-

кликнетЪ ЦицеронЪ не противЪ вымысловЪ стихотворческихЪ, но противЪ установленій предковЪ. Не воззопилиль бы и они сами: вЪ чемЪ мы виноваты? Сами боги вЪ честь себѣ игрЪ требовали, и сЪ прещеніемЪ отправлять оныя повелѣли; и ежели бы отправляемы не были, бѣдствіе предвозвѣщали, и отмщали, когда повелѣніе ихЪ пренебрежено было. Напротивъ показывали свое удовольствіе, и то, что они умилостивлены, ежели пренебреженное исполнено было. Титу Латину (2), одному изЪ черни, во снѣ сказано было, чтобЪ онЪ обЪявилЪ Сенату, дабы игры возобновлены были; понеже вЪ первый день игрЪ оныхЪ, когда боги веселились, смотря на оныя, печальное зрѣлище приключилось, а именно, нѣкоего злодѣя при зрѣніи всего народа повели кЪ казни. И какЪ вЪ слѣдующій день томЪ, которому то во снѣ повелѣно, не осмѣлился исполнить повелѣнія, то вЪ другую ночь тожЪ самое сЪ прещеніемЪ ему подтверждено; чего онЪ поелику и тогда не учинилЪ, то лишился сына. ВЪ третію ночь сказано ему, что ежели онЪ того не учинитЪ, то большая казнь ему предлежитЪ. Но какЪ онЪ и тогда донесть о томЪ Сенату не посмѣлЪ, то впалЪ вЪ тяжкую и ужасную болѣзнь. Тогда уже по совѣту своихЪ друзей донесЪ о томЪ Сенату, принесенЪ бывши на одрѣ вЪ СенатЪ, и по изЪясненіи своего сновидѣнія, получивЪ вдругЪ прежнее здравіе, на своихЪ ногахЪ вЪ домЪ возвратился, чѣмЪ СенатЪ приведенЪ бу-

дучи въ изумленіе, опредѣлилъ возобновить игры. Кто изъ благоразумныхъ не видитъ, что обладаемые люди злыми демонами, отъ власти коихъ (3) единственно освобождаетъ благодать Божія Іисусомъ Христомъ, Господемъ нашимъ, принуждены были по неволѣ отправлять то, что по благоразумію казалось мерзскимъ? Въ сихъ играхъ стихотворцами описанные боговъ пороки предлагаются, которыя игры по повелѣнію и принужденію боговъ съ приговору Сенатскаго возобновлены. Въ оныхъ играхъ растлителя цѣломудріи Юпитера воспѣвали актеры, представляли, умилостивляли, которое все ежели бы было вымышленное, то Юпитеръ разгнѣвался бы. Когда же онъ своими пороками, да притомъ можетъ быть вымышленными увеселялся, то когда бы его стали почитать, ежели бы люди не діяволу служили? И такъ таковой ли богъ Римское государство могъ утвердить, распространить, сохранить, который всякаго Римлянина человѣка, которому таковыя игры гнусными казались, былъ хуже? Таковой ли даруетъ щастіе, который нещастно былъ почитаемъ? И ежели бы такимъ образомъ не былъ онъ почитаемъ, то нещастнѣе того гнѣвался бы.

Глава

Глава двадесять пятая.

О трехъ родахъ боговъ, о коихъ разсуждалъ Сцевола первосвященникъ.

Повѣствуютъ въ своихъ книгахъ, что ученѣйшій первосвященникъ Сцевола (1) признавалъ три рода боговъ: первый отъ стихотворцовъ, другой отъ философовъ, третій отъ вельможъ. Первой родъ есть баснословной (2), понеже много о немъ вымышлено недостойнаго; вторый не приличествуетъ городамъ, понеже имѣетъ много излишняго и такого, чего народу знать не надобно. О излишнихъ не много спору; ибо и ученые люди обыкновенно говорятъ: излишнее не причиняетъ вреда. Чтожъ такое есть, которое, произносимо будучи при многолюдствѣ, вредитъ? Сіе, говоритъ, что не суть боги Ираклій, Ескулапій, Касторъ, Поллюксъ; ибо сказываютъ ученые люди, что они были люди, и такъ какъ люди жизнь скончали. Что иное, какъ что города истинныхъ изображеній боговъ не имѣютъ, что истинный Богъ не имѣетъ ни пола, ни возраста, ни частей тѣлесныхъ? Не хочетъ первосвященникъ, дабы народъ о томъ зналъ; ибо онъ того ложнымъ не признаваетъ. И такъ выгоднымъ онъ почитаетъ, когда въ богопочтеніи города обманываются. О семъ и Варронъ въ книгахъ о дѣлахъ Божественныхъ говорить не сомнѣвается подобно. Знатное благочестіе, къ которому бы немощный

прибѣгалъ для своего спасенія, который когда ищетъ истинны, тогда полезнѣйшимъ для него почитается, ежели онъ обманывается. Стихотворческій родъ боговъ для чего Сцевола отвергаетъ, оное не утаено въ тѣхъ же книгахъ: понеже стихотворцы боговъ такъ обезобразили, что они съ честными людьми сравниться не могутъ, когда иной изъ нихъ похищаетъ (3), иной прелюбодѣйствуетъ. Также мерзско и непотребно и говорятъ и дѣлаютъ: будто три богини спорили между собою о красотѣ, и что двѣ, отъ Венеры въ томъ побѣждены будучи, раззорили Трою, и что самъ Юпитеръ превращается въ вола (4), или лебедя (5), дабы съ нѣкоторыми женами имѣть любовныя дѣйствія; что богини съ людьми совокупляются (6); что Сатурнъ дѣтей пожираетъ; и никакого не можно вообразить беззаконія, котарагобъ въ богахъ не было по мнѣнію стихотворцевъ, хотя то совсѣмъ отъ природы боговъ удалено. О Сцевола, великій первосвященникъ! отмѣни игры, ежели можешь; повели народу, дабы онъ таковой чести богамъ безсмертнымъ не приносилъ, гдѣбъ можно было удивляться беззаконіямъ боговъ, и въ томъ, въ чемъ не трудно, подражать. Естьли же тебѣ въ отвѣтъ скажетъ народъ: вы намъ первосвященники сіе уставили, то попроси боговъ, которые отправлять оныя повелѣли, дабы они повелѣли отмѣнить, которыя ежели худы и богамъ ни подъ какимъ видомъ при-

сво-

своены быть не могутЪ, то большая обида боговЪ вЪ томЪ состоитЪ, что люди о нихЪ все вымышляютЪ и наказываемы не бываютЪ. Но они тебя не послушаютЪ, они суть демоны, наставляютЪ на злое, радуются о мерзостяхЪ; не только не поставляютЪ того за обиду, что о нихЪ вымышляется, но тѣмЪ болѣе оскорбляются, ежели вЪ уставленныя имЪ празднества отправляемо оное не будетЪ. НаконецЪ, ежели Юпитера просить о томЪ станешь, котораго болѣе беззаконій вЪ играхЪ предлагается, и ежели притомЪ ЮпитеромЪ вы называете бога, управляющаго мірЪ: то не оскорбляете ли его безмѣрно, что сЪ таковыми богами купно его почитаете и его царемЪ боговЪ поставляете?

Глава двадесять шестая.

КЪ распространенію государства Римскаго пособствовало ли почитаніе многихЪ боговЪ?

И такЪ никакимЪ образомЪ таковые боги, которые такими вещами умилостивляемы бываютЪ, или лучше сказать обличаемы, такЪ что они тѣмЪ нечестивѣе, что вымышленными беззаконіями наипаче увеселяются, нежели когда бы о нихЪ говорили правду, не могли Римскаго государства ни распространять, ни сохранять. Ибо ежели бы боги сдѣлать оное были вЪ состояніи, то сей великій дарЪ они наипаче даровали бы ГрекамЪ, которые ихЪ вЪ играхЪ достойнѣе почитали, когда, видя

терзаемыхъ боговъ отъ стихотворцевъ, себя отъ того не изключали, позволяя имъ, кого угодно, равномѣрно терзать; притомъ и актеровъ не почитали безчестными, но достойными знатныхъ чиновъ судили. И какъ Римляне могли имѣть золотую монету, хотя бога Аврина не почитали, такъ могли имѣть и серебряную и мѣдную, хотябъ не почитали ни Аргентина, ни отца его Ескулана и проч. такъ и государство моглибъ имѣть, хотябъ не знали многихъ ложныхъ боговъ, или презрѣли, познавъ единаго онаго Бога, и Его сердечною вѣрою почитая: тогда въ лучшемъ видѣ моглибъ видѣть свое царство, и послѣ сего получить вѣчное.

Глава двадесять седьмая.

О ложности гадательства, которымъ предзнаменовалась крѣпость и незыблемость Римскаго государства.

Теперь разсмотримъ, сколь справедливо то, о чемъ я и прежде упоминалъ: прекраснымъ, говорятъ, было предзнаменованіемъ, что Марсъ, Терминъ и Ювентасъ и Юпитеру самому мѣста не уступили. Ибо такимъ образомъ говорятъ: сіе предвѣщало, что Марсово отродіе, то есть Римской народъ, никому не уступитъ того мѣста, которымъ обладаетъ, и Римскія границы ради бога Термина никто не перенесетъ, и юношество Римское ради богини Ювенты никому не уступитъ. И такъ

должны они осмотрѣться, какъ они почитаютъ Царя боговъ своихъ и дателя владычества ихъ, когда сіи предзнаменованія вмѣсто противника ему полагаютъ, и говорятъ, что прекраснымъ дѣломъ есть ему не уступать, хотя, ежели сіе справедливо, не имѣютъ причины бояться чего либо. Ибо они признаться не могутъ, что ихъ боги уступили Христу, которые Юпитеру уступить не хотѣли. При всемъ томъ при цѣлости предѣловъ государства Христу уступить могли и удалиться отъ мѣстъ, а наипаче отъ сердецъ вѣрующихъ. Но прежде, нежели пришелъ Христосъ во плоти, прежде, нежели сіе писано, которое мы изъ ихъ книгъ предлагаемъ, однако послѣ, нежели когда было оное предзнаменованіе при Царѣ Тарквиніѣ, нѣсколько разъ Римское войско разбито и обращено въ бѣгство, и показало ложность онаго предвѣщанія, которое состояло въ томъ, что богиня молодости, или юношества, Юпитеру не уступила мѣста, и отродіе Марсово во время нападенія Галловъ въ самомъ городѣ сокрушено, и границы государства въ то время, когда многіе передались къ Аннибалу города, весьма были стѣснены. Такимъ образомъ изчезла мнимая лестность предвѣщаній, и открылось упорство противъ Юпитера не боговъ, но демоновъ; ибо иное есть не уступить, иное возвратиться, откуда удалился. Хотя и послѣ въ восточныхъ странахъ по изволенію Адріанову (1) границы Римскаго государства

были перемѣняемы; ибо онъ три знатнѣйшія провинціи, Арменію, Месопотамію, Ассирію, уступилъ Персидскому государству, такъ что богъ Терминъ, который Римскія границы по ихъ мнѣнію защищалъ, и въ разсужденіи лестнаго онаго предвѣщанія Юпитеру мѣста не уступилъ, болѣе Адріана Царя надъ людьми, нежели Царя боговъ по видимому убоялся. По возвращеніи же въ другое время оныхъ провинцій, при нашей памяти перенесены границы назадъ, когда Іуліанъ, оракуламъ боговъ оныхъ предавшійся, по безпримѣрной отвагѣ корабли повелѣлъ сжечь, на коихъ привозимы были съѣстные припасы, которыхъ лишившись войско, въ такой пришло недостатокъ, что ни одинъ воинъ оттуду не вышелъ, особливо когда отвсюду нападали непріятели, покуда съ уменьшеніемъ противъ прежняго положены были границы. И такъ пустымъ было предзнаменованіемъ, когда Терминъ не уступилъ мѣста Юпитеру, который уступилъ изволенію Адріанову, уступилъ безразсудству Іуліанову (2) и нуждѣ Іовіановой (3). Видѣли сіе разумнѣйшіе и важные люди изъ Римлянъ, но противъ обычая города, предавшагося демонскимъ обрядамъ, были не сильны; понеже и сами они хотя чувствовали, что оное тщетно, однако природѣ вещей, состоящей подъ властію и повелѣніемъ единаго истиннаго Бога, благочестное почтеніе, приличествующее и подобающее Богу, воздавали, *работая*, какъ говоритъ Апостолъ,

тва-

твари паче, нежели Творцу, иже есть благословенЪ во вѣки. Сего истиннаго Бога потребно было помощи, дабы ОнЪ послалЪ мужей святыхЪ и не ложно благоговѣйныхЪ, которые бы за истинное благочестіе умерли и истребили отЪ людей заблужденіе.

Глава двадесять осьмая.

КакихЪ были мыслей о языческихЪ богахЪ ихЪ самые почитатели.

ЦицеронЪ самЪ гадатель по птичьимЪ движеніямЪ (1), однако смѣется онымЪ гадательствамЪ, и охуждаетЪ (2), что люди жизни своей дѣйствія управляютЪ по голосу ворона и вороны. Но сей Академической секты философЪ (3), который тщится все сдѣлать сомнительнымЪ, недостоинЪ того, чтобЪ вЪ семЪ случаѣ его разсужденіе уважить. РазглагольствуетЪ у него КвинтЪ Лукилій БалбЪ (4) во второй книгѣ о природѣ боговЪ, и когда самЪ суевѣрія изЪ природы вещей какЪ бы физическія и философскія вводитЪ, однако негодуетЪ на то, что введены ваянія и мнѣнія баснословныя, такЪ говоря: и такЪ видите ли, какЪ отЪ физическихЪ вещей, сЪ пользою изобрѣтенныхЪ, взять случай кЪ мнимымЪ и вымышленнымЪ богамЪ? Сіе самое породило ложныя мнѣнія, и заблужденія, и суевѣрія бабьи. Ибо извѣстны намЪ и образы боговЪ, и возрастЪ, и одѣяніе, и украшеніе; сверьхЪ того роды,

 бра-

браки, сродство и все наклонено къ подобію немощи человѣческой: ибо описываются имѣвшими возмущенный духъ. Представляютъ намъ боговъ вожделѣнія, болѣзни, гнѣвъ; притомъ, какъ описываютъ басни, боги брани между собою имѣли и сраженія. Не только, какъ у Омира, когда два войска противныя (5) боги одни то, другіе другое защищали, но и собственныя свои войны имѣли, какъ то съ Титанами (6), или Исполинами. Сіе и говорятъ и вѣрятъ безумно; понеже все то наполнено вздорами и крайнимъ легкомысліемъ. Вотъ какимъ образомъ признаются защищающіе языческихъ боговъ! Потомъ, когда сказалъ, что сіе принадлежитъ къ суевѣрію, къ благочестію же, которому онъ на подобіе Стоиковъ по видимому научалъ, что? Не только, говоритъ, философы, но и предки наши суевѣріе отъ благочестія раздѣляли; ибо которые чрезъ цѣлой день молились и приносили жертвы о жизни и здравіи своихъ дѣтей, тѣхъ назвали суевѣрными. Кто не понимаетъ, что онъ, боясь обыкновенія градскаго, старается выхвалить благочестіе предковъ, и хочетъ оное раздѣлить отъ суевѣрія; но какимъ образомъ оное сдѣлать должно, не находитъ? Ибо ежели тѣ отъ предковъ названы суевѣрными, которые чрезъ цѣлый день молились и жертвы приносили, то для чего не названы и тѣ купно суевѣрными, которые ввели то, что онъ охуждаетъ, то есть ваянія боговъ въ различномъ возрастѣ,

одѣ-

одѣяніи, также родословія боговъ, браки, сродство? Сіе когда какъ суевѣрное охуждается, что сія вина относится на предковъ, заводчиковъ таковыхъ кумировъ и почитателей; относится и къ нему самому, который хотя краснорѣчіемъ своимъ силится выйти на свободу, однако по нуждѣ тожъ самое почитаетъ; и что въ семъ разглагольствіи по своему краснорѣчію произноситъ громко, онаго къ народу и сквозь зубы выговорить не могъ. И такъ воздадимъ благодареніе Христіяне Господу Богу нашему, не небу и земли, какъ Онъ говоритъ, но Создавшему небо и землю, что Онъ сіи суевѣрія, которыя Балбъ едва осмѣлился тайно охуждать, наиглубочайшимъ Христовымъ смиреніемъ, проповѣдію Апостольскою, вѣрою мучениковъ, за истинну умирающихъ и съ истинною живущихъ, не только въ сердцахъ благочестивыхъ людей, но и въ храмахъ суевѣрныхъ свободнымъ своихъ служеніемъ истребилъ.

Глава двадесять девятая.

О мнѣніи Варроновомъ, который, стринувъ народное предубѣжденіе, хотя къ познанію единаго Бога не достигъ, однако признавалъ, что одного Бога почитать должно.

Что самый Варронъ, о которомъ сожалительно, что между вещами, до богослуженія принадлежащими, хотя не собственнымъ разсужденіемъ, когда во многихъ мѣстахъ къ не-

почитанію боговъ увѣщаваетъ, театральныя игры положилъ, не такимъ ли образомъ признается, что онъ не по своему разсужденію тому послѣдуетъ, что городъ Римъ завелъ; что ежели бы вновь онъ его построилъ, то и боговъ и имена оныхъ по образу наипаче природы онъ ввелъ бы? Но понеже оное древнимъ народомъ принято, то говоритъ о себѣ, что онъ долженъ держаться повѣсти, какъ она написана въ именахъ, и что онъ на тотъ конецъ пишетъ и изслѣдываетъ, дабы народъ наипаче стремился боговъ къ почтенію, нежели къ презрѣнію; которыми словами довольно даетъ знать, что онъ не все изъясняетъ, которое не только онъ презираетъ, но презрѣлъ бы и народъ, ежели бы отъ него скрываемо не было. Я изъ сего мѣста догадываться бы только могъ, что онъ такихъ мыслей, ежели бы онъ, ясно на другомъ мѣстѣ говоря о благочестіи, не сказалъ, что много есть истиннаго, о чемъ знать народу не полезно; но хотя бы что было и ложно, однако надлежитъ, дабы народу внушаемо было инако. И для того-то Греки о своихъ телетахъ (1) и тайнахъ (2) молчали. Здѣсь всѣ свои мысли открылъ и тѣхъ, которые города и народы управляютъ. Симъ однако обманомъ несказанно увеселяются злые духи, которые и обманщиками и обманутыми равно обладаютъ, отъ коихъ владычества ничто людей не избавляетъ, кромѣ благодати Божіей чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего.

шего. Говоритъ также тотъ же ученѣйшій писатель, что ему кажется тѣ только выразумѣли, что есть Богъ, которые признавали Его душею, движеніемъ и разумомъ міръ управляющею, и чрезъ то хотя не достигъ онъ самой истинны, ибо Богъ истинный не есть душа, но Творецъ души, однако ежели бы онъ отъ предразсужденія закоснѣлаго могъ освободиться, то призналъ бы, что одного Бога почитать должно, который движеніемъ и премудростію міръ управляетъ. Слѣдовательно между имъ и нами остался бы одинъ сей споръ, что онъ назвалъ Бога душею, а не Творцемъ души. Онъ также сказываетъ, что древніе Римляне (3) болѣе, нежели чрезъ сто и семьдесятъ лѣтъ, почитали боговъ безъ кумировъ. Ежели бы, говоритъ, сіе продолжилось по нынѣ, то непорочнѣе боги почитаемы были бы, которому своему мнѣнію въ подкрѣпленіе приводитъ между прочимъ народъ Іудейскій, и не убоялся онаго мѣста заключить сими словами: которые первые ваянія боговъ народамъ поставили, тѣ и отъ городовъ своихъ страхъ истребили, и заблужденіе пріумножили, благоразумно почитая, что боговъ удобно можно презрѣть въ безумныхъ ваяніяхъ. А что онъ говоритъ, что заблужденіе не ввели, но пріумножили, то даетъ знать, что и безъ ваяній и кумировъ заблужденіе было. Почему когда говоритъ, что тѣ одни выразумѣли, что есть Богъ, которые Бога почитали душею, міръ управляющею,

щею, и признаваетъ, что безъ ваяній непорочнѣе было бы богопочитаніе: то кто не видитъ, сколь недалече онъ отстоялъ отъ истинны? Ибо ежели бы сколько нибудь вооружился противъ сего застарѣлаго заблужденія, то конечно признлъ бы, что и Богъ есть единъ, который управляетъ міръ, и что Его безъ ваяній почитать надлежитъ. И будучи толь близокъ къ истиннѣ, можетъ быть перемѣнилъ бы свое мнѣніе о душѣ, и утвердилъ бы съ нами, что Богъ есть существо неизмѣняемое, который и самую сотворилъ душу, и Онъ-то есть Богъ истинный. Когда сіе такъ, то всѣ таковые писатели, которые охуждали почитаніе многихъ боговъ, мнѣ кажется тайнымъ Божіимъ изволеніемъ убѣждены будучи, въ томъ признавались, а не для увѣренія въ томъ другихъ. И такъ когда мы изъ оныхъ приводимъ свидѣтельства, то къ обличенію тѣхъ приводимъ, которые не хотятъ вникнуть, отъ коликой и коль пагубной демоновъ области насъ избавляетъ особенная жертва толь святѣйшія крови, излінныя за насъ и даръ Духа даровавшія.

Глава тридесятая.

Съ какимъ видомъ пользы обладатели языковъ у покоренныхъ себѣ народовъ ложныхъ не измѣняли богопочитаній.

Онъ также обьявляетъ и о родахъ боговъ, что народъ болѣе уклонился къ стихотвор-

творцамъ, нежели къ физикамъ; и для того и полъ и роды боговъ предки его, то есть Римляне, также и браки признавали, что самое не для какой иной причины сдѣлано, какъ только что разумные и премудрые люди за долгъ себѣ почитали обманывать народъ въ богопочитанiи, и чрезъ то не только почитать, но и подражать демонамъ, которые непрестанно тщатся обманывать. Ибо какъ демоны не могутъ обладать никѣмъ, развѣ котораго прельстятъ: такъ и неправедные начальники, подобные демонамъ, то, что ложнымъ сами признавали, подъ именемъ благочестiя народу внушали, тѣснѣйшимъ въ разсужденiи общества связывая его союзомъ, дабы имъ владычествовать. И такъ какой человѣкъ немощный и непросвѣщенный могъ избавиться и отъ властей лукавыхъ и демоновъ?

Глава тридесять первая.

Что премудростiю и властiю истиннаго Бога всѣхъ Царей и царствъ уставлены времена.

И такъ Богъ, податель благоденствiя и источникъ, понеже единъ есть истиннымъ Богомъ, то даетъ царства земныя и благимъ и злымъ. При всемъ томъ не безъ причины и не по случаю, поелику Онъ Богъ, а не Фортуна, но порядкомъ и временемъ, Ему одному извѣстнымъ, хотя отъ всѣхъ сокровен-

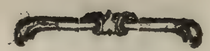
веннымЪ, которому однако времени порядку не по необходимости служитЪ, но какЪ Господь управляетЪ и устрояетЪ. Благополучіе же не даруетЪ, развѣ однимЪ добрымЪ; ибо оное могутЪ имѣть (1) и не имѣть подданные; могутЪ и не имѣть и имѣть обладатели, которое однако тогда и вЪ той жизни будетЪ полнымЪ, гдѣ ни одинЪ другому раболѣпствовать не станетЪ. И для того царства земныя и добрымЪ даетЪ и злымЪ, дабы почитатели Его, будучи духомЪ несовершенны, сего отЪ Него такЪ, какЪ бы чего великаго, не требовали. И сіе есть тайною ветхаго завѣта, вЪ коей заключалась и новая; ибо и тогда обѣщанія земныя (2) многіе духовно разумѣли, хотя ясно не проповѣдывали; также и то понимали, какая оными временными вещами означается вѣчность, и вЪ какихЪ Божіихъ дарахЪ состоитЪ истинное блаженство.

Глава тридесять вторая.

О государствѣ ІудейскомЪ, которое учреждено отЪ единаго Бога, и было сохраняемо, покуда вЪ истинномЪ богопочитаніи Іудеи пребывали.

И такЪ, дабы познали люди, что временное добро, кЪ которому стремятся тѣ, кои о лучшемЪ помышлять не могутЪ, единственно во власти Божіей состоитЪ, а не многихЪ ложныхЪ, коихЪ боготворили Римляне: то

что Богъ народъ свой въ Египтѣ изъ малаго числа людей (1) размножилъ, и оттуда съ содѣланіемъ великихъ чудесъ ихъ свободилъ. Не призывали жены Іудейскія Луцины, когда, дабы родъ ихъ крайнѣ и чуднымъ образомъ умножился, отъ Египтянъ, ихъ гонящихъ и младенцевъ всѣхъ убивать старающихся, самъ Богъ ихъ избавлялъ и сохранялъ. Безъ богини Румины ссали младенцы ихъ сосцы; безъ Кунины были въ колыбеляхъ; безъ Едуки и Потины пищу и питіе употребляли; безъ толь многочисленныхъ младенческихъ боговъ воспитывались; безъ Пріапа бога мужи ихъ съ женами совокуплялись; безъ призыванія Нептуна море для прехожденія имъ раздѣлилось и гонящихъ за ними враговъ волнами покрыло; не боготворили они какой нибудь богини Манніи, когда низпосылаема была съ небесъ имъ манна; не почитали Нимфъ и Лимфъ, когда для нихъ во время жажды произведена была вода изъ камня; безъ жертвоприношеній Марсу и Беллонѣ брани отправляли; безъ Викторіи одерживали побѣды, и оную богинею не признавали, но даромъ Божіимъ; безъ Бобоны воловъ, безъ Меллоны меда, безъ Помоны фрукты употребляли. Однимъ словомъ, все, для котораго Римляне великую толпу ложныхъ боговъ почитали, отъ одного Бога истиннаго благополучнѣе пріимали. И ежели бы они не согрѣшили вопервыхъ, какъ бы обвороженные и очарованные впадая въ идолопоклонство, и наконецъ



ежели бы не умертвили Христа: то въ томъ же государствѣ, хотя оно не столь пространно, щастливѣе пребывали бы по нынѣ. И теперь, что они разсѣяны по всѣмъ странамъ, то оное тогожѣ истиннаго Бога промысломъ содѣлано, дабы, какъ боговъ ложныхъ вездѣ кумиры, жертвенники, рощи, храмы будутъ разрушаемы, и священнослуженія ихъ возбраняемы, что за долго Пророками было предвозвѣщено, не подумалъ кто и не поставилъ бы вымышленнымъ читаемое у насъ. Слѣдующее разсмотримъ въ слѣдующей книгѣ; а сей, дабы не была продолжительностію своею тягостна, здѣсь полагаемъ предѣлъ.

Конецъ книги четвертой о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, четвертую.

На главу четвертую.

(1) Понеже и самые разбои. Сіе самое прекрасно изобразилъ Кипріанъ къ Донату: Обагряется, говоритъ, вселенная взаимною кровію, и человѣкоубійство, когда дѣлаетъ человѣкъ одинъ, поставляется преступленіемъ; добродѣтелію же называется, когда человѣкоубійство тожъ дѣлается общественно. Безнаказательность снискиваетъ не невинность, но безчеловѣчія великость. И поистиннѣ воевать не только не есть знакомъ добрыхъ людей, но ниже людей. Сіе неистовство есть звѣрей, какъ и самое имя войны, bellum, отъ bellua, звѣря, названіе получило, по мнѣнію Цицерона и Феста.

(2) Нѣкоторый пойманный морской разбойникъ. Изъ Цицероновой книги о республикѣ, какъ находится у Нонія Маркелла; ибо когда вопросилъ его Александръ, какое бы онъ имѣлъ право разбивать на морѣ, имѣя притомъ одно небольшое судно, отвѣтствовалъ: таковоежъ, какъ и ты, который разбиваешь вселенную; но какъ я разбиваю, разъѣзжая на одномъ суднѣ съ немногими людьми, то меня и называютъ разбойникомъ; а

ты поелику тожЪ самое дѣлаешь сЪ многочисленною арміею и на многихЪ корабляхЪ, то тебя называютЪ ИмператоромЪ. ЛуканЪ вЪ кн. десятой Александра называетЪ щастливымЪ вселенныя разбойникомЪ.

На главу пятую.

(1) ТрехЪ имѣли они у себя предводителей. Спартака, Хриза и Эномая. Достойно памяти то, что Плиній вЪ книгѣ тритцать третіей повѣствуетЪ, что СпартакЪ запретилЪ вЪ своемЪ войскѣ имѣть золото и серебро; почему и неудивительно, что его армія крайнѣ умножилась. И такЪ, мнѣ кажется, лучше было установленіе вЪ лагеряхЪ бѣглыхЪ, нежели сильныхЪ Царей МидскихЪ вЪ городахЪ.

(2) Не долго владычествовали. ВЪ третій годЪ по побѣгѣ истреблены ЛикиніемЪ КрассомЪ.

На главу шестую.

(1) ЮстинЪ. ТрогЪ Помпей сЪ начала народовЪ и языковЪ велЪ свою исторію до своихЪ временЪ. ЮстинЪ огромное свое сочиненіе сократилЪ, такЪ какЪ ФлорЪ Ливія. Нынѣ вмѣсто Трога читается ЮстинЪ. Нѣкоторые увѣряютЪ, что они Трогову исторію видѣли вЪ Италіи, однако я думаю, что они сіе видѣли во снѣ.

(2) Первый изЪ всѣхЪ НинЪ. Сей былЪ ВиловЪ сынЪ.

(3)

(3) На сосѣдей. Извѣстно, что прежде Нина войны были: Африканцы и Египтяне между собою воевали. И Плиній въ пятой книгѣ свидѣтельствуетъ, что первые изобрѣтатели войны Финикіяне; Юстинъ же почитаетъ Вескора Египетскаго и Танаиса Скиѳскаго Царя, которые съ отдаленными народами изъ одной славы воевали; Нинъ же первый съ сосѣдними народами изъ желанія распространить свои предѣлы.

(4) Что Римское. Сколь долго продолжалась Ассирійская монархія, въ томъ великое разногласіе у писателей: Евсевій считаетъ тысячу двѣсти сорокъ лѣтъ, Діодоръ Сицилійскій тысячу триста шестьдесятъ, Юстинъ уменьшаетъ изъ сего числа шестьдесятъ лѣтъ. Также и о числѣ Царей не согласуютъ: Діодоръ тритцать Царей изчисляетъ, Евсевій тритцать шесть, Веллей отъ Нина до Сарданапала тритцать три, Августинъ же писалъ книги о градѣ Божіемъ во время Онорія и Ѳеодосія младшаго около лѣта отъ построенія Рима тысяча сто семьдесятаго.

На главу седьмую.

(1) Мидяне. Чрезъ Арбака, Губернатора Мидскаго, которой Сарданапала побѣдилъ, вознегодовавъ за то, что толь распустному и между женами жизнь препровождающему многія тысячи народу повинуются, какъ пишетъ Юстинъ, Орозій, Плутархъ, Евсевій, Діодоръ и другіе.

(2) Къ Персамъ. Царствовали Мидяне въ Азіи отъ Арбака до Кига, Камбизова сына, триста пятьдесятъ лѣтъ. Астіагъ былъ послѣднимъ Царемъ, котораго отъ дочери Манданы, вышедшей замужъ за Камбиза, родился Киръ, котораго дѣдъ, получивъ извѣщаніе во снѣ, повелѣлъ бросить на снѣденіе звѣрямъ, но младенецъ сохраненъ судьбою. Онъ возрастши пришелъ въ Персеполь, и собравъ народъ, повелѣлъ ему рубить лѣсъ; на другой день для тогожъ народа приказалъ изготовить великолѣпный пиръ, и спрашивалъ, который день для нихъ лучшимъ кажется, вчерашній, или нынѣшній. И какъ всѣ сказали, что нынѣшній, тогда онъ: покуда, продолжалъ, будете вы повиноваться Мидянамъ, потуда жизнь ваша будетъ вамъ вчерашнимъ днемъ; какъ же скоро вы ими станете обладать, то она для васъ будетъ днемъ нынѣшнимъ. Такимъ образомъ собравъ великое войско, побѣдилъ армію дѣдову, и государство пренесъ къ Персамъ.

(3) Которые. Царство Персидское отъ Кира до Александра Филиппова сына продолжалось двѣсти тритцать лѣтъ. Александръ владычествовалъ надъ всею Азіею шесть лѣтъ.

На главу осьмую.

(1) Клуацинѣ. Имя сіе испорченное, читать должно Клоацинѣ, которыя ваяніе найдено Титомъ Таціемъ въ большомъ нечистомъ стокѣ (In magna cloaca), отъ чего и

Клоа-

Клоациною она названа; поелику не знали чье оно изображеніе составляетъ, того ради отъ мѣста, то есть отъ нужника (Cloaca), дали ему имя, въ коемъ оно найдено.

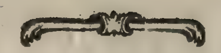
(2) Волупіѣ. Ея храмъ былъ близь вратъ Римскихъ, какъ пишетъ Варронъ въ книгѣ третіей о языкѣ Латинскомъ. Макровій въ Сатурн. повѣствуетъ, что въ 21 день Декабря празднество отправляемо было богинѣ Ангероніи въ храмѣ Волупіи, которая Ангероніею по тому, какъ Веррій Флаккъ говоритъ, называется, понеже умилостивлена бывши, angores, печали и прискорбности прогоняетъ. Прилагаетъ Мазурій, что ваяніе сея богини имѣетъ завязанныя и запечатанныя уста, которое поставлено въ храмѣ Волупіи для того, что кто своихъ прискорбностей нечувствующимъ притворяется, тотъ посредствомъ терпѣнія къ великому удовольствію (Volupiam) достигаетъ.

(3) Или Либентинѣ. Либентиною Варронъ въ книгѣ третіей о языкѣ Латинскомъ называетъ Венеру отъ Libidine, сладострастія.

(4) Ватикану. Геллій въ книгѣ шестойнадесять изъ Варрона Ватиканомъ его называетъ.

(5) Кунинѣ. Сія богиня младенцовъ въ колыбеляхъ защищаетъ.

(6) Сегеціѣ. Плиній ее называетъ въ книгѣ осьмойнадесять Сегестіею; ибо сихъ боговъ наипаче тогда знали: Сеію, отъ Serendo,

сѣянія; Сегесту, отъ Segetibus, класовъ, коихъ ваянія на площади стоятъ.

(7) Богиню Тутилину. Тутанъ и Тутилина боги упражняются въ сохраненіи вещей. Варронъ говоритъ, что сихъ боговъ обыкновенно въ бѣдственныхъ и нечаянныхъ случаяхъ призывали.

(8) Прозерпину. Сія была дочь Цереры и Юпитера, которую дядя ея Плутонъ похитилъ. Цицеронъ въ книгѣ второй о природѣ боговъ пишетъ: Прозерпина есть та самая, которая по Гречески называется Персефона, которую поставляютъ сѣменами плодовъ, которая, сокровенна будучи, ищется матерію. Варронъ же Прозерпину называетъ Луною, по мнѣнію Эннія и Эпихарма.

(9) Богиня Флора. О сей многіе думаютъ, что она есть Анка Ларенція блудница. Другіе почитаютъ ее Мелибееω, дочерью Ніобы, которая, боясь Аполлина и Діаны, перемѣнивъ видъ въ лицѣ своемъ, Хлорою названа.

(10) Лактурція. Иные называютъ ее Лактуциною. Сервій въ изъясненіи первой книги земледѣл. богомъ, млекомъ питающимъ.

(11) Матута. Была Кадмова дочь, Аѳамантова жена, которая когда съ камня бросилась въ море, то по перемѣнѣ имени изъ Ины названа Бѣлою богинею. У Латинщиковъ Матута мать, которая есть тажъ самая, что Аврора, заря, отъ которой производится Matutinum tempus, утреннее время. Она сына имѣла Мелицерта, морскаго бога, ко-

которой также по перемѣнѣ имени названъ Палемономъ. Храмъ ему былъ въ осьмой части Рима.

(12) Рунцина. Упоминаетъ объ ней Варронъ въ книгѣ о Латинскомъ языкѣ. У древнихъ Runcare и Averruncare значило исторгать, отвращать, откуда производится Аверрункъ богъ, отвратитель золъ.

(13) Всякъ. Всякой человѣкъ одного приставляетъ стража у дверей; и хотя приставникъ оный есть человѣкъ, однако можетъ одинъ охранить домъ. Но боговъ и троихъ не довольно.

(14) Кардію. Лучше сказать Карну, которая въ древности называлась Краною, которая изнасилована отъ Януса, и сей богъ далъ ей право надъ крюкомъ у дверей. Праздновали ей 1 числа Іюня, какъ Овидій въ шестой книгѣ праздниковъ.

На главу девятую.

(1) На высокомъ холмѣ. Тарпейскомъ.

(2) Юпитеръ все наполняетъ. Луканъ въ 8: жилище Божіе есть, гдѣ земля, море, воздухъ и небо, на чтожъ мы ищемъ небожителей: Юпитеръ есть все то, что ни видишь и куда ни обратишься.

(3) Варронъ. Плутархъ увѣряетъ, что древніе философы Юпитеромъ называли разумъ, создавшій всѣ вещи и даровавшій жизнь.

На главу десятую.

(1) Юпитера. Цицеронъ во второй книгѣ о природѣ боговъ пишетъ, что Юпитеромъ называется небо. Стоики же говорятъ, что воздухъ, между небомъ и моремъ проліянный, есть Юнона, которая есть и сестра и жена Юпитерова.

(2) Нептуну. У Сатурна три сына было: Юпитеръ, Нептунъ и Плутонъ. Они міръ между собою раздѣлили такъ: Юпитеру досталось небо, Нептуну моря, Плутону земля. Юнона вышла за Юпитера, и поставлена обладательницею надъ воздухомъ. Симъ вымысломъ истинна прикрыта такова: они раздѣлили государство отцовское: востокъ достался Юпитеру, который небеснымъ кажется, гдѣ и Олимпъ гора, которая подобіемъ и сходствомъ имени своего басню сію подкрѣпила. Обладать моремъ и флотомъ досталось Нептуну, западная часть досталась въ жребій Плутону; почему и написали, что онъ владычествуетъ у преисподнихъ. Ибо и объ Сатурнѣ сказываютъ, что онъ изгнанъ въ преисподнюю, когда онъ съ востока ушелъ въ Италію, которая есть на западѣ.

(3) Салація. Фестъ пишетъ, что древніе воду называли Салаціею. За воду у стихотворцовъ полагается. Діодоръ Сицилійскій пишетъ, что Нептунъ первый изобрѣлъ искусство въ мореплаваніи, и за то отъ Юпитера

тера надъ флотомъ бывши поставленъ, почтенъ отъ потомковъ за морскаго бога.

(4) Прозерпина. Сію Цереріну и Юпитерову дочь Плутонъ въ Сициліи похитилъ, которую мать долго искавъ, наконецъ нашла во адѣ, и исходатайствовала у Юпитера, дабы Прозерпина полгода жила съ мужемъ и полгода въ горнихъ мѣстахъ съ нею. О похищеніи Прозерпины наполнены Греческіе и Латинскіе писатели.

(5) Гдѣжъ будетъ Минерва. Евгемеръ въ священной исторіи пишетъ, что Минерва есть дочь Юпитерова и Ѳемидина. Цицеронъ пять Минервъ описываетъ въ третіей книгѣ о природѣ боговъ. Но по обыкновенію стихотворцовъ онѣ всѣ безъ разбору полагаются.

(6) Понеже Сатурнъ, говорятъ. Пишутъ Исіодъ, Евгемеръ и Діодоръ, что Сатурнъ есть сынъ Неба и Земли, человѣкъ нечестивѣйшій, которому за его непотребство заплатилъ сынъ его Юпитеръ; ибо онъ изгнанъ имъ, какъ онъ самъ изгналъ отца, и показалъ собою, что справедливо говорится: отъ другаго того ожидай, что сдѣлаешь иному. Его богомъ времени называютъ. Дѣтей поядающимъ описывается; понеже вѣкъ какъ бы снѣдаетъ лѣта, и прошедшими годами питается, но не насыщается.

(7) Ибо и сіе. То есть, что Юнона есть земля. Сіе объявляетъ Варронъ въ книгѣ третіей о Латинскомъ языкѣ, гдѣ Юнону землею (Terram и Tellurem) называетъ. Плутархъ так-

также, какъ находится въ пріуготовленіи Евангельскомъ Евсевіевомъ, изъясняетъ чрезъ Юнону землю и брачное соединеніе мужа и жены. Сервій же утверждаетъ, что Юпитеръ вмѣсто ѳѳира полагается и воздуха, Юнона вмѣсто земли и воды.

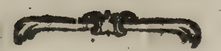
(8) Не уже ли двѣ Венеры. Платонъ въ бесѣдѣ двѣ полагаетъ Венеры: одну небесную, которая наисвятѣйшую возбуждаетъ любовь; другую дольнюю и общенародную, коею къ похоти возбуждаемся.

(9) Которой Финикіяне. Сіе о Кипрянехъ повѣствуетъ Юстинъ въ книгѣ второйнадесять. Обычай, говоритъ, былъ у Кипрянъ возрастшихъ и доспѣвшихъ замужественныхъ лѣтъ въ уреченные дни вывозить на брегъ къ морю, дабы они любодѣйствомъ промышляли себѣ приданое. Я думаю, что сіе по установленію было Венерину, которая, какъ Лактанцій изъ священной языческой исторіи предлагаетъ, заводчицею была блуднаго житія, и научила Кипрянокъ любодѣйствомъ корысть себѣ пріобрѣтать. Страбонъ повѣствуетъ, что и въ Арменіи былъ такой же обычай. Иродотъ пишетъ тожъ о Лидянахъ и Вавилонянахъ и прочихъ.

(10) Сотрудника. Ибо Вулканъ и Минерва пекутся о перунахъ Юпитеровыхъ.

На главу первуюнадесять.

(1) Тѣлеснаго міра есть душа. Такъ говорили Ѳалесъ Милетской и Демокритъ. Стоики



ки же съ Платономъ хотя называютъ бога умомъ, но говорятъ притомъ, что онъ міра вмѣсто тѣла не употребляетъ, но утверждаютъ, что міръ есть самъ Богъ, имѣющій душу. Древніе многіе солнце душею міра поставляли и называли умомъ.

(2) Луциною. Цицеронъ пишетъ, что сія богиня есть тожъ, что и Луна и Діана и Юнона.

(3) Вагитаномъ. Тожъ значитъ, что и Ватиканъ.

(4) Карментами. О сей пишутъ, что она была Аркадскаго Царя дочь, и называлась прежде Никостратою, которая съ Меркуріемъ родила Евандра, и которая, ставши наконецъ на подобіе бѣснующейся, смертнымъ предвозвѣщала судьбы.

(5) Румою. Сія почитаема была богинею сосцовъ; понеже Руменъ древнее слово значило сосцы, какъ пишутъ Плиній и Фестъ.

(6) Потинѣ. Сію богиню инако называютъ Питикою, которая владычествовала надъ питіемъ.

(7) Вениліею. Виргилій пишетъ, что Венилія есть мать Турнова, сестра Аматы, Латинскаго Царя жены. Варронъ говоритъ, что Вениліею она названа отъ Veniendo, прихода, или хода.

(8) Каменою. Сервій говоритъ, что Камены суть Музы, и называются Каменами отъ Cantu, пѣнія. Фестъ же увѣряетъ, что Камены названы отъ Casta mente, непорочной мы-

мысли. Храмъ ихъ былъ въ Римѣ у воротъ Капенскихъ.

(9) Консомъ. Ливій, Діонисій и Плутархъ пишутъ, что сей богъ есть Нептунъ, на коняхъ ѣздящій, которому храмъ построили Аркадяне прежде Ромула и Рема. Онъ почитаемъ былъ богомъ совѣтовъ.

(10) Сентіею. Фавна, Фавнова жена, Пикова дочь, Сентою и Фатуею наречена отъ Fando, вѣщанія; понеже думали, что ея помощію отроки говорить начинаютъ. Можетъ быть и Сентою по тому, что людскія чувствованія и мысли изъясняла.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Викторія. Былъ храмъ Викторіи близъ площади въ Римѣ, построенный старшимъ Катономъ. Былъ и другой храмъ, которой построилъ Постумій Мегеллъ на штрафныя деньги. Исіодъ говоритъ, что Викторія есть дочь Стикса и Палланты. Братьями ея почитаются Ревность, Могущество и Сила, которыя всегда сосѣдятъ Юпитеру.

На главу шестуюнадесять.

(1) Богинею Стимулою. Не та ли самая, которая называется и Ортою, которая, будучи между смертными, Ерсиліею нарицалась, и была женою Ромуловою; которая отъ Hortando, совѣтованія и убѣжденія, Гортою наименована? Храмъ ея никогда затворяемъ не былъ, въ знакъ того, что она непрестанно

что

что либо знаменитое повелѣваетъ дѣлать. Она по смерти преименована Орою, промысла богинею, и не терпитъ нерадивыхъ и лѣнивцовъ.

(2) Помпоній. Ермолай, Бероалдъ и другіе многіе приводятъ о сей матеріи Помпонія въ свидѣтели, но не изъясняютъ, кто таковъ Помпоній; ибо ихъ было много: Помпоній Аттикъ, Помпоній ораторъ, Помпоній Мела, Юлій Помпоній, трагическихъ стиховъ писатель, о коемъ воспоминаетъ Квинтиліанъ; Помпоній юрисконсультъ.

(3) Миръ же. Я думаю, что покой къ умершимъ принадлежалъ. Покойнымъ назывался отъ древнихъ Орхъ, того-то ради покой внѣ города былъ почитаемъ. Храмъ покоя стоялъ на дорогѣ Лабицинской, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ четвертой.

На главу осьмуюнадесять.

(1) И щастіе. О храмѣ ея многократно воспоминаетъ Плиній. Ваяніе ея купилъ у Архезилая Лукуллъ за девять сестерціевъ, какъ пишетъ Плиній въ книгѣ тритцать пятой.

(2) Храма. Различные были щастію храмы худаго щастія и проклятаго, щастія кавалерскаго, щастія мужественнаго, щастія малаго, щастія дѣвственнаго, перворoднаго, повинующагося, частнаго, общественнаго, мужескаго, благонадежнаго, отвращающаго, обращающаго, ласкательствующаго, сомнительнаго, боро-

бородатаго, женскаго, которыя введены Сервіемъ Тулліемъ; понеже онъ изъ рабовъ щастіемъ Царскаго достоинства достигнулъ.

На главу девятуюнадесять.

(1) Ваяніе. По полученіи вольности на осьмомнадесять году, когда Марцій Каріоланскій, бывшій въ ссылкѣ, вооружился противъ отечества, и силою отогнанъ отъ Рима, ни умоленъ быть не могъ, то слезами женъ умоленъ и преклоненъ. Чего для и построенъ храмъ щастію женскому на четвертой милѣ отъ Рима, которой когда былъ посвящаемъ, тогда ваяніе сіи слова выговорило: правильно вы меня, жены, видѣли, правильно обоготворили, какъ пишутъ Ливій, Валерій и Плутархъ. Лактанцій же говоритъ, что ваяніе женскаго щастія бѣдствіе предвозвѣстило; но сіе послѣ.

(2) Но и мужеская. Храмъ онаго стоялъ на берегу Тибра. Праздникъ совершали оному въ 1 число Апрѣля.

На главу двадесятую.

(1) И добродѣтель богинею. Добродѣтели обѣщался храмъ воздвигнуть М. Маркеллъ во время консульства своего въ первый разъ въ Галліи, который наконецъ сынъ его построилъ въ Римѣ подлѣ воротъ Капенскихъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ двашцать девятой. Другой храмъ построилъ Марій добродѣтели и чести, который былъ гораздо ниже другихъ,

дабы

дабы, естьли паче чаянія помѣшательство сдѣлаетъ высотою своею гадателямъ по птичьему полету, не приказали оный раззорить. Цицеронъ въ книгѣ второй о законахъ, почитай, говоритъ, тѣхъ, помощію коихъ возможно человѣку взойти на небо: мысль, добродѣтель, благочестіе, вѣру. Храмъ вѣры былъ въ Капитоліи, какъ пишетъ Плиній въ книгѣ тритцать пятой.

(2) На четыре вида. Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и другіе раздѣляютъ.

(3) Въ части правды. Цицеронъ въ книгѣ первой о должностяхъ основаніемъ правды вѣру полагаетъ. Также въ первой книгѣ о естествѣ боговъ правдою благоговѣніе къ богамъ называетъ, котораго частію есть вѣра.

(4) Римскіе вельможи. Сюда принадлежатъ примѣры изъ Валерія Максима о укрощеніи духа, какъ-то о тѣхъ, кои изъ враговъ взаимно подѣлались другами; о воздержаніи, о скромности; ибо Цицеронъ въ книгѣ первой о должностяхъ показываетъ, что все сіе подъ воздержаніемъ содержится.

(5) Муцій. Муцій, когда Порсена осаждалъ Римъ, перемѣнивъ на себѣ одѣяніе и скрывъ мечь подъ онымъ, вошелъ въ лагерь и въ шатрѣ Царскомъ умертвилъ вмѣсто Царя ошибкою другаго. И когда Царь повелѣлъ его мучить, то онъ самъ на огонь жертвенной простеръ свою руку и держалъ неподвижно, покуда въ удивленіе и страхъ привелъ Царя.

(6) Курцiя. Озеро, сказываютъ, было на площади въ Римѣ, которое наконецъ высохло; оное называлось Курцiевымъ. Говорятъ нѣкоторые, что оно названо такъ отъ Курцiя Сабинскаго, который во время сраженiя между Ромуломъ и Сабинцами переплылъ на конѣ чрезъ оное. Другiе увѣряютъ, что оно наречено отъ Курцiя, Кавалера Римскаго, который кинулся въ оное, когда оракулъ повелѣлъ ввергнуть въ оное то, въ чемъ наипаче Римляне имѣютъ крѣпость. Сiе повѣствуетъ Ливiй въ книгѣ первой и седьмой отъ построенiя Рима; однако Варронъ въ книгѣ третiей о Латинскомъ языкѣ такъ говоритъ. Корнилiй и Лукпацiй пишутъ, что оное озеро выжжено молнiею и по Сенатскому приговору огорожено, что и учинилъ Курцiй Консулъ.

(7) Въ Декiи отцѣ. Сей былъ человѣкъ изъ простолюдимовъ, но весьма славенъ въ войнѣ и знаменитъ по любви къ отечеству; онъ себя посвятилъ богамъ за полки Римскiе, и разогнавъ коня, врѣзался въ средину непрiятелей.

(8) И въ Декiѣ сынъ. Онъ также за войско посвятилъ себя богамъ, какъ пишетъ Ливiй въ книгѣ десятой.

(9) И цѣломудрiе. Храмъ цѣломудрiя былъ на воловьемъ рынкѣ близъ круглаго храма Ираклiева, какъ говоритъ Ливiй въ книгѣ десятой. Нѣкоторые думаютъ, что сей кумиръ былъ Фортуны, какъ говоритъ Фестъ. Былъ

хра-

храмикѣ и частнаго цѣломудрія, построенный вѣ долгой улицѣ Виргиніею; но который потомѣ забвенію преданѣ, какѣ упоминаетѣ Ливій.

На главу двадесять первую.

(1) Богамѣ браковѣ. Плутархѣ пишетѣ, что бракосочетающіеся различнымѣ молятся богамѣ: Юпитеру юношѣ, Юнонѣ молодой, Венерѣ, а наипаче Діанѣ.

(2) Богинѣ Пекуніѣ. Деньгамѣ. Сей богинѣ храма не было, какѣ говоритѣ Ювеналѣ вѣ сатирѣ первой.

(3) Понеже мѣдная монета. Плиній вѣ книгѣ тритцать третіей пишетѣ такѣ: сребреную монету начали дѣлать вѣ Римѣ отѣ построенія Рима на четыреста восемдесять пятомѣ году, за пять лѣтѣ до первой войны сѣ Карѳагенцами, при Фабіѣ Консулѣ. Начертанія на монетѣ серебреной были двойки и четверки коней.

(4) Богиню ржавщину. Ржа есть роса согнившая, которая молодыя жита портитѣ. По зарямѣ нападаетѣ она на класы, когда нѣтѣ вѣтровѣ, какѣ говоритѣ Плиній, и вѣ ясныя ночи; ибо гористыя мѣста и вѣтрамѣ подверженныя сего не чувствуютѣ. Онѣ же повѣствуетѣ, что праздники, Робигалія называемые, уставилѣ Нума. Варронѣ же вѣ книгѣ первой о сельскихѣ дѣлахѣ поставляетѣ богиню сію богомѣ Робигомѣ.

На главу двадесять вторую.

(1) Пика. Онѣ былѣ сынѣ Сатурновѣ, какѣ говоритѣ Виргилій вѣ седьмой книгѣ;

 цар-

царствовалЪ вЪ Лашіи во время АборигеновЪ, котораго Цирка вЪ пшицу тогожЪ имени (Picum, дятла) превратила, которую птицу Римляне священною поставляютЪ. ПревратилажЪ за то, что онЪ влюбился вЪ Помону богиню.

(2) Фауна. ОнЪ сынЪ былЪ ПиковЪ; почитается отцемЪ ФауновЪ и СатировЪ и прочихЪ лѣсныхЪ боговЪ.

(3) Тиберина. Сей КапетовЪ былЪ сынЪ Албанскій Царь, знатный разбойникЪ, который, переплывая чрезЪ рѣку, утонулЪ, и свое рѣкѢ оставилЪ имя Тибра, которая прежде Албулою называлась.

(4) СвѣтЪ. Римляне почитали Юпитера Луцейскаго, о коемЪ думали, что онЪ обладаетЪ свѣтомЪ. ВарронЪ же вЪ книгѣ третіей о языкѣ ЛатинскомЪ говоритЪ, что ТитЪ Тацій боговЪ ввелЪ Опу, Флору, Сатурна, Солнце, Луну, Вулкана, Суммана, Ларунда и Термина, Курина, Коррунда, домашнихЪ боговЪ, и Діану и Луцину.

(5) Консентами, или единомысленными. ТакихЪ боговЪ щитается двенатцать: Юнона, Веста, Минерва, Церера, Діана, Венера, МарсЪ, Меркурій, ЮпитерЪ, НептунЪ, ВулканЪ, АполлинЪ. СихЪ боговЪ вЪ совѣтахЪ употребляетЪ ЮпитерЪ.

(6) ЮвентасЪ. Сія богиня есть тажЪ самая, которая по Гречески называется Ивою, которая была у Юпитера вЪ должности мундшенской, на которыя мѣсто ГанимедЪ послѣ поставленЪ.

(7) Суммана. Сей богЪ былЪ не знаменитЪ, того ради у писателей имя его забыто, какЪ Овидій говоритЪ: ктобЪ такой ни былЪ СумманЪ. Праздновали однако ему вЪ ІюнѢ девятагонадесять числа. ХрамЪ СуммановЪ былЪ близь великаго Цирка, или площади.

На главу двадесять третію.

(1) ПрелюбодѢемЪ. ПрелюбодѢйства Юпитеровы разглашены у стихотворцовЪ, какЪ то сЪ Алкуменою, сЪ Ледою и другими.

(2) Прекраснаго отрока. Ганимеда Фригійскаго.

На главу двадесять четвертую.

(1) ВымыслилЪ ОмирЪ. ГоворитЪ Туллій вЪ первой книгѢ ТускуланскихЪ вопросовЪ: не слушаю Омира, которой говоритЪ, что ГанимедЪ похищенЪ отЪ боговЪ за красоту лица, дабы у Юпитера былЪ мундшенкомЪ; инаково неправедно обиженЪ былЪ бы ЛаомедонтЪ. ВымыслилЪ сіе ОмирЪ, и человѢческое присвоилЪ богамЪ. МнѢ бы желалось, дабы онЪ божественное присвоилЪ человѢку. Чтоже божественное? Пребывать, мудрствовать, обрѢтать, памятовать. ВажнѢйшее мнѢніе, коимЪ отражается суевѢріе, или нечестіе тѢхЪ, кои о БогѢ умствуютЪ и о НемЪ судятЪ по нашимЪ страстямЪ, то есть поставляютЪ Его такимЪ, каковы мы: суровы, неприступны, жалобу произносящіе, жестоки, завистливы, горды, надмѢнны,

 легко-

легкомысленны, погруженные въ порокахъ и беззаконіяхъ.

(2) Титу Латину. Сія исторія у многихъ находится писателей. Воспоминаетъ о ней Цицеронъ въ первой книгѣ о гадательствѣ, изъ Фабія, Геллія и Целія. Ливій въ книгѣ второй, Валерій Максимъ въ книгѣ первой, и по нихъ Геллій, Макровій, Лактанцій. Лактанцій онаго не Титомъ, но Тиверіемъ Аринскимъ называетъ.

(3) Отъ власти коихъ. Касается онаго Павлова слова, къ Римляномъ въ главѣ седьмой положеннаго: *Окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодать Божія Іисусъ Христомъ.*

На главу двадесять пятую.

(1) Первосвященникъ Сцевола. Муціи Сцеволы были многіе. Сей былъ первосвященникомъ во времена Маріевы, убитъ отъ младшаго Марія. Цицеронъ сказываетъ о себѣ, что ходилъ къ оному Сцеволѣ учиться по смерти Сцеволы, гадателя по птичьимъ движеніямъ.

(2) Первой родъ есть баснословной. Діонисій Аликарнасскій въ книгѣ второй древнихъ вещей пишетъ, что Римляне отвергли вымыслы оные стихотворцовъ, коими боги между собою вводятся сражающимися, чинящими раздоры, прелюбодѣйствующими, чего не только о богахъ, но и о честномъ человѣкѣ сказать не можно; и что Ромулъ пріучилъ

сво-

своихъ Квиритянъ и хорошо о богахъ думать и хорошо говорить.

(3) Похищаетъ. Меркурій, который укралъ у Тирезія воловъ, у Марса мечь, у Вулкана клещи, у Нептуна острогу.

(4) Превращается въ вола. Когда Юпитеръ похитилъ Европу.

(5) Или лебедя. Когда любодѣйство учинилъ съ Ледою. О сихъ превращеніяхъ Юпитеровыхъ Овидій въ книгѣ шестой превращеній.

(6) Совокупляются. Церера съ Іасіемъ, Армонія съ Кадмомъ, Аврора съ Тиѳономъ, Теѳиса съ Пелеемъ, Венера съ Анхизомъ, Цирка съ Улиссомъ.

На главу двадесять седьмую.

(1) По изволенію Адріанову. Сей былъ четвертыйнадесять Императоръ Римскій, усыновленный Трояномъ, которому былъ онъ преемникомъ. Онъ, завидуя славѣ отца своего, Арменію, Месопотамію и Ассирію Персамъ возвратилъ, которыя Траянъ присовокупилъ было къ державѣ Римской, и положилъ предѣломъ Евфратъ рѣку, какъ пишетъ Евтропій въ книгѣ осьмой. Я думаю, что отдачи оной причиною было то: понеже древніе провозвѣстники объявили, что для Римскаго государства нещастливо будетъ, ежели полководецъ какой либо Римскій вооруженное войско поведетъ далѣе Евфрата рѣки и города Ктезифонта. Нещастіе таковое первое приключилось Ликинію Крассу, и самъ Траянъ, побѣдивъ Пареянъ, въ Римъ не возвратился.

 (2)

(2) Іуліанову. ОнЪ ИмператоромЪ поставленЪ при КонсулахЪ МамертинѢ и НевиттѢ вЪ лѣто отЪ построенія Рима тысяча сто шестоенадесять. Орозій говоритЪ о немЪ такЪ: Христіянскаго благочестія врагЪ побѣжденЪ бывши отЪ ПарѳянЪ при КтезифонтѢ, и войску и республикѢ вредЪ причинилЪ смертію своею.

(3) Іовіановой. Сей былЪ изЪ Панноніи вЪ великомЪ бѣдствіи арміею поставленЪ ИмператоромЪ; онЪ заключилЪ сЪ Персами хотя безчестной, однако необходимой мирЪ. ГородЪ НизибидЪ и часть вышней Месопотаміи уступилЪ ПарѳянамЪ; такимЪ образомЪ границы премѣнены.

На главу двадесять осьмую.

(1) ЦицеронЪ самЪ, гадатель по птичьимЪ движеніямЪ. ОнЪ былЪ изЪ числа гадателей, посвященный ОртенсіемЪ ораторомЪ.

(2) И охуждаетЪ. О семЪ разсуждаетЪ ЦицеронЪ вЪ книгѢ второй о гадательствѢ.

(3) Но сей Академической секты философЪ. У послѣдователей сей секты обычай былЪ собственнаго ничего не утверждать, но положенное другими отражать, которой обычай наблюдалЪ ЦицеронЪ вЪ своихЪ діалогахЪ.

(4) Лукилій БалбЪ. Искуснѣйшій вЪ стоическомЪ ученіи.

(5) Два войска противныя. ГрековЪ защищала Юнона, Паллада, НептунЪ; ТроянЪ же АполлинЪ, Венера, МарсЪ.

(6)

(6) СЪ Титанами. Титаны были дѣти Земли и Титана, Сатурнова брата, которыя по условію между Сатурномъ и Титаномъ государство у Юпитера отнимали. Дѣло сперва началось ссорою, потомъ дошло до оружія. Война была жестокая. Жесточайшая же, когда Титанцы, оставшееся собравъ войско, Юпитера и прочихъ прогнали въ Египетъ. Первая война называлась Титанцовъ, вторая Исполиновъ.

На главу двадесять девятую.

(1) Телетахъ. Суида пишетъ, что Телеты суть изъ таинъ жертвы наивеличайшія и съ великимъ иждивеніемъ пріуготовленныя. Таковыя жертвы, какъ повѣствуетъ Порфирій, приносимы были Солнцу и Лунѣ и Бахусу, и нѣкоторыя очищенія, содержащіяся въ книгахъ Орфеевыхъ и Музеевыхъ.

(2) И тайнахъ. Каковы то суть Церерины.

(3) Древніе Римляне. Плутархъ пишетъ въ житіи Нумовомъ, что онъ запретилъ, дабы народъ не думалъ, что образъ Божій есть подобенъ или человѣку, или другому какому животному, и не было у нихъ ни живописнаго, ни изваяннаго вида Божія; но въ первыя сто семьдесятъ лѣтъ хотя храмы поставляли, однако кумировъ и ваяній не дѣлали. И Діонисій Аликарнасскій говоритъ, что Нума храмы богамъ построилъ, однако кумировъ не поставлялъ; понеже вѣрилъ, что никакимъ подобіемъ Бога изобразить не можно.

Потомъ Тарквиній Прискъ въ подражаніе Греческаго безумія и Этрусскаго научилъ богамъ поставлять кумиры.

На главу тридесять первую.

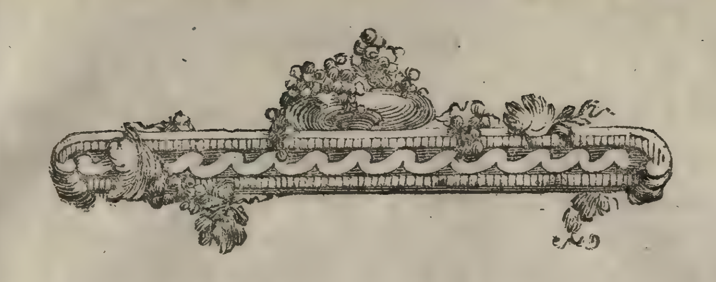
(1) Могутъ имѣть. Тожъ Стоики утверждали, которые говорили, что ихъ мудрецъ, хотябъ въ неволѣ былъ, есть свободенъ, господинъ и щастливъ; безумный же, хотябъ Царемъ былъ, есть рабъ и нещастенъ.

(2) Обѣщанія земныя. Въ ветхомъ завѣтѣ все Богомъ обѣщанное исполняющимъ законъ было временное и земное; но оно было образомъ вѣчныхъ и небесныхъ.

На главу тридесять вторую.

(1) Изъ малаго числа людей. Сыновъ Израилевыхъ вошло въ Египетъ съ Іаковомъ семьдесятъ. Бытія глава сорокъ шестая.

БЛАЖЕН-



БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ*

О градѣ Божіемъ.

КНИГА V.

Глава первая.

О томъ, что Римскаго и прочихъ государствъ вина ни случайная, ниже зависитъ отъ положенія звѣздъ.

Понеже извѣстно, что всѣхъ вещей, къ коимъ желаніе человѣческое стремится, совершенствомъ есть щастіе, которое не богиня, но даръ Божій; и для того никакого бога люди почитать не должны, кромѣ того, который дѣлаетъ людей благополучными; почему ежели бы щастіе было богинею, то одну бы оную почитать надлежало. Теперь разсмотримъ, для какой причины Богъ, который можетъ одарить благими и такими, которыя могутъ имѣть и недобрые, а потому и нещастливые, Римскому государству толь пространнымъ и толь долговѣчнымъ быть

быть благоволилЪ. Понеже уже мы то, что не множество оное ложныхЪ боговЪ, коимЪ Римляне покланялись, оное дѣлало, довольно показали, и гдѣ за благо разсудится, еще говорить имѣемЪ: и такЪ вина великости Римскаго государства есть ни случайная, ни происходящая отЪ рока, по мнѣнію тѣхЪ, которые то случайнымЪ называютЪ, что или никакой вины не имѣетЪ, или какЪ бы не отЪ благоразумнаго порядка происходитЪ; а отЪ рока проистекающимЪ то, что безЪ Божіей и человѣческой воли по необходимости нѣкоей приключается. Божіимъ промысломЪ царства человѣческія учреждаются, которыя естьли кто либо року, или судьбѣ для того приписываетЪ, понеже волю Божію и власть именемЪ судьбы называетЪ: то таковой вЪ мнѣніи не погрѣшаетЪ, однако языкЪ исправить долженЪ. Ибо для чего онЪ не говоритЪ того прежде, что послѣ принужденЪ будетЪ сказать, ежели кто нибудь спроситЪ, чтобЪ значило выговоренное имЪ слово, рокЪ, или судьба? Ибо сіи слова услышавЪ народЪ, по употребленію слова не инаково понимаетЪ, какЪ о силѣ положенія звѣздЪ, то есть каково оно, когда кто раждается, или зачинается во чревѣ, что иные удаляютЪ отЪ Божіей воли, другіе зависящимЪ отЪ оной почитаютЪ. Но таковыхЪ, которые думаютЪ, что звѣзды и планеты дѣйствуютЪ безЪ Божіей воли вЪ дѣлахЪ нашихЪ, вЪ благополучіи и злостраданіи, ни

мало

мало слушать не должно, не только тѣмъ, кои истинное содержатъ благочестіе, но и тѣмъ, кои хотя ложныхъ боговъ почитателями считаться желаютъ. Ибо сіе мнѣніе къ чему другому служитъ, какъ только дабы люди никакого бога не почитали, никакому не молились? Противъ сихъ мы нынѣ спязаться не намѣрены, но противъ тѣхъ, кои, защищая мнимыхъ своихъ боговъ, благочестію Христіянскому противятся. А тѣ, которые положеніе звѣздъ, какимъ бы то ни было образомъ опредѣляющіе, каковымъ кому быть должно, сколь долженъ быть щастливъ, или нещастливъ, зависящимъ отъ Божіей воли признаваютъ, то есть естьли думаютъ, что сія сила звѣздамъ вліяна высочайшею оною властію, дабы онѣ такъ въ людяхъ дѣйствовали, великую небесамъ дѣлаютъ обиду, коихъ какъ бы въ блистательнѣйшемъ Сенатѣ, или сіятельнѣйшей Ратушѣ, по мнѣнію ихъ, опредѣляемы бываютъ беззаконія таковыя, каковыя дѣлать ежели бы городъ какой либо міра сего узаконилъ, то по приговору всего человѣческаго рода до основанія раззорить надлежалобъ. Притомъ какимъ образомъ дѣла человѣческія судить могутъ, которыя дѣлаемы бываютъ по необходимости, опредѣленной небомъ, когда Богъ и звѣздъ и людей есть Владыкою? Или естьли не говорятъ того, что звѣзды, принявъ силу таковую, отъ Бога дѣйствуютъ; но признаваютъ, что люди въ своихъ дѣлахъ всенепре-

мѣн-

мѣнно исполняютъ и по необходимости Божія повелѣнія: то пускай таковые разсмотрятъ, пристойно ли такъ думать о самомъ Богѣ, когда тожъ самое присвоивать звѣздамъ недостойнѣйшимъ дѣломъ показалось? Ежелижъ кто сказалъ бы, что звѣзды означаютъ наипаче дѣйствія, нежели понуждаютъ такъ, что положеніе оное звѣздъ есть какъ бы нѣкоторымъ гласомъ, предвозвѣщающимъ будущее, какъ многіе ученые люди сего мнѣнія и держались; однако математики никогда такимъ образомъ не изъясняются, дабы на примѣръ сказать: Марсъ, въ таковомъ положеніи находясь, означаетъ человѣкоубійцу, но человѣкоубійцею дѣлаетъ. Но положимъ, что они не такъ говорятъ, какъ надлежало, и они долженствовали брать правило къ выраженію того отъ философовъ, и къ предсказанію того, что по ихъ мнѣнію заключается въ положеніи звѣздъ: какаяжъ тому причина, что они ничего доказать не могли, для чего въ жизни близнецовъ, или двойней, въ дѣйствіяхъ, приключеніяхъ, въ состояніи, наукахъ, честяхъ и прочихъ вещахъ, къ житію принадлежащихъ, и наконецъ въ самой смерти по большой части толикое находится различіе, что болѣе сходства имѣютъ съ каждымъ изъ нихъ сторонніе, нежели оные близнецы между собою, которые въ рожденіи малымъ временемъ одинъ отъ другаго отстоятъ, въ разсужденіи же зачатія единымъ совокупленіемъ въ одну минуту зачались?

Глава

Глава вторая.

О сходствѣ и несходствѣ здравія близнецовъ, или двойней.

Цицеронъ сказываетъ (1), что Иппократъ написалъ, когда два брата болѣзнію купно одержимы были, и болѣзнь ихъ въ одно время становилась тяжчайшею, и въ одно облегчавалась, потому почелъ онъ ихъ близнецами, или двойничными. А Поссидоній Стоикъ (2), предавшійся астрологіи, обыкновенно объ оныхъ говаривалъ, что они въ одномъ положеніи звѣздъ родились и въ одномъ зачались. И такъ что лѣкарь присвоивалъ сходству темперамента въ здравіи, то самое философъ и астрологъ приписываетъ силѣ и положенію звѣздъ, которое было въ то время, когда зачались и родились. Въ семъ случаѣ гораздо достойнѣе пріятіе и несравненно вѣроятнѣе догадка врачей; понеже въ какомъ состояніи были родители совокупляющіеся, такое свойство начатки зачатія имѣть могли, что по слѣдовавшимъ въ утробѣ первымъ возращеніямъ сходственны здравіемъ родились; потомъ, воспитываемы будучи одною пищею, когда, по увѣренію врачей, воздухъ и мѣстоположеніе, и сила водъ много служитъ къ здравію, или немощи, и къ однимъ упражненіямъ пріучены, соразмѣрное и подобное одинъ другому имѣли тѣло: то неудивительно, что въ одно время и отъ одной вины занемогли. Положеніе же звѣздъ, каково-

вое

вое было въ то время, когда они зачинались, наклонять къ равенству и сходству болѣзни; когда многіе различнаго рода люди въ одно время, въ одной странѣ, подъ тѣмъ же положеніемъ звѣздъ могли зачаться и родиться, не сходствуя одинъ другому совсѣмъ, я не знаю, коликаго сіе дѣломъ безразсудства! А намъ извѣстно, что близнецы (3) не только дѣйствія имѣютъ различныя, но и несходственныя и неподобныя претерпѣваютъ болѣзни, о чемъ удобно, какъ мнѣ кажется, далъ бы отвѣтъ Иппократъ, взятый отъ различной пищи и упражненій, по причинѣ которыхъ могли они имѣть различное здравіе. И такъ удивительно, ежели Поссидоній, или другой кто либо, доказывающій рокъ, отъ звѣздъ происходящій, найдетъ здѣсь, что бы отвѣтствовать, естьли не хочетъ надъ умами непросвѣщенныхъ людей забавляться въ тѣхъ вещахъ, которыхъ они не знаютъ. Ибо что они тщатся показать малѣйшее разстояніе времени, которое близнецы раждаясь имѣли по причинѣ удобнѣйшей части теченія небеснаго, которое примѣчается, то или оно не столько сильно, какъ видимо бываетъ въ хотѣніяхъ близнецовъ, дѣйствіяхъ, нравахъ и приключеніяхъ различіе; или болѣе дѣйствуетъ, нежели или подлость рода близнецовъ, или равное благородство; чему различіе не инаково, какъ въ часѣ, коимъ кто родится, полагаютъ. И потому ежели толь скоро одинъ послѣ другаго раждается, что

тотъ

тотЪ же продолжается пунктЪ часа: то я всего вЪ обоихЪ ищу равнаго, чего однако ни вЪ какихЪ близнецахЪ (4) найти не можно. Ежели же послѣ раждающійся не вЪ тотЪ же часЪ родился, то я различныхЪ ищу родителей, которыхЪ близнецы имѣть не могутЪ.

Глава третія.

О доводѣ, который изЪ горшечнаго колеса Нигидій математикЪ взялЪ вЪ рѣшеніи вопроса о близнецахЪ.

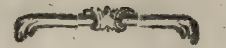
И такЪ напрасно представляютЪ знатный оный вымыслЪ о горшечномЪ колесѣ, который предложилЪ Нигидій (1); почему и названЪ ФигулусЪ, горшечникЪ. Ибо когда онЪ изо всей силы вернулЪ колесо горшечное, и во время стремленія онаго сдѣлалЪ два знака столь проворно, что казалось, будто вЪ одномЪ мѣстѣ сдѣлалЪ; потомЪ какЪ остановилось колесо, то на поверьхности онаго найдены оные знаки весьма далеко одинЪ отЪ другаго отстоящими. ТакимЪ, говоритЪ, образомЪ вЪ толикой небеснаго теченія быстротѣ (2), хотябЪ одинЪ послѣ другаго тотчасЪ изЪ близнецовЪ родился, и подобно какЪ онЪ знаки на колесѣ дѣлалЪ; однако вЪ разсужденіи небеснаго теченія весьма много составитЪ. Отсюда-то, говоритЪ, происходитЪ вЪ близнецахЪ различіе вЪ нравахЪ и приключеніяхЪ. Сія выдумка слабѣе гораздо, нежели тѣ сосуды, кои онаго колеса обраще-

ніемЪ дѣлаемы бываютЪ; ибо ежели вЪ разсужденіи небеснаго обращенія столь много оное составляетЪ, что вЪ созвѣздіи заключаться не можетЪ, что одинЪ изЪ близнецовЪ получилЪ наслѣдство, а другой нѣтЪ: то для чего дерзаютЪ прочимЪ не близнецамЪ, посмотрѣвЪ на ихЪ созвѣздія, таковое предвозвѣщать, что кЪ оной тайнѣ надлежитЪ, которой никто постигнуть не можетЪ? Естьли же для того таковое говорятЪ при родахЪ другихЪ, понеже оно кЪ продолжительному разстоянію времени надлежитЪ; мгновенія же оныя частей дробныхЪ, которыя могутЪ между собою имѣть раждающіеся близнецы, причисляются кЪ *малостямЪ*, о коихЪ математиковЪ не спрашиваютЪ. Ибо кто станетЪ вопрошать, когда онЪ сидитЪ, когда ходитЪ, когда и что вЪ пищу употребляетЪ? Не уже ли мы о семЪ говоримЪ, когда вЪ нравахЪ, дѣлахЪ и приключеніяхЪ близнецовЪ множество различія показываемЪ?

Глава четвертая.

О Исавѣ и Іаковѣ близнецахЪ, которые между собою вЪ нравахЪ и дѣлахЪ великое различіе имѣли.

Дабы предложить о знатнѣйшихЪ, родились вЪ древности близнецы (1) столь скоро одинЪ послѣ другаго, что послѣдній держался за ногу перваго; толикое однако вЪ жизни ихЪ и нравахЪ несходство, толикое вЪ



въ разсужденіи родителей ихъ къ нимъ любви неравенство, что наконецъ сія разность сдѣлала ихъ между собою врагами. Не уже ли мы здѣсь говоримъ о томъ, что когда сидѣлъ одинъ, другой въ то время ходилъ; одинъ спалъ, другой нѣтъ; одинъ говорилъ, другой молчалъ, что все принадлежитъ до мѣлкостей такихъ, которыхъ постигнуть не могутъ наблюдающіе часы рожденія человѣческаго и положенія звѣздъ, и о которыхъ математиковъ не вопрошаютъ? Одинъ служилъ (2) изъ платы, другой нѣтъ; одинъ любимъ былъ матерію, другой нѣтъ; одинъ честь, за велико у нихъ почитаемую, потерялъ, другой получилъ. Что о женахъ, что о дѣтяхъ, что о имѣніи, коль великое несходство?

Глава пятая.

Какимъ образомъ убѣждаемы бываютъ математики признаться въ ложности своей науки.

И такъ ежели сіе къ онымъ дробностямъ принадлежитъ времени, которыя между собою имѣютъ близнецы и не присвоются созвѣздіямъ: то для чего математики, посмотрѣвъ иногда на созвѣздіе другихъ, о томъ предлагаютъ и оное описываютъ? А ежели для того они говорятъ, что оное не къ дробностямъ непостижимымъ, но къ разстоянію времени принадлежитъ, которое примѣтить

и описать можно: то къ чему доводъ оный приводится, взятый отъ горшечнаго колеса? Развѣ для того, дабы людей, бренный разумъ имѣющихъ, смутить, чтобъ они суесловія математиковъ не примѣтили? И когда наконецъ въ разсужденіи тѣхъ, коихъ болѣзнь въ одно время тяжчайшею становилась и въ одно также время облегчевалась, по врачебной наукѣ примѣчая Иппократъ, догадывался, что они близнецы: то не довольно ли тѣхъ обличаетъ, которые то самое хотятъ присвоить звѣздамъ, что отъ подобнаго темперамента тѣлъ происходило? Ибо для чего равно и въ одно время, а не одинъ прежде другаго занемогли, такъ какъ родились? ибо оба они родиться купно не могли. Или ежели не имѣло силы то, дабы они въ разныя времена немогли, когда въ различныя времена родились: то для чего утверждаютъ, что различное въ рожденіи время служитъ къ несходству и другихъ вещей? Для чего могли они въ различныя времена странствовать, въ разныя времена вступить въ супружество, въ разныя времена раждать дѣтей и прочее безчисленное дѣлать; а напротивъ родившись въ различныя времена не могли одержимы быть болѣзнію въ разныя времена? Ибо естьли медлительность родовъ перемѣнила часъ и причинила несходство въ прочихъ вещахъ: то для чего сходство осталось въ болѣзни, которое въ равенствѣ времени имѣлъ зачатый?

Или

Или ежели судьба здравія и немощи состоитъ въ зачатіи, а прочихъ вещей въ рожденіи: то не надлежало бы имъ, посмотрѣвъ на созвѣздія родившихся, предсказывать нѣчто о здоровьѣ, или болѣзни, когда они не могутъ наблюдать часа зачатія. Естьли же по тому предсказываютъ болѣзни, не смотрѣвъ на часъ зачатія, что оныя означаютъ минуты раждающихся: то какимъ образомъ сказалибъ они одному изъ близнецовъ, когда онъ впадетъ въ болѣзнь, смотря на часъ рожденія, когда и другой, которой не имѣлъ тогожъ часа рожденія, имѣлъ необходимость равно немоществовать? Потомъ вопрошаю, ежели толикое разстояніе есть времени въ рожденіи близнецовъ, что ради онаго надлежитъ быть различнымъ созвѣздіямъ, по причинѣ различнаго часа, и потому различнымъ и знакамъ, въ коихъ толикая заключается сила, что оттуда происходятъ различныя и судьбы: то откуда сіе проистекло, когда ихъ зачатіе времени различнаго не имѣло? Или ежели двухъ въ одну минуту времени зачавшихся могла быть къ рожденію различная судьба, то для чего двухъ въ одну минуту времени родившихся не можетъ быть судьба различная къ жизни и смерти? Ибо ежели одна минута, въ которую оба зачались, не воспрепятствовала, дабы одинъ родился прежде, другой послѣ: то для чего, когда двое въ одну минуту раждаются, можетъ препятствовать что либо, дабы одинъ пре-

 жде,

жде, другой послѣ умеръ? Ежели зачатіе одноминутное различные случаи во чревѣ имѣть близнецамъ попускаетъ, то для чего рожденіе одноминутное какимъ нибудь двумъ различныя приключенія имѣть не попустило? И чтобъ всѣ сея науки, или лучше сказать безумія, вымыслы отразить: то пускай скажутъ, для чего въ одно время, въ одну минуту, подъ однимъ и тѣмъ же положеніемъ звѣздъ зачавшіеся различныя имѣютъ судьбы, которыя ихъ ведутъ къ рожденію въ разные часы, и въ одну минуту, подъ однимъ и тѣмъ же положеніемъ звѣздъ отъ двухъ матерей равно рожденные не могутъ имѣть различной судьбы, которая бы ихъ вела къ различной необходимости житія, или смерти? Или зачавшіеся не подлежатъ судьбѣ, прежде нежели родятся? Какажъ тому была причина, что они говорятъ, ежели найденъ будетъ часъ зачатія, то обѣщаютъ какъ бы богодухновенно много предсказать? Откуду также оное произошло, что они разглашаютъ, что нѣкоторый премудрый мужъ избралъ часъ, въ который съ женою совокупиться, дабы сына родить удивленія достойнаго? Откуду и оное, что о вышепомянутыхъ двухъ подобно немоществующихъ Поссидоній, знаменитый астрологъ и философъ, отвѣтствовалъ, что для того оное дѣлается, что они въ одно время родились и въ одно время зачались? Ибо онъ для того зачатіе прилагалъ, дабы не сказалъ кто, что они купно

родить-

родиться не могли; понеже то безсомнительно и извѣстно всѣмъ, что купно зачались; а сіе говорилъ онъ для того, дабы одинакой ихъ болѣзни не присвоить сходственному тѣлъ ихъ темпераменту, но приписать связи звѣздъ. И такъ ежели въ зачатіи толикая заключается сила къ равномѣрности судьбы, то рожденіемъ не должны оныя судьбы перемѣняться. Или ежели для того перемѣняются судьбы близнецовъ, понеже въ разныя времена они раждаются: то не можно ли думать, что оныя уже прежде перемѣнились, дабы близнецы въ различныя времена родились? И такъ не уже ли не можетъ перемѣнить судьбы рожденія воля живущихъ, когда перемѣняетъ судьбу зачатія порядокъ раждающихся?

Глава шестая.

О близнецахъ различнаго пола.

И въ самомъ близнецовъ зачатіи, въ которомъ всенепремѣнно тѣ же минуты времени, часто случается, что подъ тѣмъ же созвѣздіемъ, судьбу въ себѣ заключающемъ, одинъ зачинается младенецъ мужескаго пола, другой женскаго. Мы знаемъ таковыхъ двухъ различнаго пола; они оба еще живы и не состарѣлись, которые лицемъ и расположеніемъ тѣла другъ на друга, сколько различіе ихъ пола позволяетъ, хотя похожи, однако въ разсужденіи жизни такое имѣютъ различіе, что выключая дѣйствія нѣкоторыя, въ коихъ

мущины превосходятЪ женЪ, одинЪ начальствуетЪ вЪ полкахЪ и отЪ своего дома всегда почти отдаленЪ, другая изЪ дому и своей отчины не отлучается. СверьхЪ сего, что гораздо невѣроятнѣе, ежели допустить, что звѣзды судьбу вЪ себѣ содержатЪ, одинЪ живетЪ вЪ супружествѣ, другая вЪ непорочномЪ дѣвствѣ; одинЪ родилЪ многихЪ дѣтей, другая и вЪ замужство не посягала. Но великую, говорятЪ, заключаетЪ вЪ себѣ часЪ зачатія и рожденія силу; однако я довольно показалЪ, что никакой. Но какЪ бы то ни было, при всемЪ томЪ они говорятЪ, что вЪ рожденіи великая состоитЪ сила. Но для чегожЪ и не вЪ зачатіи, о которомЪ извѣстно, что и совокупленіе есть одно, и что природы такова есть сила (1), что жена, зачавши единожды, вторично зачать не можетЪ? Почему необходимо слѣдуетЪ, дабы близнецы имѣли равенство вЪ зачатіи. Или они поелику вЪ разные часы родились, то одинЪ вЪ мужескій, другой вЪ женскій полЪ перемѣнились? И такЪ когда не безразсудно можно сказать, что небесныя нѣкоторыя натеченія кЪ различію тѣлЪ сильны, такЪ какЪ солнечнымЪ приближеніемЪ и удаленіемЪ самаго года времена перемѣняются и несходственными бываютЪ, и наполненіемЪ и ущербленіемЪ и уменьшеніемЪ луны умаляются нѣкоторые роды вещей, какЪ то ежи морскіе, и раковины, и чудные приливы и отливы Океана; однако сказать не можно, что воля ду-

душевная планетамъ подвластна. Астрологи нынѣ, когда дѣйствія наши отъ звѣздъ зависящими утвердить силятся, то тѣмъ самимъ побуждаютъ насъ взойти въ разбирательство того, что они и о тѣлахъ онаго утвердить не могутъ; ибо что столь къ тѣлу принадлежитъ, какъ полъ? Однако подъ тѣмъ же положеніемъ планетъ различнаго пола близнецы могли зачаться. И такъ что безумнѣе сказать можно, какъ что положеніе звѣздъ, которое въ часъ зачатія обоимъ было одно, не могло сдѣлать, чтобъ близнецы, имѣя одно созвѣздіе, не имѣли различнаго пола; а напротивъ положеніе звѣздъ, которое было во время рожденія, могло учинить, чтобъ сестра отъ брата непорочностію дѣвства столь много различествовала?

Глава седьмая.

О избраніи дня, въ которой бы жену понять, и въ которой что либо насаждать, или сѣять.

А оное уже кто стерпитъ, что въ избраніи дней новыя нѣкоторыя въ разсужденіи своихъ дѣйствій вводятъ судьбы? То есть, не былъ онъ такъ рожденъ, дабы могъ имѣть удивленія достойнаго сына; но наипаче такъ, дабы имѣлъ презрѣннаго. И для того-то премудрый мужъ избралъ часъ, въ который бы совокупиться съ женою. И такъ сдѣлалъ онъ для себя судьбу, которой не

 имѣлъ,

имѣлъ, и отъ его судьбы начало быть судьбою называемое, котораго въ рожденіи его не было. О чудное безуміе! избирается день (1), въ которой съ женою должно бракомъ сочетаться. Я думаю для того, дабы безъ выбору дней не попасть на день злой, и чрезъ то не сочетаться бы бракомъ нещастливо. Кудажъ то дѣвалось, что при родахъ планеты ему опредѣляли и предвѣщали? Не уже ли человѣкъ можетъ то перемѣнить избраніемъ дня, что ему уже планетами опредѣлено; и напротивъ того, что человѣкъ въ избраніи дня себѣ опредѣлилъ, никакая власть перемѣнить не сильна? Притомъ ежели одни люди, а не все, что находится въ свѣтѣ, подвластны и подлежатъ созвѣздіямъ: то для чего иные дни избираютъ ради насажденія виноградовъ, древъ и сѣянія житъ, другіе для дѣланія скотовъ ручными, или ради случки оныхъ? Естьли же для того къ симъ вещамъ сильны и дѣйствительны избранные дни, понеже надъ всѣми земными тѣлами, какъ одушевленными, такъ и неодушевленными, положеніе звѣздъ владычествуетъ: то пускай разсмотрятъ, сколь безчисленные въ одно времени мгновеніе или раждаются, или происходятъ, или зачинаются, которыя столь различныя кончины имѣютъ, что сими смѣха достойными наблюденіями и малосмысленныхъ отроковъ не увѣрятъ. Ибо кто толь сыщется безуменъ, который бы дерзнулъ сказать, что всѣ древа, травы, скоты и звѣри,

змiи, птицы, рыбы и черви рожденія своего имѣютъ особенныя минуты различныя? Однако люди для изведанія знанія математиковъ представляютъ созвѣздія безсловесныхъ живописныхъ, коихъ роды для изведанія того нарочно въ домахъ своихъ тщательно наблюдаютъ, и тѣхъ математиковъ предпочитаютъ другимъ, которые, посмотрѣвъ на созвѣздія, сказываютъ, что не человѣкъ родился, но скотъ; осмѣливаются притомъ сказывать, какой скотъ: овца ли, конь ли, волъ ли, или песъ; ибо и псовъ судьбу вводятъ, и съ великимъ удивляющихся тому людей рукоплесканіемъ о томъ отвѣтствуютъ. Толь-то безумствуютъ люди, что думаютъ, когда человѣкъ раждается, въ то время такъ всѣ роды и происхожденія другихъ вещей возбраняемы бываютъ, что съ нимъ купно въ той же части неба ни муха не раждается. Ибо ежели сіе допустятъ, то произойдетъ умствованіе, которое помалу отъ мухи до верблюдовъ и слоновъ доведетъ. И того не хотятъ примѣтить, что избравъ для сѣянія житъ день, толь безчисленныя зерны купно на землю падаютъ, купно возрастши зеленѣютъ, и какъ класъ появится, купно матерѣютъ, наливаются, созрѣваютъ, при всемъ томъ одновременные оные класы иные ржа снѣдаетъ, другіе птицы обиваютъ, иные люди исторгаютъ. Какимъ образомъ они скажутъ, что сіи вещи имѣли различныя созвѣздія, хотя и видятъ различныя приключенія?

Или

Или они полѣнятся для сихъ вещей избирать дни, и будутъ говорить, что они не принадлежатъ къ небесному опредѣленію, а подвластны звѣздамъ одни люди, которымъ однимъ на земли Богъ даровалъ свободное произволеніе? Сіе все разсмотрѣвъ, можно вѣрить, что когда астрологи чуднымъ образомъ (2) не мало справедливаго сказываютъ, тайнымъ вдохновеніемъ (3) злыхъ духовъ оное бываетъ, которые единственно о томъ тщатся, дабы ложныя и вредныя о судьбахъ, заключающихся въ звѣздахъ, людямъ внушить, и въ томъ утвердить оныхъ, а не наукою нѣкоторою, наблюдающею часы, которой здѣсь ни мало не примѣчается.

Глава осьмая.

О тѣхъ, которые не положеніе звѣздъ, но связь причинъ, отъ воли Божіей зависящихъ, именемъ судьбы называютъ.

А которые не положеніе звѣздъ, каковое бываетъ, когда что начинается, происходитъ и раждается, но всѣхъ причинъ связь (1) и неразрывность, которою все бываетъ, что бываетъ, именемъ судьбы называютъ, съ тѣми не много о словѣ семъ стязаться должно, когда они порядокъ причинъ и нѣкоторую связь Божіей присвояютъ волѣ и власти, который неложно и все, прежде нежели будетъ, знаетъ, и ничего неустроеннымъ не оставляетъ; отъ котораго всякая происходитъ

власть,

власть, хотя не происшекаетЪ всякое человѣческое хотѣніе. И шакЪ что Бога всевышняго воля, котораго власть непрепобѣдимо ко всему простирается, называется отЪ нихЪ судьбою, оное доказывается такЪ. Аннея Сенеки, ежели не ошибаюсь, сіи суть стихи: Веди мене Всевышній ОтецЪ, высокаго Обладатель и Владыко Олимпа, куда Тебѣ угодно; я ни мало не противлюсь и готовЪ повиноваться. ГотовЪ я, но ежели Ты не восхощешь, при всемЪ томЪ за Тобою послѣдовать буду сЪ стенаніемЪ, и злымЪ будучи, стану дѣлать то, что можно было доброму. ВедутЪ хотящаго и произволяющаго судьбы, нехотящаго влекутЪ. Ясно вЪ послѣднемЪ стихѣ открылЪ, что онЪ то судьбою называетЪ, что вЪ первыхЪ Божіею волею, которому готовымЪ повиноваться себя обЪявляетЪ, дабы нехотящій не влеченЪ былЪ; понеже ведутЪ изволяющаго судьбы, а нехотящаго влекутЪ. И оные стихи Омировы сему мнѣнію пособствуютЪ, которые ЦицеронЪ на Латинской діалектЪ перевелЪ: Таковыми суть мысли человѣческія, каковыми самЪ отецЪ ЮпитерЪ, озаряющій свѣтиломЪ вселенную, имЪ быть хощетЪ. И вЪ семЪ вопросѣ не имѣло бы важности стихотворческое мнѣніе; но понеже обЪявляетЪ, что Стоики, допускающіе судьбу, сіи изЪ Омира стихи (2) обыкновенно употребляютЪ: то не о мнѣніи сего стихотворца, но философовЪ предлагаемЪ, когда чрезЪ сіи стихи,

ко-

которые въ словопрѣніи своемъ употребляютъ о судьбѣ, даютъ знать о своихъ мысляхъ, что они чрезъ судьбу разумѣютъ; ибо Юпитеромъ называютъ, котораго почитаютъ всевышнимъ Богомъ, отъ коего связь судебъ зависящею признаваютъ.

Глава девятая.

О предвѣденіи Божіемъ и свободномъ человѣческомъ произволеніи противъ опредѣленія Цицеронова.

Сихъ Цицеронъ обличить такимъ образомъ пщится, что не признаваетъ въ себѣ столько силъ, дабы съ ними сражаться, ежели не опровергнетъ предвѣденія о будущемъ, которое такъ силится опровергнуть, что не допускаетъ знанія о будущемъ и всѣми силами утверждаетъ, что никакого нѣтъ предвѣденія ни въ Богѣ, ни въ человѣкѣ, и предсказанія. Такимъ образомъ и Божіе предвѣденіе отвергаетъ, и всякое пророчество, самаго солнца свѣтлѣйшее, силится отринуть тщетными доказательствами и противоположеніемъ себѣ нѣкоторыхъ оракуловъ, которые легко опровергнуть можно; при всемъ томъ и оныхъ ложности не доказываетъ. Въ отраженіи же сихъ догадокъ математическихъ все его торжествуетъ слово, которыя въ самомъ дѣлѣ таковы, что сами себя опровергаютъ и отражаютъ. При всемъ томъ сноснѣе тѣ, которые звѣздамъ судьбы приписыва-

ваютЪ, нежели тотЪ, который отвергаетЪ предвѣденіе будущаго. Ибо и признавать, что БогЪ есть, и утверждать, что ОнЪ ничего будущаго не знаетЪ, явнымЪ есть безуміемЪ. Что и онЪ самый, примѣтивЪ тое, покусился утверждать оное, что вЪ священныхЪ нашихЪ книгахЪ написано: *Рече безуменЪ вЪ сердцѣ своемЪ, нѣсть Бога.* Но не отЪ своего лица; ибо видѣлЪ онЪ, сколь оное ненавистно и безразсудно. И для того ввелЪ Котта, спязующагося о семЪ противЪ СтоиковЪ вЪ книгахЪ о естествѣ боговЪ, и Луцилія Балба, котораго представляетЪ защитникомЪ сЪ стороны СтоиковЪ, подтверждалЪ мнѣніе, наипаче нежели Котты, который Божіе естество отвергалЪ. ВЪ книгахЪ же о гадательствахЪ самЪ отЪ своего лица явно отвергаетЪ предвѣденіе о будущемЪ. А сіе все по видимому для того дѣлаетЪ, дабы не допустить судьбы, и потерять свободное произволеніе; ибо онЪ думаетЪ, что допустивЪ предвѣденіе, по необходимости должно будетЪ допустить судьбу, такЪ что опровергнуть совсѣмЪ будетЪ оныя не можно. Но какЪ бы вЪ словопрѣніяхЪ своихЪ и состязаніяхЪ ни поступали философы, но мы и всевышняго и истиннаго Бога, и волю Его и высочайшую власть и предвѣденіе признаваемЪ, и не страшимся, дабы намЪ не дѣлать того по нуждѣ, что дѣлаемЪ самопроизвольно: понеже предвидѣлЪ дѣла наши ТотЪ, коего предвѣденіе обмануться не можетЪ.

Чего

Чего Цицеронъ страшась, противъ всевѣдѣнія вооружился, и Стоики хотя допускали, что все по судьбѣ бываетъ, однако не по необходимости. Чтожъ бы такое было, чего Цицеронъ страшился въ разсужденіи предвѣденія будущаго, такъ что проклятія достойнымъ словопрѣніемъ силился отвергнуть оное? То, что ежели все будущее предвѣдено, то оно тѣмъ порядкомъ точно случится, какъ предвѣдено. А ежели такимъ порядкомъ приключится, то всенепремѣнно порядокъ оный всего того, что быть имѣетъ, Богу извѣстенъ. И ежели извѣстенъ порядокъ вещей, то извѣстенъ порядокъ и причинъ; ибо ничего быть не можетъ, ежели нѣкакая дѣйствующая причина не предваритъ. А ежели извѣстенъ порядокъ причинъ, коимъ бываетъ все бывающее, слѣдовательно все бываетъ судьбою. Ежели сіе справедливо, то нѣтъ ничего въ нашей волѣ, и нѣтъ въ человѣкѣ свободнаго произволенія. Сіе ежели допустить, то все, говоритъ, житіе человѣческое разрушится, напрасно предписываются законы, напрасно употребляемы бываютъ выговоры, похвалы, охужденія, увѣщанія, угроженія. Никакая правда добрымъ награжденія и злымъ наказанія не опредѣляетъ. Но дабы сего не послѣдовало, которое для жизни человѣческой безмѣстно, недостойно и пагубно, то Цицеронъ за лучшее почелъ отвергнуть предвѣденіе будущаго. И въ такую крайность умы благоговѣйные приводитъ, дабы они изъ

двухъ

двухЪ одно избирали, то есть, или то, что дѣйствія наши вЪ нашемЪ состоятЪ произволеніи, или предвѣденіе будущаго. Понеже обоимЪ купно быть не можно; но ежели одно изЪ того утверждается, то другое опровергается; ежели изберемЪ предвѣденіе будущаго, то тѣмЪ самимЪ истребляется свободное человѣческое произволеніе; ежели допустить свободное произволеніе, то опровергается предвѣденіе будущаго. И такЪ онЪ, какЪ мужЪ важный и ученый, и о житіи человѣческомЪ крайнѣ пекущійся, избралЪ изЪ двухЪ одно, то есть свободное человѣческое произволеніе; и чтобЪ сіе утвердить, то отвергЪ предвѣденіе будущаго. И такЪ когда хочетЪ людей сдѣлать свободными, тѣмЪ самимЪ дѣлаетЪ святотатцами. Благочестивый же разумЪ пріемлетЪ обое, обое исповѣдуетЪ и признаваетЪ и вѣрою благоговѣйною обое утверждаетЪ. КакимЪ же образомЪ онЪ говоритЪ? Ежели есть предвѣденіе будущаго, то слѣдуетЪ все то, что между собою соединено и связано, покуда дойдетЪ до того, что ничего вЪ нашей не состоитЪ волѣ. А ежели нѣчто состоитЪ и вЪ нашей волѣ, то тѣми же стопами обратно дойдемЪ до того, что нѣтЪ никакого предвѣденія о будущемЪ. Ибо на оборотЪ такимЪ образомЪ сказать можно: ежели есть свободное вЪ человѣкѣ произволеніе, то не все дѣлается судьбою; ежели не все дѣлается судьбою, то нѣтЪ опредѣленнаго порядка причинЪ; ежели

нѣтъ опредѣленнаго порядка причинъ, то нѣтъ опредѣленнаго порядка вещей предвидящему Богу, которыя быть не могутъ, ежели не предварятъ дѣйствующія причины; ежели предвидящему Богу нѣтъ извѣстнаго и опредѣленнаго порядка вещей, то не все такъ бываетъ, какъ предвидѣлъ Богъ: слѣдовательно нѣтъ, говоритъ, въ Богѣ предвѣденія о будущихъ. Мы противъ сей святотатской дерзости и нечестивой утверждаемъ и то, что Богъ все знаетъ, прежде нежели оно будетъ, и все дѣлаемъ произволеніемъ нашимъ, что ни дѣлаемъ. А чтобъ все дѣлалось судьбою, онаго не говоримъ, и не только, но еще утверждаемъ, что ничего судьбою не бываетъ. Понеже судьбы имя гдѣ обыкновенно полагается, то есть въ положеніи звѣздъ, подъ которымъ кто зачатъ и рожденъ; поелику тщетно утверждается: то мы и показали, что оное никакой силы не имѣетъ. Порядка же причинъ, гдѣ хотѣніе и воля Божія много можетъ, не отвергаемъ и именемъ судьбы не называемъ, развѣ понимая, что судьба, Fatum отъ fando, глаголанія, происходитъ; ибо отвергать не можемъ того, что въ Священномъ Писаніи у насъ написано: *Единою глагола Богъ, двоя сія слышахъ, яко держава Божія и твоя Господи милость, яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его.* Ибо когда сказано: *Единою глагола Богъ*, разумѣется непреложно, то есть неизмѣнно такъ, какъ все знаетъ совершенно будущее, которое самъ

Онъ

Онъ сотворить имѣетъ. И такъ въ семъ разумѣ моглибъ мы слово, или реченіе судьбы употреблять, ежели бы сіе имя инако люди не понимали, къ чему мы сердца человѣческія не хощемъ наклонять. При всемъ томъ не слѣдуетъ, что ежели Богу извѣстенъ всѣхъ причинъ порядокъ, то тѣмъ самимъ ничего не остается во власти нашего произволенія. Понеже и самыя наши хотѣнія въ порядкѣ причинъ состоятъ, который извѣстенъ Богу и заключается въ Его предвѣденіи, поелику и человѣческія хотѣнія виною суть дѣлъ. И такимъ образомъ тотъ, который всѣхъ вещей причины предвидѣлъ, конечно между оными и хотѣній нашихъ не могъ не предвидѣть, которыя виною суть нашихъ дѣлъ. Ибо и оное, что Цицеронъ уступаетъ, что ничего не бываетъ, ежели дѣйствующая причина не предваритъ, довольно въ семъ случаѣ служитъ къ его обличенію; понеже что служитъ въ его пользу то, что онъ говоритъ? Мы сами признаваемъ, что ничего безъ причины не бываетъ, но не всякая причина роковая; ибо иная причина есть случайная, иная природная, иная произвольная. Довольно для насъ того, что онъ признается, что ничего не бываетъ, ежели не предваритъ причина. Ибо мы о причинахъ случайныхъ не говоримъ, аки бы оныхъ совсѣмъ нѣтъ, но что онѣ скрытныя, и оныя приписываемъ или истиннаго Бога изволенію, или нѣкоторыхъ духовъ волѣ, и самыя природныя отъ изволенія Божія не отлучаемъ и

отдѣляемъ; понеже Онъ есть Творецъ и Зиждитель природы. Произвольныя же причины суть или Божіи, или Ангельскія, или человѣческія и всѣхъ животныхъ, ежели только назвать можно причинами самопроизвольными движенія оныя безсловесныхъ животныхъ, коими онѣ дѣлаютъ что либо по своей природѣ, когда что либо доброе избираютъ и отъ вреднаго удаляются. Волѣ же, говорю, Ангеловъ, или добрыхъ, коихъ Ангелами Божіими называемъ; или злыхъ, коихъ нарицаемъ ангелами діявольскими, или демонами: такъ и людей какъ добрыхъ, такъ и злыхъ. И изъ сего заключаемъ, что причины дѣйствующія все бываемое не что другое суть, какъ причины произвольныя оной природы, которая то есть Духомъ есть жизни. И такъ Духъ жизни, который оживотворяетъ всяческая, есть Творецъ всякой плоти и всякаго созданнаго духа, самъ будучи Богомъ и Духомъ несотвореннымъ. Въ Его волѣ наивысочайшая есть держава и власть, который сотворенныхъ духовъ волѣ благой пособствуетъ, злыя судитъ, все устрояетъ, и нѣкоторымъ даетъ власть, нѣкоторымъ не даетъ; ибо Онъ какъ всякой природы есть Творецъ, такъ всякой власти Податель, а не хотѣній. Ибо злыя воли не отъ Него происходятъ; понеже оныя противъ природы, созданной отъ Него. И такъ тѣла наши наипаче подлежатъ волямъ, нѣкоторыя нашихъ, то есть всѣхъ животныхъ смертныхъ, и наипаче людей, нежели безсловесныхъ; нѣкоторыя же Ангеловъ, но

все

все наипаче Божіей волѣ покорно, которому и всѣ воли подвержены: понеже онѣ не имѣютъ власти, кромѣ той, которую Онъ даровалъ. И такъ причиною вещей дѣйствующею, а не дѣйствуемою есть Богъ; другія же причины и дѣйствуютъ и дѣйствуются, каковыми суть всѣ сотворенные духи, а наипаче словесные. Тѣлесныя же причины, которыя наипаче дѣйствуются, нежели дѣйствуютъ, въ числѣ причинъ дѣйствующихъ не поставляются; понеже онѣ то только могутъ, что чрезъ нихъ дѣйствуютъ воли духовъ. Какимъ же образомъ порядокъ оный причинъ, который Богу извѣстенъ, дѣлаетъ то, дабы ничего не состояло въ нашей волѣ, когда въ самомъ причинъ порядкѣ не послѣднее мѣсто имѣютъ наши воли? И такъ пускай утверждаетъ Цицеронъ съ тѣми, которые сей причинъ порядокъ роковьемъ поставляютъ, или лучше сказать, которые оный именемъ самымъ судьбы называютъ; однако мы того не принимаемъ, особливо ради онаго слова, которое не въ собственной своей силѣ разумѣваемо бываетъ. А что онъ не допускаетъ того, что порядокъ всѣхъ причинъ Божію предвѣденію извѣстенъ: то мы съ своей стороны болѣе его проклинаемъ, нежели самые Стоики; ибо онъ тѣмъ самимъ или Бога отвергаетъ, что онъ и покушался учинить въ книгахъ о естествѣ боговъ, вводя другое лице, оное утверждающее; или ежели и признаваетъ бытіе Божіе, но отнимаетъ у него предвѣденіе будущаго: то не другое что говоритъ, какъ

Ъ 2 тожъ

тожъ самое, что Псаломникъ сказалъ о безбожникѣ: *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Бога.* Ибо ежели Богъ не знаетъ будущаго, то тѣмъ самимъ Онъ не есть Богъ. И потому воли наши столько могутъ, сколько силы имъ имѣть Богъ благоволилъ и предвидѣлъ; и для того сколько могутъ, то все непремѣнно могутъ, и что намѣряютъ учинить, то конечно учинятъ; понеже оное, что онѣ имѣютъ учинить, предвидѣлъ тотъ, коего предвѣденіе ошибиться не можетъ. Чего для ежели бы я за благо разсудилъ употребить сіе реченіе въ какой либо вещи, то наипаче назвалъ бы судьбою дѣйствіе слабаго и немощнѣйшаго; сильнѣйшаго же волею, которой имѣетъ оное во власти, нежели бы согласился онымъ причинъ порядкомъ, который не по употребительному значенію, но по своему обыкновенію Стоики судьбою нарицаютъ, произволеніе нашей воли отвергнуть.

Глава десятая.

Владычествуетъ ли надъ волею человѣческою какая либо необходимость.

Не должно намъ ужасаться необходимости, которой стращась Стоики, сами себя изнуряли, то различая причины вещей, такъ что нѣкоторыя изъимали отъ необходимости, а другія дѣлали оной подвластными; и въ числѣ тѣхъ, кои не зависятъ отъ оной, полагали и воли наши, дабы не сдѣлать ихъ несво-

свободными, подвергнувши необходимости. Ибо ежели необходимость наша оная называется, которая не состоитъ въ нашей власти, и которая дѣлаетъ и тогда, когда мы не хощемъ, какъ-то необходимость смерти: то нѣтъ сомнѣнія, что воля наша, которую мы или хорошо, или худо употребляемъ, не подлежитъ таковой необходимости; ибо мы много дѣлаемъ такого, чего, ежели бы не захотѣли, не сдѣлали бы, куда вопервыхъ принадлежитъ самое хотѣніе: ибо когда хочемъ, тогда оно въ насъ находится; когда не хочемъ, тогда и онаго нѣтъ. Ибо не похотѣли бы, ежели бы не восхотѣли. Ежелижъ необходимостію называется то, дабы что либо было, или было такъ: то я не понимаю, для чего бы сего устрашаться, дабы чрезъ то не лишиться свободнаго произволенія. Ибо не можемъ подвергнуть необходимости и бытіе Божіе и предвѣденіе, когда говоримъ: Богъ по необходимости всегда есть и по необходимости все предвидитъ, равно какъ не умаляется Его власть, когда говоримъ, что Богъ умереть и обмануться не можетъ; понеже такъ Онъ сего не можетъ претерпѣть, что ежели бы могъ, то никакой въ себѣ не имѣлъ бы власти. Достойно Онъ называется всемогущимъ, хотя Онъ умереть и обмануться не можетъ. Ибо Онъ называется всемогущимъ, дѣлая, что хощетъ; а не претерпѣвая, чего не хощетъ. Сему ежели бы Онъ подверженъ былъ, то не былъ бы все-

могущимъ; того ради нѣкотораго не можетъ, понеже есть всемогущъ. Подобно когда говоримъ: всенепремѣнно быть должно, что когда хочемъ, дабы свободнымъ произволенiемъ хотѣли. И безъ сомнѣнiя справедливо говоримъ, при всемъ томъ свободнаго произволенiя необходимости не подвергаемъ, которая отъемлетъ свободу. И такъ остается въ цѣлости наша воля, и она дѣлаетъ, что мы хотя и произволяя дѣлаемъ, чего конечно не было бы, ежели бы мы не восхотѣли. Что же другихъ людей хотѣнiемъ не хотя претерпѣваетъ, то и тогда воля силу свою не теряетъ, хотя не того, кто претерпѣваетъ, однако человѣческая; но въ семъ случаѣ власть есть Божiя. Ибо ежели есть хотѣнiе, и не можетъ того учинить, что хочетъ, то сильнѣйшимъ изволенiемъ препятствуется, при всемъ томъ воля осталась бы волею, хотя не другаго, но того, кто хочетъ, хотя не можетъ того исполнить, что хочетъ. Почему всякъ, кромѣ своей воли что либо претерпѣвающiй, не долженъ приписывать оное человѣческой, или Ангельской, или другихъ сотворенныхъ духовъ волѣ, но тому, который даетъ власть хотящимъ. Слѣдовательно не можно сказать, что для того ничего въ нашей волѣ не состоитъ, понеже Богъ предвидѣлъ, что имѣетъ быть въ нашей волѣ. Ибо который то предвидѣлъ, тотъ не ничто предвидѣлъ. Понеже который предвидѣлъ, что имѣетъ быть въ нашей волѣ, не ничто

пред-

предвидѣлъ, но нѣчто; и потому находится нѣчто и въ нашей волѣ, хотя предвидитъ Богъ. Чего для ничто насъ не убѣждаетъ, или, допустивъ предвѣденіе Божіе, отвергнуть человѣческое произволеніе; или, допустивъ произволеніе, отвергнуть предвѣденіе будущаго въ Богѣ. Но обое принимаемъ, обое неложно исповѣдуемъ и признаваемъ. Оное, дабы хорошо вѣровать; сіе, дабы добронравно житіе препровождать. Злонравно же житіе препровождается, естьли что либо неблагочестно о Богѣ вѣруется. И такъ да не будетъ, дабы мы отвергали Божіе предвѣденіе, дабы самимъ быть свободными, помощію коего мы свободны есьмы, или будемъ. И потому не напрасно въ свѣтѣ законы, прещенія, увѣщанія, похвалы и охужденія; понеже Богъ и то, что оныя имѣютъ быть, предвидѣлъ, и имѣютъ столько силы, сколько Онъ предвидѣлъ. Много могутъ и моленія къ полученію чего либо, о чемъ Онъ предвидѣлъ, что просящимъ даровать имѣетъ. Равно праведно и воздаяніе добрымъ, и грѣшникамъ наказаніе положено. Ибо не для того человѣкъ грѣшитъ, понеже Богъ предвидѣлъ, что онъ согрѣшитъ; но наипаче для того не сомнѣвается, что человѣкъ грѣшитъ, когда грѣшитъ, понеже той, коего предвѣденіе ошибиться не можетъ, предвидѣлъ, что онъ согрѣшитъ; который ежели бы не восхотѣлъ, то бы не согрѣшилъ. Но ежели человѣкъ грѣшить не хочетъ, то и оное Богъ предвидѣлъ.

Глава перваянадесять.

О общемЪ БожіемЪ промыслѣ, вЪ устроеніи коего все содержится.

И такЪ всевышній и истинный БогЪ сЪ СыномЪ своимЪ и СвятымЪ ДухомЪ, которые три лица суть едино, единЪ БогЪ всемогущій, ТворецЪ и Создатель всякой души и всякой плоти, участіемЪ коего щастливы всѣ, кои истинною, а не суетою щастливы; который сотворилЪ человѣка, разумное животное, изЪ души и тѣла; который человѣка согрѣшающаго безЪ наказанія и милосердія своего не оставилЪ; который добрымЪ и злымЪ существо и сЪ камнями, жизнь сѣменную сЪ древами, жизнь чувственную сЪ скотами, жизнь разумную сЪ одними Ангелами даровалЪ; отЪ котораго всякій образЪ, всякій видЪ, всякій порядокЪ; отЪ котораго мѣра, число, вѣсЪ; отЪ котораго все природное всякаго рода, всякія доброты; отЪ котораго сѣмена образовЪ и образы сѣменЪ, и движенія сѣменЪ и образовЪ; который и тѣлу даровалЪ начало, красоту, здравіе, дѣтоплодіе, стройность членовЪ, согласіе и союзность, и душѣ безсловесной память, чувство, желаніе; разумной же сверьхЪ того разумЪ, понятіе, произволеніе; который не только небо и землю, не только Ангела и человѣка, но и малѣйшаго и презрѣннаго животнаго внутренностей, ни пера птицЪ, ни травнаго цвѣта, ни листа древЪ не оставилЪ: то какимЪ образомЪ вѣрить мо-

можно, что Онъ царства человѣческія и ихъ владычества и рабства отъ своего промысла удалить благоизволилъ?

Глава втораянадесять.

Чрезъ что древніе Римляне удостоились, что истинный Богъ, хотя они Его не почитали, распространилъ ихъ государство.

Теперь посмотримъ, для чего и какой ради причины истинный Богъ благоизволилъ распространить Римское государство, когда въ Его власти состоятъ всѣ царства земныя. Сіе дабы основательнѣе разрѣшить, то нарочно четвертую къ сему дѣлу касающуюся написали книгу, въ коей показали, что никакой власти не имѣютъ ихъ боги, которыхъ они смѣха достойными почитали священнослуженіями, и настоящей сей книги первыя главы, продолженныя до сихъ мѣстъ о отраженіи судьбы, или рока, дабы кто изъ тѣхъ, кои увѣрены, что не почитаніемъ тѣхъ боговъ, государство Римское распространено и хранено было, не приписалъ того не знаю какой судьбѣ, а не Божіей всемогущей волѣ. И такъ древніе и первенствующіе Римляне, какъ показываетъ ихъ исторія, хотя, равно какъ и прочіе народы, выключая Евреевъ, ложныхъ боговъ почитали и жертвы не Богу, но демонамъ приносили; однако, хвалолюбивы и на деньги щедры будучи, безмѣрную славу и честное богатство имѣть

спа-

старались. Славу крайнѣ любили, ради оной жить благоизволяли, за оную и жизни лишиться не отрицались. Прочія желанія безмѣрнымъ сея желаніемъ обуздывали. И самое свое отечество, поелику, дабы оно было подъ игомъ рабства, казалося безчестнымъ, владычествовать же надъ другими и повелѣвать славнымъ дѣломъ, вопервыхъ всѣми мѣрами свободнымъ, потомъ владычествующимъ учинили. И отсюда-то произошло, что они, не терпя Царской власти, каждый годъ по два начальника попеременно дѣлали, которые назывались Консулами, отъ Consulendo, совѣтованія, такъ какъ царство, Regnum, отъ Царей, Regibus; а Цари, Reges, отъ управленія, Regendo. Но пышность Царская казалась имъ гордостію Самодержцовъ. И такъ по изгнаніи Царя Тарквинія и по поставленіи себѣ Консуловъ воспослѣдовало, какъ тотъ же писатель между выхвалами Римлянамъ положилъ, что Римъ, получивъ вольность, невѣроятнымъ образомъ распространился и чрезмѣрно объятъ былъ желаніемъ славы. И такъ сіе желаніе выхвалы и желаніе славы много чуднаго подѣлали хвалы и славы достойнаго, по мнѣнію человѣческому. Похваляетъ тотъ же Саллюстій въ свои времена великихъ и знаменитыхъ мужей, Марка Катона и Кайя Кесаря, и сказываетъ, что давно таковыхъ мужей республика не имѣла; но на его памяти были двое крайнѣ мужественные, но различествующіе одинъ отъ другаго нравомъ.) Между выхвалами, Кесарю

сдѣ-

сдѣланными, положилъ, что онъ желалъ пространнаго государства, войска, новыхъ сраженій, гдѣ бы показать свое мужество. Такъ-то онъ полагался на желанія людей, мужествомъ знаменитыхъ, дабы побудить бѣдный народъ къ принятію оружія, и бичемъ, обагреннымъ кровію, терзать Беллону, дабы имѣть случай, гдѣ показать свое мужество! Сіе конечно дѣлало оное желаніе выхвалы и славы. И такъ сперва изъ любви къ вольности, потомъ изъ любоначалія, наконецъ изъ желанія хвалы и славы много важнаго сдѣлали. Свидѣтельствуетъ о обоемъ томъ знаменитый ихъ стихотворецъ: Тарквинія изгнаннаго Порсенна повелѣвалъ принять на царство по прежнему, и того ради жестоко осаждалъ Римъ; но Енеевы потомки за вольность метались на мечи: тогда для нихъ важнымъ дѣломъ казалось или мужественно умереть, или жить въ свободѣ и вольности. Но какъ получили вольность, тогда напало на всѣхъ желаніе славы, такъ что мало казалось быть вольными, ежели не будутъ и обладателями, когда оное за велико было почитаемо. О семъ томъ же стихотворецъ какъ бы отъ лица Юпитерова говоритъ: авось-либо немилосердая Юнона, которая и моря нынѣ и земли страхомъ, и небо приводитъ въ безпорядокъ, намѣреніе свое отмѣнитъ, и со мною будетъ защищать Римлянъ, обладателей свѣта, и народъ миролюбивый. Такъ было благоугодно. Пріидетъ нѣкогда время,

въ

вЪ которое Ассараковы потомки (1) Фтію и славныя Мицены подЪ свою покорятЪ державу, и побѣжденнымЪ обладаютЪ АргомЪ. ВЪ семЪ мѣстѣ вводитЪ Виргилій Юпитера аки бы предсказывающимЪ будущее; вЪ самой же вещи пишетЪ о томЪ, что уже было и при немЪ дѣлалось. Я сіе для того предложилЪ, дабы показать, что Римляне по полученіи вольности пламенѣли желаніемЪ обладать другими, такЪ что сіе вмѣсто великой выхвалы имЪ приписывается. Отсюда и оныя стихотворца тогожЪ слова произошли, который другихЪ народовЪ художествамЪ и наукамЪ собственныя РимлянЪ искусства, то есть управлять другими, повелѣвать, покарять и побѣждать народы, предпочитая, говоритЪ: пускай другіе упражняются вЪ дѣланіи мѣди, пускай на марморѣ живо изображаютЪ лица, пускай изыскиваютЪ причины и теченіе небесное описываютЪ; а ты, о РимлянинЪ! знай только, какЪ управлять народами; сіе да будетЪ тебѣ вмѣсто всякаго художества и науки: щадить покаряющихся и побѣждать гордыхЪ. ВЪ семЪ они тѣмЪ искуснѣе упражнялись, чѣмЪ меньше отдавались вЪ роскоши и развратность, не желая умножить богатство и не повреждая благонравія, не отнимая послѣдняго у бѣдныхЪ гражданЪ, и не расточая онаго на презрѣнныхЪ комедіантовЪ. Почему когда зараза сія уже началась и усиливалась, когда писалЪ Саллюстій и Виргилій: то оба объясняются, что не такимЪ

кимъ образомъ, какъ прежде, всѣ желали чести и славы, но хитростію и лукавствомъ. И потому тотъ же писатель говоритъ: но вопервыхъ наипаче тщеславіе, нежели сребролюбіе, сердца человѣческія занимало, который однако порокъ ближе былъ къ добродѣтели; ибо славы, чести и власти какъ добрый, такъ и нерадивый равно себѣ желали. Но добрый прямымъ путемъ къ тому идетъ, а нерадивый, поелику не достаетъ у него хорошихъ средствъ, хитростію и лукавствомъ тщится того достигнуть. Сіи-то суть хорошія знанія, то есть добродѣтелію и мужествомъ, а не хитростію и тщеславіемъ, къ чести, славѣ и власти достигать, которыхъ при всемъ томъ добрый и лѣнивый равно себѣ желаютъ. Но добрый прямымъ путемъ къ тому стремится. Путемъ есть добродѣтель, которою онъ подкрѣпляется къ достиженію какъ бы конца, то есть къ славѣ, чести и власти. Сіе углублено имѣли въ себѣ Римляне, какъ показываютъ храмы ихъ боговъ, между собою соединенные (2), то есть добродѣтели и чести; поелику они за боговъ то почитали, что Богъ даруетъ. Отсюда выразумѣть можно, какой конецъ полагали они своей добродѣтели и мужеству, и куда оныя относили добрые, то есть къ чести; ибо злые и не имѣли оныхъ, хотя честь имѣть и желали, которые неправильными средствами тщались получить, то есть хитростьми и лукавствомъ. Лучше выхваленъ

ленъ Катонъ, о которомъ говоритъ: чѣмъ онъ меньше искалъ чести, тѣмъ болѣе она за нимъ слѣдовала, когда слава та, коей они желали, была не что другое, какъ разсужденіе людское (3) хорошее о другихъ. И для того лучшая есть добродѣтель, которая свидѣтельствомъ и одобреніемъ человѣческимъ бываетъ не довольна, естьли не одобритъ онаго и своя совѣсть. Почему Апостолъ говоритъ: *Слава наша, сія есть свидѣтельство совѣсти нашея.* И на другомъ мѣстѣ: *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда самъ въ себѣ славу имѣти будетъ, а не во иномъ.* И такъ за славою и честію и властію, коихъ они желали и къ коимъ правильными средствами достигнуть тщалися добрые, не должна послѣдовать добродѣтель, но за добродѣтелію оныя. Ибо та не есть истинная добродѣтель, которая не стремится къ оному концу, въ которомъ состоитъ добро человѣческое, коего ничего лучшаго нѣтъ. Чего для и честей оныхъ, коихъ Катонъ требовалъ, искать былъ не долженъ (4); но надлежало Риму безъ его желанія удостоить его оными. Но когда въ оныя времена двое были въ добродѣтели великіе люди, Кесарь и Катонъ, то кажется добродѣтель Катонова ближе была къ прямой добродѣтели, нежели Кесарева. При томъ каковъ былъ Римъ въ оное время, и прежде каковымъ былъ, посмотримъ о томъ въ мнѣніи Катоновомъ (5), который говоритъ: не думайте, что предки наши оружіемъ

жіемъ республику изъ малой сдѣлали большею. Ежели бы оно было такъ, то несравненно прекраснѣйшею бы мы имѣли оную; ибо и союзниковъ и гражданъ, притомъ оружій и конницы у насъ болѣе нынѣ, нежели было у нихъ. Но было иное нѣчто, чѣмъ они великими стались, чего у насъ напротивъ совсѣмъ нѣтъ. Внутрь отечества тщаніе, внѣ праведное государствованіе, разумъ въ совѣтованіи свободный, ни сладострастію, ни прочимъ порокамъ неподверженный. Вмѣсто сихъ у насъ нынѣ роскошь и сребролюбіе, общественная нищета, частное богатство; похваляемъ богатство, любимъ лѣность; между добрыми и злыми нѣтъ никакого различія; все добродѣтели возмездіе тщеславіе получаетъ; и не удивительно, когда каждый изъ васъ частно про себя совѣты предпринимаетъ; когда въ домѣ утопаете въ роскошахъ, а внѣ дома денегъ и милости другихъ добиваетесь. Отъ сего-то происходитъ, что устремляетеся на опустѣвшую республику. Кто слышитъ сіи слова Катоновы, или Саллюстіевы, думаетъ, что выхваляемые древніе Римляне всѣ таковые были, или по крайней мѣрѣ многіе. Однако то неправда; инако несправедливо было бы, что тотъ же самый пишетъ, о чемъ я упоминалъ въ книгѣ второй сего сочиненія, гдѣ говоритъ: обиды сильныхъ, и потому отступленіе народа отъ Сенаторовъ, и другіе раздоры въ Римѣ происходили съ самаго начала, и уже болѣе пра-

ведно и благонравно не поступали, кромѣ того времени, когда по изгнаніи Царей всѣ боялись Тарквинія, за котораго Этрурія войну объявила Римлянамъ, которая какъ скоро окончалась, тогда Сенаторы съ народомъ поступали, какъ съ невольниками, наказаніе дѣлали такъ, какъ Цари: отнимали поля и безъ вѣдома другихъ одни все дѣлали въ государствѣ; который раздоръ, то есть когда одни владычествовать желали, другіе повиноваться не хотѣли, пресѣкла война съ Карѳагенцами вторая; понеже паки страхъ началъ ихъ безпокоить, и отъ сихъ раздоровъ попеченіемъ о большемъ сердца ихъ обуздывать и къ согласію между собою возвращать. Но нѣкоторые малочисленные добрые великія дѣла одни дѣлали, и по отвращеніи бѣдствій попеченіемъ немногихъ распространялось государство, какъ тотъ же говоритъ историкъ, что онъ, читая и слыша, что народъ Римскій внутрь государства и на войнѣ, на земли и на морѣ знаменитыя учинилъ дѣла, за благо разсудилъ любопытно и внимательно разсмотрѣть, чтобъ причиною было таковой удачливости; понеже зналъ, что Римляне малою, такъ сказать, горстію народа сражались съ многочисленными легеонами непріятельскими; вѣдалъ, что съ малочисленною арміею щастливо и удачливо окончаны брани съ богатѣйшими Царями; и разсуждая о томъ, позналъ и выразумѣлъ, что малочисленныхъ гражданъ изящное мужество тому виною,

ко-

которое сдѣлало, что нищета богатство, малочисленность многолюдство преодолѣли. Но послѣ того, какъ Римъ впалъ, говоритъ, въ развратность, то паки республика страдала отъ пороковъ своихъ вельможъ и начальниковъ. И такъ малочисленныхъ людей добродѣтель, къ славѣ, чести, власти истиннымъ путемъ, то есть самою добродѣтелію стремящихся, и самъ Катонъ похвалялъ. Отсюда-то происходило внутрь государства тщаніе, о которомъ упомянулъ Катонъ, дабы общественная казна была великою, а частное имѣніе малымъ. Чего для когда нравы стали быть развращенными, вопреки написалъ, то есть общественной казны недостатокъ, а частнаго имѣнія избыточество. Почему когда восточныя государства чрезъ много вѣковъ были знаменитыми, то благоволилъ Богъ быть и западному, которое хотя временемъ позднѣе, но пространствомъ и великостію знаменитѣе; и оное препоручилъ ради обузданія великихъ золъ другихъ народовъ такимъ людямъ, которые изъ чести, хвалы и славы пеклися объ отечествѣ, въ которомъ искали самыя славы, и ненарушимость онаго предпочитали своему здравію; которые симъ однимъ порокомъ, то есть любовію похвалы, желаніе богатства и прочіе многіе пороки обуздывали.

Глава третiянадесять.

О любви хвалы, которая хотя въ самой вещи есть порокъ, однако добродѣтелiю почитается; потому что другiе большiе пороки обуздываетъ.

Благоразумнѣе тотъ разсуждаетъ, которой и любовь похвалы порокомъ признаваетъ, о чемъ и стихотворецъ Горацiй не не вѣдалъ, который говоритъ: надменъ ты любовiю хвалы (1). Безсомнительно то порокъ. Тожъ сказалъ и въ стихѣ Лирическомъ для обузданiя желанiй обладать другими: пространнѣе царствовать будешь (2), укрощая жадный къ владычествованiю духъ, нежели когда Ливiю съ удаленнымъ Гадитанскимъ (3) островомъ совокупишь, и когда обои Карѳагенцы (4) будутъ тебѣ подвластны. Однако которые свои мерзскiя прихоти вѣрою благоговѣйною не обуздываютъ, тѣ хотя желанiемъ человѣческой хвалы и славы не могутъ назваться святыми, при всемъ томъ не столько, какъ прочiе, мерзостны. И Туллiй сего утаить не хотѣлъ въ тѣхъ книгахъ, которыя о республикѣ писалъ, гдѣ говоритъ о наставленiи вельможи города, котораго, говоритъ, должно питать славою (5). И потомъ упоминаетъ о предкахъ, которые изъ желанiя славы много важныхъ дѣлъ сдѣлали. И такъ сего порока не только не истребляли, но еще впечатлѣвали и возбуждали, почитая, что сiе для республики весьма полезно. Также не скрываетъ

о томъ Туллій и въ книгахъ философіи, гдѣ онъ гораздо яснѣе то открываетъ; ибо когда говорилъ о ученіяхъ, которыя пріобрѣтать должно ради конца истиннаго добра, а не ради похвалы человѣческой, то симъ всеобщимъ заключилъ мнѣніемъ: честь питаетъ науки (6), и всѣ къ пріобрѣтенію ученія возбуждаются славою; и то презираемо бываетъ всегда, чего никто не одобряетъ.

Глава четвертаянадесять.

Объ отверженіи любви похвалъ человѣческихъ; понеже праведныхъ хвала должна состоять въ Богѣ.

И такъ сему желанію лучше сопротивляться, нежели уступать должно; ибо тѣмъ всякъ Богу подобнѣе, чѣмъ непорочнѣе. И нечистота въ сей жизни хотя совершенно не можетъ отъ сердца человѣческаго истребиться, понеже и въ благонравіи успѣвающія души не престаетъ искушать: то по крайней мѣрѣ должно преодолѣваемо быть любленіемъ правды, такъ что ежели гдѣ что либо пренебрегается и не одобряется, ежели оно хорошее и праведное, то любовь человѣческія хвалы должна постыдиться и уступить любви истинны. Ибо порокъ сей крайнѣ противенъ благочестивой вѣрѣ, естьли больше будетъ въ сердцѣ желаніе славы, нежели страхъ и любовь къ Богу. И для того сказалъ Господь: *Како можете вѣровати, славу другъ отъ*

друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищуще? Также о нѣкоторыхъ, кои въ Него увѣровали, но боялись признавать то явно, говоритъ Евангелистъ: *Возлюбиша славу человѣческую паче, нежели Божію.* Сего святые Апостолы не дѣлали, которые когда въ таковыхъ мѣстахъ проповѣдывали имя Христово, гдѣ не только благовѣстіе оное не одобряемо, но и достойнымъ проклятія почитаемо было, памятуя слышанное отъ благаго Учителя своего и Врача душъ: *Аще кто отвержется мене предъ человѣки, отвергуся его и азъ предъ Отцемъ моимъ* (1), *иже на небеси, и предъ Ангелы Божіими* (2), между злословіями и поношеніями, между тяжкими и жестокими гоненіями и казньми не убоялись проповѣдывать спасеніе людямъ, хотя чрезъ то до скрежетанія зубовъ раздражали людей упорныхъ; и что чрезъ оныхъ волю Божію исполняющихъ, богодухновенно глаголющихъ и богоугодно живущихъ, по препобѣжденіи нѣкоторымъ образомъ грубыхъ и жестокихъ сердецъ, и по введеніи мира правды великая церкви послѣдовала слава, которую они къ Божіей славѣ, а не своей силѣ относили, благодатію котораго таковыми они были. И симъ и тѣхъ, коихъ наставляли, поощряли, дабы и они таковымижъ были. Ибо чтобъ они добрыми и благонравными были не для славы человѣческой, научалъ ихъ Учитель ихъ, глаголя: *Блюдите, правды вашей не творите предъ человѣки, да види-*

ми

ми будете ими: въ противномъ случаѣ не будете имѣть мзды отъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Но паки, дабы люди, не право понимая, не страшилися угодными быть другимъ, и тѣмъ самимъ не была бы ихъ тайная добродѣтель безполезною, показывая, на какій конецъ явными быть они должны: *Тако,* говоритъ, *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.* И такъ не для того, дабы вы видимы были отъ людей, и не для того, аки бы вы нѣчто были сами собою, но съ тѣмъ намѣреніемъ являйте свою добродѣтель, дабы другіе прославляли Отца вашего, иже на небесѣхъ; и чтобъ они, обратясь къ Богу, были таковыми же, какъ вы. Сему послѣдовали мученики, которые Сцеволовъ, Курціевъ и Декіевъ на себя казни нанося, но нанесенныя снося, и мужествомъ истиннымъ и благоговѣніемъ, такъ какъ и числомъ превзошли. Но когда язычники жили въ земномъ градѣ, которымъ и конецъ предложенъ былъ за всѣ къ нему услуги, цѣлость и ненарушимость онаго, и царство не на небеси, но на земли; не въ жизни вѣчной, но въ отшествіи умирающихъ и преемствѣ умереть имѣющихъ: потому они и не любили ничего, кромѣ славы, которою хотѣли и по смерти какъ бы жить во устахъ похваляющихъ ихъ.

Глава пятаянадесять.

О воздаянiи временномЪ, которое воздалЪ БогЪ РимлянамЪ за ихЪ благонравiе.

И такЪ коимЪ БогЪ не имѣлЪ даровать жизни вѣчной съ святыми Ангелами своими во градѣ своемЪ небесномЪ, вЪ которой вводитЪ истинное благоговѣнiе, которое не приноситЪ раболѣпнаго служенiя, кое Греки Латрiею называютЪ, кромѣ единаго истиннаго Бога, ежели бы и сей земной славы знаменитаго государства не даровалЪ имЪ: то не выгодна былабЪ имЪ мзда ихЪ добродѣтелямЪ, коими они до толикой славы тщалися достигнуть. Ибо о таковыхЪ, которые дѣлаютЪ нѣчто добро для того, дабы видимы были и прославляемы отЪ людей, и Господь сказалЪ: *Аминь, глаголю вамЪ, воспрiяли мзду свою*: такЪ и сiи частное свое имѣнiе ради общественной казны презрѣли, противились сребролюбiю, совѣтовали вЪ пользу отечества свободно, по своимЪ законамЪ удалялись отЪ пороковЪ и роскоши, сими всѣми средствами какЪ прямымЪ путемЪ стремились кЪ чести, власти, славѣ; почитаемы были во всѣхЪ почти народахЪ, свои законы многимЪ предписали странамЪ, и нынѣ вЪ исторiяхЪ у всѣхЪ народовЪ славится имя ихЪ. Почему нѣтЪ имЪ причины жаловаться на правду истиннаго Бога: *воспрiяша мзду свою*.

Глава

Глава шестаянадесять.

О воздаянiи праведныхъ гражданъ вѣчнаго града, коимъ полезны примѣры добродѣтелей, дѣланныхъ Римлянами.

Воздаянiе же праведныхъ совсѣмъ инаково, претерпѣвающихъ въ семъ мiрѣ поношенiе за градъ Божiй, ненавидимый любителями сего мiра. Оный градъ есть вѣчный; въ немъ никто не раждается, понеже никто не умираетъ; тамъ находится полное щастiе, не богиня, но даръ Божiй. Оттуда мы принимаемъ залогъ вѣры; покуда здѣсь странствуемъ, воздыхаемъ отъ желанiя онаго благолѣпiя и красоты. Тамъ солнце не сiяетъ на злыхъ и благихъ, но Солнце правды озаряетъ и покрываетъ единственно благихъ. Тамъ не будетъ нужды обогащать общественную казну частнымъ малымъ имѣнiемъ, гдѣ сокровищемъ общимъ есть истинна. Потому не только, дабы таковая мзда воздана была таковымъ людямъ, Римское государство къ человѣческой славѣ распространено, но чтобъ граждане вѣчнаго онаго града, покуда здѣсь странствуютъ, тщательно и неусыпно взирали на оные примѣры, и внимали, коликая любовь потребна къ горнему отечеству ради жизни вѣчной, когда земный градъ отъ своихъ гражданъ любимъ былъ толико ради человѣческой славы.

Глава седьмаянадесять.

Сколь удалены должны быть Христіяне отъ высокомыслія о себѣ, естьли что либо сдѣлаютъ изъ любви къ вѣчному отечеству, когда толь много важнаго Римляне учинили изъ любви къ славѣ и земному граду.

Великое ли дѣло почтетъ себя сдѣлавшимъ, который ради небеснаго отечества все вѣка сего увеселительное и лестное презритъ, когда Брутъ могъ и дѣтей своихъ умертвить за земное и временное отечество, къ чему оное небесное не принуждаетъ? Но поистиннѣ болѣе трудности въ себѣ заключаетъ умертвить дѣтей, нежели лишиться того, что собираемо и хранимо бываетъ дѣтямъ, раздаваніемъ нищимъ. Ибо щастливыми насъ и дѣтей нашихъ не земное дѣлаетъ богатство, котораго или при жизни нашей лишаемся, или по смерти оставляемъ невѣдомо кому, или, что огорчительнѣе, тѣмъ, коимъ оставить онаго мы не желали бы; но Богъ щастливыми дѣлаетъ, который есть истиннымъ душѣ богатствомъ. О Брутовомъ же нещастіи, когда онъ дѣтей умертвилъ, свидѣтельствуетъ стихотворецъ, который его хвалилъ; ибо говоритъ: дѣтей, новыя брани зачинающихъ за вольность народа, позоветъ къ казни нещастный отецъ, какихъ бы мыслей ни были о томъ потомки. Но слѣдующимъ стихомъ утѣшалъ нещастливаго такъ: превозмогла любовь къ отечеству и безмѣрное желаніе похвалъ. Сіи суть двѣ

вещи,

вещи, то есть вольность и желаніе похвалъ человѣческихъ, которыя понудили Римлянъ дѣлать удивленія достойныя дѣла. И такъ ежели за свободу смертныхъ, и изъ желанія похвалы, которой ищутъ люди, могли умерщвлены быть отъ отца дѣти: то великимъ ли дѣломъ должно почесться, когда за истинную свободу, которая насъ отъ области нечестія и смерти и діявола свободными дѣлаетъ, не изъ желанія человѣческихъ похвалъ, но любовію къ имѣющимъ свободиться людямъ; не отъ Тарквинія Царя, но отъ бѣсовъ и бѣсовскаго князя; не дѣти убиваемы бываютъ, но Христовы нищіе между сынами почитаются? Естьли также и другій вельможа Римскій, прозваніемъ Торкватъ, сына своего не за то, акибы онъ противъ отечества, но за отечество; однако поелику противъ повелѣнія отца своего вызванъ бывши непріятелемъ, и разгорячась сразился, хотя и побѣдилъ, непріятеля умертвилъ, дабы не было болѣе зла въ примѣрѣ презрѣннаго и пренебреженнаго повелѣнія, нежели добра въ славѣ пораженнаго непріятеля: то для чего хвастаютъ, которые за законы безсмертнаго отечества все, которое меньше любимо бываетъ, нежели дѣти, добро мірское презрѣли? Естьли Фурій Камиллъ и неблагодарное отечество свое, съ коего выи свергнулъ жестокихъ непріятелей Вегентянъ иго, и осужденный отъ завистливыхъ людей въ изгнаніе, отъ Галловъ вторично свободилъ, понеже не имѣлъ лучшаго,

въ

въ которомъ бы жить славнѣе: то для чего превозносится, какъ бы нѣчто важное сдѣлавъ, который по случаю въ церкви отъ враговъ плотскихъ тяжкое безчестіе и несносное претерпѣлъ, и не пріобщился къ врагамъ оной еретикамъ, и самъ никакой противъ ея ереси не вымыслилъ, но наипаче, сколько могъ, отъ еретической смертоносной заразы защищалъ; когда иной нѣтъ, не для того, дабы жить въ славѣ человѣческой, но въ которой бы пріобрѣсть вѣчную жизнь? Естьли Муцій, дабы сдѣлать миръ съ Порсенною Царемъ, который Римлянъ войною притѣснялъ, понеже не могъ убить Порсенну самаго, но ошибкою вмѣсто его убилъ другаго: то руку свою на горящемъ жертвенникѣ простеръ, сказывая, что многіе таковые, каковымъ онъ его видитъ, заговоръ учинили на его погибель, котораго онъ крѣпости и заговора таковыхъ убоявшись, немедленно учинивъ миръ, брань отмѣнилъ: то кто заслуги свои толь достойными неба почтетъ, естьли ради онаго не только руку, терпя отъ нѣкоторыхъ гоненіе, но и все тѣло свое предастъ пламени? Естьли Курцій, вооруженъ будучи, разбѣжавшись на конѣ, въ разсѣлину земную бросился, исполняя повелѣніе своихъ боговъ, которые приказали, дабы то туда ввержено было, что Римляне лучшее имѣютъ; и какъ Римляне понимали, что они превосходятъ другихъ мужествомъ и оружіемъ, почему за достойное почли, дабы въ оную разсѣлину вооруженный мужъ бросился: то

что

что великое содѣлавшимъ почтетъ кто себя, когда онъ претерпѣлъ какого либо въ вѣрѣ своей врага, не самъ себя умерщвляя, но отъ другаго будучи умерщвляемъ, особливо когда отъ Господа своего и Царя своего отечества получилъ ободрительное слово: *Не убойтеся убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити?* Ежели убивая сами себя Декiи, какъ бы въ жертву себя принесли богамъ, дабы гнѣвъ боговъ кровiю своею отъ армiи Римской отвратить: то не должны мученики высокоумствовать, аки бы достойное нѣчто за отечество оное учинили, гдѣ вѣчное и истинное есть блаженство, ежели они подвизались до излiянiя своей крови, любя не только свою братiю, за коихъ кровь проливали, но и самыхъ враговъ, которые оную проливали, какъ повелѣно; любя же любовiю вѣры, и вѣрою любви. Естьли Маркъ Пулвиллъ (1), освящая храмъ Юпитеру, Юнонѣ, Минервѣ, когда услышалъ о смерти своего сына отъ завистниковъ (2), которые нарочно дали ему знать, дабы онъ, симъ печальнымъ случаемъ смущенъ будучи, оставилъ оное священное дѣйствiе, и оную славу получилъ бы его товарищъ, не только не смутился, но еще и приказалъ, дабы сына его бросили безъ погребенiя (3); и такимъ образомъ безчадства печаль препобѣждена была въ сердцѣ его желанiемъ славы: то тѣмъ ли, какъ великимъ, похвалится Христiянинъ, что онъ за проповѣдiю Евангельскою, коею граждане горняго отечества отъ различныхъ свобождают-

ся

ся и собираются заблужденій, оставилЪ сродниковЪ безЪ погребенія, когда Господь вЪ лицЂ заботящагося о погребеніи отца нЂкогда ему сказалЪ: *Гряди во слЂдЪ мене, и остави мертвыя* (4) *погребсти своя мертвецы?* Естьли МаркЪ РегулЪ, дабы не обмануть клятвою жестокихЪ непріятелей, изЪ Рима кЪ нимЪ возвратился; понеже когда Римляне удержать его хотЂли, сказалЪ, что онЪ, бывши вЪ неволЂ у АфриканцовЪ, вЪ РимЂ между честными гражданами быть не можетЪ, котораго по возвращеніи, поелику онЪ вЪ СенатЂ РимскомЪ вЪ противность желанію КарѳагенцовЪ совЂты подавалЪ, жесточайшими мученіями умертвили: то какихЪ мученій мы можемЪ отрещися за оное отечество и за вЂрность кЪ оному, кЪ которому самая вЂра насЪ приводитЪ? Ибо что воздастся Господу за все, что ОнЪ даруетЪ, когда за вЂрность, кЪ Нему должную, таковое нЂчто человЂкЪ претерпитЪ, что за вЂрность кЪ жестокимЪ врагамЪ претерпЂлЪ РегулЪ? КакЪ дерзнетЪ ХристіянинЪ выхвалять себя самовольною нищетою, которую принимаетЪ, дабы свободнЂе итти тЂмЪ путемЪ, который ведетЪ кЪ отечеству, гдЂ истиннымЪ богатствомЪ есть самЪ БогЪ, когда услышитЪ, или вЪ исторіи самЪ увидитЪ, что Луцій ВалерІй (5), который и умерЪ КонсуломЪ, столь былЪ недостаточенЪ, что собранными отЪ народа деньгами былЪ погребенЪ? Или когда услышитЪ, или самЪ прочитаетЪ, что Квинцій

Цин-

Цинциннатусъ (6), имѣя четыре нивы земли, и оныя воздѣлывая самъ, отъ плуга взятъ и поставленъ Диктаторомъ, который чинъ больше былъ, нежели Консульство (7), который, побѣдивъ непріятелей (8) и безмѣрную славу получивъ, въ той же пребылъ навсегда нищетѣ? Или можетъ ли Христіянинъ такъ какъ бы важнымъ похвалиться, что онъ никакими обѣщаніями отъ вѣчнаго онаго отечества не отвлеченъ, когда увидитъ, что Фабрицій (9) великими обѣщаніями Пирра Эпиротскаго Царя, къ коимъ прилагалъ дать ему еще четвертую часть своего государства, отъ Рима отвлеченъ быть не могъ, въ которомъ онъ за благо разсудилъ при бѣдности частную препровождать жизнь? Ибо древніе Римляне общественную казну имѣли чрезвычайно обильную, а часто въ домахъ своихъ были совсѣмъ недостаточны, такъ что нѣкоторый изъ нихъ, бывшій два раза Консуломъ (10), за то отрѣшенъ былъ отъ онаго Сената недостаточныхъ мужей (11) Цензоромъ, понеже донесено было, что онъ десять фунтовъ сребра хранитъ въ сундукѣ. Ежели Римляне столь были недостаточны, коихъ торжества надъ непріятелями обогащали общественную казну: то Христіяне не должны ли наипаче богатство свое общимъ поставлять, по написанному въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, дабы даваемо было каждому, въ чемъ кому нужда, и чтобъ никто своимъ ничего не поставлялъ, но имѣли бы все общее? Разумѣютъ Христіяне, что не дол-

должно имъ симъ превозноситься, когда они то дѣлаютъ для полученія сообщества съ Ангелами, когда Римляне почти таково же нѣчто дѣлали для пріобрѣтенія славы. Сіе и тому подобное описанное въ книгахъ Римлянъ никогда бы другимъ не было свѣдомо, никогда не было бы вездѣ разглашаемо, ежели бы Римское государство не распространилось. И такъ чрезъ обширность и долговѣчность ихъ государства, славимаго толь многими добродѣтельными людьми, воздана имъ мзда по ихъ намѣренію, которой они искали, и намъ предложены къ увѣщанію и убѣжденію нужные примѣры, такъ что ежели мы добродѣтелей ихъ, коимъ нѣсколько подобны, которыхъ они ради славы земнаго града держатся, не будемъ ради преславнаго Божія града, то усрамлялись бы; а ежели держаться станемъ, то не превозносились бы. Понеже, говоритъ Апостолъ, *недостойны страсти нынѣшняго времяни къ хотящей славѣ явитися въ насъ.* Въ разсужденіи же человѣческой славы и настоящаго времени достойнымъ казалось житіе ихъ, чего для и Іудеи, убившіе Христа, по откровенію новаго завѣта того, что въ ветхомъ было покровено, то есть, чтобъ не ради временныхъ благодѣяній, даруемыхъ отъ Промысла злымъ и благимъ, но ради вѣчной жизни и некончаемыхъ даровъ, и ради сообщества, чаемаго въ горнемъ градѣ, Бога единаго и истиннаго почитать надлежитъ, праведно къ умноженію славы Римлянъ преданы, дабы

сіи

сіи, которые, какими бы то ни было добродѣтелями, земной славы искали, и обрѣли, побѣдили тѣхъ, которые ужаснѣйшимъ беззаконіемъ Подателя истинной славы и вѣчнаго града умертвили и отвергли.

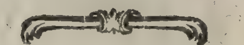
Глава осьмаянадесять.

Государство Римское устроено отъ истиннаго Бога, отъ коего зависитъ всякая власть, и коего промысломъ все управляется.

Когда сіе такъ, то не должны мы никому власти присвоивать даянія государства, кромѣ одного истиннаго Бога, который даруетъ щастіе, то есть царство небесное, однимъ праведникамъ, царство же земное и благочестивымъ и нечестивымъ, какъ угодно тому, которому все неправедное не благоугодно. Ибо хотя нѣчто мы и знаемъ, что намъ благоволилъ открыть, однако превосходитъ силы наши разбирать человѣческія сокровенности и совершенно разсуждать о заслугахъ государства. И такъ оной истинный Богъ, который ни въ разсужденіи суда, ни въ разсужденіи помощи не оставляетъ человѣческаго рода, когда Ему было угодно, и коликое было угодно Римлянамъ, далъ царство, который далъ Ассиріянамъ и Персамъ, которые двухъ только боговъ почитали (1): одного добраго, другаго злаго, какъ свидѣтельствуютъ ихъ книги. Я уже умалчиваю о народѣ Еврейскомъ, о которомъ я выше говорилъ, сколь-

ко требовала матерія, который не почиталЪ инаго Бога, кромѣ одного, когда и царствовалЪ. И такЪ который ПерсамЪ даровалЪ класы безЪ почитанія богини Сегеціи; который другіе земные дары безЪ почитанія толь безчисленныхЪ боговЪ, которыхЪ Римляне по одному кЪ каждой вещи, или лучше сказать, кЪ одной вещи многихЪ приставили, даровалЪ: такЪ и самое царство безЪ почитанія тѣхЪ боговЪ, почитаніемЪ коихЪ царствовавшими себя признавали. ТакЪ и вЪ разсужденіи людей, который Марію, тотЪ и Каію Кесарю (2); который Августу, тотЪ и Нерону; который ВеспасіанамЪ, какЪ отцу, такЪ и сыну, милостивымЪ ГосударямЪ (3), тотЪ и жестокому Домитіану; и чтобЪ не изчислять всѣхЪ по одиначкѣ, который Константину Христіянину, тотЪ и отступнику Іуліану (4), котораго изрядную породу обольстило любовію кЪ владычествованію святотатское и проклятое любопытство, котораго онЪ суетнымЪ предавшись предвѣщаніямЪ, и уповая получить побѣду, сжегЪ корабли сЪ запасомЪ; потомЪ горячась и на все отважась, достойно за свое безуміе убитый, оставилЪ войско гладомЪ погибающее вЪ непріятельскихЪ мѣстахЪ, такЪ что оттуда инаково не могло свободиться, какЪ только вЪ противность хорошаго знака бога Термина, о коемЪ мы выше говорили, то есть уменьшеніемЪ границЪ государства Римскаго. Ибо богЪ ТерминЪ принужденЪ былЪ уступить мѣсто крайности, который

не



не уступалъ Юпитеру. Сіе поистиннѣ одинъ Богъ истинный управляетъ по своему изволенію, и хотя сокровенными въ разсужденіи насъ суть оныя причины, но праведныя.

Глава девятаянадесять.

Времена и окончанія браней отъ Божія зависятъ суда.

Такимъ же образомъ и самыя времена браней Божіимъ благоизволеніемъ и праведнымъ судомъ и милосердіемъ, или ради изнуренія, или ради утѣшенія человѣческаго рода скоро, или медлительно оканчиваются. Война съ морскими разбойниками (1) отъ Помпея, война съ Карѳагенцами (2) отъ Сципіона съ крайнею скоростію окончаны; и война съ бѣжавшими Гладіаторами, хотя по побѣдѣ многихъ Римскихъ полководцовъ и двухъ Консуловъ, и по опустошеніи ужаснымъ образомъ Италіи, однако въ третій годъ окончана. Пиценты, Марсяне, Пелигны не внѣшніе народы, но Италійскіе, по долговременномъ понесеніи неволи ига свободить себя покушались и въ самое то время, когда Римляне многими обладали странами и раззорили уже Карѳагенъ, въ которыхъ сраженіяхъ многократно Римляне были побѣждены (3), два Консула убиты (4) и другіе знатные Сенаторы; однако не долго продолжалось сіе зло: ибо пятый годъ оное окончилъ. Вторая война съ Карѳагенцами, къ великому нещастію Римлянъ продолжавшаяся

осьмнатцать лѣтъ, всѣ силы Римлянъ истощила и почти совсѣмъ истребила. Во время оныя на двухъ сраженіяхъ (5) до семидесяти тысячь Римлянъ побито. Война съ Карѳагенцами первая продолжалась двадцать три года, война съ Митридатомъ (6) сорокъ лѣтъ. Но чтобъ кто не подумалъ, что предки Римлянъ военныя дѣла скорѣе рѣшили, будучи мужественнѣе: тотъ пускай посмотритъ на первенствующія времена и всѣми выхваляемыя: война съ Самнитянами продолжалась почти пятьдесятъ лѣтъ (7), во время которой такъ Римляне побѣждены, что подъ иго неволи покорены были. Но какъ они любили славу не для правды, но правду для славы, то мирной договоръ нарушили. Сіе для того я упомянулъ, понеже многіе, не зная прошедшихъ вещей и дѣлъ, нѣкоторые же и зная, но притворяясь незнающими, когда видятъ въ Христіянскія времена продолжающуюся войну какую либо, тотчасъ дерзновенно на наше благочестіе устремляются, крича, что ежелибъ сего благочестія не было и по древнему обыкновенію боги были почитаемы, то мужество Римлянъ помощію Марса и Беллоны скоро каждую войну окончалобъ. И такъ пускай теперь читаютъ, коль долговременно войны, съ колико различными приключеніями, съ колико плачевными пораженіями древними были отправляемы. Увидятъ подлинно, что Римское государство на подобіе пространнаго моря непогодою золъ было обуревае-

реваемо, и не хотя признаются въ истиннѣ, и престанутъ безумный свой языкъ вооружать и изощрять на Бога и обманывать невѣждъ.

Глава двадесятая.

О войнѣ, на которой Радагаисъ Царь Готской, почитатель бѣсовъ, въ одинъ день съ безчисленнымъ войскомъ побѣжденъ.

Что же Богъ въ наши времена чудное по милосердію своему сдѣлалъ, о томъ не только не упоминаютъ съ благодареніемъ, но сколько есть въ нихъ силъ, стараются скрыть и предать забвенію, которое ежели и мы оставимъ и умолчимъ, то будемъ равно неблагодарными. Когда Радагаисъ, Царь Готской, съ безчисленною арміею приближившись къ предѣламъ Римскаго государства, и не далече наконецъ бывъ отъ Рима, угрожалъ погибелью народу: то въ одинъ день толь скоро побѣжденъ, что не только ни одинъ Римлянинъ не убитъ, но ниже раненъ, хотя войска его побито болѣе ста тысячь; наконецъ тотчасъ и самъ оный Царь съ дѣтьми пойманъ и достойныя принялъ казни. Ибо ежели бы онъ, будучи толь нечестивъ, и имѣя войско безчисленное, столь же нечестивое, вошелъ въ Римъ: когобъ онъ пощадилъ? Которымъ бы мѣстамъ священнымъ мучениковъ честь отдалъ? Въ какомъ бы лицѣ убоялся Бога? Чьей бы не пролилъ крови, и чьему

 цѣло-

цѣломудрію не причинилъ бы насилія? Какихъ бы тогда Римляне не произнесли словъ? Какихъ бы не наговорили поношеній, сказывая, что того ради онъ побѣдилъ, понеже всегдашними жертвами своихъ боговъ умилостивлялъ и призывалъ, что Римлянамъ благочестіе Христіянское дѣлать возбраняло? Ибо когда онъ еще приближался къ тѣмъ мѣстамъ, въ коихъ изволеніемъ высочайшаго Величества пораженъ, когда о немъ слава повсюду происходила: то сказывали намъ въ Карѳагенѣ, что язычники вѣрятъ, разславляютъ и разносятъ, что Радагаисъ, приносящій своимъ богамъ повсядневныя жертвы, и будучи подъ ихъ покровительствомъ и защитою, побѣжденъ быть не можетъ отъ тѣхъ, которые таковыхъ же жертвъ не приносятъ, и священнослуженій не отправляютъ Римскимъ богамъ, и другихъ къ тому не допускаютъ. И не приносятъ бѣдные благодарности толикому Божію милосердію, который, опредѣливъ варварскимъ нападеніемъ достойныя тяжчайшей казни развращенія человѣческія наказать, растворилъ гнѣвъ свой человѣколюбіемъ, такъ что вопервыхъ чудную надъ Радагаисомъ даровалъ побѣду, дабы къ низложенію душъ немощнѣйшихъ не дана была слава бѣсамъ, коихъ Радагаисъ, какъ всѣмъ было извѣстно, почиталъ. Потомъ когда Римомъ сіи варвары обладали, и въ противность своего обыкновенія военнаго къ святымъ мѣстамъ убѣжавшихъ изъ почтенія къ благочестію Христіянско-

янскому защищали, и самымЪ демонамЪ и обрядамЪ нечестивыхЪ священнослуженій за имя Христіянское толь противились, что казалось они сЪ демонами наипаче, нежели сЪ людьми воевали. ТакимЪ образомЪ истинный Господь и Правитель вещей и РимлянЪ сЪ милосердіемЪ наказалЪ и чудною почитателей бѣсовскихЪ побѣдою показалЪ, что и священнослуженія, приносимыя богамЪ, кЪ ненарушимости настоящихЪ вещей не пользуютЪ, и ради настоящихЪ бѣдственныхЪ приключеній благочестія Христіянскаго оставлять не должно, но вѣрно ради будущей жизни чаянія содержать.

Глава двадесять первая.

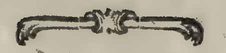
Сколь истинно есть ХристіянскихЪ Государей благополучіе.

Мы ХристіянскихЪ Государей не по тому щастливыми называемЪ, понеже они долговременно царствовали, или по государствованіи оставивЪ наслѣдниковЪ, спокойною смертію умерли, или непріятелей своего государства усмирили, или враговЪ домашнихЪ гражданЪ, на нихЪ возстающихЪ, избавиться и преодолѣть могли; ибо сіе и другое подобное бѣдственной жизни сей, или даромЪ, или утѣшеніемЪ есть, котораго и почитатели бѣсовЪ удостоились; которые не принадлежатЪ кЪ царству Божію, кЪ коему принадлежатЪ Христіянскіе Государи, и сіе БожіимЪ сдѣлано

 мило-

милосердіемъ, дабы вѣрующіе въ Него не желали того, какъ высочайшаго добра: но благополучными и блаженными ихъ называемъ, когда они праведно государствуютъ. Естьли, видя подданныхъ устами приписываемые себѣ высокіе титулы, и преданность, глубокимъ смиреніемъ имъ изъявляемую, не превозносятся, но памятуютъ, что они люди; естьли свою власть и величество къ распространенію Божія почтенія употребляютъ; ежели Бога боятся, любятъ, чтутъ; ежели пламенѣютъ любовію къ оному царству, гдѣ нѣтъ опасности имѣть сообщника царству (1); естьли не скоро отмщеваютъ, удобно прощаютъ; естьли тоже отмщеніе по нуждѣ въ разсужденіи защищенія общества, а не ради насыщенія себя ненавистію непріязни совершаютъ; естьли прощеніе не къ безнаказательности нечестія и непотребства, но ради надежды исправленія даруютъ; ежели иногда жестоко что либо кому опредѣлили, милостію, снисхожденіемъ и щедростію благодѣяній вознаграждаютъ; ежели своевольство тѣмъ болѣе отъ себя удаляютъ, чѣмъ оное имъ позволительнѣе; ежели тщатся злыми вожделѣніями обладать наипаче, нежели владычествовать надъ народами; и естьли при всемъ томъ сіе дѣлаютъ не изъ желанія тщетной славы, но изъ любви къ блаженству вѣчному; естьли за свои прегрѣшенія Богу единому истинному приносятъ смиренія, соболѣзнованія и молитвы жертву: таковыхъ Христіянскихъ Государей называемъ мы блаженными,

кото-



которые тогда совершенно благополучны, когда то приспѣетъ, чего мы ожидаемъ.

Глава двадесять вторая.

О благополучныхъ успѣхахъ, которые Богъ даровалъ Константину, Христіянскому Императору.

Преблагій Богъ, дабы люди, вѣрующіе въ Него и почитающіе ради будущей жизни, не подумали, что никто не можетъ достигнуть величества и царства земнаго, естьли кто демонамъ не будетъ отдавать Божеской чести, поелику много силы имъ въ семъ язычники присвоюютъ: то Константина Императора (1), непокланяющагося демонамъ, но единаго истиннаго Бога почитающаго, толь великими земными наградилъ дарами, что желать болѣе того никто бы не отважился; которому даровалъ удобство къ сооруженію города (2), равнаго Риму, но безъ всякаго демонамъ храма (3) и кумира. Онъ царствовалъ долговременно; весь міръ имѣя въ своей державѣ, его защищалъ. Въ отправленіи браней былъ наищастливѣйшимъ и побѣдоноснымъ. Въ истребленіи тиранновъ (4) имѣлъ всегда успѣхи. Умирая отъ болѣзни въ глубокой старости, оставилъ сыновъ своихъ на Царскомъ престолѣ. Но паки, дабы какой либо Государь для того не былъ Христіяниномъ, дабы благополучія Константинова достигнуть, когда всякъ ради жизни вѣчной долженъ быть Христіяниномъ:

то Іовиніана прежде несравненно скорѣе отсюда восхитилъ, нежели Іуліана. Граціану же (5) попустилъ убіену быть мечемъ тиранскимъ; при всемъ томъ легче, нежели Помпею великому (6), почитающему боговъ Римскихъ. Ибо за него Катонъ отмстить не могъ, котораго онъ какъ бы наслѣдникомъ оставилъ гражданской брани. За сегожъ, хотя благочестивыя души таковыхъ утѣшеній не требуютъ, Ѳеодосій отмстилъ (7), котораго онъ царства общникомъ и участникомъ сдѣлалъ, когда малолѣтнаго имѣлъ брата, желая вѣрнѣйшаго сообщества, нежели наивеличайшей власти.

Глава двадесять третія.

О вѣрности, вѣрѣ, любви и благоговѣніи Ѳеодосія Императора.

Чего для Ѳеодосій не только во время его жизни сохранилъ къ нему вѣрность, но и послѣ его смерти изгнаннаго отъ его убійцы Максима, малолѣтнаго брата, въ часть своего государства такъ какъ Христіянинъ принялъ, и хранилъ съ отеческою любовію, котораго лишеннаго всякой помощи безъ всякой трудности могъ бы лишить жизни, естьли бы пламенѣлъ любовію болѣе пространно владычествовать, нежели къ благодѣтельствованію. И такъ онъ, сохранивъ Царское его достоинство, принявъ милостію своею и ласковостію утѣшилъ. Потомъ, когда Максима ( ) страшнымъ содѣлали успѣхи, то Ѳеодосій,

въ

вЂ тѣсныхЂ будучи обстоятельствахЂ, не устремился кЂ непозволеннымЂ и святотатскимЂ любопытствамЂ, но кЂ Іоанну, вЂ пустынѣ Египетской живущему (2), о коемЂ вездѣ слухЂ распространился, что оный рабЂ Божій духомЂ ПророческимЂ одаренЂ, послалЂ, и отЂ него безсомнительное предсказаніе о побѣдѣ получилЂ. Вскорѣ по убіеніи тиринна Максима, Валентиніана (3) отрока вЂ ту часть государства, откуда изгнанЂ былЂ, сЂ почтеніемЂ возвратилЂ. И по смерти его, которая ему послѣдовала или отЂ умысла подданныхЂ, или по случаю, или другимЂ какимЂ ни есть образомЂ, когда другій тираннЂ неправильно и незаконно вмѣсто онаго ЦаремЂ былЂ поставленЂ, Евгеній: то, получивЂ паки вторичное предсказаніе отЂ тогожЂ Іоанна, положивЂ твердую надежду на Бога, онаго Евгенія побѣдилЂ, противЂ коего войска, сильнаго наипаче молитвою, нежели мечемЂ, вооружался. Воины, которые вЂ ономЂ сраженіи были, намЂ обЂявляли, что у нихЂ исторгнуто было все то, что они на войско Ѳеодосіево бросать намѣревали, вѣтромЂ, который сЂ стороны Ѳеодосіевой на нихЂ вѣялЂ; и не только то, что вергаемо было войскомЂ ѲеодосіевымЂ, похищаемо было и сильнѣе поражало непріятелей, но и непріятельскія стрѣлы, испущенныя на войско Ѳеодосіево, обращаясь разили пустившихЂ ихЂ. Почему стихотворецЂ КлавдіанЂ (4) хотя былЂ язычникЂ, однако вЂ выхвалу ему сказалЂ:

о крайнѣ возлюбленный Богу, съ коимъ купно разитъ непріятелей воздухъ, и сообщась помоществуютъ вѣтры! Будучи же побѣдителемъ, какъ вѣрилъ и предсказалъ, Юпитеровы ваянія и изображенія, которыя были противъ его невѣдомо какими обрядами посвященныя, и на Алпійскихъ горахъ поставленныя, низвергнулъ, и оныхъ перунамъ, поелику были золотые, когда смѣялись гонцы, сколько тогдашняя радость позволяла, и говорили, что они желаютъ оными перунами поражены быть, веселое имѣя лице, дарилъ щедро. Враговъ своихъ дѣтей, которые, не бывши Христіянами, ушли въ священные храмы, по тому случаю повелѣлъ огласить въ Христіянство, и по крещеніи любилъ оныхъ Христіянскою любовію, и не лишалъ имѣнія, но въ высочайшіе жаловалъ чины. Никому не попустилъ послѣ побѣды мстить за частныя обиды. Домашнія смятенія, не такъ какъ Марій и Цинна, и Силла, и другіе подобные усмиряли, которые и оконченныхъ окончать не хотѣли; но наипаче сожалѣлъ, ежелибъ когда оныя случились, нежели желалъ, дабы кому оконченныя вредъ причиняли. Сверьхъ сего, съ самаго начала вступленія своего на престолъ не преставалъ милостивыми и праведными законами противъ нечестивыхъ изнемогающей церкви помоществовать, которую Валентъ еретикъ (5), пособствуя Аріанамъ, жестоко оскорблялъ, которой членомъ Ѳеодосій наипаче желалъ быть,

быть, нежели царствовать на земли. Кумиры языческіе во всѣхъ мѣстахъ низринуть повелѣлъ, совершенно понимая, что и земное добро въ Божіей состоитъ власти, а не демонской. Что же было удивительнѣе его благочестиваго смиренія (6), когда преступленіе Солунянъ тяжчайшее, коимъ было по предстательству Епископовъ обѣщалъ прощеніе, возмущеніемъ нѣкоторыхъ отмстить принужденъ былъ, и наказанъ бывши церковнымъ покаяніемъ, такъ сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, что народъ, за него моляся, болѣе тогда плакалъ, нежели прежде гнѣва его боялся. Сіи и подобныя добрыя дѣла, о коихъ предлагать не позволяетъ времени краткость, отсюда онъ съ собою понесъ, коихъ воздаяніемъ есть вѣчное блаженство, которое Богъ даруетъ однимъ нелoжно благочестивымъ. Прочее же жизни сея или достоинство, или другое что, такъ какъ и самый міръ, свѣтъ, воздухъ, землю, воды, плоды, также и душу, тѣло, чувства, разумъ, жизнь, добрымъ и злымъ даруетъ, въ числѣ коихъ также находится и величество государства, которое по времени Богъ устроенетъ.

Глава двадесять четвертая.

Противъ завистливыхъ, кои отвѣтъ писали на изданныя уже Августиномъ книги.

Теперь уже за нужное почитаю отвѣтствовать тѣмъ, которые ясными доказатель-

шельствами, коими показывается, что ко временному добру, желаемому несмысленными, множество боговъ ни мало не пособствуетъ, сражены будучи и опровержены, силятся доказывать, что не для выгоды въ настоящей жизни, но ради оной, которая по смерти быть имѣетъ, боговъ почитать надлежитъ. Ибо тѣмъ, кои изъ любви къ міру сему суету за долгъ ставятъ почитать, и въ недопущеніи себя къ тому отъ малоразумія жалуются, сими пятьми книгами довольно кажется отвѣтствовано, изъ коихъ первыя три, когда я издалъ, и у многихъ въ рукахъ оныя появились, тогда услышалъ я, что нѣкоторые невѣдомо какое пишутъ на то возраженіе. Потомъ донесено мнѣ было, что уже написали, но ищутъ и ожидаютъ времени удобнаго, въ которое бы безопасно могли издать, которымъ я совѣтую, дабы они того не желали, что имъ не полезно; ибо кто молчать не пріобыкъ, тому легко покажется, что онъ довольно отвѣтствовалъ. Да и что можетъ быть многоглаголивѣе малоразсудства, которое не столько можетъ, сколько истинна? Но ежели восхощетъ, болѣе можетъ вопить, нежели истинна. Но пускай разсмотрятъ все тщательно и разберутъ безпристрастно, то увидятъ, что ни поколебать того не можно, не только чтобъ безразсудствомъ безстыднымъ, или пересмѣшкою сатирическою опровергнуть. И такъ пускай удержатъ свои взоры и не почитаютъ

себѣ

себѣ за стыдъ исправленнымъ быть отъ благоразумныхъ, нежели непохваляемымъ отъ безумныхъ. Ибо ежели не ради свободности къ предложенію истинны, но ради злословія времени ожидаютъ, то не дай имъ Богъ, дабы тожъ имъ приключилось, что Туллій (1) говоритъ о нѣкоторомъ, который потому, что имѣлъ всегда удобство ко грѣхамъ, назывался щастливымъ. О нещастный, которому грѣшить вольно было! Почему всякой, по свободности къ злословію щастливымъ себя почитающій, несравненно щастливѣе будетъ, ежели онаго учинить ему будетъ не возможно, когда ему удобно, отложивъ хвастовство малоразсудствомъ и въ сіе время, какъ я подъ видомъ требованія совѣта предлагалъ вопреки, что ему угодно, и отъ тѣхъ, коихъ подъ видомъ совѣта вопрошаетъ, такъ какъ въ дружескомъ словопрѣніи, то есть съ скромностію, основательностію и вольностію надлежащее слышать.

Конецъ I части.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, пятую.

На главу вторую.

(1) Цицеронъ сказываетъ. Гдѣбъ сіе Цицеронъ говорилъ, не извѣстно; однако думаю, что въ книгѣ о судьбѣ, которая къ намъ дошла испорченная и неполная.

(2) Поссидоній Стоикъ. Онъ былъ изъ Родоса, гдѣ и училъ. Наконецъ въ Римъ пришелъ, былъ ученикомъ и преемникомъ Пенатія, какъ увѣряетъ Цицеронъ.

(3) Близнецы. Кавовыми были Проклъ и Цирисній, Лакедемонскіе Цари, какъ говоритъ Цицеронъ въ книгѣ о гадательствѣ второй.

(4) Ни въ какихъ близнецахъ. Квинтиліанъ о двухъ близнецахъ болящихъ. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ подобнаго, котораго бы природа особливымъ свойствомъ не различила и проч. И далѣе: многіе вкупѣ раждаются, но всякъ съ своею судьбою.

На главу третію.

(1) Нисгидій. Фигулъ знатнаго рода, и разумный, искусный какъ въ другихъ наукахъ, такъ особливо въ математикѣ; въ философіи послѣдовалъ Пиѳагоровымъ ученикамъ. Упоми-

минаетъ о немъ Цицеронъ. Светоній въ Августѣ повѣствуетъ, что Нисгидій, узнавъ часъ рожденія Октавіева, сказалъ, что обладатель вселенныя родился.

(2) Быстротѣ. Квинтиліанъ о близнецахъ болящихъ: сколько тебѣ думается прошло времени, когда первое бремя исходитъ. Кратко можетъ кажется смертныхъ очамъ, но ежели разсмотрѣть умомъ пространство міра, то узнаешь, сколь много проходитъ времени между рожденіемъ одного и другаго младенца.

На главу четвертую.

(1) Близнецы. Исавъ и Іаковъ отъ Исаака и Ревекки. Бытія глава дватцать пятая.

(2) Служилъ. Іаковъ Лавану, тестю своему, служилъ за Рахиль. Онъ былъ и Ревеккѣ матери любезенъ, и у брата благословеніе предвосхитилъ, котораго по тогдашнему времени ничего не было честнѣе и полезнѣе.

На главу шестую.

(1) Такова есть сила. Изъ животныхъ немногіе сверьхъ зачавшагося плода зачинаютъ. Аристотель и Плиній пишутъ, что зайцы по зачатіи зачинаютъ. И у женъ тожъ случается, какъ Аристотель въ книгѣ седьмой исторіи животныхъ. Была, говорятъ нѣкоторые, прелюбодѣйца, которая одного младенца родила мужу подобнаго, другаго прелюбодѣю, какъ Аристотель и Плиній въ книгѣ седьмой говорятъ; однако таковые примѣры рѣдки.

На главу седьмую.

(1) Избирается день. Древнѣйшій изъ всѣхъ Исіодъ дни года и луны для земледѣльцовъ раздѣлилъ. Ему послѣдовали Греки, Латинцы и Варвары, писавшіе о земледѣліи. Ему подражалъ Демокритъ, Виргилій, старшій Катонъ, Варронъ, Колумелла, Палладій, Плиній.

(2) Чуднымъ образомъ. По необходимости послѣдовать должно, дабы тотъ иногда попалъ въ цѣль, кто много стрѣляетъ. Ложь математиковъ рѣдкіе помнятъ, а похожее на правду многіе между чудесами поставляютъ.

(3) Тайнымъ вдохновеніемъ. Тожъ Августинъ на Бытейскія книги въ толкованіи и о ученіи Христіянскомъ. Сіи, говоритъ, знаки происходятъ отъ тайнаго вдохновенія демоновъ. Тотъ щастливѣе въ предвѣщаніи, которой благосклоннѣйшимъ имѣетъ къ себѣ демона.

На главу осьмую.

(1) Причинъ связь. Цицеронъ въ первой книгѣ о гадательствѣ, разумъ, говоритъ, убѣждаетъ вѣрить и признаваться, что все дѣлается судьбою. Чрезъ судьбу же разумѣю порядокъ причинъ, когда причина причину раждаетъ. Оная есть отъ вѣчности проистекающая и вѣчная истинна.

(2) Изъ Омира стихи. Слова въ оныхъ заключаются Улиссовы къ Фемію, утверждающія, что мысли человѣческія перемѣняются непрестанно, и каждый день таковыми бываютъ, каковыми имъ быть Юпитеръ хочетъ.

На главу вторуюнадесять.

(1) Ассараковы потомки, то есть Римляне. Ассаракъ былъ дѣдъ Анхизовъ, Каписъ отецъ, отъ котораго Еней, отъ Енея Іулъ, отъ Іула Цари Албанскіе, а отъ оныхъ Римляне.

(2) Соединенные. Почти одинъ былъ храмъ добродѣтели и чести, который построилъ Марій по полученіи побѣды надъ Кимврами; но поелику между оными былъ каналъ, то и казались два.

(3) Разсужденіе людское. Сіе есть вообще славою. Но о истинной славѣ Цицеронъ въ третіей книгѣ Тускуланскихъ вопросовъ такъ говоритъ: слава есть вещію непоколебимою и изображенною, а не прикровенною непорочнымъ гласомъ хорошо разсуждающихъ о изящной добродѣтели.

(4) Искать былъ не долженъ. Катонъ Утиценскій, о коемъ здѣсь говоритъ, просилъ, дабы поставленъ былъ Трибуномъ народнымъ, и получилъ просимое; просилъ Преторства, и дано ему; однако прежде получилъ отказъ, когда предпочтенъ былъ непотребнѣйшій человѣкъ Ватиній, богамъ и людямъ ненавистный. Просилъ Консульства, однако въ томъ ему отказано. Человѣкъ, какъ говоритъ Плутархъ, такой, котораго купить дорогою цѣною для исправленія оныхъ должностей надлежало; который достоинъ былъ того, дабы принужденъ былъ принимать чины, нежели просить.

(5) Въ мнѣніи Катоновомъ. Въ рѣчи, которую говорилъ въ Сенатѣ, когда назначенъ былъ Трибуномъ народнымъ противъ заговоръ учинившихъ, какъ пишетъ Саллюстій въ Катилин.

(6) Кто слышитъ сіи слова. Всегда Римскіе потомки воспоминали о добродѣтеляхъ своихъ предковъ, и превозносили оныя до небесъ; или потому, что непрестанно къ хуждшему вещи клонились, или поелику народу прошедшія времена кажутся всегда лучшими.

На главу третіюнадесять.

(1) Любовію хвалы. Горацій къ Меценату въ книгѣ первой писемъ.

(2) Пространнѣе царствовать будешь. Горацій въ книгѣ второй стиховъ къ Саллюстію.

(3) Гадитанскимъ. Сей островъ есть Испанской, знаменитый странствованіемъ въ немъ Ираклія, или Геркулеса.

(4) И обои Карѳагенцы. Акронъ и Порфиріонъ чрезъ сіе разумѣютъ Африканцовъ въ Ливіи и Гадитанцовъ, которые произошли отъ Пеновъ, или Карѳагенцовъ, что стихотворецъ изображаетъ здѣсь соединеніе земель, морями отдѣленныхъ.

(5) Должно питать славою. Такъ большая часть Стоиковъ; они своего мудреца называютъ животнымъ славы. Симонидъ стихотворецъ, приведенъ будучи въ мнѣніе такое отъ Ксенофонта, тѣмъ различаетъ человѣка

отъ

отъ другихъ животныхъ, что человѣкъ къ чести и славѣ стремится.

(6) Честь питаетъ науки. Цицеронъ въ предисловіи книги Тускуланскихъ вопросовъ.

На главу четвертуюнадесять.

(1) *Предъ Отцемъ моимъ.* Матѳея глава десятая.

(2) *И предъ Ангелы Божіи.* Луки глава втораянадесять.

На главу седьмуюнадесять.

(1) Естьли Пулвиллъ. Ливій въ книгѣ второй и Валерій въ книгѣ пятой, Плутархъ въ Публиколѣ, Діонисій и другіе пишутъ, что храмъ обѣщанъ Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ отъ Тарквинія Приска, построенъ отъ Тарквинія Суперба, или гордаго, по изгнаніи котораго посвятить досталось оный Консуламъ. Метаны были жребіи, по силѣ коихъ досталось посвятить его М. Орацію Пулвиллу, съ которымъ приключилось то, что Августинъ предлагаетъ.

(2) Отъ завистниковъ. Отъ М. Валерія П. Валерія Консула брата, который негодовалъ, что храмъ оный посвящается не отъ кого либо изъ ихъ фамиліи, столь великолѣпно построенный. И такъ сказалъ нарочно Горацію, что у него сынъ скончался, дабы Гораціева фамилія, толикою печалію пораженная, удержана была отъ посвященія.

(3) Бросили безЪ погребенія. ТакЪ пишетЪ ПлутархЪ. *Ливій же* сказываетЪ, что онЪ приказалЪ его вынесть.

(4) *Остави мертвыя.* Оставь людей, живущихЪ міру, но вЪ самой вещи умершихЪ, поелику они вЪ разсужденіи Бога умерли, погребсти тѣхЪ, коихЪ онЪ умершими тогда только щиталЪ.

(5) *Луцій Валерій.* ПишутЪ *Ливій*, Валерій, ПлутархЪ, Діонисій, Евтропій, что Валерій Публикола по недостатку своему погребенЪ былЪ общественнымЪ иждивеніемЪ. ПлутархЪ повѣствуетЪ, что сложилися граждане деньгами для погребенія его.

(6) Квинтій ЦинциннатусЪ. Смотри *Ливія книгу третію, и Валерія книгу четвертую.*

(7) Больше былЪ, нежели Консульство. Дикташорское достоинство было Царское, на которое суда нигдѣ не было, которому Консулы и прочіе начальники и народЪ повиновались. Продолжалось оно только шесть мѣсяцовЪ, и Диктаторы вЪ великихЪ бѣдствіяхЪ республики поставлялись. Оное достоинство уставлено отЪ построенія Рима вЪ двѣсти пятьдесятЪ второмЪ году по смерти Кесаревой, закономЪ Марка Антонія изЪ зависти вѣчнаго Диктаторства Кесарева.

(8) Побѣдивъ непріятелей. ЯсвовЪ, надЪ коими онЪ торжествовалЪ.

(9) Фабриція. ОнЪ былЪ недостаточной человѣкЪ и великой презритель богатства. И

когда

когда посланъ былъ къ Пирру ради искупленія плѣнниковъ, и прошенъ Пирромъ, дабы поѣхалъ съ нимъ въ Эпиръ, съ тѣмъ обѣщаніемъ, что онъ дастъ ему четвертую часть государства своего, отвѣтствовалъ, что сіе для него, Пирра, весьма вредно; понеже ежели жители Эпиротскіе увидятъ и познаютъ Фабриція, то лучше будутъ повиноваться ему, Фабрицію, нежели Царю Пирру. За сіе Пирръ не разгнѣвался, но великодушной простотѣ Фабриціевой удивился. Сей же Фабрицій подарокъ, изъ великаго числа денегъ состоящій, даруемый ему въ знакъ дружбы, отвергъ и не принялъ.

(10) Что нѣкоторый изъ нихъ, бывшій два раза Консуломъ. Валерій въ книгѣ второй повѣствуетъ сіе о Корниліѣ Руффинѣ, который отрѣшенъ отъ Сената симъ Фабриціемъ Ценсоромъ за то, что оказалось у него десять фунтовъ дѣланнаго серебра. Тожъ пишетъ Ливій въ книгѣ четвертойнадесять.

(11) Недостаточныхъ мужей. Ни въ какой вѣкъ не было столь много воздержныхъ и непорочныхъ людей, какъ во время войны съ Пирромъ.

На главу осьмуюнадесять.

(1) Двухъ только боговъ почитали. Персіяне волхвы, коихъ начальникомъ былъ Зороастръ, два начала полагали: одно доброе, другое злое. Отсюда Плутона и Аиманія называли демономъ злымъ, а Юпитера и Оромаза добрымъ, какъ пишутъ Ермиппъ,

Евдоксъ и Θеопомпъ у Діогена Лаерція. Кажется, что Платонъ послѣдовалъ волхвамъ въ книгѣ десятой своихъ законовъ, когда двѣ души въ мірѣ полагалъ, изъ коихъ отъ одной происходитъ добро, отъ другой зло. Манихеи также, какъ Августинъ въ книгѣ о ересяхъ пишетъ, два начала полагали между собою противныя: вѣчныя и совѣчныя. Подобно два существа и природы добра и зла, въ коемъ мнѣніи древнемъ они другимъ послѣдовали еретикамъ.

(2) Который Марію, тотъ и Каію Кесарю. Двухъ соединяетъ: одного злаго, другаго добраго. Безчеловѣченъ былъ Марій, милосердый Кесарь; лучшій Государь Августъ, непотребный Неронъ.

(3) Милостивымъ Государямъ. Титъ Веспасіанъ двухъ имѣлъ сыновъ: одного одноименнаго себѣ, другаго Дометіаномъ называемаго. Отецъ для всѣхъ почитался утѣшеніемъ, сынъ Титъ рода человѣческаго любовію и удовольствіемъ нареченъ у Светонія. Домитіанъ, отъ отцовскаго и братнина свойства удаленный, безчеловѣчнымъ былъ врагомъ всѣмъ.

(4) Отступнику Іуліану. Который бывши прежде Христіяниномъ, отступилъ отъ Христіянства, приведенъ будучи на то Ливаніемъ Софистомъ, и отдался въ оракулы боговъ, жребіи, волшебства и гаданія; впрочемъ мужъ добраго сердца и къ правленію государствомъ способный и искусный.

На

На главу девятуюнадесять.

(1) Война съ морскими разбойниками. По прошествіи менѣе сорока дней, со времени того, какъ Помпей отправился изъ Брундузіи, какъ пишутъ Флоръ и Цицеронъ за законъ Маниліевъ.

(2) Война съ Карѳагенцами третія. Продолжавшаяся три года.

(3) Римляне были побѣждены. Арій Преторъ и два Консула: Гн. Лентулъ и Л. Геллій, отъ Спартака побѣждены.

(4) Два Консула убиты. Л. Юлій Цесарь, и П. Рутилій, какъ повѣствуетъ Ливій.

(5) На двухъ сраженіяхъ. При озерѣ Тразименскомъ и при Каннахъ.

(6) Война съ Митридатомъ. Такъ пишетъ Флоръ, но прервана миромъ, учиненнымъ съ Силлою; возобновлена Лукулломъ, окончана Гн. Помпеемъ великимъ.

(7) Почти пятьдесятъ лѣтъ. Евтропій и Орозій щитаютъ продолженія сея войны сорокъ девять лѣтъ, Флоръ пятьдесятъ, Аппіанъ восемьдесятъ. Сіе послѣднее съ счисленіемъ Ливіевымъ сходственнѣе, который въ книгѣ двадцать третіей говоритъ, что у Римлянъ съ Самнитянами война продолжалась безъ малаго сто лѣтъ.

На главу двадесять первую.

(1) Нѣтъ опасности имѣть сообщника царству. Въ семъ мірѣ Цари боятся имѣть участниковъ государства; ибо всякая власть

участника не терпитъ, какъ говоритъ Луканъ. Но въ блаженствѣ Божіемъ вѣчномъ хотя множайшіе суть участниками, однако не меньшую всякъ имѣетъ радость, но еще тѣмъ большую.

На главу двадесять вторую.

(1) Константина Императора. Сей былъ Констанція и Елены сынъ, рожденный въ Британніи. Онъ по Филиппѣ первый Христіянскимъ былъ Государемъ, и скончался природною смертію въ Никомидіи въ лѣто государствованія своего тритцать второе.

(2) Къ сооруженію города. Константинъ, окончавъ благополучно всѣ войны, вознамѣрился построить городъ и наречь оный отъ своего имени. И сперва хотѣлъ оный построить на Сардійскомъ полѣ въ Азіи, потомъ близь Сигея въ Троидѣ основаніе оному положилъ, втретьихъ работу сію перенесъ въ Халкидонъ, и воздвигнулъ стѣны; но какъ шнуры похитили птицы и пренесли въ Византію, Ѳракійской городъ, то тамъ построенъ городъ, нареченный Константинополемъ.

(3) Демоновъ храма. Ибо Божіей Матери градъ оный посвятилъ.

(4) Въ истребленіи мучителей. Максентія и Ликинія.

(5) Граціану же. Сіе о Императорахъ Римскихъ повѣствуется у Евтропія, Павла діякона, Орозія и Помпонія Лета. Граціанъ былъ

былЪ ВалентиніановЪ сынЪ. ПротивЪ его, жившаго вЪ Тревирѣ, полки Римскіе заговорЪ учинили, избравЪ себѣ вЪ предводители нѣкоего Максима, который коварно убилЪ Граціана. ГраціанЪ былЪ крайнѣ благочестивый ХристіянинЪ.

(6) Нежели Помпею великому. Помпея Птоломеевы придворные при зрѣніи всего Александрійскаго народа вЪ лодкѣ умертвили, какЪ пишутЪ Ливій, ФлорЪ, ПлутархЪ, ЛуканЪ и АппіанЪ.

(7) Ѳеодосій отмстилЪ. ГраціанЪ Ѳеодосія Испанца, происходящаго отЪ Траяна, сЪ согласія всѣхЪ общникомЪ государства учинилЪ. Ѳеодосій, поимавЪ Максима, тогда вЪ Аквилѣ жившаго, казнилЪ.

На главу двадесять третію.

(1) Когда Максима. ВойскомЪ у Максима управлялЪ Андрагатій, искусный вЪ воинскихЪ дѣлахЪ и хитрый, котораго умыслами вЪ великія затрудненія Ѳеодосій приводимЪ былЪ.

(2) КЪ Іоанну, вЪ пустынѣ Египетской живущему. ІоаннЪ пустынникЪ, наполненЪ будучи духомЪ пророчества, какЪ другимЪ многимЪ много предсказывалЪ, такЪ и Ѳеодосію Божіими словами предрекЪ побѣду, какЪ пишетЪ ПросперЪ Аквитан. ДіяконЪ же повѣствуетЪ, что еще вЪ сомнительныхЪ бывши случаяхЪ, Ѳеодосій ѣздилЪ кЪ оному Іоанну для совѣта.

(3)

(3) Валентиніана. Граціанова брата поставилъ обладателемъ западнаго государства, котораго Арбогастъ вельможа въ Віеннѣ коварно убилъ, и поставилъ вмѣсто его Евгенія тиранна, и собравъ изъ варваровъ великое число войска, засѣлъ на переходѣ Алпійскихъ горъ, дабы не допустить Ѳеодосія пройти онымъ. Ѳеодосій, будучи весьма набоженъ, чрезъ всю ночь, которая день сраженія предваряла, не вкушая пищи, молился. Въ слѣдующій день сразился, хотя войска имѣлъ меньше, нежели непріятель, и осязаемою почти Божіею помощію непріятельское войско поразилъ, Евгенія поималъ и умертвилъ, а Арбогастъ самъ себя убилъ.

(4) Стихотворецъ Клавдіанъ. Большая часть писателей увѣряетъ, что онъ былъ Египтянинъ, первосвященникъ, человѣкъ хитрый, способный къ сочиненію стиховъ, которые и писалъ весьма изрядно; склонный къ суевѣрію, хотя находятся и о Христѣ его стихи. Сіи стихи, кои приводитъ Августинъ, обрѣтаются въ Панигирикѣ Оноріевомъ.

(5) Валентъ еретикъ. Начальникъ ереси Аріанской, Епископовъ, монаховъ и прочихъ Христіянъ жалости достойнымъ образомъ умертвилъ и мучилъ. Когда Готѳы просили принять ихъ въ Христіянскую вѣру, онъ Епископовъ послалъ Аріанской ереси.

(6) Благочестиваго смиренія. Въ Солунѣ, градѣ Македонскомъ, во время театральнаго позо-

позорища сдѣлалось смятеніе, и народомъ начальники многіе были биты. Разгнѣвавшись Θеодосій на то, повелѣлъ строгое о томъ учинить слѣдствіе. Однако по прошенію Епископовъ простилъ было оной гражданъ поступокъ. Но какъ въ числѣ народомъ обиженныхъ многіе были друзья Θеодосіевымъ придворнымъ, то придворные всѣми мѣрами довели Θеодосія до того, что онъ послалъ на Солунь войско, которое нѣсколько тысячь гражданъ побило; за которой поступокъ Амвросіи, Медіоланскій Епископъ, не удостоилъ Царя въ Воскресеніе Христово причащенія, покуда не покается. Чего для Царь, повинуясь Епископу, публично приносилъ покаяніе, и прощенъ бывши, допущенъ.

На главу двадесять четвертую.

(1) Туллій. Въ книгѣ пятой Тускуланскихъ вопросовъ.

позорища сдѣлалос а-
чальники многіе ѣ
Θеодосій на то, ѣ
учинить слѣдствіе и-
скоповъ простилъ о-
ступокъ. Но как и-
женныхъ многіе ъ
придворнымъ, т и
довели Θеодосія ъ
на Солунь войско, ь
гражданъ побило; м-
вросій, Медіоланск къ
Царя въ Воскресе и,
покуда не покаеп у-
ясь Епископу, пу е,
и прощенъ бывши

На главу дв

(1) Туллій. н-
скихъ вопросовъ.